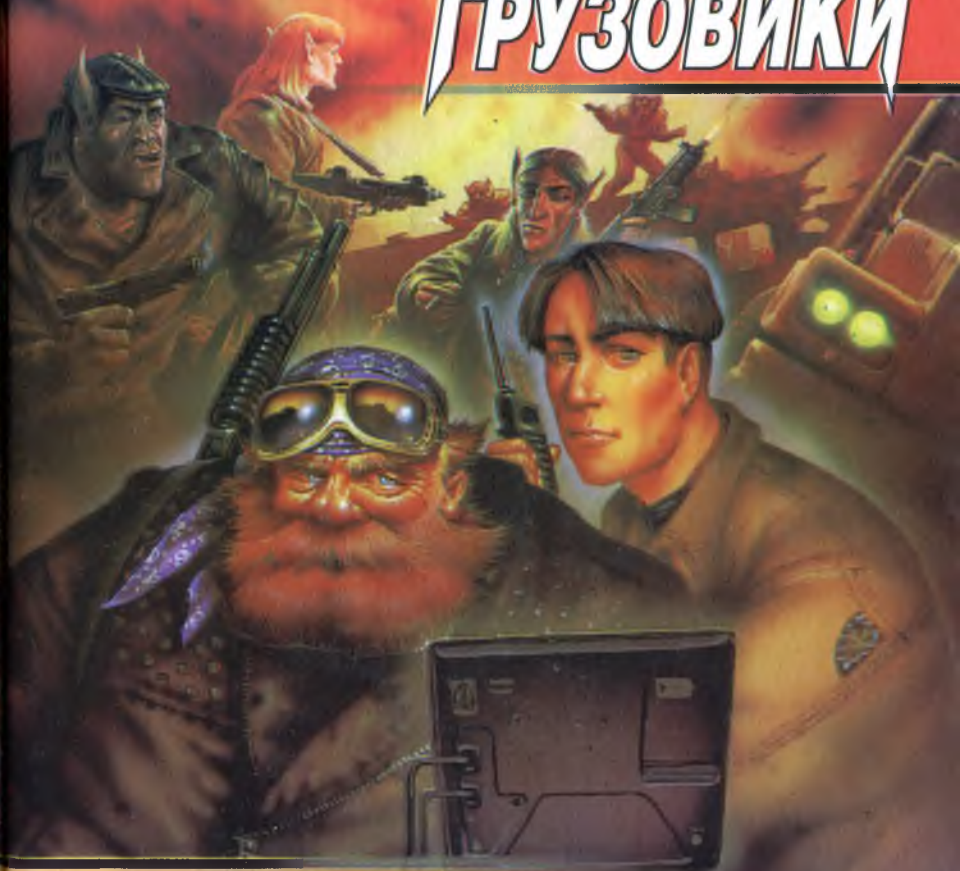

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

ОХОТА НА ДИКИЕ ГРУЗОВИКИ

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

**ОХОТА НА ДИКИЕ
ГРУЗОВИКИ,**

**ИЛИ
ТЕХНИК
БОЛЬШОГО КИЕВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **аст** • МОСКВА

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник Анатолий Дубовик

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Васильев В.

- 19 Охота на дикие грузовики, или Техник Большого
Киева: Фантастический роман. – М.: ООО “Фирма
“Издательство АСТ”, 1998. – 496 с. – (Звездный ла-
биринт).

ISBN 5-237-00412-1

В Большом Киеве – несомненный прогресс: метро, славное
орками-машинистами, доросло уже до эльфийского района
Голосеевка. В такой высокотехнологической ситуации маги-
техники, безусловно, идут на ура... и услуги одного из них
экстренно понадобились донецко-луганской общине гномов.
Только вот зачем многоопытный, дорогостоящий Пард
угледобытчикам? Как-то подозрительно. Особенно – учитывая,
что за ним явно следят. Особенно – учитывая, что знаменитый
вервольф Вольво за слишком высокую цену нанимает Парда на
сомнительную охоту на дикие грузовики...

© В. Васильев, 1998

© Обложка. А. Дубовик, 1998

© ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1998

Сканировал и создал книгу - vmakhanov

— Выше! Выше! — закричала Джейн, и дракон вильнул вверх, едва не врезавшись в высоковольтную линию. Провода задрожали от воздушной волны.

— Почему ты летишь так низко? Почему не поднимаешься?

— Мы проходим под их радаром, — проворчал Меланхтон. — Ты когда-нибудь слышала о радарх?

На горизонте выделялся темным пятном драконостроительный завод.

Майкл Суэзвик.

«Дочь железного дракона».

1

Гуальятири — Музкол

Двери подошедшего к перрону поезда с шипением разошлись, и Пард ступил на выщербленный край платформы. Весь его багаж умещался в маленькой кожаной сумке.

Пард всегда был не слишком привередливым живым. Наверное, потому, что ему приходилось очень много ездить.

«Драконостроительный завод! — подумал он, вспоминая недавнее чтение. — Надо же такое выдумать!»

Книгу Пард оставил в поезде, но запомнил название, чтобы потом как-нибудь найти и дочитать.

Хмурый эльф, изучающий расписание поездов, мельком взглянул на него. Пард, неслышно ступая, прошел мимо. Прорезиненная подошва ботинок страстно вжималась в асфальт, словно любила его сильнее всего на свете. Но она любила и мраморные полы, и открытую землю, которой в Большом Киеве становилось все меньше.

Эльф остался на перроне: Пард, забросив сумку на плечо, спустился на улицу. Поезд убедился, что никто больше не собирается войти или выйти, за-

крыл двери, коротко свистнул и тронулся. Путь его лежал дальше, в сторону Ровно и Житомира.

Это был хорошо прирученный поезд, хватило времени убедиться в этом. Пард ехал целых десять часов, с самого юга Большого Киева, где гигантский мегаполис выходит кое-где к самому Черному морю.

Внизу, на улице, Пард огляделся. Широкая привокзальная площадь была почти пустой, если не считать нескольких продавцов дорожной снеди да празднующегося носильщика. Сколько Пард себя помнил, на всех вокзалах, где ему удалось побывать, вот так же безучастно слонялся одинокий носильщик — чаще всего здоровый черный орк или ушастый гоблин с мускулистыми руками. Работа носильщику доставалась редко.

Пард свернул налево, к входу в подземку. Но не спустился, хотя гном у турникетов заметил его сквозь прозрачные двери и ждуще потянулся навстречу. Прошел мимо, дальше, к галерее. Поднялся, прошел по галерее, где обитало гулкое эхо. Ступал он по-прежнему бесшумно, и эхо так и не проснулось.

Спустя десять минут Пард был уже на площади Победы. Справа, за тушей универмага, высилась гостиница «Лыбидь».

Но и тут он не задержался, пересек широкую дорогу, не утруждаясь спуском в подземный переход, и почти сразу свернул налево, во дворы. Старые-старые дома глядели на него подслеповатыми, навверное, стеклянными еще окнами.

На улице с ржавыми металлическими полосами в булыжнике Пард огляделся. Полос под ногами было четыре. Для чего они служили — Пард не знал, хотя неоднократно видел такие же на юге, и

в Николаеве, и в Одессе. Да и на вокзале видел, вдоль перронов. Поезда носились прямо над парой этих полос.

Улица была тихой и уютной. Все те же маленькие домишки выстроились вдоль дороги в неровную шеренгу. Кое-где виднелись разноцветные вывески. Под одну из них Пард и свернул. Спустился по отполированным до гладкости ступеням и оказался в таверне.

Внутри царил сумрак; рассеянный свет лился всего от двух светильников из десяти. Тяжелые столы льнули к расписанным стенам. Хозяин, дородный человек в фартуке, сразу поспешил навстречу.

— Добрый день, сударь! Чего желаете?

Говорил хозяин вежливо, но не подобострастно, и это Парду понравилось.

— Жилья. Ну и, понятно, стола на все это время.

— Пожалуйста! Цены у нас внятные, никто не жалуется, и обслуживание на высоте. Как долго вы пробудете в Центре?

— Еще не знаю. Может быть, я здесь останусь навсегда. Я заплачу пока за неделю, ладно?

— Как угодно! Сейчас я приготовлю комнату, а вы садитесь, садитесь, уважаемый.

И в сторону:

— Эй, Гринь! Обед подай посетителю!

И снова Парду:

— У вас будет какой-нибудь специальный заказ? Сегодня у нас отбивные с жареным картофелем и крабовый салат. Ну и по мелочи всякое...

— Все из консервов? — скорее утвердительно, чем вопросительно уточнил Пард.

Хозяин только руками развел. М-да. В самом деле — ну откуда здесь, в Центре Большого Киева, свежати́на? Впрочем, тут ее как раз можно найти, но за такие деньги, что и думать не хотелось.

— Подавайте, — вздохнул Пард. — И отбивные, и мелочи.

Мелочей хватило, чтобы уставить весь стол. Пища оказалась на удивление вкусной — в этой таверне действительно умели готовить. Даже из консервов.

Комнату Парду выделили на третьем этаже. Дальнюю, угловую. Обстановку составляли только изрядно продавленная кровать да колченогий стул. Зато из окна виднелся купол цирка.

Пард не знал, что такое «цирк». Просто это здание всегда называли цирком.

Комната Парду понравилась, точно так же, как и местная стряпня.

Из второго окна открывался вид на улицу, ту самую, где в булыжник неведомо кто неведомо когда уложил несколько стальных полос. Неведомо с какой целью. Пард лениво поглазел на редких прохожих и повалился на застеленную коричневым пледом кровать.

Хорошее место. Судер не зря порекомендовал Парду эту таверну, а Пард не зря внял рекомендации Судера. Вряд ли удалось бы найти что-нибудь приличное так близко к Центру и за такие деньги. В «Лыбиди» — пожалуйста, но тамошние цены лучше и не вспоминать. Лишь богатеям по карману.

Он не был бедным живым. Скорее наоборот. Но тратить столько денег на жилье, сколько драли в «Лыбиди», считал пустым расточительством.

Лежа в уютной кровати, Пард расслабился. Сонное настроение всегда нападало на него в тавернах. Особенно после плотного обеда.

Он сам не заметил, как провалился в шаткий дневной сон.

...Спустившись к ужину, Пард нашел таверну наполовину заполненной. Дородный хозяин кивнул ему, словно старому знакомому, и сразу крикнул Гриню, чтобы накрывал ужин. Пард устроился за тем же столом, что и в обед. Рядом с ним сосредоточенно поглощали размороженную индейку два гнома, рыжий и чернявый, оба в кожаных куртках с бляшками. Коротко стриженные бороды поблескивали от жира, а челюсти под мясистыми носами работали с мерностью роторных экскаваторов. Судя по груде костей в центре стола, это была уже не первая индейка. И рядом стояла пара пятилитровых бочонков подольского пива. Третий, еще не опорожненный, пристроился подле индейки. То один гном, то другой подносил объемистую кружку к изящному деревянному крану в виде разинувшего пасть дракона, надавливал на драконий гребень. Струя подольского с клокотанием вырывалась из отверстой пасти, отчего Парду казалось, что несчастное животное блюет. Интересно, какому умнику пришло в голову делать кран в виде зверя? Пусть даже и несуществующего.

Пард вежливо кивнул гномам, приложив руку к сердцу. Те кивнули в ответ, тоже вполне вежливо и доброжелательно, насколько это можно было сделать с индюшачьей ножкой в зубах.

Ему тоже подали индейку с горошком и сыром. И пиво. Подольское, темное. Такое всегда продавали на Контрактовой площади, у гостиного двора. Сколько раз Пард с Можаем или Яром сворачивали

в знакомую арку, пересекали площадь и оказывались у приземистой пивной с потемневшей вывеской над дубовой дверью: «Старый Подол». На Подоле всегда жило много гномов, на Подоле и под Владимирской Горкой. И на Печерске еще, где под асфальтом улиц сетью раскинулись такие обширные подземелья, что ахнул бы любой знаток недр, любой техник-спелеолог.

Гномы присматривали за порядком в метро, заодно взимая плату с пассажиров, хотя особых хлопот наука и техника подземки им не доставляли. Поезда ходили сами, длинные эскалаторы центральных станций тоже не требовали участия живых (как и любая техника в пределах Большого Киева), на станциях шевелились машины-уборщики, и Пард сомневался, что за ними нужен особый надзор.

Машины в Большом Киеве все делали сами. Потому что были частью техники, непостижимой для большинства киевлян вещи, и будь ты хоть гномом из метро, хоть эльфом из Дарницких парков или Голосеевки, хоть гоблином или первым на Оболони виргом, никогда техника не слушает тебя.

Если ты не техник. Если тебе неподвластны формулы.

Пард вздохнул и принялся за индейку с горошком и сыром. От сытного ужина и крепкого пива его снова начало клонить в сон, а на ночь глядя идти за научным оборудованием Пард не собирался. С утра. Все с утра.

В номер он заказал еще пива и не слишком сопротивлялся сладкой дремоте, что напознала на сознание. Лень было даже раздеваться.

И еще. Если за ним все же следят — пусть ломают голову над его бездействием.

2

Музкол — Чимборасо

Когда Пард проснулся, за окном только-только занимался рассвет. В доме стояла вязкая тишина, словно в заброшенной нежилой шахте.

«Не нужно было днем спать», — лениво подумал Пард.

Сон испарился окончательно и бесповоротно. Пард выполз из недр кровати и подошел к окну. В смутном сером сумраке шевелились полуразмытые тени.

«Прогуляться, что ли...»

Он еще сомневался. Таверна небось закрыта на семьдесят замков, да и половина из них — научные, без нужной формулы не откроешь. А формулы там мудреные, не просто металлический ключ с бородками. Пард видел замки, реагирующие на прикосновение пальца одного-единственного человека, на голос или на внешность, а то и на все сразу. Короче, если в науке и технике ты не силен, замок такой не откроешь ни в жизнь.

Пард оделся, секунду постоял над сумкой и решил оружия не брать. Все-таки Киев, самый

Центр... Не Кавказ все-таки. А случись что — так и оружие не поможет.

Он закрыл дверь на ключ — обыкновенный, тот, что дал ему хозяин, защемив дверью клочок бумаги, хорошо заметный любому балбесу, и едва различимый волосок, который обнаружил бы только прожженный профессионал. Дверь встала на место бесшумно, словно петли смазали перед самым приездом Парда. Он на секунду замер, вздохнул и, проклиная свою мнительность, побрел по коридору. У двери, той, что вела на просторный балкон, Пард задержался. Осторожно протянул руку и толкнул дверь.

Она открылась совершенно беззвучно.

Пард с сомнением покачал головой.

Дверь в курительную тоже не издала ни скрипа, ни писка. И дверь в боковое крыло. А двери в другие комнаты Пард проверять уже не стал. Скорее всего в таверне просто кто-то следит за элементарной техникой вроде дверных петель.

Спокойствие так и не пришло, и Пард сердился на себя. Сколько раз он убеждался: из ста мелочей, которые он заставлял себя проделывать, девяносто девять оказывались в итоге бесполезной тратой времени и сил. Но оставалась та самая важная, сотая мелочь, которая часто спасала все дело. А иногда — и жизнь. Хотя поначалу казалась столь же бесполезной, как и предыдущие девяносто девять.

В зале таверны горел единственный светильник — длинная люминесцентная лампа дневного света. Такими охотно пользовались и техники, и ученые высших степеней. Хозяин таверны либо прибегал к услугам кого-нибудь из посвященных,

либо ему была известна формула замены ламп и стартеров. Пард, например, знал эту формулу, как и еще несколько десятков таких же простейших.

Входная дверь, конечно, оказалась запертой. Но устройство замка позволяло отпереть ее изнутри и потом захлопнуть снаружи. Тоже одна из простейших формул. Правда, потом Пард не смог бы самостоятельно попасть внутрь, но он рассчитывал вернуться спустя несколько часов, когда обслуга уже проснется.

На улице было не по-апрельски прохладно. Пард поежился и поплотнее запахнулся в куртку.

Стояла сонная утренняя тишина. И лишь на проспекте урчали ночные грузовики, транзитом несущиеся с юга на Брест-Литву, да еще слышался далекий пересвист поездов на вокзале.

Пард свернул налево и еще раз налево, ко Львовской площади. Улица взбиралась вверх по склону холма. Если идти никуда не сворачивая, он в конце концов попал бы на Большую Житомирскую, но сейчас туда идти было совершенно незачем. Поэтому Пард дошел только до метро. Заспанный гном в форменной тужурке «Шкляр-Метрополитен» как раз отпирал замки, прячущиеся в серых металлических накладках на прозрачных дверях из научной пластмассы.

— В метро? — спросил гном с надеждой. Кажется, ему смертельно хотелось пива, да только не на что купить.

— В метро, — подтвердил Пард.

— Полгривны. — Гном протянул руку. Пард кинул монетку в морщинистую, похожую на совковую лопату ладонь.

— Проходи, вон там, у кабинки...

Пард направился к крайнему турникету, где был отключен хитрый научный механизм, не позволяющий пройти без монетки.

Гном за дверями пронзительно свистнул. От крайнего ларька с напитками и легкой закуской, на вид — закрытого и темного, тут же отделилась фигура продавца. В руке у того, как и следовало ожидать, виднелась продолговатая бутылка.

«Да, — подумал Пард. — Вот и решай, если с деньгой напряг: либо всухую езжай на метро, либо хлебни пивка и тащись пешком».

Бутылка пива в Центре Большого Киева стояла ровно полгривны.

На площади Льва Толстого Пард пересел на оболонскую ветку. Здесь станции были старше, чем на печерской линии, и казались почему-то неизмеримо более мрачными. Четыре перегона — и лишенный интонаций голос поезда сообщил:

«Автовокзал. Следующая — Голосеевский парк, проход к эльфийским дендрариям и пересадка на линию «Теремки — Васильков».

«Надо же! — изумился Пард. — Теремковская уже до Голосеевки докопалась! Растет метро!»

На «Автовокзале» он вышел и поднялся на Московскую площадь. Поток утренних грузовиков с юга по широкой размашистой дуге огибал бетонно-стеклянное здание автовокзала. Там уже копошился народ — большею частью люди и орки из Белой Церкви с мешками самовыращенной картошки да ранние донецкие гномы.

Пард сменял в ближайшей палатке гривну на четыре четвертака и направился к телефонам. Седобородый гном в серой телогрейке с надписью «Донецк Шахтер» проводил его уважительным

взглядом. Похоже, он не знал формулы телефонных звонков, хотя был явно старше Парда, короткоживущего человека.

Сняв трубку, Пард пробежался пальцами по клавиатурному блоку.

«Введите номер», — милостиво позволил телефон.

Он ввел.

«Секундочку, контрольный прозвон».

Научная автоматика телефона проверяла, истинный номер ввел Пард или же наобум наколотил десяток цифр.

«Абонент отвечает, опустите, пожалуйста, двадцать пять копеек в паз».

Он послушно сунул четвертак в жадно щелкнувший монетоприемник.

«Соединение», — теперь и в трубке щелкнуло.

— Алле, — сказал Пард, как того требовала формула телефонного разговора. — Будьте добры, Гонзу Аранзабала. Спрашивает Пард...

— Это я, старик, — перебил Гонза. — Как добрался?

— Прекрасно. — Он расслабился. Теперь, выполнив все условности формулы, по телефону можно было просто говорить так, будто они с Гонзой встретились лично. — Я готов. Давай номер ячейки, начну сегодня же.

— Номер шестьсот сорок семь, южный сектор. Код ты знаешь.

— Знаю. Привет Липе.

— Передам обязательно. Послезавтра, как обычно, на Петровке.

— Народ-то все еще собирается?

— А куда ему, народу, деваться? — Гонза смешно хрюкнул, как умели только чистокровные

гоблины. — Король опять из своего Тирасполя приперся. Приторговывает помалу «Днестровским»... Пытает Можая... Наташка уже рычать на него начала!

Пард ностальгически вздохнул:

— Ладно. Шестьсот сорок семь, южный сектор.

— Правильно.

— Я пошел.

Он уже отнял трубку от уха, когда услышал голос Гонзы:

— Эй, Пард!

Чуть было не опущенная трубка вернулась к уху.

— Чего?

— Удачи.

Он хмыкнул. И повесил трубку.

«Телефонные коммуникации Пушкар благодарят вас за использование городской техники», — высветил телефон на экранчике.

Пард не обратил на это внимания. Кто в здравом уме станет разговаривать с телефоном? Техник или ученый — не станет. Потому что телефонам приказывают, но не разговаривают с ними. А чуждый формулам и технике — тот просто не сумеет приказать. Точнее, телефон такому не подчинится.

Твердо ступая, он направился к южному входу, туда, где мигала мерцающая даже в ярком свете наступившего утра надпись: «Камеры хранения». И ниже: «Южный сектор».

Еще один четвертак пошел на оплату входа — щуплый половинчик (что среди половинчиков, любителей хорошо покушать, редкость), не отрываясь от журнала, махнул рукой:

— Шестая сотня там...

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Пард и, скосив глаза, прочел название журнала: «ТВ-Парк».

«Половинчик, а читает эльфийские издания. — Пард вздохнул. — Ну и времена настали! И кстати, строго говоря, шестьсот сорок седьмая ячейка — в седьмой сотне, а не в шестой».

Половинчику на тонкости счетной науки, именуемой «математика», было явно наплевать. «Шестьсот» — значит, шестая сотня. Впрочем, здесь считать могли и с нуля, что было по-научному неверно, зато очень удобно на практике.

Следующий четвертак сожрала ячейка — после того, как опознала и сравнила введенный Пардом код на отпирание. Поскольку он делал все строго по нужной формуле, ячейка послушно отворилась.

Внутри стояла сумка с портативным компьютером, мощный фонарь, пистолет и обоймы к нему, сотовый телефон.

И все.

Пард хмыкнул. Этого вполне достаточно технику средней руки, чтобы выжить в Большом Киеве. В любой его части, даже в Центре.

Фонарь он сунул в сумку, рядом пристроил свернутый в плотное кольцо шнур, посредством которого компьютер или другую научную вещь подключали к источнику техники — гнезду. Такое гнездо легко было отыскать в любой комнате любого дома — безразлично, обитаемый дом или нет. Конкретно этот компьютер мог некоторое время работать и без шнура, поскольку внутри у него имелся свой маленький источник техники. Но того нужно было постоянно подкармливать из других источников, неисчерпаемых, тех, что находятся в домах. Тогда маленький внутренний источник на-

полнялся техникой и снова мог некоторое время питать компьютер.

Пистолет, обоймы и телефон Пард рассовал по карманам куртки.

Итак, теперь он на славу экипирован. Можно начинать.

Заглянув в пустую камеру еще раз, он обнаружил именно то, чего и ожидал: маленький клочок бумаги с аккуратно напечатанной строкой.

«Linraen Sotiefandale, эльф, гост. «Славутич», нр. 1207».

Пард хмыкнул. Понятно. Отвлекающий маневр, пустышка. Нужно оставить какое-нибудь бессмысленное, но на вид таинственное сообщение этому Линразну, а живущий где-нибудь по соседству Гонза поглядит, кто этим заинтересуется. Сам Гонза, понятно, останется в тени.

Пард запомнил имя эльфа, номер комнаты в «Славутиче» и вернулся ко входу в метро, но спускаться не стал, хотя гном у турникетов глядел на него с легкой надеждой и легкой грустью.

«Кажется, все гномы в Центре с утра страдают похмельем и безденежьем», — подумал он мимоходом.

— Простите, любезный, — послышался скрипучий, как с плохой наукой машина, голос.

Пард медленно обернулся, держа сумку с компьютером в левой руке, а правую ненавязчиво сунул под полу куртки. К карману с пистолетом.

Позади стоял давешний донецкий гном в телогрейке. Этот похмельем отнюдь не страдал, маленькие его глазки живо поблескивали.

— Простите, любезный, — повторил гном. — Вы ведь техник?

— Ну, допустим, — ответил Пард озадаченно. Гном разговаривал чересчур вежливо, и это почему-то настораживало.

— Нам нужен техник, нашей общине. Донецк — Луганск, работа нетрудная — оборудование угледобычи. А платим хорошо.

— Я слабо разбираюсь в формулах угледобычи, — честно признался Пард.

— У нас есть формулы... В книгах. И в файло-теке. Вы разберетесь.

— А сколько платите? — спросил Пард с неожиданно вспыхнувшим даже для себя интересом. — Учтите, я дорого стою. Очень дорого.

— Ну... — Тут гном замаялся. Видно было, что он из всех сил соображает, сколько же предложить, да так, чтобы и наемника удовлетворить, и общину внакладе не оставить. — Ну... Сотни две-три в неделю. Как?

Пард отрицательно покачал головой:

— Мало, уважаемый. Я за сегодняшнее утро заработал больше. Да и потратил тоже.

Откровенно говоря, сегодня он потратил всего-то чуть больше гривны, но вчера за жилье заплатил действительно больше, чем сейчас предлагал гном. А тому всю правду знать совсем не обязательно — все равно ведь Пард не пошел бы к шахтерам на работу.

В глазах гнома отразилась легкая печаль — наверное, донецкой общине и впрямь очень нужен был техник, но много платить они, конечно же, не могли.

— Да и нанят я уже — давно и надолго. Простите, — закрутился Пард и собрался отвернуться.

— А вы не можете кого-нибудь из начинающих техников порекомендовать? — без особой надежды

спросил гном-шахтер. — Кто бы согласился на наши деньги?

Пард честно задумался. Кого порекомендовать? Может, Алвисиды? Но как его найти? Поди догадайся, где его сейчас носит. Последний раз Алвисид мелькнул полгода назад в Одессе. Всего полгода. Целых полгода.

— Я не тороплю. — Гном суетливо сунул руку в карман телогрейки, отчего Пард непроизвольно напрягся. Но гном достал всего лишь кожаный бумажник — довольно дорогой, особенно если сопоставить его с телогрейкой.

— Вот, возьмите. Обращаться можно в любое время.

Пард взглянул на протянутую визитку — кусочек пластика с нанесенным адресом общины и именем гнома. Гнома звали Далес Нундаль; адрес был, конечно же, донецкий. Визитка явно стоила недешево. Странная община, имеют визитки и даже рискуют раздавать их первым встречным, а не могут себе позволить приличного техника нанять.

— Хорошо, — пообещал Пард, пряча визитку в карман. Тот, что оттягивала вороненая сталь пистолета.

Тут к платформам автовокзала подкатил высокий двухэтажный автобус, сверкающий зеленоватой эмалью. Над лобовыми стеклами виднелась надпись: «Киев — Донецк — Луганск». Автобус был абсолютно пуст. Перед левым лобовым стеклом медленно поворачивался руль.

— До встречи! — Гном попрощался и заспешил к автобусу. У дверей, пока еще закрытых, уже толпились желающие уехать. От здания автовокзала

медленно и величаво выступал половинчик с кондукторской сумкой на животе.

Пард пожал плечами и вновь обернулся к дороге.

Странная встреча. Уж не прощупывают ли его? Надо будет переправить визитку Гонзе, пусть проверят этих угледобытчиков. И заодно просветят саму визитку на предмет каких-нибудь фокусов научной нанотехнологии. Он слышал, некая группа шустрых техников в Харькове сильно поднатрела в микросистемах, да и из Большого Лондона некоторые хитрые вещицы стали встречаться все чаще и чаще.

Странно было осознавать, что наука не стоит на месте. Непривычно.

Хотя именно поэтому Пард и объявился в Центре Большого Киева. Поэтому и за этим.

Машину он остановил довольно быстро — низкий седан модели «Черкассы». Пард отворил дверцу и сел внутрь. На переднее сиденье. Посреди пульта мерцал экран, очень похожий на матрицу переносного компьютера. На экране наличествовала бородастая физиономия. Сначала Пард принял его за человека, но когда физиономия произнесла первое слово и обнаружилось, что борода скрывает выступающие из нижней челюсти клыки, он понял: перед ним вирг.

— Утречко доброе, — поздоровался вирг. — Куда направляемся?

— Площадь Победы, к цирку.

— Пятерка, — сказал вирг.

— Годится. — Пард улыбнулся.

— Опустите деньги, — попросил вирг ровным голосом, но выговаривая слова быстро-быстро. — у меня еще десяток машин на канале.

Пард достал пятигривную купюру и сунул в узкую щель рядом с экраном. Физиономия на экране удовлетворенно кивнула; на пульте погас индикатор блокировки управляющих и вспыхнул индикатор удаленного контроля.

«Интересно, — отстраненно подумал Пард. — Сколько жителей Большого Киева способны понять то, что сейчас произошло?»

Наверняка не очень много. И практически все они — техники в той или иной мере. Возможно, и говоривший с ним хозяин-вирг понимает это. Но столь же возможно, что и не понимает, а просто заучил некую последовательность действий и выполняет ее изо дня в день. Вряд ли эту машину-легковушку приручил он лично. Хотя кто знает? Среди виргов немало магистров приручения, да и простые техники встречаются толковые.

Пятерка канула в недрах дорожного сейфа. Вирг, разблокировав управление, тут же отключился. Получив разрешение на старт, машина сверилась с маршрутизатором, запустила двигатель и влилась в не слишком плотный поток транспорта на дороге к мосту, в сторону бульвара Дружбы Народов.

За мостом Пард пересел за руль, выключил удаленный контроль, обнулил маршрутизатор и перехватил управление машиной на себя. Машина пискнула, но, почувствовав уверенную руку, подчинилась без излишней истерики.

Вместо того чтобы свернуть налево, к стадиону и Крещатику, он повел присмирившую легковушку прямо. К мосту Патона.

На мост Пард выскочил на приличной скорости. Грузовики, урча, равномерно ползли по сред-

нему ряду. Пард их обгонял и вообще держался в левом ряду, у осевой. То и дело он поглядывал в зеркало, но хвоста не заметил. Да скорее всего хвоста и не было. Но Пард все равно поглядывал — еще одна мелочь из числа девяноста девяти...

На левом берегу он влился в сложную развязку, сразу за мостом, и остановил притихшие «Черкасы» у гостиницы «Славутич».

Здесь тоже драли приличные деньги, хотя и не столь безумные, как в «Лыбиди». Впрочем, его напарник, гоблин Гонза Аранзабал, платил за гостиницу из собственного кармана. Да и вообще вопреки распространенному мнению о гоблинской расе любил комфорт и удобства.

У длинной, под красное дерево стойки дежурил одинокий портье-ламис с выражением неодолимой скуки на физиономии.

Пард вытащил пять гривен и изобразил на собственной физиономии готовность задать вопрос. Портье тут же изобразил готовность ответить — пятерку он заметил бы даже с закрытыми глазами. Наверное, гостиничная услуга чувствует деньги нюхом.

— В каком номере живет эльф Линраэн, уважаемый?

Лицо портье тут же сделалось задумчивым. Для такой информации пятерки было явно маловато, а Пард не желал швырять деньги на ветер.

— Я могу ему оставить письмо?

Портье оживился — такой вариант его вполне устраивал.

— Да, конечно.

И положил на стойку лист специальной писчей бумаги. Пард достал простенькую ручку «Бик» и размашисто начертил на листе:

«Lin, ta addulimae ess' potto halix. Nuy Kiev ess' Big Ural Stalker, toyo saedinna Dekabristov, 67. Alae Pard Zamarippa kighart' noo».

И столь же размашисто расписался. Потом сложил лист особым образом, так, чтобы получился аккуратный прямоугольный конверт, лизнул покрытый специальным клеем край листа и намертво запечатал. Сверху разборчиво указал имя адресата: «Linraen Sotiefandale» и, улыбаясь, протянул конверт вместе с пятеркой портье. Тот с улыбкой принял и чуть заметно склонил голову. Пард сделал ему ручкой и, беззаботно посвистывая, вышел наружу. «Черкасы» послушно ждали его у подъезда.

Машины любили его. И слушались. Почти всегда.

Отъехав от «Славутича», Пард двинул вдоль русановских набережных. На Русановке жили в основном речные эльфы, их здесь насчитывалось больше, чем кого бы то ни было. Стройные, похожие на свечи многоэтажки являли миру громадные окна. Большею частью многоэтажки пустовали, но кое-где выделялись окна жилых квартир. И чистыми стеклами выделялись, и пестрыми занавесочками.

Около Левобережной Пард вышел из машины. На площади вытянулись торговые ряды; притворяясь, будто собирается что-нибудь купить, он неторопливо пошел вдоль внешнего ряда, лениво разглядывая прилавки. В момент его приближения продавцы оживлялись, но почему-то никто не пытался расхваливать свой товар. Видно, Пард выглядел как-то по-особому. Неместным он выглядел. Даже заговорить с ним не решались.

Покрутившись на площади, Пард вернулся к машине. Нет хвоста. Нет. Ну и ладно.

— Эй, шади! Ты спешишь?

Он медленно обернулся. Шади, значит.

Словом «шади» черные орки и орки-полукровки называли чистокровных людей. И это было обидное слово. Поэтому Пард даже не колебался.

Он быстро и сноровисто вытащил из кармана пистолет, в полуобороте щелкнул затвором и выстрелил. Один из двух орков, стоявших у него за спиной, переломился пополам и свалился на асфальт. Второй присел от неожиданности, зачарованно глядя, как под телом его товарища медленно расползается лужица густо-коричневой крови.

— Ты, кажется, что-то сказал? — холодно спросил Пард. Орк в ужасе попятился:

— Нет... Нет... Это он, он сказал...

Пард криво усмехнулся. Злорадно. Но орка никто не тянул за язык. Обратился бы по-доброму, по-живому — не схлопотал бы пулю в брюхо. Пускай даже на орочьем наречии, но только не как к шади, а как к ахташу. А нет — лежи на асфальте и жди смерти.

Ведь смерть никогда не медлит.

На площади с полминуты было тихо, но в конце концов к Парду потеряли интерес. И торговцы, и прохожие. Стычки на улицах в Большом Киеве не такая уж и редкость. Пард объявился в чужом районе. И всем ясно дал понять: к нему лучше не соваться. Кажется, местная шпана это осознала. Когда он отъезжал, «Черкаassy» проводили осторожными взглядами.

Пард мысленно поставил еще одну галочку в мысленном же списке первоочередных дел.

Машины он бросил у Андреевского спуска. Не забыв, естественно, оживить маршрутизатор и

включить удаленку. На экране тотчас возник негодующий вирг-хозяин, но Пард сунул в щель-приемник еще одну пятигривновую купюру, и пока тот соображал, что к чему, вылез наружу. Смачно хлопнул дверцей. Машина тихонько пискнула.

— Бывай, — сказал ей Пард и шлепнул ладонью по крыше. Он думал, что «Черкаassy» опять пискнут, но они не издали ни звука: рванули по Владимирской так, что задымилась резина.

Пард засмеялся. И пошел следом. Но уже на Большой Житомирской свернул направо.

Через полчаса он вошел в свою комнату.

Сторожевой клочок бумаги был на месте. А вот волоска на месте не оказалось.

За ним все-таки следили.

3

Чимборасо — Торо

Вечером в таверну заглянул очень выразительный посетитель. В зале он просидел всего пару минут, и хорошо, что Пард заметил его сразу же, едва тот зашел.

Это был рослый вирг; на правом глазу у него темнела повязка. Вирг не остановился на пороге, как это делают все, кто впервые приходит в какую-нибудь таверну. Он сразу подошел к столику, где, словно оцепенев, сидел пожилой человек. Еще не старик, но уже очень близко подобравшийся к размытой черте, за которой начинается старость короткоживущего. И еще: его чересчур темная кожа выдавала слабую примесь чужой крови, скорее всего орочьей. Пард на него не обращал ни малейшего внимания, но помнил, что вчера он сидел за тем же столиком, что и сегодня.

Вирг присел рядом. Темнокожий человек коротко кивнул в сторону Парда.

Целую минуту вирг глядел в другой угол. Но в конце концов все же взглянул прямо на Парда. В глаза.

То, что Пард сразу перехватил его взгляд, могло удивить вирга. Но ни тени удивления не промельк-

нуло на бесстрастном, наискось перечеркнутом темной повязкой лице. А потом вирг встал и так же стремительно покинул таверну.

Парду показалось, что в зале облегченно вздохнули сразу все. Кроме него самого, не знавшего одноглазого вирга.

Когда Гринь, парень-работник, прибирал посуду, Пард негромко спросил:

— Кто это был, а?

Гринь вздрогнул и звякнул тарелками. Потом в некотором замешательстве уставился на него:

— Спросите об этом лучше у хозяина, уважаемый...

Не требовалось научного микроскопа, чтобы увидеть: Гринь боится. И не просто боится, а очень, очень боится сегодняшнего гостя. До такой степени, что даже имя его вслух произносить не хочет.

— Ладно, — сказал Пард равнодушно (впрочем, равнодушие его было наигранным). — Спрошу.

Допив пиво, он поискал взглядом хозяина. Тот, хмурый донельзя, общался с двумя мрачными типами; один из них тоже был виргом, только у этого с глазами оказался полнейший порядок. Похоже, сия парочка прошла в зал через заднюю дверь и кухню. По крайней мере удалились они в том же направлении и больше не показывались.

Хозяин подошел к Парду сам:

— Послушайте, уважаемый...

Настроения хозяину не добавил ни один из сегодняшних визитов. Явно.

— Если бы живые Жерсона не сказали мне, что вас за сегодняшнее не тронут, я бы попросил вас выселиться. У меня приличное заведение, а не притон для убийц. И тому же Жерсону я ис-

правно плачу. Но Жерсон сказал, что тот орк был сам виноват, а второго вы не тронули. Подробности мне ни к чему, но я не люблю, когда люди Жерсона приходят ко мне лишний раз. И уж тем более мне не по нраву, что Жерсон впервые появился лично.

— Жерсон, — уточнил Пард с прежним напускным равнодушием, — это тот здоровый одноглазый вирг?

Хозяин поморщился:

— Честно говоря, Жерсон может рассердиться и за меньшее. А всем, на кого сердится Жерсон, я изо всех сил не завидую. Это мои последние слова о... ну, вы понимаете.

— Хорошо, — пообещал Пард вполне искренне. — Я постараюсь больше никого не убивать. Но если мне придется туго... вы меня тоже поймите.

Ему незачем было убивать теперь. Уже — незачем. Жерсон даже пожаловал лично, чтобы взглянуть на Парда...

Хозяин молча развернулся и ушел к стойке. Спина его выражала неудовольствие, и не требовалась излишняя догадливость, чтобы это сообразить.

Имя «Жерсон» Пард запомнил накрепко. Он даже надеяться не мог, что пришлым техником так быстро заинтересуется столь крупная рыба. А чтобы представить вес и влияние Жерсона в Центре Большого Киева, не нужно было обладать особенным воображением.

Прекрасно выспавшись в эту ночь, с утра Пард отыскал в комнате источник техники и подключил к нему компьютер. Потом с помощью специального переходника подключил к компьютеру телефон. Свой, сотовый, потому что отдельная линия теле-

фонной станции вряд ли когда-нибудь прорастет в комнате небольшой таверны.

Он ни на что особо не надеялся. Найти Техника Большого Киева в сети — дело практически безнадежное. Пард просто хотел оставить след. Как и в случае с невежливыми орками. Только след. Чтобы Техник Большого Киева заметил. Внимание, так сказать, обратил. Еще одна галочка в мысленном списке.

Пард очень старался оставить след, при этом сохраняя видимость, что никакого следа он оставить не желает.

@big kiev list %

В ответ на запрос головной сервер Большого Киева вывалил на Парда немереный лист пользователей Киевских сетей. Ясен пень, что Техник Большого Киева там не значился.

@search user%
#enter names, pls%
@big kiev technician%

Компьютер на миг притих, скачивая ответ на запрос.

#access not allowed%
#enter you password, pls%

Паролей Пард, понятно, никаких не знал. Но верил, что у Техника Большого Киева развешено достаточно следящих программ, чтобы сразу засесть попытку поиска.

Если честно, то на входе у Парда сидел такой вир-годав, что за собственную анонимность можно было не опасаться. Любой сканирующий доступ отрубался на корню. Изящное решение, плод непредсказуемой фантазии Пустовойтова, старого приятеля.

Сканирующий свалился по линии спустя полторы минуты. И не тупорылый АОН, определитель городского телефонного номера, вещь в принципе тривиальная. Это оказалась координатная сетка с отчетом по каждому узелку и сочленению, продукт изощренных техников Большого Киева, специалистов по компьютерам. Программу, наверное, приучить было труднее трудного, но асы Большого Киева могли многое. И умели не меньше. Пард раньше имел дело с программами, прирученными в Большом Киеве. На редкость послушные программы...

Но Пустовойтова тоже не под DOS'ом сформатировали. Прирученные им охранки были исполнены в лучших традициях броневых программных щитов.

Едва сканирующий подцепился к линии сотового телефона Парда, компьютер выдал в сеть сложный пакет, который, во-вторых, обрубил линию, а во-первых — выдал многомерное эхо. А после этого номер звонящего не обнаружил бы и самый вышколенный АОН Большого Киева.

Пустовойтов был прекрасным мастером, и если бы не чрезмерное пристрастие к пиву Центра Большой Праги, давно бы уже находился среди лучших техников Центра Большой Москвы. А так — сидел потихоньку в Перово и дрессировал с Дубовым несложные программки всяким уродам на продажу, а для хорошо проверенных клиентов приручал маленькие шедевры клавиатуры, винта и экрана.

В общем, когда сторожевой сканирующий попытался отследить номер, с которого запрашивали Техника Большого Киева, получил он в качестве номера всяческую кашу из служебных символов. И сильно этим озадачился.

А к этому моменту сотовый телефон Парда давно разразился короткими гудками, а сам Пард радостно потер ладони друг о друга.

Четвертая галочка. Четвертая. Дело продвигается!

С воодушевлением позавтракав, он прихватил пистолет и телефон и отправился на профилактическую прогулку. Определенной цели Пард не преследовал — просто нельзя было проявлять пассивное ожидание. Ожидание действий со стороны соперников. А что может быть лучше прогулки без всякой цели? Когда соперник ломает голову, а тому, кто гуляет, остается только втихую посмеиваться.

Неторопливо поглядывая на витрины работающих лавочек, Пард дефилировал по бульвару Шевченко. Вверх, к Бессарабке. Редкие прохожие бросали на него беглые, скользящие взгляды; он отвечал им тем же.

Напротив ботанического сада стояла и громко общалась целая толпа молодых эльфов — почему-то даже громко разговаривающие эльфы не кажутся шумными. Эльфам Пард улыбнулся; все как один выглядели молодыми, но поди разберись, сколько им на самом деле лет? Вот этой девчонке, например, совсем юной с виду? Может, двадцать. Может, тридцать. А может, и пятьсот — эльфы всегда жили дольше представителей других рас. Как правило — дольше.

Девчонка ответила Парду загадочной улыбкой, а голоса эльфов вскоре затихли вдали, поглотились шумом Большого Киева — урчанием катящихся по бульвару машин, шагами киевлян, криками птиц, что темной крапчатой стаей кружились над садом.

Увидев вывеску «Дюрандаль: Компьютеры на заказ», он не раздумывая толкнул прозрачную дверь — не то стеклянную, не то пластиковую. На встречу сразу же шагнул вышколенный эльф.

— Добрый день, сударь! Я могу чем-нибудь помочь?

— Простите, — вежливо спросил Пард первое, что пришло в голову. — Нельзя ли от вас позвонить?

Эльф подозрительно смерил его взглядом. Видимо, неброская одежда плохо сочеталась с подобной просьбой.

— Позвонить? Пожалуйста. Аппарат вон та...

— Спасибо, — перебил Пард и немедленно извлек из кармана трубку сотового телефона. Щелкнул гибкий усик выдвинутой антенны.

Лицо эльфа вытянулось, и подозрительность мгновенно улетучилась.

Пард наугад набрал номер Можая. Поднял трубку Гремлин и сонно сообщил, что хозяина нет и до завтра не будет, что передать? Пард ответил — ничего — и отключился. Эльф минуту назад тактично отошел в сторонку и теперь бесцельно елозил манипулятором по крысодрому, уставившись в экран работающего компьютера.

«Кстати, — подумал Пард. — Я ведь хотел дискет купить, еще в Николаеве».

Выбрав коробку «Олех», он расплатился; теперь эльф приветливо улыбался уже с минуту. Пригласил заходить еще. Пард на всякий случай пообе-

щал — любой техник все равно часто появляется в компьютерных салонах.

Дойдя до Бессарабки, он свернул налево, на Крещатик. Высокие старые дома недвижимо застыли вдоль широкой мостовой. Сколько им лет — Пард даже боялся представить. Самые первые эльфы помнили их уже выросшими. Наверное, именно с них начинался Большой Киев.

На Крещатике все и всегда было дорого. От пива в цилиндрических ларечках до офисов на первых этажах зданий. Нигде больше Пард не сталкивался с такой разнообразной и пышной рекламой, как здесь. Рекламировалось все: эльфийские драгоценности, оружие, машины, компьютеры, кухня половинчиков, одежда, лекарства, девочки любой расы, напитки, часы — словом, все, что только можно вообразить и пожелать.

Кроме одного. Формул. Научных и технических формул. Главной ценности в Большом Киеве. Да и за его пределами, насколько Пард мог судить по нескольким поездкам в Москву, в самый Центр.

Большая Москва, кстати, размерами превосходила Киев. Хотя Киев был куда старше.

Орк-подросток навел на Парда объектив «Полароида»; Пард машинально потянулся к карману с пистолетом, но тут же расслабился, в душе ругнувшись на рефлексy. Не хватало еще застрелить пацана, подрабатывающего уличной фотографией.

— Вот, сударь, глядите! Чудесный снимок! Всего гривна! — Орк протягивал Парду квадратик, выползший из аппарата.

— Чудесный, говоришь? — Пард мельком взглянул на фотографию. Она пока оставалась

черной, не проявившейся. — Откуда ты знаешь? Тут ни хрена не видно.

— Снимок действительно чудесный, господин! Я не делаю плохих кадров, не сомневайтесь.

На светлеющей фотографии начали смутно проступать полуразмытые силуэты, одному из которых суждено было стать Пардом, остальным — прохожими; фоном снимку служили несущиеся по дороге машины и невозмутимые громады домов на Крещатике.

Пард достал гривну и обменял ее на пластиковый квадратик, изображение на котором становилось все четче и красочнее. Вскоре обнаружилось, что у Парда закрыты глаза. Похоже, он моргнул в момент съемки.

— Так тебя! — ругнулся Пард, но орка с «Полароидом» уже и след простыл. — Мастер, тля!

Посреди бела дня Парда обули на целую гривну. В самом Центре Киева.

Но, если разобраться, где еще найдутся лучшие мастера обути беспечного обывателя, как не здесь?

Прохожие равнодушно обтекали вставшего посреди тротуара Парда.

— Ладно, — буркнул он сквозь зубы. — Будем считать это платным уроком.

Напротив «Днепра» Пард выцедил кружку пива в небольшой забегаловке, где ошивались в основном половинчики. Пиво было вкусное. Половинчики — равнодушными. На Парда никто не обращал внимания.

Сделав вид, что кого-то ждет, он купил свежую газету «Вечерний Киев» и принялся с ленцой ее просматривать, не забывая иногда зыркать по сторонам.

Минут через десять он вычислил неприметного живого, уже в третий раз неторопливо прошедшего мимо забегаловки по тротуару. Похоже, человека, точнее — человечка. Вид у человечка был рассеянный, но Пард сразу почуял в нем шпика. И закрылся газетой.

Просидев с полчаса, он расплатился, поозирался для порядка у выхода — шпика, едва Пард встал из-за столика, как ветром сдуло. Куда он нырнул?

Ага, вон туда скорее всего.

У подземного перехода стекленела крошечная закусочная с бутербродами и сосисками. За мутным полупрозрачным пластиком расплывались чьи-то силуэты. Вот этот, пожалуй, и есть тот шпик. Спиной стоит, делает вид, что до Парда ему вовсе нет дела...

Пард быстро спустился в переход, бегом перебежал на противоположную сторону и свернул за угол, к «Ледышке». Две хорошенькие девчушки, караулившие клиента-толстосума, проводили его удивленными взглядами. Взбежав по ступеням, он спрятался за колоннами.

Спустя несколько минут шпик бесшумно взбежал по тем же ступеням. Парда он не видел.

А вот дальше он поступил совсем не так, как ожидалось.

Шпик развернулся и исчез в переходе. На противоположной стороне он не появлялся, по крайней мере Пард не заметил, чтобы он выходил.

Выждав, Пард достал пистолет, сунул его под полу куртки и спустился в переход.

Там было пусто.

4

Торо — Ильимани

Недели две Пард валял дурака — шлялся по Центру, бесцельно, но со значительным видом. Заглянул на Петровку, попил с Гюнзой и Королем «Днестровского», покутил с Можаем на Подоле. Отдал визитку донецкого гнома на экспертизу. Дважды он замечал слежку, во второй раз за ним в отдалении следовал старый знакомый, тот самый шпик, что канул неизвестно куда в переходе на Крещатике. Следили за Пардом осторожно и ненавязчиво. И ничего не мешали делать.

Через день Пард позвонил Гонзе и сообщил, что новостей нет. Сотовый телефон могли прослушивать, поэтому он ни о чем серьезном не говорил.

В таверне с ним начали здороваться завсегда-таи — те самые гномы в кожаных куртках с бляшками, мрачный полувирг Зеппелин, хольфинг по кличке Мина, девчонки-орки с рынка на соседней улице, каждый день ужинавшие именно здесь. Хозяин после визита Жерсона несколько оттаял и снова стал относиться к нему благожелательно, тем более что Пард без напоминаний заплатил за вторую неделю.

Больше всего он общался с гномами. Те ежевечерне съедали по индейке и выпивали пару боцонков пива. На почве пива Пард с ними и сошелся.

Рыжего гнома звали Бюскермолен, чернявого — Реллофсен. Всю жизнь оба занимались охотой на дикие машины, в основном на грузовики. Оба родились в Карпатах, в том районе Большого Киева, который издавна звался Львовом. Бюскермолену было сто двенадцать лет, Реллофсену — семьдесят восемь. Оба оказались по-гноми рассудительны и по-житейски мудры. Именно от них Пард узнал о предстоящей большой охоте.

Сам Вольво, знаменитейший в Киеве и за его пределами охотник на грузовики и магистр приручения, затевал очередной отлов дизельных дикарей. Как всегда — с размахом и тщательной подготовкой, свойственной всем долгоживущим. Бюскермолен и Реллофсен специально приехали из Львова, где им пришлось провести последние полгода. Вольво брал только опытных и тертых жизнью в основную команду. Грузовики все-таки не шутка... Оба гнома успели заработать прекрасную репутацию в среде профессиональных охотников, и их Вольво просто однажды пригласил в свою постоянную команду.

Как выяснилось, многие участники будущей охоты жили здесь же, в таверне, рядом с Пардом. Тот же полувирг Зеппелин, загонщик, или хольфинг Мина — специалист-сапер. Гномы сначала решили, что Пард тоже охотник, но ему пришлось разочаровать новых знакомых. Впрочем, тем было по большому счету все равно, чем занимается их сосед.

Вскоре хольфингов стало двое: к Мине присоединился его закадычный приятель по прозвищу Беленький. Хольфинги-полугномы почему-то всегда пользовались прозвищами вместо имен. С более высокими сородичами-охотниками они вальяжно раскланивались; Парду просто кивали.

Тот не возражал.

На остальных обитателей таверны охотники обращали мало внимания. Пард оказался единственным посторонним, с кем они разговаривали. Их общество вполне его устраивало: охотникам не было дела до его затей, а притвориться охотником вряд ли удалось бы даже самому искушенному шпику.

В среду утром таверну всколыхнула новость: с утра Вольво собрался наведаться и поговорить со своей командой лично. Гномы за завтраком даже пива выпили меньше, чем обыкновенно выпивали.

На завтрак Пард ходил редко — чаще всего он спал чуть не до полудня. Но по такому поводу встал пораньше и спустился в зал. Бюскермолен, Роелофсен, Мина, Беленький, Зеппелин, двое людей-охотников и бойкий половинчик азартно обсуждали предполагаемые планы мастера Вольво. Гномы и хольфинги стояли за выезд на Вышгородское шоссе; люди и половинчик полагали, что мастер направит взор в сторону Броваров или Борисполя; Зеппелин, по обыкновению, отмалчивался.

Пард, кивнув народу, уселся с краю обширного стола. Охотники продолжали шумно спорить, причем Парду показалось, что им не так уж и важно, куда именно отправится Вольво. Им просто нравилось спорить о любимом деле.

Они и спорили. Спустя несколько минут кому-то пришлось в голову спросить мнение Парда как не-

зависимого живого. Тот пожал плечами и поинтересовался — зачем куда-то ездить, если грузовиков полно и здесь, на Брест-Литовском? Охотники оживились, обрадовались и наперебой стали объяснять, что в Центре охота запрещена, потому что движение на том же Брест-Литовском сразу нарушится, и одна жизнь знает, что тогда произойдет. Охотиться следует за пределами Центра — на широких внешних шоссе, где по бокам гладкой дороги тянутся ряды приземистых коттеджей и боковые улицы тоже куда шире, чем в Центре. Там есть шанс столкнуть грузовик с трассы, погонять его по закоулкам и в конце концов взять. Либо загнав в тупик, либо высадив в его кабину парочку смельчаков-машиноловов, специалистов по приручению. Самого Вольво, к примеру, или его ближайших подручных, вот Бюса или Роела.

В лице Парда эти суровые живые, привыкшие иметь дело с могучими машинами, нашли благодарного слушателя. Он никогда раньше не видел настоящей охоты на серьезную машину. Так, мелочь всякую иногда добывали николаевские кустари-умельцы, но до серьезной добычи дело никогда не доходило.

Вольво появился около одиннадцати, когда споры пошли уже чуть ли не по третьему кругу. Высокого вирга приветствовали зычным «Хуммм!!» и дружным ревом, да так, что с высокого потолка посыпалась труха и пыль. Даже хозяин таверны и Гринь-работник вплели голоса в первое приветствие. Вольво тут же усадили за лучший стол, Гринь, натужно сопя, прикатил бочонок подольского, охотники со стульями моментально подтянулись, и скоро за столом уже сидела плотная толпа —

вирги, гномы, хольфинги, люди, орки и полуорки... Половинчик — и тот один был. Только ни единого эльфа Пард не заметил.

Да и вообще они в эту таверну заходили крайне редко.

Пард остался у облюбованного за неделю с лишним стола. В конце концов он здесь совсем по другому поводу. Охота — вещь интересная, что и говорить... Да только Пард не охотник. Он техник, если еще его новые приятели-гномы не догадались. Впрочем, техник тоже нужен на охоте. Но мастер Вольво кого попало не пригласит. Наверняка у него есть на примете сильные технари, прошедшие не одну охоту.

— Эй, Пард! — Утробный бас Бюскермолена вырвал его из раздумий. — Давай сюда!

И добавил на своем наречии, обращаясь к полугномам-хольфингам:

— Also! Beweg dich, mach Platz! Guck nur mal, wie man sich da breitgemacht hat!

Пард вопросительно взглянул на рыжего гнома. Потом встал, поднял стул за резную спинку, твердым шагом подошел к столу, втиснул стул в образовавшуюся щель и сел между Бюскермоленом и Миной.

Вольво пристально оглядел Парда и подал твердую, словно пластмассовую, ладонь.

— Я — Олесь Вольво, магистр приручения. Полагаю, ты обо мне слышал.

— Слышал, — подтвердил Пард, отвечая на рукопожатие. Как он и ожидал, хватка у Вольво была железная. — Не очень много, но слышал.

— Представь, и я о тебе слышал, — неожиданно сказал Вольво.

Пард вопросительно приподнял брови:

— Обо мне? От кого?

— От Жерсона.

Пард растерялся. Что общего у Вольво, мастера-охотника, с крупным киевским бандитом? Ах да, они же вирги... Живые этой расы всегда поддерживали друг друга, даже если один был голытьба привокзальная, а другой — делец с Крещатика. Впрочем, среди привокзальной голытьбы поразительно мало виргов. Можно сказать, вообще нет...

— От Жерсона? — переспросил Пард, чтобы выиграть время.

— От Жерсона.

Длинные клыки выступали у Вольво из-под нижней губы. Все вирги из-за этого выглядели свирепо. Взгляд упрямо цеплялся за них; Пард пересилил себя и посмотрел на Вольво. Глаза у того были маленькие, глубоко посаженные и колючие. Шапка прямых и жестких черных волос покрывала голову вирга, словно шоферский шлем.

— И что он обо мне говорил? — спросил Пард вяло.

— Говорил, что ты смелый живой. Мне нужны смелые на охоте.

— Я не охотник.

Вольво улыбнулся, отчего стали видны не только нижние, но и верхние клыки. Какой-нибудь впечатлительный половинчик-домосед точно упал бы от этого зрелища в обморок.

— Я тоже не всегда был охотником. Да и сейчас я не всегда охотник.

Пард пожал плечами:

— А чем я могу быть полезен?

— Ты ведь техник? Или даже ученый?

— Только техник, — неохотно признался Пард. Неохотно. Старательно играя, как актер на сцене. Ему было нужно, чтобы в таверне прозвучало слово «техник» применительно к нему, Парду, и было нужно, чтобы у всех осталось впечатление, будто он предпочел бы это скрыть, да не получилось.

— Какая же охота без техников? У меня их двое, кроме меня самого. И вечно у всех работы по уши. Как насчет найма?

— А вдруг я плохой техник? Никуда вдруг не годный?

— Никуда не годный техник за две сотни гривен в две секунды нанялся бы не то что к донецким гномам, а даже на рудники в Норильск. Без колебаний.

Пард вздохнул. Вольво был неплохо осведомлен о его похождениях на этой неделе.

— Ты, конечно же, стоишь куда больше двух сотен в месяц, так ведь? Иначе ты бы уже давно сидел в шахте за пультом.

— Ну, допустим.

— Пять сотен, — сказал Вольво. — На первый раз. Отличишься — плату удвою.

Пард задумался. Охота займет от силы два-три дня. А вероятнее всего — вообще один, прихватив ночь. Пять сотен за день. Да плюс такая реклама, что весь Центр всколыхнется. Предложение Вольво — редчайшая удача, но опять же Парду нужно было для виду поломаться и изобразить раздумье.

— А проверка? Не возьмешь же ты меня на охоту без всякой проверки?

— Не возьму, — подтвердил Вольво. — А за проверкой дело не станет.

И повысил голос:

— Тим!

За соседним столом вскинулся молодой вирг в круглых очках и с аккуратной бородкой; лет тридцати, не больше. Он преданно уставился на Вольво.

— Принеси-ка комп.

Молодой вирг молниеносно исчез за дверью и так же молниеносно вернулся.

На стол лег плоский черный брикет портативного компьютера. Порывистым быстрым движением Вольво откинул экран-матрицу.

— Знакомая вещь?

Пард кивнул:

— Конечно.

Щелчок; экран компьютера засветился, по нему пробежала череда строчек.

«Шустрая штуковина! — Он приятно поразился скорости загрузки. — Раза в два шустрее моей».

— Это «Рух-про», восьмерка. Работал на таких?

— Нет, — честно сознался Пард. — Я таких и не видел еще ни разу. Но он ведь совместим со стандартными формулами? Просто быстрее работает, да?

— Точно! — подтвердил Вольво.

Гномы, хольфинги — все живые, охотники и не охотники, затаив дыхание следили за происходящим.

— Итак! — Вольво щелкнул пальцами. — Позавчера из Мариуполя вышла колонна грузовых «Кенсуортов». Найди их.

Пард задумчиво потянул «Рух» на себя. Найти...

— А сеть? Как я войду в сеть? Здесь что, радиомодем?

Вольво снова улыбнулся:

— Нет. Формулу инфрапорта знаешь?

— Знаю, — растерялся Пард. — А где здесь передатчик?

Вольво указал пальцем на стойку, за которой хлопотал хозяин:

— Там.

Незаметный глазок инфракрасного линк-порта прятался не то где-то среди бутылок, не то в недрах шкафов.

Пальцы Парда исполнили привычный танец на клавиатуре. Инфрапорт ожил, нащупал невидимым лучом передатчик и послушно слинковался с базовой киевской сетью.

@big kiev liist% — запросил Пард.

#incorrect request% — равнодушно отозвалась сеть.

Пард взглянул на экран, тихо выругался, убил в слове «liist» лишнюю «i» и повторил запрос.

#enter names, pls% — отозвалась сеть.

Пард подумал и запросил все о грузовых перевозках в пределах Большого Киева. Вклинившись в статистику южного сектора, нашел мариупольские файлы и выяснил, сколько «Кенсуортов» позавчера ушло в рейс. Оказалось, восемь: один во Львов, на родину гномов-приятелей, а остальные в Центр. Эти семь и были нужны Парду.

Он пофиксил бортовые номера, благо они все шли подряд, и стал по очереди запрашивать дорожные серверы, сверяясь с картой основных трасс Большого Киева. Везде, где колонна проходила мимо станций слежения и контроля, «Кенсуорты» оставляли невидимый и неошутимый след.

Но Пард был техником. И он умел идти даже по невидимым следам.

След терялся сразу за Черкассами.

— Готово, — сказал он Вольво, отодвигая компьютер. — Семь «Кенсуортов» из Мариуполя, номера вот, на экране. Сейчас они где-то между Черкассами и Золотоношей, на перегоне. Полагаю, завтра к утру будут в Центре. Подойдут, ясное дело, со стороны Борисполя.

Половинчик, участник вчерашнего спора о месте охоты, пихнул Мину под ребра и победно взглянул на Бюскермолена.

— И ты еще сомневался, подойдешь мне или нет? — спросил Вольво. — Весьма впечатляющая работа! Формулы удаленного доступа для тебя явно не внове...

Пард неопределенно пожал плечами. Впрочем, он сам был доволен своей работой.

— Считаю, что ты нанят. Сегодня познакомлю тебя с остальной командой загонщиков. А завтра с утра — в дело. Бюс, не забудь его разбудить! Людей свежатиной не корми, дай до полудня поспать...

Пард улыбнулся в ответ на жутковатый оскал вирга.

«И как ему эти зубищи не мешают?» — совершенно не к месту подумал Пард.

— Добро, мастер. Постараюсь не проспать.

— Ну и замечательно. Тогда к делу. Основная группа — саперы, Бюс, Роел, Саграда и Михай — у аэропорта, на стоянке. Там будут ждать Банник и Лазука на джипах, Тип-Топыч и Ас на ручных грузовиках; это группа сопровождения. Зеппелин — ты дальше на трассе, в случае чего будешь идти перед колонной и не пускать ее в боковые. «Цундап» твой еще скрипит, не развалился?

— Не скрипит, мастер. Он научился воровать смазку в гаражах...

Компания за столом дружно взорвалась смехом; видно, «Цундап» Зеппелина был всеобщим и давним любимцем.

— Ну и прекрасно! — Вольво впервые отхлебнул из бокала, все время стоявшего у его правого локтя. Бокал был серебряный. — Начнем у поворота на Васильков, как всегда...

Вольво просидел в таверне до шести вечера. Пард постепенно утратил интерес к спорам за столом, потому что спорили о вещах малопонятных, таких, как «ведущий колонны», «жесткая дистанция» и «аварийный график». Если в техники-загонщики Пард еще кое-как годился, да и то под чьим-нибудь руководством, то работа оперативной группы представлялась ему полнейшей загадкой.

В шесть Вольво встал из-за стола:

— Эй, Пард! Пойдем познакомлю тебя с коллегам...

У таверны к тротуару приткнулся приземистый «Днепр». За рулем скучал сонный орк. Странно, но его Пард прекрасно знал.

— Вася! — воскликнул Пард. — Ты что, в Центре теперь?

Черный орк Вася по кличке «Секс» вострепнулся. Сколько раз Пард куролесил с ним в Одессе! На машинах и без...

— Урод! — поздоровался Вася. — А ты что, не знал?

— Откуда мне знать? — Пард шлепнул по выставленной в окно ладони. От шлепка «Днепр» очнулся и беспокойно завибрировал. Но едва рукоятки на двери коснулась рука Вольво, машина ус-

покоилась и, похоже, вознамерилась опять вздремнуть. Вася не дал: завел двигатель.

— Ты ценный живой, Пард, — сказал Вольво негромко, — хоть ты и человек. У тебя много знакомств.

— Да это мой старый приятель... — Пард недоуменно пожал плечами. — Случайность, не более.

Вольво усмехнулся:

— Когда ты поймешь, что в мире не бывает случайностей, поздравь себя.

— Ладно, — ответил Пард не задумываясь, — поздравлю...

Вольво засмеялся. Потом неувловимым движением извлек из кармана телефон, такой же модели, как и у Парда, и быстро набрал номер.

— Иланд? В Экспоцентр, к техникам. Я нанял еще одного спеца...

Снова пиликание телефона: Вольво набрал очередной номер.

— Экспо? Валентина мне...

Пауза.

— Валь? Я нашел третьего техника-загонщика. Едем, подготовь имитатор... Ну, значит, разбуди, какие проблемы?

«Днепр» тронулся. Справа мелькнуло увенчанное полусферическим куполом здание цирка. За «Днепром» неотрывно следовал угловатый джип, выкрашенный грязно-серой краской с разводами. Скорее всего охрана. Все-таки Вольво был важной персоной Большого Киева. Лучшим охотником на крупную дичь: грузовики-дальнобойщики.

Орк Вася не слишком утруждал себя: «Днепр», прекрасно обученная легковушка, мчала сама, Вася только сонно следил, чтобы она не вошла в

раж и не ехала чересчур быстро, да чтобы не затевала гонок с норовистыми попутными.

Спустя четверть часа «Днепр» и серый джип подкатили к кубическому зданию Экспоцентра. Охранник-эльф у шлагбаума мгновенно освободил проезд. Вольво здесь, конечно, знали.

Новенький и поэтому все еще восторженный лифт вознес Вольво и Парда на тринадцатый этаж. Вася остался внизу, сразу же направившись в буфет, а охранники так и не вылезли из джипа.

Набрав на кодовом замке формулу входа, Вольво отворил дверь.

— Прощу. — Он широким жестом пригласил Парда внутрь.

Столько аппаратуры и компьютеров в одном месте Пард еще ни разу в жизни не видел. Навстречу из-за стола встал хрупкий полуэльф в дымчатых очках.

— Валентин! — зычно сказал Вольво, обращаясь к полуэльфу. — Это Пард, техник с юга. Завтра будет работать с вами в сцепке. Обучи его всему, что понадобится...

Полуэльф-техник кивнул; Вольво тотчас вышел в коридор. Сухо щелкнул, закрываясь, научный цифровой замок.

В комнате, кроме Валентина, находился еще один полуэльф. Звали его Сергеем.

— Ты знаком с формулами регулировки уличного движения? — начал Валентин без предисловий. — Нет? Тогда будем знакомиться. Первым делом управление светофорами в восточном секторе Центра... Вот, садись. Знакомая техника?

Компьютер был самый обычный. Правда, мощный и хорошо обученный. Мечта техника. И про-

граммы у полуэльфов имелись весьма полезные. Пард порадовался, что успел купить дискеты...

В таверну Парда подвезли двое мрачных эльфов-охранников на джипе. Уже вечером. Одного из них, если Пард правильно запомнил, звали Иланд. Успело стемнеть, и включенные фары джипа выхватывали из мутной полутьмы стволы придорожных деревьев, мусорные баки, исписанные аэрозольными баллончиками стены домов и редких пешеходов. В Центре, да и во всем Большом Киеве, с наступлением темноты редко кто ходил в одиночку.

— Ну как? — спросил Бюскермолен Парда, едва тот опустился на стул перед уже принесенным ужином.

— Порядок, — удовлетворенно отозвался тот. — Голова только пухнет, а так — порядок.

— Давай, подкрепишься — и баиньки. Завтра подниму до света.

Реллофсен, жуя, кивнул. А если два гнома сказали тебе, что поднимут рано, значит, поспать не удастся даже до рассвета.

5

Ильимани — Ильямпу

Громкий стук в дверь вырвал Парда из крепкого сна. Рука привычно метнулась к лежащему под подушкой пистолету, но тут сознание включилось, и Пард понял, что это приятели-гномы. Пришли его будить.

— Пард! — послышался голос Бюскермолена. — Вставай!

Гном даже не пытался понижать голос: басил зычно и громко, словно торговка на рынке. Видно, его не слишком волновало, проснутся соседи или нет. Долгий утренний сон был присущ в этом мире разве что людям, остальные расы имели обыкновение просыпаться и вставать с рассветом. Или даже раньше. Гномы обычно вставали раньше.

— Сейчас открою! — ответил Пард, выползая из кроватной ложбины и отбрасывая одеяло.

«Вот, блин, несправедливость! — подумал он с досадой. — Почему я не гном? Спал бы меньше, жил бы дольше...»

У людей на жизнь совсем не оставалось времени. Да и не так много его отпускалось человеческому роду. Другое дело — эльфы... Или хотя бы

гномы. Да что там эльфы, любой орк, вирг или гоблин проживет минимум впятеро дольше любого человека. Разве что нарвется на чью-нибудь пулю или нож.

Несправедливо.

Пард накинул куртку и открыл дверь. Бюскермолен, полностью одетый, шагнул в проем.

— Давай шевелись. У тебя десять минут. Внизу тебя ждет бутерброд и кружка пива.

Роелофсен стоял недалеко, опершись могучим плечом о чей-то косяк, и, как и вчера, что-то сосредоточенно жевал.

— Ага... — Пард протяжно зевнул. Десяти минут ему хватало с лихвой.

Гномы ушли в таверну. Дверь Пард закрыл, по обыкновению оставив явную бумажку и неявный волосок. Компьютер он брать не стал — Валентин сказал, что завтра все будет под руками и так. А вот пистолет и телефон Пард сунул в боковые карманы. Охота все-таки... Впрочем, пистолет против грузовика все равно не поможет. С другой стороны, у него слишком мало опыта, чтобы судить об этом с достаточной уверенностью.

Он спустился в зал; гномы сидели за облюбованным столом и торопливо потягивали пиво.

«Чего это они перед охотой? — подумал Пард вскользя. — А впрочем, что гному кружка пива? Комариный укус, да и только».

Он наскоро сжевал бутерброд с толстым ломтем размороженной ветчины и выцедил подольское. На душе посветлело, несмотря на то что пиво было темное.

— Все, пошли... — Бюскермолен решительно встал.

Сверху спускался Зеппелин, на ходу застегивая кожаную куртку. Половинчик, хольфинги и остальные гномы уже высыпали на улицу. Зевающий Гринь придерживал входную дверь. В намертво ввинченной в потемневшее дерево скобе болтался прицепленный за дужку дряхлый замок. Древний, навесной. Раньше Пард его не замечал.

Ждать пришлось совсем недолго — к таверне стали подкатывать приземистые охотничьи машины — «Хортицы», «Говерлы», «Кажаны», пара трехтонных «Ингулов» и даже одна «Припять». Охотники быстро рассаживались по салонам.

— Давай двигайся. — Бюскермолен подтолкнул Парда к «Припяти», а сам полез вслед за Роелофсеном в серебристый трехместный «Кажан»-пикап.

Впрочем, Пард и сам уже понял, что «Припять» — это подвижный компьютерный научный центр. Дверь фургончика распахнулась, и оттуда выпрыгнул Валентин. Даже с улицы было заметно, что фургончик набит аппаратурой под самую завязку.

Место Парду отвели в дальнем углу; маленький вертящийся табурет перед экраном стандартного терминала. Всего терминалов в «Припяти» насчитывалось три; за остальными разместились вчерашние знакомые полуэльфы. Вольво, ясное дело, занял место за сервер-маткой. Экранов там было аж шесть, но Валентин вчера говорил, что шести маловато и Вольво собирается заказать сервер-матку помощнее. Пожалуй, сказал Валентин, придется менять и «Припять» тоже, хотя на что можно заменить «Припять», не представляли даже бывалые техники-полуэльфы из команды Вольво.

Окошки в кунге «Припяти» были маленькие да еще вдобавок густо зарешеченные. Даже когда стало потихоньку рассветать, Парду мало что удавалось рассмотреть сквозь них. Смутно мелькали все те же деревья да расписанные стены и баки, потому что ехали боковыми улочками. То ли водители, то ли машины были ушлыми и хорошо знали Центр. Первое место, которое Пард узнал, — выезд на Московский мост; второе — кольцо перед Троещиной. У кольца охотничья колонна взяла вправо. Почему Вольво выбрал этот путь — осталось загадкой. Парду всегда казалось, что через мост Метро к Бориспольской трассе и ближе добираться, и удобнее. Или даже через мост Патона. Но Вольво предпочел забрать севернее.

Вскоре Центр остался позади, строения стали ниже и стояли не так плотно. «Хортицы», «Говерлы», «Ингулы» и «Кажаны» мчали по гладкой дороге, изредка обгоняя попутные грузовики. Легкие. Среди них попадались и дикие, с наглухо заваренными кабинами, с печатями на дверных ручках. Но легкие грузовики Вольво не интересовали. Его манила дичь покрупнее — дальнобойные трехосные монстры с тяжелыми тушами трейлеров, опирающихся на стальные седла. Не «Газоны» и «Зилки» из Большой Москвы, и даже не местные «Кразы» — а высокие «Мерсы», «Кенсуорты», «Ивеко», «Ситроены», «Форды» и даже минские «Супермазы», хотя последние приручались хуже и вообще обладали нестойким и капризным нравом.

Сегодня предстояло охотиться на семерку «Кенсуортов» из Мариуполя. Понятно, что Вольво избрал дикие грузовики. Вообще-то все дальнобой-

щики дикие. Если такой грузовик и удастся приручить, его гоняют по Большому Киеву с солидной охраной и, понятно, никакие данные о рейсах прирученных грузовиков в статистику перевозок не попадают. Можно копаться в файлах хоть до скончания мира и не встретить ни единого упоминания о ручном грузовике на трассе. И вместе с тем в густонаселенных районах Большого Киева сплошь и рядом замечаешь на улицах прирученных гигантов, солидно и уверенно ползущих по делам своих хозяев...

«Интересно, что эти «Кенсуорты» везут?» — подумал Пард, вжавшись спиной в хромированную стойку и глядя в окошко. За окошком мелькала буйная зелень и трехэтажные коттеджи.

Груз изловленных грузовиков становился законной добычей охотников. Сами машины Вольво перегонял на Выставку, где их обучали, тренировали не бояться живых и вытравливали ненависть к живым из их непостижимых механических душ. На Выставке варились лучшие в Большом Киеве специалисты по приручению, магистры. И без сомнений, Вольво будет сотрудничать с лучшими из них, с элитой. Впрочем, он явно уже сговорился с кем-нибудь, и можно смело ставить сто против одного, что кто-нибудь из этих заклинателей железа сегодня присутствует на охоте. Едет в одной из машин впереди «Припяти». И наверное, точно так же поглядывает в окно.

У поворота на аэропорт Вольво потянулся к черной шишке переговорника. Такой же черный витой шнур соединял переговорник и серверматку, словно диковинная спиральная лиана.

— «Припят», первая готовность. Перекрестный по группам, начали...

Эфир немедленно отозвался голосом Бюскермолена:

— «Кажан»-два, готовность, вышли на позицию, ждем отмашки.

— Принято.

— «Говерла»-два, — без паузы вклинился Зепелин. — Завожу «Цундап»...

— Принято.

— Саперы, есть готовность...

Голоса хольфингов отдавали стужей — нервы у этой низкорослой братии, похоже, были толщиной с буксирный трос.

— Сопровождение, заводимся...

— Перехват, готовность...

По одному охотники выходили на связь и докладывались. Вольво сейчас напоминал Парду гигантского паука, сидящего в центре ловчей сети и готового среагировать на малейшее дрожание любой из нитей.

— Ну, — Валентин выдохнул и потер ладони друг о друга, — начали!

Пард одновременно с полуэльфами коснулся клавиатуры.

Валентин шастал в сети, сосредоточенно и настойчиво обходя защиту сигнальной системы бориспольского сектора. Сергей-полуэльф и Пард старательно его поддерживали: запирали сторожевых церберов, затыкали или закольцовывали готовых завопить на весь Большой Киев аларм-тревожников, расчищали дорогу, обламывая неопытных техников, если таковые на дороге нехстати попадались.

— Есть перехват! — буднично сообщил Валентин Вольво-предводителю.

— Отлично, — проворчал вирг. — Где они?

— Прошли сто седьмой; это перед Городищем, — немедленно отозвался Сергей.

— Зеленая волна, конечно, катится перед ними?

— Ага. «Кенсуорты» идут в этой самой волне чуть не с Золотоноши.

— Пусть идут пока. — Вольво прокрутил на одном из экранов план бориспольского сектора, пристально взгляделся в переплетение ниточек-трасс и принял решение.

— Дашь красный на светофоре у поворота на Бердникова; Зеппелин пошел по полукольцу. Бюс, Роел, на мост через Бердникова. Тип-Топыч, Ас, гоните к боковушкам, запрете трассу, когда они пройдут. Валь, поищи подходящий тупик в пределах двух-трех миль, да чтоб там ничего важного не базировалось, смотри, а то опять разнесут полквартала по камешку, так их по кумполу...

Саграда и Михай пропустили джип Банника; воодушевленный джип понесся по трассе прочь от Центра, навстречу колонне. Пард уголком глаза наблюдал за крайним обзорным экраном серверматки. Вольво на него тоже то и дело поглядывал.

— Начинаю отсекай случайников, — сказал Сергей, быстро шелестя клавиатурой.

Колонна «Кенсуортов» прошла очередной перекресток на зеленый свет; едва расписанный золотом трейлер последнего грузовика мелькнул у светофора, тот переключился на красный. Идущие следом машины вынуждены были притормозить.

На перпендикулярных дорогах уже стояли наготове джипы охотников; один пристроился в хвост семерке «Кенсуортов» и потихоньку следовал за ними, остальные вопреки правилам стояли на перекрестке и не пускали за грузовиками случайных ездовых. Громко ревели клаксоны больших машин и тональные сигнальчики легковушек.

— Все, можете двигать, — спустя минуту позволил Вольво. Джипы тут же радостно дернулись с мест, отпирая движение.

Система регулировки уличного движения уже почувствовала неладное и пыталась восстановить равновесие, пока что без запуска экстренных конфигов. Валентин, Сергей и Пард старательно пудрили ей буферы; покамест успешно, потому что экстренные система все еще не считала необходимым привлечь.

«Кенсуорты» вели себя спокойно: шли по трассе с прежней скоростью, до сих пор находясь в зеленой волне. Откуда им было знать, что волна сразу за их колонной обрубается охотниками?

Зеппелин на пожилом «Цундапе» вырулил откуда-то из боковых ответвлений трассы и понесся перед головным «Кенсуортом». Непохоже, чтобы это особенно встревожило колонну...

— Прекрасно, живые. — Вольво оставался спокойным, хотя азарт охоты начинал захватывать и его. Что касается полуэльфов-техников, то у этих давно уже горели глаза, а движения стали выверенными, точными и самодостаточными, как у больших хищников из эльфийских парков.

Джип и два легких грузовика выскочили на встречную полосу. Она была пустой — манипуля-

ции со светофорами увели весь встречный поток с трассы. Охотники позаботились об этом заранее.

Дикие грузовики заподозрили подвох, когда Тип-Топыч и Ас на вышколенных трехтонных «Ингулах» стали методично втираться в стройную колонну «Кенсуортов», разбивая ее на две части. Вскоре это удалось: три отсеченных «Кенсуорта» вынуждены были притормаживать, отпуская первую четверку вперед. «Ингулы» шли борт в борт, перекрывая трассу. И потихоньку гасили скорость. Джип Лазуки повис на хвосте у головной четверки и медленно отрывался. «Кенсуорты» начали рыскать, пытаясь найти щель между «Ингулами» и втиснуться в нее, но Ас и Тип-Топыч знали дело: трехтонки, виляя рамами, тут же затыкали щели. Конечно, тяжелый «Кенсуорт» легко мог дать по газам и просто смять оба «Ингула», столкнуть их на обочину ко всем чертям, и ничего бы водители «Ингулов» не поделали. Но... Так ведут себя либо хорошо обученные грузовики, либо отдавшие управление живым. Дикие вряд ли решились бы на такое.

«Кенсуорты» не решились. Вожак колонны в километре впереди забеспокоился, явно пытаясь юркнуть в боковое ответвление и дожидаться потерянную тройцу, но Зеппелин на своем верном «Цундапе» все время опережал вожака. Просто становился поперек бокового и нагло торчал на осевой, и вожак вынужден был проноситься мимо, сердито грохоча двигателем. И оставаться на основной трассе.

Зеппелину помогали Саграда и Михай, оба на «Юсменах», по словам Вольво, втихую вывезенных недавно из Большого Лондона.

— Вспокоились, железяки, — с веселым азартом сказал Вольво. — Бюс, Роел, давайте к Шабской развязке!

— Уже, командир... Перильца я снес, за трассой следим! — Голос Бюскермолена был таким же азартно-веселым.

— Ас, Тип-Топыч, отсекайте последнего — и на Шабскую его! Саграда, Михай, Шамур, помогайте!

— Ясно, ведем...

Саперы-хольфинги, успевшие оборудовать аварийный тупик, тоже погнали юркую «Хортицу» к Шабской развязке. Команда Вольво работала привычно и слаженно. Как всегда...

«Ингулы» на трассе неожиданно для растерянной тройцы «Кенсуортов» вдруг уступили дорогу, прижались к правому ряду и сбросили скорость. Отставшие от вожака грузовики наддали, но долго ускоряться им было не суждено: вторая волна «пастухов» на джипах и «Ингулах» умело осадила их. А Ас и Тип-Топыч тем временем оттерли последний «Кенсуорт», окончательно впавший в панику. Он даже не рыскал по дороге, покорно шел за «Ингулами», но охотники знали, что его покорность кажущаяся. При малейшей возможности мощный металлический монстр, взревев двигателем, устремится к возможному спасению, и это нужно было помнить крепко-накрепко.

Пард с воодушевлением колотил по клавишам терминала. Охота целиком захватила и его. Он ловко манипулировал прирученной программой, что управляла дорожными светофорами. Отбитый от колонны «Кенсуорт» неотвратимо влекло к Шабской развязке, где на мосту застыли в ожидании

укротители технической мощи, гномы с Карпат — Бюскермолен и Роелофсен, взявшие в последние годы не один дикий грузовик...

— Зеппелин, вожака и тех, что с ним, начинаем вести по квадрату, готовься, — предупредил Сергей-полуэльф. — Сейчас будет правый поворот, осталось километра три.

— Готов, — меланхолично отозвался Зеппелин. Его голос казался естественным дополнением к стрекотанию «цундаповского» двигателя.

Пард обернулся к Вольво и следил за гномами на нижнем экране, благо выдалась свободная минутка. Бюскермолен сидел в пикапе-«Кажане», не закрывая дверцы; его собрат отошел в сторону и переминался с ноги на ногу у пролома в перилах моста. Внизу, под мостом, серела лента Бориспольской трассы, а вдалеке уже показались «Ингулы» Тип-Топыча и Аса. Отсеченный от колонны «Кенсуорт» шел следом за ними. Роелофсен поманил Бюса пальцем.

— Pass auf, Kerl, wir beginnen! Reg die Pfoten!

Бюскермолен выскочил из пикапа, на ходу запахивая куртку. В металлических бляшках, нашитых поверх черной кожи, на миг отразилось утреннее солнце.

«Ингулы» Аса и Тип-Топыча замедлились до предела и едва ползли к мосту. «Кенсуорт» сердито взревывал акселератором, но деваться ему было некуда: притормаживал и он. Когда дикий грузовик вполз под мост, гномы разом прыгнули на ребристую крышу трейлера.

— Есть! — крикнул в эфир кто-то из полуэльфов-загонщиков. — Первого оседлали!

— Седьмого, а не первого, — ворчливо поправил половинчик из «Кажана»-сопровождающего. Ему тоже было все прекрасно видно. К пикапу гномов, оставленному на мосту, подкатила свободная «Говерла» с двумя братьями-орками; Пард не знал их имен.

Бюскермолен и Роелофсен распластались на кровле трейлера, вцепившись в угловатые выступы, что тянулись вдоль всей длинной металлической коробки. Удержаться на скользком железе когда грузовик волнуется и дергается, было труднo, но оба гнома не зря считались мастерам. Плюс на руках у каждого перчатки с крючьями сервомagnитами. Плюс небольшая скорость за гнанного грузовика.

В хвост «Кенсуорту» пристроился высокий «Жираф». В кабинке на двухсуставчатой ажурной стреле сидел один из эльфов-охранников с видеокамерой. Поэтому все, кто находился в «Припят» видели работу гномов как на ладони.

Бюскермолен быстро и сноровисто, точно таракан по обеденному столу, пополз к голове трейлера, огибая цилиндрические блины воздухозаборников. Роелофсен чуток выждал и пополз следом.

Грузовик нервничал. Он, конечно, уже почувствовал присутствие незваных гостей-охотников.

Гномы по очереди спустились по специальной лесенке из блестящих хромированных скоб на торце трейлера и ступили на раму «Кенсуорта». Тот занервничал еще сильнее, стал газовать, попытался даже растолкать ползущие по дороге «Ингулы», но те, во-первых, прекрасно знали, чего ждать от оседланного грузовика, а во-вторых, опустили стальные ковши-бульдозеры назад, так что даже

гигант-«Кенсуорт», попытайся он «Ингулы» протаранить, только погнул бы себе сверкающий никелированный бампер.

Бюскермолен тем временем взобрался на крышу кабины и подполз к краю, чуть свесившись и заглядывая в левое боковое стекло. Роелофсен вошел на раме у правого топливного бака.

— Правый есть, — спустя десяток секунд сказал Роелофсен, приподнимаясь и глядя в сторону эльфа на «Жирафе». На шее у гнома чернела бусина ланггофона. Он, не мешкая, полез ко второму баку.

— Все, — сообщил он почти без паузы. — Готов. «Кенсуорт» в тот же миг чихнул, взревел и зацебнулся. Двигатель обреченно заглох, и могучий грузовик, прокатившись еще метров сто, приоткнулся к обочине и замер. Остановились и «Ингулы», и «Жираф», и две «Говерлы», следующие чуть в отдалении. Трасса казалась непривычно пустынной, кроме охотников и добычи, на асфальтовой дороге ни одной машины не было видно, и Парду даже не верилось, что и он тоже приложил к этому руку, манипулируя со светофорами бориспольского сектора.

Бюскермолен разбил стекло и кошкой вполз в кабину. Грузовик испуганно хлопнул дверью, но бесполезно: гном уже коснулся пульта управления. А это значило, что спустя какие-то секунды добыча станет покорной и безвольной.

Из кабины «Кенсуорта» Бюскермолен выбрался деловито и бесстрашно, словно из сортира в таверне.

— Давайте тягач! — сказал он довольно.

Вольво в фургончике радостно потер руки.

— Трейлер не вскрывать! — скомандовал он. — На Выставке вскроем... Зеппелин, вы где?

— Ползем по квадрату! — бодро отозвался полуви́рг на «Цундапе». — Первого вы взяли, я слышал?

— Седьмого! — со знакомыми интонациями поправил дотошный половинчик из свиты. — Седьмого! Первый — это вожак!

— Какая разница, — буркнул в ответ Зеппелин.

— Вот залезешь к нему в кабину, там и поймешь, какая разница, — со странной смесью бодрости и утрюмости в голосе пояснил Бюскермолен.

Оба гнома, не снимая перчаток с крючьями и магнитами, отошли от плененного грузовика и сели в «Говерлу», которая тут же умчалась назад к мосту на Шабской развязке.

— Попробуйте разбить группу вожака, — сказал Вольво в микрофон. — Что-то он волнуется слишком...

Пард вновь погрузился в работу. Все движение на юго-восточных радиалках приходилось пускать в обход, а возмущенные светофоры норовили загрузить пустующую Бориспольскую трассу, так что работы загонщикам в «Припяти» хватало.

В восемь утра взяли второй «Кенсуорт», или, как поправил бы дотошный половинчик из «Говерлы» — пятый. Группа сопровождения и гномы снова сработали чисто и слаженно.

В полдесятого вожак-«Кенсуорт», не выдержав, врубил форсаж и протаранил джип Банника перед самым поворотом — остатки колонны охотники уже третий час гоняли по квадрату. Джип с ужа-сающим хрустом вломился в стеклянную стену мебельного магазина, вожак и второй «Кенсуорт» помчались прямо к Центру, вместо того чтобы свернуть на облюбованный охотниками квадрат. Сам

Банник сумел вывалиться из джипа и чудом не угодить под чьи-нибудь колеса, но его основательно протащило по асфальту и изрядно стесало кожу с левого бока. Бело-красный фургончик эльфа-лекаря успел к месту аварии спустя лишь десять минут, и все это время Банник орал и ругался таким голосом, что из окон коттеджей высывались жильцы даже в смежных кварталах, а крови на пыльный асфальт натекло столько, что казалось, будто Банник давно уже должен свалиться замертво. Но он все ругался и ругался, правда, на глазах бледнел, зато пятнистый эльфийский комбинезон, во многих местах разодранный в клочья, от крови стал тяжелым и липким.

В это же время гномы взяли третий грузовик, действительно третий, тут даже половинчик из «Кажана» не придрался бы, а спустя еще двадцать минут Лазука с досадой сообщил, что вожак со вторым прорвались-таки на неконтролируемую ветку радиальной трассы и ушли к Центру. Эти два «Кенсуорта» можно было считать потерянными.

Оставались два одиноких дикаря — четвертый и шестой. Четвертого вели по все тому же квадрату Зеппелин, Михай и Саграда; шестого направляли к Шабской развязке остальные. Охотники снова и снова прокручивали действенный сценарий захвата, и Пард вдруг подумал: а сколько раз такая ситуация повторялась в прошлом? Сотню? Тысячу? Насколько он знал, Вольво охотился на грузовики в окрестностях Центра уже около восьмидесяти лет. И команда его тоже слыла бывалой да матерой. С уверенностью можно было сказать, что наименее опытными в команде считались люди —

Банник, Лазука и Ас. Исключительно в силу того, что люди живут значительно меньше охотников других рас и чисто физически не могут соперничать с долгоживущими.

Вольво дал команду на возвращение еще за светло. Шестого «Кенсуорта» долго гоняли за Вызимью, потому что поворот на Шабскую и Звенигородскую развязки он умудрился проскочить, чиркнув ребристым бортом трейлера по «Ингулам» и пройдя по обочине впритирку к бетонному поребрику. Но все-таки его взяли; Бюскермолен и Роелофсен прыгали на крышу трейлера на ходу, с «Жирафа». Четвертый грузовик едва не удрал, но не совладал со скоростью и собственным весом: выскочил на встречную полосу, а тут случился тяжелый «Супермаз» навстречу — хольфинги-саперы из заслона его остановить не смогли. Да и поди останови такую тушу, если она, не взвидя света, прет на сотне... А на светофоры «Супермаз» внимания не обратил, тут и техники-загонщики были бессильны. И от «Маза», и от «Кенсуорта» мало что осталось: взорвалось топливо в баках.

Из семи грузовиков охота Вольво изловила четыре. Сам по себе результат неплохой, но Вольво знал и более удачные выходы на трассу. Впрочем, выглядел он к вечеру довольным. И усталым. Как и остальные охотники.

К таверне подъехали шумной и воодушевленной толпой и тут же, сдвинув столы, закатали обильное гульбище. Хозяин ничем не рисковал: хотя сегодня охотники еще не могли ему заплатить, он был уверен, что заплатят завтра. Потому что уже наверняка успел выяснить о сегодняшней охоте все: от размера добычи до содержимого трейлеров.

Только за столом Пард наконец понял, насколько он проголодался. Соседи его, дотошный счетовод-половинчик и полувирг-Зеппелин, тоже не стеснялись. Пиво лилось рекой и отчего-то казалось в этот вечер особенно вкусным. С усталости, что ли?

Вольво обещал появиться наутро.

Единственное, что омрачило сегодняшний день — потревоженный волосок-сторож в дверях. Вновь к Парду в комнату навевывались гости. Узнает ли он — зачем?

Хорошо бы. Но — не сегодня. У него едва хватило сил добрести до кровати, кое-как раздеться и заползти в ставшую уже привычной ложбину.

«Можно подумать, что я вместе с гномами по крышам трейлеров сигал», — подумал Пард засыпая.

Сон его был крепким и безмятежным.

6

Ильямпу — Сахама

Пиликающий вызов телефона впелся в тишину комнаты. Именно так — впелся, а не нарушил. Звук этот имел такую природу, что и резким не выглядел, и проигнорировать себя не позволял.

Пард протянул руку к колченогому прикроватному стулу, где обыкновенно ночевала его одежда. Добыл черный брусок сотового и утопил кнопку ответа.

— Да?

Звонивший пренебрег стандартной формулой телефонного разговора:

— Эй, ты, сколько у тебя глаз, а?

Пард сначала ничего не понял. Голос был странно похож на голос гоблина Гонзы, но только похож. Звонил определенно не он.

— Не знаешь? А ушей у тебя сколько? А? Гы-гы-гы!

— Очень смешно, — проворчал Пард в трубку.

— А то нет? Поглядим, кто будет смеяться последним. И без последствий. Гы-гы-гы!

И — короткие гудки. Отбой, стало быть.

Спросонья у Парда даже как следует разозлиться не получилось. Он поднялся, сходил в коридор по известным утренним делам и с неожиданным наслаждением умылся до пояса. Даже в голове после этого будто бы прояснилось.

Глаза, уши... Что за бред? С одной стороны — слова неизвестного слишком уж напоминали пьяные речи какого-нибудь забулдыги с Подола. А с другой стороны — если звонил, значит, кое-какие формулы знает, а откуда забулдыге с Подола знать технические формулы? Впрочем, среди техников-живых и даже среди ученых сколько угодно любителей пива и кое-чего покрепче, но чтобы вот так развлекаться по пьяному делу? Нет, решительно нет. Что-то тут нечисто.

Пард спустился в зал, чувствуя, что наконец-то встал на верный путь. «Думай!» — велел он себе.

За столами говорили только о вчерашней охоте, а это сбивало с толку. Пард рассеянно кивал живым — людям, оркам, виргам, хольфингам, дотошному половинчику. Метисам тоже, хотя этих многие в Большом Киеве, да и в других городах недолюбливали. Отчасти из тупого снобизма представителей чистых рас, отчасти оттого, что живых умных, хитрых и изворотливых среди метисов попадалось куда больше, нежели среди чистокровок.

Бюскермолен и Реллофсен, смекнув, что Пард погружен во что-то свое, только коротко поздоровались. Пард краем глаза даже заметил, как Бюс без всяких церемоний развернул какого-то не в меру ретивого и начисто лишенного наблюдательности охотника погутарить. Завтрак Пард

проглотил, даже не задумавшись, из чего тот состоит.

Глаза, значит. А также — уши. И — гости. Этой ночью. Чуть ранее.

И тут до Парда дошло. Ответ оказался столь прост, что лежал на поверхности, и поэтому был не сразу замечен.

Сколько у Парда глаз и ушей? Своих — по паре. А вот сколько посторонних рядом? Неизвестно.

Гости его комнаты вполне могли подселить не-скольких жучков. Но!

В том-то и дело, что «но».

Кому нужны такие сложности? Жучки — техника редкая, дорогая и доступная далеко не каждому. Можно сказать, что это высшая техника, если уже не наука. Сколько живых в Большом Киеве обладают знанием нужных формул? Сто? Двести?

Возможно, что и меньше.

А с другой стороны — Пард, конечно, не был уверен, но вроде бы когда он только ответил на звонок, в трубке что-то коротко щелкнуло, словно включилась запись. Неизбежная формула...

— Запись! — пробормотал Пард одними губами. — Можно подумать, ты настолько важная птица!

«Да, но ведь в Центре не знают, насколько я важная птица, — подумал Пард резонно. — Туману-то я как раз нагнал предостаточно...»

Но все равно Пард совершенно не ожидал, что ему подкинут в комнату жучков. Хотя не факт еще, что жучки есть. Только похоже на то.

Тогда звонок неизвестного с голосом под Гонзу — это предупреждение. Вежливо-дурашливое и не слишком замаскированное. Такое, чтобы

и противная сторона мгновенно поняла: Парда предупреждают.

Он поднялся из-за стола, намереваясь вернуться в комнату и как следует пошуровать там. В принципе жучка найти несложно, если знаешь, где искать. А в комнате не так уж много мест, куда его можно поселить, а мест, где жучок станет внятно работать, и того меньше.

— Тебя позвать, когда Вольво придет? — спросил Бюскермолен, едва Пард поднялся.

— Ага, — Пард кивнул. — Позови.

Жучки жучками, но не упускать же из-за них целых пятьсот гривен? Все-таки попахал Пард вчера на славу. Честно говоря, он даже не ожидал от себя такой прыти. Но дело оказалось знакомым, да и учителя попались толковые, что Валентин, что Серега. Даром что полуэльфы...

Спустился Пард всего минут десять назад — но что-то за это время явно изменилось. Еще перед дверью он почувствовал: в комнате находится кто-то посторонний.

Называйте это чутьем, интуицией, как угодно. Прежде чем Пард услышал хоть один звук, исчезли все сомнения: у него снова гость. Или гости.

Пистолет словно бы сам прыгнул в руку. Пард огляделся — коридор был пуст, как бочонок после попойки. Снизу доносился размеренный гомон — охотники за последние минуты отнюдь не стали вести себя тише.

Удивительно подходящая ситуация для неведомых гостей, чтобы потихоньку подождать за дверью и огреть неосторожно вломившегося хозяина по голове чем-нибудь тяжелым и твердым. Вроде приклада ружья.

Пард беззвучно освободил легкие от воздуха, пнул дверь и нырнул в открывшийся проем. Сначала ему показалось, что дверь заперта, но ее скорее всего просто перекосило, и она все же отворилась, заметно вибрируя. Вопреки дурацким предчувствиям за дверью никто не прятался. Пард напрасно хлопнулся на пол и прощупал стволом пистолета все пространство комнаты.

Гость, а точнее гостья, совершенно открыто сидела на краешке кровати, держа на коленях Пардов включенный компьютер. Компьютер трудился, стрекоча принт-блоком, и из узкой щели под дисководом уже показался край ползущего листа. На появление хозяина гостья округлила глаза, но непохоже, чтобы слишком испугалась или хотя бы смутилась.

Пард на миг замер. Он ждал чего угодно: головорезов Жерсона, мрачных ребят из пресловутой конторы «Хватка», примитивных форточников в конце концов... Но не девчонки-одуванчика.

Впрочем, это она только выглядит как одуванчик, мгновенно оценил Пард. А подойдешь ближе, вломит ножкой по голове, а на сапожочке, вон, железяки угловатые. В самый раз балбесов по головам лупить...

Как обычно в моменты напряжения, Пард стал соображать существенно быстрее, чем обычно.

Первое: девчонка — человек. Не смуглая орка, не эльфка, похожая на школьницу со взглядом опытной женщины, не полукровка какая-нибудь. Человек. Лет двадцати, если не меньше.

Пард предпочитал женщин своей расы. Именно таких, большеглазых, худеньких и грудастых. Незванная гостья словно бы сошла с картинки «Объект

сексуальных вожелений техника Парда Замариппы; настроение — растерянно-уступчивое, готовность ко всему явлена».

Не может это быть совпадением. Кто-то прекрасно осведомлен о его, Парда, пристрастиях и пытается на них сыграть. Показывать, что догадался — глупо. Поэтому попробуем включить дурака и разыграть лопоухого человечка, который не проживет слишком долго, чтобы набраться достаточно опыта для подобных игр...

— Э-э-э... Вы ошиблись номером, сударыня? — промямлил Пард, неловко пряча пистолет в карман и пытаясь голосом перекрыть тихое стрекотание принт-блока. В тот же миг отпечатанный лист сорвался с валиков и мягко спланировал Парду под ноги. Пард опустил глаза.

И встретился со взглядом шпики, совсем недавно растаявшего в переходе на Крещатике.

На листе был изображен портрет. Портрет не приметного и невыразительного живого, облик которого запомнить невозможно... Если ты не более чем заурядный обыватель. Если тебе в диковинку вламываться в собственный номер, снятый пару недель назад в таверне, с пистолетом в руке и готовностью стрелять.

Девчонка, как и раньше хлопая глазами, сидела с компьютером на коленках, а принт-блок с жужжанием принялся печатать следующий лист.

«Интересно, — уныло подумал Пард. — Кто будет изображен на нем?»

Результат превзошел все его ожидания. На втором листе был изображен все тот же шпик. Только в полный рост. Точнее, не в рост, а в длину, потому что шпик, запрокинув голову, валялся на улице у

кирпичной стены, а между глаз у него чернела аккуратная дырочка от вошедшей пули. И темнела короткая полоска застывшей крови, сползшая на висок.

Принт-блок, выплюнув вторую отпечатанную страничку, деловито клацнул и утих.

Пард, стоя спиной к входной двери, буквально кожей почувствовал, что там кто-то появился. Кто-то сильный и уверенный в себе... но не расположенный убивать прямо сейчас.

— Поговорим? — раздалось из-за спины.

Он медленно, как мог, обернулся. В дверном проеме стояли Бюскермолен и Вольво.

Пард мгновенно направил в узкую щель между гномом и виргом ствол пистолета, но ни тот, ни другой ничуть не изменились в лице. С некоторой досадой Пард подумал, что увальня и растяпу перед девушкой разыграть не удалось. Сначала неловко прятал оружие в карман куртки, а потом материализовал в руке словно бы из воздуха. Не вяжется.

— Ты пушку-то свою убери, ради жизни, — сказал Вольво, улыбаясь. — Тебе же лучше будет.

Пард скосил глаза — на его, Парда, руке, направляющей пистолет в сторону гостей, цвела ярко-алая точка. Тонкий, как игла, алый же лучик врывался в окно, упираясь в тыльную сторону ладони Парда.

Пард прекрасно знал, что это за лучик. Это научный лазерный прицел снайперской винтовки. А винтовка сия бьет с такого расстояния, что дух перехватывает.

— В доме напротив Иланд и Вахмистр. А как стреляют эльфы, настоящие чистокровные эльфы, думаю, рассказывать особо не нужно.

Чистая правда. У эльфов как-то по особому устроены глаза — им и оптического прицела в общем-то не требуется. Муху с километра сшибают, не целясь. Походя.

— Никто тебя прямо сейчас хлопнуть не намерен, — добавил Вольво чуточку другим тоном. И говор у него стал совсем не тот, что вчера. Вчера это был солидный охотник, со связями в верхах и положением в обществе. А сейчас речь его навевала мысли не то о разведке, не то о примитивной уголовщине. Странно это было донельзя.

— Извините, — с некоторым сарказмом сказал Пард и медленно развел руки, — не могу вас пригласить присесть. Некуда.

Единственный колченогий стул у кровати был занят курткой Парда. Бюскермолен твердым шагом приблизился к нему, перебросил куртку на кровать, на валяющуюся там толстую книгу в коричневом кожаном переплете, и выставил стул в центр комнаты. Вольво щелкнул пальцами — словно бы из ниоткуда возник давешний молодой вирг в круглых очках с еще двумя стульями, бесшумно оставил их у двери и так же бесшумно канул в коридор. Дверь он плотно прикрыл за собой. Ординарец у Вольво был на редкость вышколенный.

Пард сел. Бюскермолен и Вольво сели напротив. Девушка осталась на кровати, справа от Парда. Компьютер она так и не выпустила. И даже не выключила, только распечатывать перестала. Пард сомневался, что произошедшее было случайным — девушка явно знала формулы обращения с компьютерами.

— Ну, — начал Вольво, — во-первых, здравствуй, николаевец.

— Вчера здоровались, — буркнул Пард.

— А что, сегодня это уже лишнее?

Пард пожал плечами:

— Здравуются с друзьями.

— Так мы друзья и есть. — Вольво снова щелкнул пальцами. Бюскермолен тут же вскочил, подобрал отпечатанные листы, протянул Вольво, который сделал знак отдать их Парду. Тот взял, еще раз поглядел, хотя нужды в этом особой не было. Рассмотрел их Пард, еще когда они валялись на полу. Портрет шпики — и мертвый шпики.

— Сначала мы решили, что это ваш живой, николаевский. А вы ломаете комедию. Теперь мы так не думаем. А ты знаешь, кто он?

— Нет, — честно ответил Пард. — Я его всего два раза видел. Да и то издалека.

— Он из команды Жерсона.

— Ну и что?

— Ты не можешь принадлежать команде Жерсона. Иначе все твоё поведение теряет всякий смысл. Ты пытаешься выйти на другую команду, не менее сильную, но в отличие от Жерсона не бандитскую, а легальную. Я прав?

— Ну, допустим.

— Ты пытаешься обратить внимание Техника Большого Киева. На себя. Выходит, ты знаешь нечто важное, но самому проглотить тебе это не по силам. Тебе и твоим подручным. Так ведь?

Пард вдруг вспомнил, что изначально шел в комнату поискать жучок, подслушивающую науку-технику. И от мысли, что за этим разговором сейчас может следить кто угодно, от Жерсона с его головорезами до шефа пресловутой конторы «Хватка», Парда прошиб холодный пот.

Вольво мгновенно отсек перемену настроения Парда и его испуг. Вопросительно поднял брови, отчего лицо его вытянулось и нижние клыки стали еще более заметны. Пард непроизвольно бросил взгляд по углам комнаты, соображая, где может прятаться жук. Если здесь всего один жук...

И Вольво догадался.

— Боишься прослушивания?

Он щелкнул пальцами — похоже, этот жест имел массу значений для подчиненных Вольво. Девушка на кровати развернула компьютер матрицей к Парду. На экране виднелась стандартная панель хорошо знакомой программы-шумодава. Программа вовсю занималась делом — наполняла научный эфир бессмысленным треском и скрипением. Если и работает в комнате жук, ничегошеньки чужие любопытные уши не услышат, пока программу не успокоить и не усыпить.

— Говори. Кстати, кто это тебя предупредил насчет прослушивания? — ненавязчиво поинтересовался Вольво.

— Опыт, — не слишком приветливо отозвался Пард.

Вольво хмыкнул:

— Ага... Так это именно твой опыт звонил тебе утром и предлагал пересчитать уши? Ну-ну... Научил бы формуле отделения опыта от тела, что ли...

Пард промолчал.

— Между прочим, — сказал Вольво, — тобой сильно интересовался Жерсон. Не боишься?

Пард угрюмо взглянул на машинолова:

— В моем положении выбирать не приходится. Либо сразу... головой в окно, либо жить со страхом. И с оглядкой.

— Ты выбрал второе, — понимающе кивнул Вольво. — Ясно. Тогда переходи к нам. Нас сожрать и Жерсону не по зубам.

— А вы — это кто?

— Команда Техника Большого Киева.

— Ага, — Пард поморщился. — А сам Техник — это ты.

— Нет, — ничуть не смутился Вольво, — не я. Я — только доверенное лицо. Но уверяю тебя, Техник знает об этом разговоре... и возлагает на него определенные надежды.

— Докажите, — хладнокровно обронил Пард и картинно сложил руки на груди.

Вольво улыбнулся:

— Хочешь, чтобы тебе рассказали, как ты пытался выйти на личную линию Техника? Или поведали о каждом твоём шаге с того самого момента, как ты выпрыгнул из поезда на вокзале? Не дури, Пард. Мы — как раз те, кто тебе нужен. Команда, способная взять то, о чем ты узнал, и — главное — удержать это в своих руках. И можешь быть уверен, что тебя никто не обидит и не обманет. Место в команде Техника Большого Киева тебе гарантировано. Тем более что я уже убедился в твоих способностях. От подобной сделки выиграешь и ты, выиграем и мы. Что тут еще думать?

— Я не один, — честно предупредил Пард.

— Это не меняет дела.

— Я должен подумать. Все-таки... — сказал Пард.

— Подумай, — милостиво разрешил Вольво. — Только недолго. Мы даже уходить не будем.

Пард растерялся — он ожидал, что ему дадут хотя бы день.

— То есть? Вы хотите, чтобы я принял решение за пять минут? Это смешно.

— Если ты не примешь решения за пять минут, через пятнадцать тебя могут найти в канаве со вспоротым брюхом. И это совсем не смешно, можешь мне поверить.

— Да кому это нужно?

— Живым Жерсона, например. Они узнают, что ты решил довериться нам, и решат: ни себе, ни живым. И грохнут тебя с легкой душой.

— Кстати, — вдруг заинтересовался Пард, — а кто убил этого шпика?

Он указал пальцем на листки с распечатанными картинками.

— Иланд, — без колебаний ответил Вольво. — Или Вахмистр, они всегда в паре работают.

— А Жерсон? Думаешь, ему это понравится?

— Думаю, что не понравится. Но Жерсон знал, на что посылал шпика. Исход весьма закономерен. Ты не отвлекайся, Пард, не отвлекайся. Две минуты уже прошли.

— Я могу позвонить? — решился Пард.

— Звони.

— А глушилка? — Пард ткнул пальцем в собственный компьютер.

Девушка, дождавшись щелчка пальцами, пошуршала клавиатурой и выключила Пардову технику.

— Звони.

Пард достал сотовый и набрал номер коммутатора в «Славутиче».

— Алло! Шестнадцать-двадцать пятую, пожалуйста...

Пауза.

— Гонза?

— Я, — отозвался приятель-гоблин.

— Приезжай немедленно.

— Свершилось? — В голосе Гонзы засквозила радость пополам с надеждой.

— Еще не знаю, — ответил Пард устало. — Может быть.

— Еду, — сказал Гонза и отключился.

Вольво картинно поаплодировал:

— Браво, Пард. Ты оказался умницей. Я тобой горжусь.

— Гляди, машинолов, — сказал Пард сквозь зубы, — не перехвали. А то придется стыдиться, что связался с нами.

Вольво ухмыльнулся:

— Если это угроза, то довольно нелепая. А что до будущего, то я в него верю. И в тебя верю. И в то, что сработаемся, верю. Я редко ошибаюсь в живых — даже в людях.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Пард и впервые за утро обратился к Бюскермолену: — Где там твой приятель? Может, пива пока выпьем?

— Легко! — Гном улыбнулся в бороду. — Ты не сердись, Пард, должны же были мы тебя проверить. А пива — легко! Роел!

Последние слова Бюскермолен выкрикнул могучим басом, который мог обитать только в широкой гномьей груди.

— Роел! Вели хозяину стол накрыть! Прямо здесь, в комнате! А пока возиться будет — пива!

— Момент! — донесся из коридора ответный гномий бас, и тяжелые шаги затопали, удаляясь к лестнице в зал.

«Кажется, начинается, — подумал Пард со вздохом и втихую покосился на девушку, все еще

сидящую на кровати. — Спросить, что ли, как ее зовут?»

Хозяин пригнал накрывать принесенный тут же стол Гриня и шустрого половинчика-поваренка. Взгляд у хозяина был скользкий, но не скажешь, что неодобрительный. Не то что на Жерсоновских молодчиков: тех хозяин, несомненно, воспринимал как неизбежное зло. А вот Вольво и иже с ним таверщик, похоже, уважал. Это Парду понравилось: хозяин показался ему формулопослушным живым, а раз Вольво ему по нраву, значит, у Вольво с властями мир и согласие. Это хорошо укладывалось в его же слова, дескать, команда Техника Большого Киева и все такое. Впрочем, Пард уже и сам подумал: даже если Вольво не имеет к Технику ни малейшего отношения, можно попытаться повернуть дело и с ним. Не с Жерсоном же и орками-бандитами? Спасибо, с этими пытаться сотрудничать — верное самоубийство. Но если Вольво — третья сила, тогда кого он представляет? В оперативной группе, пожалуй, он начальник. Но ведь кто-то за ним стоит, стоит на самом верху, иначе Вольво не был бы так спокоен и уверен в себе.

Пард задумчиво потягивал подольское темное и думал, думал, думал... По комнате иногда предостерегающе шарили тоненькие красные лучики лазер-прицелов, напоминая, что надлежит оставаться разумным и сговорчивым.

Он то и дело косился на девчонку, а она ловила его взгляды и загадочно улыбалась. Попытался Пард разглядеть и что за книга лежит рядом с ней, но название было полузакрыто его собственной курткой, так что виднелись только обрывки слов:

Вос...

Гима...

и Карак...

И кусок рисунка на обложке — полгоры с половиной снежной шапки.

«Наверное, какой-нить дамский роман о диком горце, похитившем возлюбленную, и тэ дэ... — подумал Пард с легким раздражением. — Что они в этой чешуе находят, не пойму? Лучше бы детективы читали».

Примерно через полчаса в дверь постучали. Вольво улыбнулся и выразительно поглядел на Парда, словно бы говоря: «Ну? Ты ведь хозяин!»

— Да! — хрипло отозвался Пард.

Вошел хольфинг Мина. По совместительству — сапер. Он вопросительно поглядел на Вольво и, ошибочно угадав мысль хозяина, обратился к Парду:

— Там гоблин в кепочке пожаловал. Назвался Гонзой. Говорит, к тебе, Пард. Звать или как?

— Ну, если в кепочке, — вздохнул Пард, — тогда зови...

Мина кивнул и удалился, а спустя пару секунд в комнату вошел худой и высокий гоблин Гонза Аранзабал. Старинный приятель Парда, Дюши и Судера. Пард шагнул ему навстречу, и они обнялись.

— Знакомься, — сказал Пард. — Это Вольво, специалист по диким грузовикам, потенциальный партнер. Это — Бюскермолен, гном. Тоже специалист, но скорее практик.

Гонза пожал руки виргу и гному и покосился на девчонку, молча отсиживающуюся в углу.

— Это моя секретарша, — пояснил Вольво. — Присаживайся, Гонза. Полагаю, разговор предстоит долгий.

Пиво с шумом хлынуло в чистую глиняную кружку.

— Шеф, — сказала вдруг девушка. — Налейте и мне, пить что-то хочется.

Пард ожидал, что Вольво отмахнется или цыкнет на секретаршу, но тот просто наполнил доверху еще одну кружку и отпустил гребень дракона. Краник в виде несуществующего зверя.

— Ну, — сказал Вольво коротко, — за взаимопонимание.

Пять кружек с тихим стуком встретились над уставленным закусками столом, и темно-рыжие капли с белесыми точками пены ненадолго взвились в воздух.

Выпили, закусили. Вольво и гномы приглядывались к Гонзе. Гоблин держался прекрасно: непринужденно, раскованно и спокойно. Даже Пард немного успокоился, хотя утро все же стоило ему немалых нервов.

— Итак, живые, — поторопил Вольво, — займемся-ка делом. Я вас самым внимательным образом слушаю.

Гонза снял кепочку и задумчиво почесал между ушами. У гоблинов, если вы не знаете, потрясающие уши. И размерами потрясающие, и формой, и даже цветом — они черно-зеленые, как ряска в стоячем осеннем пруду.

— А могу я сначала задать несколько вопросов, судари хорошие? — осторожно и достаточно обтекаемо поинтересовался Гонза.

— Только коротких. И чтоб не требовались ответы на полчаса.

Тон Вольво возражений не допускал. Исключал тон всякие возражения, с ходу и начисто.

— Ладно, — согласился Гонза. — На что мы можем рассчитывать, если доверимся вам?

— На сотрудничество. И, понятно, на покровительство с самого верху. Но вообще-то вопрос расплывчатый.

— Ответ тоже, — достаточно нагло отозвался Гонза, но Вольво стерпел наглость молча и без эмоций.

— Ты что скажешь? — спросил Гонза Парда. Тот пожал плечами:

— Не все ли равно, с кем начинать? Если контора серьезная, я — за. Без риска все равно не получится.

— Понял, — вздохнул Гонза, нахлобучил кепочку и полез в карман.

Достал он самые обычные наручные часы на серебристом металлическом браслете.

— Вот, — он протянул часы Вольво, — полюбуйтесь.

Вольво мельком глянул на часы, повертел их в руках. Непонимающе уставился на Гонзу:

— А что в них особенного?

Вольво выглядел озадаченным.

— Они не ходят. Стоят.

Вольво пригляделся, брови его медленно поползли вверх.

— То есть как — стоят?

Он внимательно оглядел часы еще раз, потряс их, пострекотал колесиком, поднес к уху, задумчиво хмыкнул, отколупнул ногтем крышку и тупо уставился на механизм, на таблетку-источник техники.

— Не понимаю, — протянул Вольво, хмурясь. — Как часы могут не работать? Они же целые, неразбитые...

Он взглянул на гномов, на девчонку-секретаршу, но те молча следили за происходящим и явно ждали продолжения.

— Эти часы, — внятно и раздельно сказал Гонза, — сделаны живыми. Техниками и учеными.

Лицо Вольво приобрело презабавнейшее выражение.

— Живыми?

— Да, сударь. В месте, где живые сами мастерят машины. Не приручают дикие, а делают сами. Именно такие, какие хотят, и эти машины умеют не только то, что умеют, а то, что в них вкладывают живые. Понимаете? Если им нужен грузовик, они делают грузовик, если экскаватор — делают экскаватор. Если нужно — сделают одну машину, которая будет уметь и ямы рыть, и грузы возить. И эти машины не нужно приручать, они заранее приручены.

Вольво молча сглотнул слюну. Почему-то он поверил сразу. Сразу, с первого слова. Впрочем, неработающие часы могли убедить кого угодно.

— Но, — продолжал Гонза, — смешно думать, что самодельные машины не имеют недостатков.

— А что, имеют? — осторожно спросил Вольво и покосился на Бюскермолена. — По-моему, любые недостатки таких машин окупаются с лихвой.

— Как сказать. — Гонза пожал плечами. — Что ты скажешь, например, на такое: чтобы эти машины работали нормально, за ними нужно постоянно следить. Как за больными. Ухаживать. Лечить. Но все равно они спустя какое-то время умирают. Поработают — и умирают.

— Как живые? — Бюскермолен даже привстал и отодвинул бокал с пивом. — Болеют и умирают? Высокое напряжение! Поверить не могу.

Вольво задумался.

— Трудно ли делать машины? — спросил он с некоторым сомнением. Он подозревал, что на этот вопрос Гонза и Пард могут и не знать ответа. Но Гонза ответил:

— Достаточно непросто. Впрочем, если есть место под названием «завод», где все для этого приспособлено и подогнано, — не очень. Но хитрость заключается вот в чем: чтобы сделать машину, нужны другие машины, которые изменяют металл, пластик, дерево — любые части любых машин. Но ведь эти изменяющие машины тоже нужно сначала сделать и тоже с помощью других изменяющих машин... В общем, получается замкнутый круг.

— Погоди, — вмешался Вольво. — Но кто же тогда создал самую первую машину? Ту, на которой стали изменять металл и пластик?

Гонза развел руками:

— Откуда я знаю? Это, кажется, один из вечных вопросов. Я думаю, ответить на него просто невозможно.

Вольво крепко задумался.

— М-да... Ошарашили вы меня, скажу честно. Но почему-то я вам верю. Ну и где это ваше научное место находится?

Гонза и Пард переглянулись.

— А нельзя ли сначала уяснить ваши планы? Обрисовать, так сказать, ближайшую перспективу?

Вольво не колебался ни секунды:

— Планы? Попасть туда и научиться строить машины. Вы-то сами хоть понимаете, насколько это уведет вперед науку? Ё-мое, да это же просто новая эра!

— Это-то мы понимаем. А вот... более конкретно?

— Ну, — протянул Вольво, — добраться до этого вашего места. Сколотить команду живых из двадцати, чтоб по городам без помех ходить, и вперед. Ну и на месте уже разбираться.

— Мы с Пардом должны войти в команду. Мы станем сотрудничать только на равных условиях, надеюсь, понятно?

— Да уж, понятно. Конечно, вы войдете в состав команды. Без сомнений. Это я гарантирую.

— Тогда, — Гонза шел по горячему, — по рукам? Мы с Пардом — в команде, и первое дело уже начато?

Вольво, не задумываясь, подал руку сначала гоблину, потом человеку. Гонзе и Парду. Двоим живым, которые принесли в Центр самую важную тайну со времен возникновения Большого Киева.

— По рукам! По рукам, судари-техники...

«Да, — подумал Пард отрешенно, — все получилось куда проще, чем мы с Гонзой ожидали. Стоило ли две недели изображать из себя крутого?»

Но скорее всего стоило. Иначе Вольво так быстро не вышел бы на Парда. Вольво и тот, кто за ним стоит. Техник Большого Киева.

Бюскермолен снова наполнил кружки.

— Ехать придется на юг, — сообщил Гонза. — К морю. Думаю, лучше всего в Николаев. А дальше... посмотрим.

Больше Гонза говорить не стал. А Вольво — не стал спрашивать.

И все-таки Парда беспокоила кажущаяся легкость сделки. Впрочем, это только начало. Какую цену придется заплатить за новое знание — оставалось загадкой.

Ведь наивно думать, что за подобное знание не придется платить. Придется. И дорого. Ибо так уж устроен мир.

7

Сахама — Дарваз

Зал таверны в послеобеденное время был наполовину пуст. Многие охотники разбрелись кто куда: кто отдыхать, кто прогуляться, кто по делам. Пард с Гонзой спустились подкрепиться и хватить еще пива, чтобы пригладить нервы. Ну и, конечно, еще раз обсудить предстоящее дело.

Любое дело требует обсуждения, а Пард с Гонзой, Дюшей и Судером провернули уже больше десятка. Судер с Гонзой — и того больше.

Пард вертел в руках глиняную кружку, не забывая изредка прикладываться. Бочонок на столе неотвратимо и катастрофически пустел.

— Как-то кривовато все получилось, не находишь? — вздохнул Пард. — Слишком мы на лохов похожи. Вольво нас чуть прижал, а мы и лапки кверху, тут же и раскололись...

Гонза неопределенно пошевелил ушами:

— Да не кипи ты. Все идет как надо.

— Все равно, — не унимался Пард. — Я тут две недели дурака валял... И вдруг бац! Шпика моего хлопнули. Жерсона не побоялись... Тебе вот не страшно было сюда ехать, когда я позво-

нил? Вдруг тут у них гнездо, лежка? А? Скажи, не страшно?

— Нет, — сказал Гонза убежденно. — Я ведь прекрасно понимал, насколько мы рискуем. Что я — ребенок, по-твоему?

Пард только вздохнул.

— Меня другое волнует, — Гонза отхлебнул. — Нам не все говорят. Впрочем, это-то как раз и не удивительно. Вот только Вольво что-то готовит. Нутром чую, он что-то затеял. Но и это меня волнует не в первую очередь.

— А что тогда?

— Техник Большого Киева. Он с нами так и не поговорил.

Пард скривил в улыбке рот, но улыбка вышла жалкой.

— Думаешь, у него времени вагон?

— Нет, — ответил Гонза холодно. — Я думаю, что Техник просто ничего не знает. Ему никто ничего не докладывал. Вольво кажется солидным и надежным партнером, но не такой он простой, каким пытается выглядеть. Он поддакивает нам и тут же конструирует какие-то свои планы. Помоему, он действует за спиной Техника.

— Но ведь это опасно! Мало ли отчего Вольво не представил нас Технику? Почему обязательно считать его изменником?

Гонза смешно пошевелил ушами, отчего кепочка задвигалась как живая.

— А ты можешь найти другое объяснение? Почему Техник Большого Киева так и не поговорил с нами? Лично, а не через Вольво? Неужели он так занят? А если даже и да — Вольво говорил, что наша информация сулит приход новой эпохи.

Новой эры. Это что, каждый день случается? Поставь себя на место Техника Киева. Да я бы в живых с такой информацией намертво вцепился бы, на шаг от себя не отпускал бы!

Пард задумался. Получалось складно. Очень складно. Теперь и у него стала крепнуть уверенность, что Вольво затеял какую-то свою игру.

«А ведь вирг, похоже, и сам не прочь стать Техником», — осенило вдруг Парда.

— Думаешь, Вольво метит на место шефа? — осторожно, свистящим шепотом спросил он гоблина.

— А что — непохоже? Туманные обещания, мгновенные решения, о самом Технике — только разговоры. Да и вообще... папахивает заговором.

Пард опустил глаза, вперился взглядом в затейливый текстурный узор на крышке стола. Заговор. Черт побери! Пард ненавидел политику и всегда норовил держаться от нее подальше.

— Во встряли, — протянул он. — Хоть собирай прямо сейчас вещички и двигай куда подальше...

— Ты что? — изумился Гонза, округлив миндалевидные глаза. — Ты с ума сошел? Отказаться от таких перспектив?

Пард вопросительно поглядел на приятеля:

— А ты видишь у нас какие-нибудь особенные перспективы?

Гонза хмыкнул, приподнял кепочку и почесал между ушами. Это был верный знак, что гoblin взволнован.

— Посуди сам. Если Вольво добудет секрет изготовления машин, нынешнего Техника он свалит в два счета. И ведь в главном мы ему поможем. Неужели наши ставки при таком раскладе не возрастут? Кроме того... Я точно выяснил, что ны-

нешний Техник — не вирг. Не знаю кто, но не вирг. А если Техником станет вирг... Вольво, к примеру. С кем он немедленно закрутит тактический союз? А? С каким виргом?

— С Жерсоном, — прошептал Пард. — Ё-мое... Вот что такое — новая эпоха. Союз науки и бандитов... А я-то думал...

— Как ты полагаешь, почему Жерсон тебя не тронул тогда, после стрельбы на левом берегу?

У Парда по спине прогулялись мурашки. Оказывается, все это время он ходил по лезвию ножа у края пропасти.

С минуту приятели-техники молчали.

— М-да, — протянул Пард. — Получается захватывающее кино, ё-мое! Аж мороз по коже.

Он поежился. И спросил:

— А если Вольво поймет, что мы догадались?

— Ну и что? Думаешь, он не понимает, что нам его путь даже выгоднее, чем тот, который мы изначально предполагали избрать сами? Да понимает прекрасно! И раз мы решились, то останемся с ним до конца. И это ему тоже весьма на руку. Пойми, сейчас он сколачивает команду — ту, которая поможет ему свалить нынешнего Техника, а впоследствии будет работать на него, как на нового Техника. Войти в эту команду — значит крепко и надолго встать на ноги.

Пард опять задумался. Перспектива была впрямь очень заманчивая... но и пугающая. Да и могла ли существовать в мире безопасная перспектива крепко встать на ноги? Вряд ли.

— Ладно... — протянул Пард. — Будем осторожны... И не станем раскрывать карты раньше срока. Так?

— Так! — подтвердил Гонза. — Именно так, и никак иначе.

Гонза поморщился и добавил:

— Удивляюсь я тебе, Пард. Вроде бы отчаянный и бывалый парень. Такие дела в прошлом проворачивал... И колеблешься, словно девочка в первый раз.

— Таких крупных дел я еще не проворачивал.

— Значит, пришло время крупных дел. Не век же контрабанду из Москвы таскать? Привыкай, громом тебя по кумполу.

— Тебе хорошо, — буркнул Пард. — У тебя опыт. А я кто по сравнению с вами, долгожителями? Мотылек-однодневка...

Гонза, который был вшестеро старше Парда, доверительно положил на плечо человеку зеленоватую кисть:

— А что тут поделаешь, приятель? Если в мир пришли вы, короткоживущие люди, значит, это кому-нибудь нужно. Да и к новому вы приспосабливаетесь куда быстрее, чем остальные. Так что еще неизвестно, кому проще.

— Ты уже собрался? — Пард сменил тему.

— А что мне собираться? Главное, не забыть кепочку. — Гонза хихикнул.

— Вот шельма. — Пард тоже улыбнулся. — Слушай, Гонза, а сколько лет ты ее носишь? Я все хотел спросить, да как-то не получалось.

— Пятьдесят... — Гонза вдруг задумался. — Нет, уже шестьдесят... э-э-э... шестьдесят три. Точно, шестьдесят три.

Пард вздохнул. Даже кепочка была более чем вдвое старше его. Факт этот почему-то поверг Парда в меланхолически-задумчивое состояние.

— Кстати, — вспомнил он. — А что с тем эльфом, которому я письмо в «Славутиче» оставлял?

Гонза пожал плечами:

— Да ничего в общем-то. Один из охранников Вольво однажды появился на двенадцатом этаже, пошущукался с коридорным и исчез. А эльф через трое суток выехал. — Гонза хихикнул. — Он раза три в Большой Урал звонил по межгороду, денег небось выкинул уйму. Что ты ему там наплел?

— Да так, чушь всякую, — уклонился Пард, соображая, какую свинью подложил, не подумав, Ульдору. — А с визиткой приставучего гнома что?

— Чиста, — ответил Гонза. — Визитка, и ничего более. Я ее Алвисиду отдал — он, кажется, работу ищет, может, наймется к этим шахтерам...

— Алвисиду? — изумился Пард. — А он что, здесь, в Центре?

— Проездом был, — объяснил Гонза, залпом допил пиво и уже было намерился заказать еще, но тут зазвонил телефон.

— Алло! — немедленно отозвался Пард, встрепенувшись и выудив из кармана телефон-трубку.

— Это Вольво, — прозвучал знакомый голос. — Едем поездом с центрального вокзала. Я заказал вагон. Номер поезда — шестьсот двадцать один. Вагон — восьмой.

— Вагон? — удивился Пард. — Нас же меньше, чем помещается в купейник.

— Купейник, — проворчал Вольво. — Что я — урод, в купе ездить? Я спальный заказал. Ладно, запоминай: отправление в восемнадцать-ноль пять, за вами заскочит Бюс. И вообще лучше отправляйтесь с остальными. Впрочем, можете и

сами, если хотите, но... чтоб к отходу поезда сидели в вагоне. Ясно?

— Вполне, — сказал Пард. — Голос у него сам собой стал спокойным и уверенным. Даже солидным. — Восемнадцать-ноль пять, шестьсот двадцать первый, вагон восемь, центральный вокзал.

— Верно, — отозвался Вольво. — Пока... Кстати, Пард, моя секретарша передавала тебе персональный привет.

— Что? — переспросил Пард, но трубка уже разразилась короткими гудками.

Пард озадаченно поглядел на черный брусок сотового телефона, спрятал его в карман и отхлебнул, чтобы в голове прояснилось.

— Выезжа...

— Не нужно, я все слышал, — перебил его Гонза. — Я же гоблин, не забывай.

Пард в который раз за сегодня глубоко вздохнул. Верно. Все верно. Уши у гоблинов не просто декоративщина. Они — орган слуха, если по-научному. А слух у гоблинов...

«Привет, — подумал Пард. — Персональный. Вот уж не ожидал. Но если я к ней подкачусь, что скажет Вольво?»

Гадать было бессмысленно.

Пард взглянул на часы. Без десяти пять. До отхода поезда оставалось чуть больше часа.

8

Дарваз — Ерупаха

Рыжий гном Бюскермолен появился в зале таверны в четверть шестого. В руке он нес фибровый чемоданчик с кричаще-яркой надписью «Drossle den Motor ab!» на плоском черном боку. Следом спустился Роелофсен с яркой сумкой на длинном ремне.

— Эй, охотнички! — зычно бросил Бюскермолен в зал. — Ну-ка, живо похватали манатки и на выход!

Из тех, кого Вольво отобрал в поход, а отобрал он все ту же проверенную охотничью команду, истинную цель знали только Пард с Гонзой да гномы. Ну и сам Вольво, понятно. Остальные следовали за своим хозяином не рассуждая и особо ни о чем не задумываясь. Поездка на юг сулила много нового и интересного, а разношерстные живые из окружения Вольво все как один были падки на приключения и новизну и в этой жизни ненавидели всего лишь две вещи: безденежье и скуку.

Допив пиво, из-за дальнего стола поднялся мрачный полувирг Зеппелин. Ему предстояло ехать без верного «Цундапа», умеющего воровать смазку...

Спустились и засемили к выходу хольфингисаперы — Мина и Беленький. Оба несли маленькие кожаные сумки-раскладушки, наполненные лишь на треть.

Дружной четверкой протопали шофера — Банник, Лазука и Ас, люди; Тип-Топыч, орк.

Еще нескольких живых Вольво брал из своего ближайшего окружения — эльфов Иланда и Вахмистра; черного орка Васю, старого знакомого Парда; повара-половинчика по прозвищу «Жор». Возможно — еще кого-нибудь.

— Пард! Вы готовы?

— Всегда готовы, — проворчал Пард в ответ. — Сейчас сумку вынесу...

У Парда вещей было тоже немного. Компьютер, купленная коробка дискет, фонарь да зубная щетка. Ну и в карманах: в одном пистолет, во втором телефон. Что еще технику нужно?

У Гонзы вещей имелось и того меньше. Все уместилось в карманы и хитрый потайной схрон в кепочке.

Пард поднялся в номер, забрал вещи, в последний раз оглядел комнату, вздохнул и спустился. Подслушивающие жучки передали его вздох и окунулись в тишину, нарушаемую лишь голосами в соседних комнатах да шумом в зале и снаружи. Но жучки отдаленные звуки почти не воспринимали.

Внизу Пард рассчитался с хозяином, сдал ключ от комнаты и сдержанно поблагодарил за гостеприимство. Хозяин так же сдержанно пригласил останавливаться у него и впредь, если только Пард не собирается сменить образ жизни на более беспокойный и менее дружный с формулами киевских властей. Пард хмыкнул.

Вопреки ожиданиям ни одной машины у таверны не оказалось. Команда охотников, галдя на ходу, сразу свернула налево и направилась к цирку.

Впрочем, до вокзала тут рукой подать. Вольво справедливо решил, что и пешком дойти можно минут за пятнадцать. А охотники особой привередливостью не отличались и уж точно не страдали излишней ленью.

Все повторилось в обратном порядке, как и две недели назад, когда Пард приехал в Центр Большого Киева.

Цирк. Площадь Победы. Туша универмага и свеча гостиницы «Лыбидь». Улочка, ведущая к галерее. Сама галерея. И — привокзальная площадь.

Ближе к вечеру на вокзале собиралось побольше народу, чем рано утром. Вечером уходили поезда на Большую Москву, в Европу, за Урал. На юг, куда предстояло сегодня отправиться и команде Вольво. Плотной группой охотники шли к входу в вокзал; кто-то уже купил пива, кто-то глазел на выставленные в витринах ларьков всякости, кто-то отмахивался от назойливых торговцев порошком и самодельной водкой.

Дорога. Пард уже чувствовал ее зов. Всегда перед отъездом откуда угодно куда угодно в душе поднималась неясная волна радости и полузабытого детского восторга. Пард любил дороги и все свою недолгую людскую жизнь колесил по Большому Киеву и соседним городам.

И нигде он не чувствовал себя лучше, чем в пути.

— Эй, Пард! — Гонза дернул приятеля за рукав. — Давай, что ли, тоже пива возьмем? И в дорогу надо бы...

— В дорогу надо не пива, а водки, — тоном зна-тока посоветовал Бюскермолен. — А то в сортир за-маешься бегать. Вон, у бабок сколько хочешь...

— Станем мы травиться их пойлом! — Гонза фыркнул. — Я уж лучше в буфете возьму. Или прямо в поезде.

Бюскермолен оскалился:

— Богатый слишком? Ну-ну, давай бери в бу-фете. Впрочем, у Вольво все всегда схвачено. Он, поди, на всех запася и жратвой, и выпивкой...

— И патронами, — добавил идущий рядом Рое-лофсен. — Уверяю вас, судари, Вольво уже знает, какие у вас стволы и какие к ним полагаются по технике боеприпасы. У меня вообще такое впечат-ление, что Вольво знает все на свете. Непонятно только, откуда.

— На всех, говоришь, запася? — Пард с со-мнением покачал головой. — Сколько же жратвы нужно на такую ораву?

— А что тут невозможного? Звякнул на склад, велел, чтобы в вагоны все загрузили заранее... Подвез, благо грузовиков прирученных у него на-валом. Не сам, конечно, подвез, на все есть живые-исполнители, а дело шефа — только распорядить-ся. Ты не трепыхайся, Пард, я с Вольво без малого век на охоту езжу. И не припомню ни единого по-вода пожаловаться.

Судя по беспечному поведению команды, это было правдой. Команда радостно потребляла пиво и только что песен не горланила.

— Ты сказал, вагоны? — задумчиво протянул Гонза. — Что, неужели в один все не войдем?

— Ну, считай, ушастенький, — рассудительно сказал Бюскермолен. — В спальном девять купе по

два человека. Стало быть, восемнадцать живых на вагон. А нас только из таверны тащится больше дюжины. Не, Вольво всегда два вагона занимает. И правильно делает, если едешь с комфортом, потом и работается легко да ладно.

На «ушастенького» Гонза давно привык не обижаться. Гоблинов среди живых было заметно меньше, чем, скажем, орков, гномов или виргов. Даже меньше, чем чистокровных эльфов. И уж конечно, меньше, чем людей. Пард когда-то давно набрел в сетях на статистику случайных социологических выборок и почему-то запомнил ее наизусть, до последней цифры. Из ста произвольных обитателей Большого Киева двадцать шесть — люди; двенадцать — метисы разных кровей; десять — орки, гномов и виргов — по восемь; чуть больше семи, но меньше восьми — что хольфингов, что половинчиков (тут пошла дробная, в общем-то смешная статистика; из ста киевлян семь с половиной — хольфинги... Смех да и только); семь — черные орки; пять — эльфы и всего лишь один гoblin. При чем складывалось впечатление, будто все гоблины Киева толкнутся у вокзалов носильщиками или работают грузчиками у торговцев-палаточников.

Недостающие восемь живых приходились на самые разные редкие расы — бойешей, сурогов, песиголовцев, ламисов. Этих в Киеве, да и в других местах тоже, обреталось совсем немного.

Наверное, Гонза был счастливым исключением. Он не стал ни носильщиком, ни грузчиком. Стал техником, что даже мало кому из людей удавалось, если говорить начистоту. К технике и науке традиционно тяготели практически все эльфы, а также многие люди и вирги. Среди гно-

мов и орков техники были редкостью, но не исключением. А вот среди гоблинов... Пард знал единственного гоблина-техника — Гонзу. И никогда не слышал о других. Впрочем, Пард знал вообще только одного гоблина. И этот единственный оказался техником, причем очень сильным техником. Пард, тогда еще совсем сопливый мальчишка-подросток, многому у Гонзы научился. И как-то незаметно они стали друзьями, несмотря на то, что Гонза был вшестеро старше и в тысячу раз опытнее.

Погрузившись в воспоминания, Пард и сам не заметил, как охотники прошли на перрон. Длинная туша поезда уже поджидала пассажиров, распахнув двустворчатые двери пузатых цилиндрических вагонов.

— Так, — сказал Бюскермолен и остановился. — Наши вагоны — восемь и девять.

В тот же миг в тамбуре одного из вагонов появился Вольво и выглянул на перрон.

— Ага, — сказал он довольно. — Явились. Все, надеюсь?

— Все, шеф! — бодро ответил Бюскермолен. — Как один. В лучшем виде.

— Хорошо. — Вольво еще раз обвел взглядом живописную группу охотников и заглянул в листок с записями. — Пард, Гонза, — сюда, ваше купе седьмое. Бюс, Роел — ваше третье. Михай и Саграда — в восьмое. Зеппелин — в шестое, к Васе «Сексу». Трыня — во второе, там Жор. Остальные — в соседний вагон, вот в этот, селитесь как пожелаете, первые четыре купе наши.

Команда стала деловито грузиться в вагоны, распахивать по полкам сумки и стелить пахнущие

крахмалом простыни поверх полосатых дорожных матрасов.

Дальнее купе восьмого вагона Вольво забил снаряжением и припасами. На юге, за Николаевом, город заканчивался, и без припасов там просто не выжить.

В третьем купе, у гномов, уже разлили по первой. Половинчик-повар мигом сообразил каких-то размороженных копченостей и консервированных огурчиков на закусь; орк Вася притащил домашнего одесского сала, свежатины, и был встречен восторженным «Хуммм!»; Гонза, подмигнув Парду, извлек из кармана куртки узкую бутылку «Эльфийской особой», да такого разлива, что вытянулись лица даже у Иланда и Вахмистра. В общем, еще до отхода поезда в третье набилось народу — не протиснуться, и несмотря на то что вещей у каждого было вроде и немного, на столе извлеченные вкусности не помещались. Как-то незаметно тронулись в путь, выпили заодно за удачное начало. Вскоре появились шофера из соседнего вагона, и пришлось рассредоточиться по двум купе: часть перебралась к половинчикам, во второе. Галдеж стоял невероятный, чувствовалось, что команда Техника любит такие поездки и намерена, раз уж представился случай, оттянуться по полной программе. Зашел ненадолго и Вольво; вкусил «Эльфийской особой», сжевал розоватый ломтик одесского сала, довольно крикнул и потеплел взглядом. Выслушал байку Васи-«Секса» о пивнухе на улице Немереной, посмеялся со всеми, велел «не переборщить, а к утру быть на ногах и в сознании» — и удалился в свое купе. Шум в вагоне его ничуть не волновал.

Пард тоже отдался шальному дорожному строению; пил со всеми и не пьянел. То есть пьянел, конечно, но мутная хмельная пелена держалась в отдалении, а его сознание оставалось кристально-чистым и ясным. Пард с удовольствием чокался с соседями, опрокидывал чарку, хрустел огурчиком и слушал очередную историю, на которые живые-киевляне были весьма горазды. Долгая жизнь позволяет помнить массу прелюбопытнейших случаев, а народ из команды Вольво, даже люди, успели хлебнуть на своем веку немало приключений. Пард тоже рассказал два случая: как тащили на юг Большого Урала два мешка шалтары под видом обычного сахара, да еще через свирепые кордоны Большой Москвы, и как сходили по хмельному делу чуть не самого Бухареста на яхте друзей-николаевцев Кутняка и Кэпа. Слушатели вволю посмеялись.

Поезд мчался на юг, почему-то держась над теми самыми двумя загадочными полосками ржавого металла. Пард их не видел, но твердо знал, что все поезда в Большом Киеве раз и навсегда привязали себя к этим полоскам незримой нитью. Он вышел в коридор и остановился у окна, положив руки на пластиковое продолговатое перильце. Цветок в горшке сбоку от окна колыхал длинными узкими листьями. В такт мягкому покачиванию вагона. В соседних купе продолжали галдеть и радоваться. Пард перешел чуть в сторону.

За окном мелькали подсвеченные заходящим солнцем дома. Большой Киев потому и назывался Большим, что тянулся от берегов Припяти чуть не до самого Черного моря. Районы города сменялись за окном: Фастов, Белая Церковь, Ра-

китное, Мироновка... Но все это был Киев. Подбрюшье Центра.

Ближе к Шевченко стало темнеть. Пард еще не раз выходил в коридор и по несколько минут задумчиво глядел в окно.

Секретарша Вольво появилась из последнего, забитого снаряжением купе именно в тот момент, когда он стоял у окна.

«Зачем Вольво взял с собой эту девчонку?» — удивился Пард.

Конечно, она могла оказаться просто любовницей Вольво, если бы... Если бы Вольво не был виргом. Вирги-мужчины, как правило, предпочитают женщин своей расы, в этом Пард неоднократно убеждался.

На ней были коричневые брюки в обтяжку, заправленные в короткие эльфийские сапожки, и мягкая кожаная куртка, достаточно свободная, чтобы спрятать под нею пистолет. Про пистолет Пард подумал машинально — не станет же это обаятельное создание на самом деле прятать под курткой оружие. Хотя черт ее знает, притворяется секретаршей, а на самом деле — телохранитель. Такие фокусы тоже бывают. Редко, но бывают.

Она прошла мимо Парда, улыбнулась на ходу и исчезла в купе Вольво. Там было темно, свет не горел. Никакой. Ни основной, яркий, ни синеватый глазок ночника на потолке.

Почему-то вспомнились слова Вольво, сказанные по телефону: мол, секретарша передает Парду персональный привет. Удостоился, можно сказать. Только вот непонятно, за что. А непонятное всегдастораживает... хотя в отношении этой киски настораживаться просто не хочется.

Пард некоторое время задумчиво таращился на серый пластик закрытой двери с вычурной пятеркой на уровне глаз. Поезд равномерно покачивался из стороны в сторону, как шагающий по дороге великан.

Глубоко вздохнув, Пард взъерошил волосы и побрел на шум: там, кажется, в который раз разливали.

Охотники Вольво, хоть и выпили изрядно, держались еще очень и очень прилично: только глазки блестели да языки начали понемногу заплетаться. Бюскермолен из-под рыжей бородачи уже несколько раз намекал, что пора бы, пожалуй, и прерваться, а то утром кое-кого пришлось бы собирать по частям, но едва вблизи рыжей бородачи возникла наполненная чарка, гном тут же ее опрокидывал куда-то в рыжие же дебри, и вскоре из дебрей доносилось довольное уханье. Но Пард безошибочно определил, что охотники догуливают последние минуты, а потом разбредутся спать. Что-что, а дисциплинка у Вольво все же соблюдалась. Именно поэтому вирг-машинолов и позволял своим живым слегка расслабиться в дороге. Кто не умел останавливаться — вылетал из команды мгновенно. В результате остались только те, кто, стало быть, останавливаться умел.

Так и произошло. Спустя четверть часа ушли шофера, обосновавшиеся в соседнем вагоне, а через полчаса утихомирились даже хольфинги, несмотря на малые размеры, весьма охочие до шумных попоек. Пард и Гонза, оба в приподнятом настроении, заперлись в купе, улеглись под ворсистые клетчатые одеяла, потрепались минут десять о том о сем (большей частью о пустяках, потому

что после спиртного оба по давнему согласию о делах не заикались) и незаметно уснули.

Пард, засыпая, чувствовал себя просто счастливым. Он терпеть не мог тихой оседлой жизни; новые дела, зачастую рискованные, нужны были ему как воздух. И еще — дорога. Пьянящая не хуже «Эльфийской особой» тропа в неизвестность.

Пард знал, что проживет меньше, чем живые других рас. И потому спешил жить. Втискивал в каждую секунду и минуту столько событий, сколько умещалось, и все норовил втиснуть сверх того. Иначе он просто не умел.

9

Ерупаха — Шахдар

Чудовищный удар сотряс вагон поезда, и Пард вскинулся на широкой полке. В купе было темно как в могиле, и за окном было темно как в могиле — ни огонька, ни светлого пятнышка. Скрежет и далекий взрыв не оставили от тишины ни малейшего следа, а потом сразу, словно по команде, зазвучали голоса. Всего на мгновение — второй удар обрушился на вагон, и Парда швырнуло на стену. Рядом, ойкнув, приземлился Гонза, запутавшийся в одеяле.

Вагон встал на дыбы, скрежет и звон битых стекол, треск ломаемого пластика и крики боли — мир сузился до размеров купе, хотя звуки долетали в основном снаружи.

— Шахнуш тодд! — выругался Гонза по-гоблински, и в этот момент вагон швырнуло набок. Парду на голову обрушилась сумка и одеяло Гонзы; секундой позже вагон, дернувшись пару раз, замер, и стало отчетливо слышно недалекое гудение пламени.

— Durch's Fenster! Durch's Fenster, Roel! So schlage doch es zum Teufel ein!

Пард узнал густой бас Бюскермолена.

Гонза умудрился одеться в считанные мгновения и даже нашарить в темноте сумку Парда.

— Крушение, Пард! На поезд напали!

Будто бы Пард этого не понимал. Кто же это осмелился напасть на поезд? На эдакую громадину? Что за дикая отчаянная машина? Или это живые покусились?

Пард поспешно натянул брюки, рубашку и куртку, по-прежнему висящие на крючках у двери, только теперь одежда свешивалась не вниз, к полке, а наискось, к стене соседнего купе. Там же, на стене, превратившейся в пол, Пард нащупал ботинки, рядом с нераспечатанной бутылкой «Колакопты», что свалилась с откинутого столика. Все это Пард проделал быстро и без излишней суеты. Особого страха он не испытывал, ибо неоднократно попадал в переделки и похуже, но прекрасно сознавал, что сейчас их с Гонзой жизни зависят только от быстроты, с которой они покинут агонизирующий поезд.

Гонза, сжимая в левой руке свою верную кепочку, сдвинул в сторону дверь, переместившуюся на потолок, и высунулся в коридор. Охотники слаженно покидали купе; кто-то помогал выбраться Вольво и перепуганной девчонке-секретарше. Окно напротив купе гномов было выбито, осколки стекла валялись рядом, но в раме не осталось ни осколочка. Снаружи, с улицы, кто-то крикнул:

— Шеф! Вы живы?

Кажется, это был Банник. А может, Лазука.

— Скажите, чтоб не орал. — Вольво поморщился; Реллофсен негромко шикнул на успевших

благополучно убраться из соседнего вагона шоферов. Те сразу же затихли.

В восьмом вагоне никто не паниковал и не скулил без толку: народ подобрался не тот. Не прошло и двух минут, как все по очереди пролезли в окно и отбежали от поезда на полсотни шагов.

В голове состава неистово плясало жаркое оранжевое пламя; оттуда даже криков не доносилось. Зато в соседних вагонах голосили вовсю. Несмотря на то что поезд был заполнен меньше чем наполовину, живых на юг ехало в нем все же довольно много.

Эльфы-охранники с автоматами наперевес стояли рядом с Вольво. Бюскермолен и Роелофсен, как и все гномы, предпочитали мощные помповые ружья без прикладов. У остальных оружие было разномастное — от пистолетов до автоматических винтовок, только половинчик-повар тискал в ладонях рукоятку большого зазубренного ножа.

— Что делать, шеф? — хрипло спросил Бюскермолен, преданно глядя на вирга. — Снаряжение ведь сгорит!

В тот же миг по вагону стали стрелять. С противоположной стороны, из-за поверженного поезда. Длинными захлебывающимися очередями, и Парду показалось, что по меньшей мере из крупнокалиберного пехотного пулемета. Вагон гремел, точно пустая жестянка, а охотники все как один бросились наземь.

— Ё-мое! — просипел Гонза, опасливо приподнимая голову. — Уж не про наши ли это души, а, Пард?

— Не знаю, — процедил тот. На зубах противно заскрипело: не то песок, не то просто крупинки чернозема.

Поезд упал в узком, стиснутом бетонными заборами городском овражке. Дома виднелись в отдалении, а тут даже обычных пакгаузов и запущенных заводиков, каких вдоль путей поездов встречалась уйма, не было. Длинный рукав, под ногами — земля, сверху — звездное небо, а справа и слева высокие и отвесные бетонные стены. Лучшего места для нападения и не придумаешь.

— Сволочи, — пробормотал кто-то из темноты. — Даже поезд не пожалели...

Вскоре стрельба прекратилась, и охотники все как один бесшумно побежали прочь от вагонов, пригибаясь и петляя. Расстояние до поезда мгновенно удвоилось.

Тем временем нападавшие поняли, что стреляли по пустому вагону, и над бывшим боком, а ныне — крышей высунулось несколько голов. Пард видел их плохо; можно сказать, что совсем не видел, но Гонза шепнул ему на ходу, всего раз оглянувшись:

— Это вирги, друже...

— Хорошо хоть не эльфы, — буркнул Пард в ответ.

И тут стрельба возобновилась. Неведомые вирги стали стрелять по убегающим, те залегли и дали дружный ответный залп. У вагона кто-то сдавленно вскрикнул. В команде Вольво пострадавших пока не было.

— Все, — протянул Бюскермолен с сожалением. — Плакали наши припасы!

— Хозяйственник, тля! — прошипел кто-то, кажется, половинчик Трыня. — Тут бы живот унести, а он — припасы!

— Заткнитесь! — холодно и жестко велел Вольво, вглядываясь в темень у вагонов. То есть это с точки зрения Парда у вагонов царила темень. Вольво же, как и всякий вирг, видел все происходящее там не хуже, чем днем.

— Разбиваемся на две группы. Одна прикрывает, вторая отходит. Прикрывают: Бюс, Роел, Зепелин, Михай, Саграда, Трыня, Банник, Лазука и Ас. Остальные — отползай...

Пард с Гонзой послушно поползли прочь, к забору. От вагона начали было стрелять, но оставшиеся быстро заткнули им стволы встречным огнем.

— Мина, Беленький! Проход! — скомандовал Вольво, когда бетонная незыблемая преграда перекрыла путь к отступлению.

Саперы-хольфинги споро убрались чуть в сторону, повозились в темноте, чиркнули спичкой и хором велели:

— Берегись!

Пард вжался лицом в землю. Грохнуло; колючая крошка шрапнелью прошла по спинам, но хоть бы кто ойкнул. Гонзе разорвало куртку, и он сквозь зубы шипел. То ли от боли, то ли от досады.

Теперь отползала вторая группа, а залегшие у самого прохода в заборе для острастки постреливали по вагону. Пард тоже пальнул пару раз; пистолет в его руках оживился, явно радуясь возможности пострелять еще, но Пард решил не палить попусту, и оружие вскоре опять погрузилось в обычную дрему.

В потемках угадывалось слабое шевеление, но подозрительно вялое. Головная часть поезда продолжала весело гореть, плюясь снопами желтых искр, ужасно похожих на праздничный фейерверк. Бюскермолен с недоверием глядел туда.

— Что-то они затевают, шеф, — негромко сказал он.

— Догадываюсь, — не слишком приветливо процедил Вольво. — М-да. Достойное начало...

Пард взглянул на часы. Полвторого ночи. Значит, поезд успел пройти Шевченко и оставить в стороне Черкасы.

Несмотря на действительно плачевное начало похода, удача все же не совсем оставила охотников: никто не был убит и даже не был ранен, только Тип-Топыча малость посекло стеклами еще в купе.

Когда просачивались в еще горячий и дымящийся проход в заборе, с двух сторон ударили желтые лучи: кто-то подогнал вдоль поезда машины и включил фары. Стало наконец-то светло, но Пард этому мало обрадовался, да и остальные тоже. Снова поднялась стрельба, но большинство охотников уже успело благополучно убраться за забор. Бюскермолен метким выстрелом вдребезги разнес одну из чужих фар, отчего окривевший вдруг автомобиль жалобно взвыл на всю округу.

За забором гномы вскочили и быстро-быстро забегали туда-сюда; Пард не мог сообразить зачем. Саперы на мгновение задержались у пролома, потом появились с самым невинным видом. У Парда перед глазами плясали сплошные цветные пятна, и он проклинал свои людские глаза, кото-

рые сейчас с удовольствием променял бы на, скажем, эльфийские. Этим-то темнота нипочем.

— Нашел! — тихо сказал Роелофсен и замахал руками. Вольво энергичным жестом велел всем стягиваться туда.

Парда в ту сторону подтолкнул Гонза.

— Давай, друже, — приговаривал гоблин. — Шевели задницей, не то потом худо придется. И тебе, и заднице...

Посреди голой асфальтовой площадки гном отыскал круглый канализационный люк; поддел его короткой толстой железкой с крюком и открыл. Внизу журчала вода и скверно пахло, но сейчас было не до церемоний. Кто-то, спустившись, щелкнул переключателем фонарика, и желтое пятно света легло на влажную стену колодца. Пард немедленно вспомнил, что у него в сумке тоже есть фонарик, обрадовался и полез за ним.

Быстро и деловито, как на тренировке, охотники спускались в люк. Узкий и низкий ход уводил куда-то в сторону далеких домов; под ногами, журча, тек грязный ручеек. Пард поводил фонариком направо-налево, но стены везде были такими же склизкими, грязными и неприятными, как и в самом колодце.

Спускавшийся последним Бюскермолен пристроил на место люк, а спустя полминуты земля ощутимо дрогнула, и вслед за тем ватный ком упруго толкнулся в уши.

— Аха! — злорадно процедил Беленький. — Проход, чую, стал побольше!

Его приятель-хольфинг тихо засмеялся.

— Шевелись! — донеслось из головы цепочки голосом Вольво. — Они, между прочим, не шутят, раз поезд положить решились...

Парда не покидало чувство ирреальности происходящего. Казалось, все это творится не с ним, а на экране телевайзера, и сам он уютно устроился на диване и лениво следит за сюжетом сто раз виденного боевика.

Так всегда бывало с ним, когда жизнь начинала выписывать опасные кренделя. И до сих пор Парду удавалось выплыть. Выплыть он надеялся и в этот раз — тем более что имелась мощная и опытная поддержка.

Команда.

Пард давно мечтал стать членом команды, но до сих пор ему не везло, хотя трое верных живых встретились на его пути. Но трое плюс Пард — это еще не настоящая команда...

В низком и тесном туннеле относительно вольготно чувствовали себя разве что половинчики и хольфинги. Людям, эльфам, оркам, даже Бюскермолену и Роелюфсену, приходилось пригибаться. А уж Вольво и Зеппелин так просто сложились едва не полам, что, впрочем, не мешало им двигаться весьма проворно. Пляшущий свет нескольких фонарей вытаскивал из тьмы подземного хода все те же неприглядные стены и скудный ручеек под ногами.

Позади все дышало тишь и спокойствием. То ли преследователи впопыхах не сообразили, куда подевались живые из вагонов, то ли преследователей попросту не осталось, после того как Мина и Беленький оставили в проходе взрывоопасный сюрприз; во всяком случае, команда Вольво получила желанную фору. Минут в пятнадцать по меньшей мере.

Они выбрались на поверхность у стены покинутого и полуразвалившегося дома. Рядом ширил-

сы безобразный пустырь, заваленный самым разношерстным хламом; посреди пустыря одиноко торчал покосившийся фонарный столб, а на макушке его мертвенным синеватым светом тужился не менее одинокий уличный светильник.

Где-то рядом рычала не знающая покоя автострада; Вольво без колебаний двинулся туда.

Миновали пустой дом; прошли улочкой-тупиком и попали на улочку попрличнее. Кое-где даже светились жилые окошки полуночников.

— Шеф! — свистящим шепотом позвал Трыня-половинчик. — Мож, подыдемся, пересидим?

Он выразительно кивнул на зев ближайшего подъезда.

— Близо к поездам, — возразил Вольво. — Нужно убраться подальше. Гораздо дальше.

Улочка попрличнее вывела на широкий проспект, явно перетекающий вскорости в трассу-автобан. Слева, у перекрестка, виднелся спуск в подземный переход, а рядом, на крашенном в черную и желтую полосу штыре, высилась светящаяся буква «М».

— В метро! — мгновенно сориентировался Вольво.

«Какое метро в это время?» — Пард недоуменно взглянул на часы. Светящиеся стрелки показывали начало третьего.

Однако Вольво явно на что-то надеялся, раз оживился при виде «М» на штыре. Правда, сам Пард не слишком хорошо знал повадки поездов метро, поскольку до Николаева метро так и не доросло. Наверное, потому, что в Николаеве где ни копни — вода. Какое уж тут метро?

Прозрачные двери с черными трафаретными буквами «ВХОД В МЕТРО» были, конечно же, заперты, но Вася-орк небрежно поковырялся в замке ногтем, и дверь отворилась. Когда все оказались в продолговатом вестибюле перед окошками закрытых касс, Вася дверь так же небрежно закрыл. Дружно направились к турникетам.

На входе никого не оказалось — ночь ведь. Вольво собственноручно отодвинул ажурную стоечку от будки перед турникетами, и охотники прошагали к застывшим эскалаторам.

— Стойку на место поставьте, — кинул через плечо Вольво.

Поставили.

На платформе было пусто и горели только два светильника из десяти. Чисто вылизанный автомат-уборщиком мраморный пол тускло отблескивал.

Устроились в дальнем тупике, на лавочках. Из тоннелей тянуло слабым сквознячком, что-то отдаленно грохотало, а потом вдруг из одного потянуло сильнее, и упругая воздушная пробка полезла на станцию, ероша волосы живых и хлопая лапами расстегнутых курток.

Поезд. К станции действительно приближался поезд — Пард понятия не имел, что поезда ходят даже ночью, несмотря на то что входы и выходы из метро закрываются.

Поезд, увидев пассажиров, тоже удивился: кажется, он не собирался останавливаться, только скорость перед станцией сбросил. Теперь же решил остановиться и подобрать ночных путников.

Они вошли в совершенно пустой вагон, похожий на ярко освещенный аквариум. В соседнем

сидели два гнома в форменных тужурках «Шкляр-Метрополитен». Они удивленно вытаращились на ночных ездоков, у половины из которых в руках уютно расположились автоматы и ружья.

— Я поговорю, — сказал Бюскермолен, пряча помповушку под куртку и направляясь к дверям-тамбуру.

Пард видел, как он прошел в соседний вагон, остановился рядом с гномами и пару минут оживленно с ними беседовал. Гномы сначала просто слушали, потом стали кивать и переглядываться, а вскоре и сами заговорили, жестикулируя и перебывая друг друга. Кажется, они что-то растолковывали Бюскермолену. Теперь кивал гном-охотник, рыжая борода то и дело ныряла к кожаной куртке и полировала бляшки на груди и воротнике.

— Порядок, — объявил Бюскермолен, возвращаясь. — Впереди еще три станции, нам лучше выйти через одну.

— Быстро ты с ними общий язык нашел, — сказал Гонза, стараясь, чтобы это прозвучало нейтрально.

Бюскермолен пожал широкими плечами:

— Нашлись общие знакомые...

«Вот, тля! — подумал Пард с невольной досадой. — Почему мы, люди, так не держимся друг за друга, как другие расы? Те же гномы или вирги?»

По общим знакомым гномы безошибочно определяли род занятий и репутацию собеседника. Это казалось непостижимым, но своеобразный гномий телеграф никогда не ошибался и не подводил.

Гномы проводили живописную и, наверное, загадочную группу одинаковыми бесстрастными

взглядами. «Они едут до конечной», — сказал Бюскермолен.

Миновав такой же пустой вестибюль и знакомым манером пройдя сквозь двери, охотники вышли на другой проспект.

— А я здесь бывал! — сказал вдруг повар Жор, озираясь. — Давно, правда. Лет сорок, не меньше.

— Если свернуть вон туда и пройти — куда придем? — немедленно спросил Бюскермолен.

— Просто во дворы, — не задумываясь, ответил Жор. — Там двадцатипятиэтажки наклеплены, как грибы в теплице. Где-то там магазин еще есть, книгами торгует. NICK PERUMOV называется...

— Правильно, — довольно крякнул гном. — Я тоже там бывал, и магазин этот помню. Пошли, что ли?

Чему Бюс обрадовался — то ли тому, что гномы из метро сказали правду, то ли тому, что половинчик действительно бывал здесь ранее, осталось невыясненным. Никто и не стал выяснять.

Они выбрали одну из двадцатипятиэтажек, ничем не выделяющуюся из окрестных. Поднялись на лифтах, выбрали большую незанятую квартиру и вошли внутрь, благо было незаперто.

— Располагаемся, — скомандовал Вольво. — Пард, Гонза, Бюс, через десять минут — на совет. Вот в эту комнату. — Вольво показал, в какую, и ушел в эту самую комнату. Следом впорхнула державшаяся молодцом, хотя и несколько перепуганная событиями последних часов секретарша.

Пард вздохнул.

— Где тут сортир? — мрачно осведомился он.

— Там, — показал Саграда. — В очередь, дружище, в очередь, не ты один вчера пил.

К крану на кухне тоже образовалась очередь; кто-то отмыл от пыли большой хрустальный кувшин, наполнил его и пустил по кругу.

— М-да, — сказал Гонза, ни к кому конкретно не обращаясь. — Веселая выдалась ночь.

— Подожди, — с мрачным оптимизмом ответил ему Зеппелин. — Еще утро предстоит...

Через пятнадцать минут Гонза постучал в дверь, за которой скрылся шеф.

— Входите, — донеслось изнутри.

Бюскермолен, Гонза и Пард вошли. В комнате уже было прибрано, слой пыли куда-то испарился, на столе стоял включенный компьютер («успели-таки захватить!» — отметил Пард с одобрением). Вольво сидел в кресле у стола, а девчонка с ногами забралась на широченную кровать, застеленную чем-то клетчатым и пушистым. Компьютер включили не просто так, работала радиоглушилка.

— Садитесь, — сказал Вольво ровно, но в голосе его явственно угадывались беспокойство и тревога.

Гонза независимо и лихо оседлал стул, устроив локти на спинке, а голову — на локтях; Бюскермолен, крикнув, опустился прямо на пол, на толстый ворсистый ковер. Пард взял стул у окна, переставил его поближе к Гонзе и тоже сел.

С минуту все молчали.

— Ну, — нарушил тишину Вольво. — Какие будут соображения, судари?

Пард и Гонза переглянулись.

— Какие уж тут соображения, — осторожно начал Гонза. — Прежде всего нужно определиться: поезд убили из-за нас или нет? Мне кажется, однозначно — из-за нас.

— Мне тоже, — коротко вставил Бюскермолен. Вольво, шевеля бровями, напряженно размышлял:

— Скорее всего действительно из-за нас. Во-первых, стреляли именно по восьмому вагону, а не по другим, а во-вторых — гнаться тоже пытались именно за нами. Так что сомнения излишни: у нас на хвосте гости. Возникает вопрос: с какой радости? Из-за нашего предприятия? Или кто-нибудь из команды натворил непотребного? А, Пард? Гонза? За своих-то людей я ручаюсь, а вот за вас, простите — не могу. Я знаю, Пард, ты лихо кладешь орков Жерсона прямо в Центре. Может, ты еще чего столь же героического успел совершить за эти дни?

— Вы же прекрасно осведомлены обо всем, что я совершил за эти дни, — сказал Пард не без глубоко упрямой издевки. — Сами хвастались.

— А вдруг мы что-нибудь упустили? Увы, никто из нас не всемоушен и не всеведущ...

— О! — Гонза оживился. — Приятно это слышать. Всегда больше хочется иметь дела с реалистами, чем с излишне самоуверенными живыми...

— Мы дали повод подозревать себя в самоуверенности? — В голосе Вольво материализовался холодный, как воздух в холодильнике, металл.

— Нет, — честно ответил Гонза, — но были очень близки к тому.

— Спасибо за откровенность, — буркнул без всякой враждебности Вольво. — Итак?

— Нет, Вольво. Ни я, ни Гонза за последние две недели не натворили ничего такого, за что можно было бы устроить сегодняшний цирк, — твердо сказал Пард.

Он не знал, что означает слово «цирк». Но слово это часто применяли в схожем контексте, и оно само то и дело срывалось с языка. Вольво проглотил сказанное без каких-либо внешних проявлений.

— Ладно, я вам верю. Тогда ответ ясен: о нашей затее знает еще кто-то.

— Жерсон? — предположил Гонза вкрадчиво. Не то спрашивая, не то констатируя факт.

— Это первая мысль, которая пришла мне в голову, — признался Вольво. — Ведь по нам стреляли вирги, и это мне вдвойне неприятно. Но вдруг это только ловкий отвлекающий ход? Чтобы мы грешили на Жерсона? Похоже, очень похоже. За нами даже не слишком усердно гнались. Попалили, погрели стволы... Не более того.

— Да их Мина с Беленьким приложили, — задумчиво протянул Бюскермолен. — После хольфингских конфеток не очень-то побегаешь — нечему бегать.

— Все равно. — Вольво прикрыл глаза. — Перебить нас в той бетонной кишке ничего не стоило. Тем не менее нас отпустили.

Поразмыслив, Пард стал все больше склоняться к точке зрения Вольво. Действительно, со слов вирга выстраивалась достаточно стройная картина.

— То есть у нас объявился неожиданный конкурент? — открытым текстом сказал Гонза. — Информация рассосалась, несмотря на все потуги ее сдержать?

— Таково уж проклятое свойство информации — что знают двое, знает каждый, прости Гонза, гoblin на вокзале... А нас больше, чем двое...

— Закономерный вопрос: кто он, этот конкурент? — Пард вдруг решился на отчаянный ход,

зыркнув на Гонзу и уловив во взгляде гоблина молчаливую поддержку. — Кто мог узнать о нашей затее и пожелать тоже поучаствовать в экспедиции на юг за... за тем, что показалось таким заманчивым? А, Вольво? Ты не знаешь? Уж не Техник ли Большого Киева?

Гонза одобрительно хлопнул веками и сдвинул кепочку на самые глаза.

Вольво удивленно воззрился на Парда. Секунду, долгую секунду не мог сообразить. Потом лицо его вытянулось, и он неожиданно расхохотался. Девушка на кровати тоже улыбалась — это Пард отметил совершенно машинально.

— Ну вы даете! — веселился вирг, показывая все свои клыки, и нижние, и верхние. — Вы что, решили, что я с помощью нового знания затеял свалить Техника и занять его место? Ха!

Пард смутился. Уж слишком непосредственной была реакция Вольво. Так смеяться мог либо гениальный актер, либо живой, преданный настоящему Технику настолько, что мысль подсидеть своего шефа просто не могла зародиться. Изначально не могла.

Отсмеявшись, Вольво утерся широченной, как лопата, ладонью и заверил:

— Нет, Пард. В мои планы не входит стать Техником. Я вполне доволен своим местом и занимаюсь делом, которое мне по душе. К тому же у меня просто не хватит знаний, чтобы стать Техником Большого Киева. И скажу честно — ваши подозрения меня сильно развлекли. Но этот путь, увы, не ведет никуда, а у нас мало времени, чтобы без толку блуждать в темноте.

— Хорошо, уважаемый, — доверительно сказал Гонза. Пард немедленно фыркнул. Гонза хитро покосился на приятеля; Вольво снисходительно за этим наблюдал. Только Бюскермолен скорчил неодобрительную мину — похоже, он обиделся за шефа.

— Хорошо... Мы вам верим и надеемся, что нас тоже легко понять — уж слишком очевидна такая версия событий. Но если она неверна — что останется? Как объяснить сегодняшнюю пальбу?

— Объяснений масса, — небрежно сказал Вольво. — Например, обитатели того места, куда мы направляемся (кстати, я даже не знаю, какого именно места)... Э-э-э... Так вот, обитатели того места отнюдь не склонны делиться своими секретами. И начали принимать меры. Вполне правдоподобная версия, не так ли?

Пард немедленно уставился на Гонзу. Он сразу понял, что гоблину такие мысли в голову еще не приходили. Ему тоже не приходили, хотя мысли казались очевидными. Молодец Вольво, цепко мыслит...

Гонза почесал под кепочкой, пошевелил ушами:

— Черт возьми! Я об этом не подумал. Но это возможно.

— Еще как возможно!

Вольво явно ожидал объяснений. Ведь он действительно знал слишком мало, чтобы делать выводы. И его ум, его связи могли сыграть сейчас решающую роль.

Гонза с немым вопросом уставился на Парда.

— Говори, чего уж там. — Пард махнул рукой.

— Ладно. — Гонза вздохнул. — Мы направляемся в Крым. Знаете, где это?

— Крым? — переспросил Вольво с легким удивлением. — Так близко?

— А что? — Гонза поджал на секунду губы и покачал головой. — Место изолированное, остров. Попасть туда затруднительно, потому что приручить катер достаточно трудно, а если бы и получилось катер отыскать и нанять, так в Чонгаре шастают дикие броненосцы Черноморского флота. Я слышал, Москва с Кавказом договорились о чем-то и в Новороссийске торчат московские военные, пытаются работать с большими судами. Правда, опять же по слухам, без всякого успеха.

— Ну, положим, наши в Измаиле тоже торчат. Тоже, правда, без всякого успеха...

— Дался им этот флот, военным, — проворчал Бюскермолен. — Что нашим, что московским...

— Не скажи! — возразил Вольво с неожиданным жаром. — Ни Техник, ни я в президентские игры не вмешиваемся, но если кому-нибудь вдруг удастся приручить хоть пару боевых кораблей, в политике случится взрыв.

— Да? — переспросил Бюскермолен, хитро сощурившись. — А я вот слышал, что в Нью-Йорке какой-то псих посадил на мель подводную лодку и попытался приручить ее. И будто бы даже преуспел в этом. А взрыва все нет и нет.

— И что? Управились с лодкой-то? — заинтересовался Гонза.

— И ничего, — ответил Бюскермолен и пожал плечами. — Не удалось найти еще два десятка психов, которые рискнули бы залезть в это железное чудище и погрузиться в океан. Так и торчит на мели, аккуратно напротив статуи Свободы...

— Не отвлекайтесь, — прервал их Вольво. — Значит, Крым, говорите...

Крым. Большой остров в сотне километров от северных берегов Черного моря, формой, если верить научным картам, похожий на морского кота. Остров-загадка, потому что мало кому удавалось там побывать. О Крыме знали слишком мало, и потому даже баек и легенд никто не сочинял. Пард понял, что у Вольво имелись догадки относительно цели их путешествия. И что Крым среди предполагаемых целей не значился.

— Как вы намеревались достичь острова? — спросил Вольво, сосредоточенно ощупывая взглядом косую трещинку-полосу на обоях.

— В Николаеве у меня есть друзья, — неохотно объяснил Пард. — А у друзей — посудина, на которой дойти до Крыма — раз плюнуть. Проверено.

— То есть, — не понял Вольво. — Вы уже ходили до Крыма?

— Вот именно — до Крыма. Дотянули до северного берега, но высаживаться не стали, там у них береговая охрана свирепствует.

— А что за посудина? Как приручить сумели?

— Яхта. Она не вполне техническая, под парусами ходит. Минимум техники — блоки, шкивы. Формулы управления просты, как угол дома. Зависят от ветра, но на юге ветер всегда.

— Большая яхта?

— Маленькая. За раз больше десяти живых не возьмет...

— И часть из них — команда, я правильно понял?

— Да... Двое как минимум.

— Значит, нам придется делать два-три рейса... Плохо.

— Плохо, — согласился Пард. — Но разве есть выбор?

— Есть, — сказал Вольво. — Только в Николаеве нужно будет его отработать. От яхты твоей я не отказываюсь, запасной вариант никогда не помещает... Запомним.

— Ладно. — Пард замялся. Вольво ничего не сказал о своем варианте; с одной стороны, было обидно. Получалось, что им доверяют не до конца. С другой стороны, Парда брала вполне понятная ревность — в родных краях есть какой-то способ достичь Крыма, о котором сам Пард ни сном ни духом. Поневоле заинтересуешься.

Вольво глядел на Парда внимательно и прицельно. Потом улыбнулся, и Пард понял, что вирг видит его насквозь. Как будто Пард соткан из гибкого прозрачного пластика.

— Ну, ладно, — вклинился в разговор Гонза. — Это, можно сказать, поэзия. Голое теоретизирование, от которого пользы ни на грош, пока не прибудем в Николаев. А вернемся-ка мы к прозе, унылой и докучной.

Пард удивленно вскинул брови — что-то не замечал он раньше за приятелем привычки изъясняться поэтично. Поэтично призывать забыть о поэзии и подумать о прозе жизни — ну и ну!

— Так вот, — продолжал Гонза. — Меня сейчас больше всего интересует следующее: как мы доберемся до Николаева? Что предпримем в ближайшее время?

Вольво еле заметно кивнул — скорее всего об этом он уже успел подумать.

— Я попробую дернуть за кое-какие нити... Лучше всего найти автобус и двинуть по автостраде. Что-то нет у меня больше доверия к поездам...

— Да уж лучше не по автостраде, — подал голос Бюскермолен, — а проулочками, объездными. Где потише.

— Нет, Бюс. Где потише — не лучше. Там нас легче хлопнуть, понимаешь? На шумной трассе для наших соперников меньше возможностей напасть, а на задворках — сплошная благодать. Ни тебе свидетелей особых, ни тебе полисов. Какой полис попрется на задворки? Это в Центре они голем ходят, по Крещатику. Никто ведь не станет на Крещатике бузить!

Бюс что-то неразборчиво пробурчал в рыжую бороду.

— Если они поезд решили погубить, — вздохнул Пард, — то чихали они на оживленность, чихали на свидетелей, да и на полисов, кажется, тоже чихали.

— Не скажи. Видел, в каком месте они на поезд напали? Дыра дырой... Да плюс ночь. Шарахнули небось чем-нибудь реактивным по локомотиву — и опаньки. Все ведь быстро произошло — ищи теперь их свищи. Просто и безопасно. Тут даже президентские ищейки спасовали бы.

— Кстати, — небрежно встрял Гонза. — Я тут недавно услышал слово «соперники»... Это как, информация или догадки?

— Догадки, — ничуть не смутился Вольво. — Впрочем, кем еще они могут оказаться?

— Да кем угодно! Грабителями. Бандитами. Просто психами, наконец.

— Психи? Нет, Гонза. Слишком уж они целенаправленно и избирательно расстреливали пассажиров поезда Центр — Николаев. А именно — нашу команду. И никого больше.

— А откуда уверенность, что никого больше? Мы так резво уносили лапы, что особо присматриваться было некогда.

— Я присмотрелся, — спокойно сказал Вольво. — И я уверен. Нападение было совершено исключительно из-за нас. Но я по-прежнему считаю, что нас хотели всего лишь припутнуть.

— Или просто не рассчитали сил. Решили, что столкнулись с командой лохов, — предположил Бюскермолен.

— Возможно, хотя и маловероятно.

Вольво лениво встал и приблизился к столу. Сел к компьютеру.

— Ладно. Будем считать, совещание окончено. Итоги: наша миссия рассекречена; предполагаемый соперник — либо крымчане, либо живые Жерсона. Остальные варианты представляются мне маловероятными. Линия поведения на дальнейшее — осторожное движение на юг. Кажется, все. Отдыхайте, судари.

Гонза встал, поправил кепочку, сунул руки в карманы и вразвалочку направился к двери. Бюскермолен легко вскочил с ковра.

Уже в дверях Пард перехватил взгляд девчонки. Пронзительный и цепкий. Она не отвела глаз.

«А ведь я до сих пор не знаю, как ее зовут, — подумал Пард, отворачиваясь и выходя из комнаты. — У кого бы спросить?»

В самой большой комнате хором врачевали Тип-Топыча. Орк был раздет чуть не догола и пятнист от йода.

Когда Пард проходил мимо своей сумки, тихая трель сотового вызова привлекла его внимание.

Озадаченный, он расстегнул молнию и включился. Экран, секунду назад матовый и безжизненный, мигнул, а потом наполнился светом и техникой. Прихотливый узор цветных точек складывался в слова. В три коротких слова.

#меня зовут Инси%

Чувствуя, что на лице невольно селится тупое-тупое выражение, Пард пытался сообразить, возможно ли такое. Чтобы сообщение добралось из сети на упрятанный в сумку дремлющий комп. Даже не подключенный ни к каким портам.

Опыт и знания техника подсказывали ему, что невозможно.

10

Шахдар — Льюльяхляко

— **В**ыглядит все вроде бы спокойно, — докладывал Трыня. — Движение по проспекту, живые суетятся. Но я все время замечал повышенное внимание к группам, даже небольшим, по трое-четверо живых. По улицам шатаются вирги, безоружные, но с оттопыренными куртками. Короче, или я — не я, или нас усиленно пасут.

Вольво безмолвно тер виски. Было над чем подумать. Утреннее солнце вовсю рвалось в окна; в большой комнате было тесно, но не душно, потому что Гонза еще ночью разбудил кондиционер. У Парда мелькнула мысль: надо бы потрясти Гонзу на предмет соответствующих формул, потому что научиться самостоятельно обращаться с кондиционерами он до сих пор не удосужился.

Трыню с утра отослали на разведку, пошататься по району и понюхать новостей. Насколько Пард понял, Трыня в подобных делах был дока. Во-первых, почти все живые с трудом отличают половинчиков друг от друга, во-вторых, Трыня умел напускать на себя простецки-провинциальный вид, а в-третьих, он имел обыкновение пытаться всех лоточ-

ников, мимо которых проходил, предлагая поставлять овощи, консервы и прочую чешую, причем делал это в такой форме, чтобы лоточники на всякий случай отказались. При этом глаза и уши Трыня держал открытыми и всегда умудрялся вынюхать что-нибудь интересное. О талантах Трыни Парду поведал Бюскермолен, когда пили на кухне крепкий чай — единственное, что из найденного в квартире можно было употребить внутрь.

— Вольво, почему ты не прибегнешь к официальной помощи? — напрямую, без обиняков спросил Гонза. — Одно слово Техника, и здесь будет все, что мы потребуем, от бронированных джипов до полицейского кордона.

— Нам невыгодно прибегать к официальной помощи. Во всяком случае, я не хочу этого делать до тех пор, пока точно не выясню, кто именно на нас охотится.

«Или официальная помощь может принять сторону загадочных виргов, если ты все же ведешь свою игру», — подумал Пард.

Вольво поразмыслил еще немного.

— Ладно. Что без толку сидеть? Надо прорываться. Бюс, позови Роела, Зеппелина и Васю, будь добр.

Гном поднялся с ковра и высунулся за дверь. Почему-то он страшно любил сидеть на ковре, игнорируя стулья.

В комнату по одному просачивались вызванные охотники и, по примеру Бюскермолена, тоже усаживались на ковер.

— Значит, так, — начал Вольво. — Нам нужен большой автобус. Можно — рейсовый, но ни в коем случае не дикий. Желательно — пустой, только с во-

дилой-надзирателем. Водилу не трогать, но и не отпускать. Пойдете порознь, так что обо всем договаривайтесь здесь, а там чтоб сработали быстро и без запинки. Пард, ну-ка раскрути местные автобусные маршруты, поглядим, где поблизости остановки...

Пард послушно пересел за стол, к компьютеру, и привычно скользнул в сеть.

@mass transit list% — потребовал он.

Выветилась менюшка выбора района; Пард выбрал. Следующая менюшка: тип транспорта. Пард ткнул курсором в «city bus». Дом, в котором они укрылись, Пард отыскал на карте часа три назад. На всякий случай, догадывался ведь, что подобное знание все равно пригодится.

— Остановка недалеко, на проспекте, смотрите, как пройти. Маршруты тысяча сто седьмой, тысяча сто девятый и пять тысяч четыреста девяностый. На линии... хм... «Икарусы», «Долины», «Мистики» и «Чумаки».

— «Долину» не брать, — посоветовал Вольво. — Маловата.

— Понятно, — отозвался Бюскермолен. — В курсе, шеф.

— Бюс, Роел, вы идите открыто, из подъезда прямо к остановке. Зеппелин, проберись по крыше в соседний подъезд... а лучше не в соседний, а в крайний. На нижних этажах найди пустую квартиру и выберись через окно, но чтоб никто не видел. Ясно?

Полувирг кивнул с видом: «Что ж тут неясного?»

— Вася, шуруй в подвал. Если найдешь ход в любой окрестный дом, воспользуйся. Если нет —

найди укромное местечко и вылазь. Можешь притвориться техником-слесарем, если найдешь какой-нибудь инструмент.

— Сумку взять? — спросил Вася.

— Бери. Какой же слесарь без сумки? Можешь еще выпачкаться для вящего эффекта.

— В подвале все равно выпачкаюсь. И не хотел бы даже — а иначе не получается никогда, — жизнерадостно сообщил Вася.

— Можно подумать, ты много по подвалам лазил, — с сомнением произнес Вольво. Вася и Пард переглянулись, невольно вспоминая Одессу и эпопею с Левиной женитьбой, и одновременно вздохнули:

— Ой, много...

Вольво удивленно на них уставился, переводя взгляд с Васи на Парда и обратно. Потом со странной смесью сомнения и удивления в голосе сообщил:

— Жулики вы оба...

— Это в прошлом, шеф! — невинно заверил Вася. — В общем, я все понял.

— Бюс, командуешь ты.

— Шеф! — с той же невинностью в голосе, какую только что продемонстрировал Вася, вмешался Пард. — Техники-слесаря обычно работают парами...

Вольво понимающе усмехнулся:

— Черт с тобой, иди. Но помни: ты нужен целым и невредимым. Там, в Николаеве.

— Понял, шеф! Буду осторожен. Люди и так живут мало; зачем же укорачивать и без того куцую жизнь?

— Пять минут на сборы-раздумья. Все, — объявил Вольво. — Пард, останься.

Все, кроме Гонзы и Парда, вышли. Гонза даже не стал проситься — гoblin на улицах, да еще одетый как Гонза, а не как носильщик с вокзала, привлёк бы не меньше внимания, чем одинокий прожектор в полной темноте.

— Зачем тебе понадобилось идти с ними? — жестко спросил Вольво. — Ты же понимал, что при всех я не могу отказать.

— Понимал, — честно признался Пард. — А зачем... Пытаюсь честно отработать свой кусок будущего пирога.

— Ты его вполне отработаешь, если приведешь нас на место.

— Значит, — улыбнулся Пард, — я особенно голоден и втайне рассчитываю на добавку.

Вольво на это ничего не сказал. Только глубоко вздохнул.

— Иди, — велел он спустя минуту.

Когда Гонза уже вышел из комнаты, а Пард стоял в дверях, девушка окликнула его:

— Пард! Будь осторожен. Пожалуйста!

Пард обернулся и замер в дверном проеме. Она смотрела на него. Просто смотрела, Пард не мог угадать никаких чувств, ничего, стоящего за этим взглядом.

— Хорошо, Инси, — ответил Пард и вышел, успев злорадно заметить, как поползли на лоб глаза Вольво.

В контрольные пять минут ни у кого не возникло революционных идей. Вопросов тоже не возникло.

Вольво, выйдя на середину общей комнаты, бегло оглядел своих живых и выдохнул:

— Зеппелин, пошел...

Полувирг небрежно поправил пистолет, заткнутый за пояс джинсов, запахнул куртку и щелкнул замком входной двери. Замок открывался по довольно сложной формуле, но Вася-«Секс», крупный спец по отпираанию замков, успел народ тщательно проинструктировать. Зеппелин сделал приятелям ручкой и мягко взбежал вверх по лестнице. Шагов его, кроме Гонзы и эльфов, никто не услышал.

Прошла минута.

— Вася, Пард...

Орк Вася нахлобучил пятнистую кепку, у которой на внутренней стороне козырька виднелась самодельная надпись «Я вас всех имел!», и решительно прошагал к двери. Пард потрогал пистолет в кармане, мысленно пообещал Инси быть осторожным, сам же по этому поводу ухмыльнулся и вышел вслед за Васей.

Лифты Вася обычно игнорировал, да и этаж был всего-навсего четвертый. Спустившись к выходу из подъезда, орк подошел к запертой двери в подвал. Подергал за рукоятку, пригляделся. Полез в карман, добыл длинный стержень с крючком на конце, поковырялся в замочной скважине и потянул побежденную дверь на себя.

— Просю, — сказал он, довольно ухмыляясь. На темно-коричневой физиономии цвело выражение удовлетворенности собой и неудовлетворенности миром, поскольку приходится изощряться и применять формулы.

В подвале было темно, как в подвале, и Пард вытащил из кармана предусмотрительно захваченный фонарь. Вася щурился: орки в темноте видят похуже гоблинов или эльфов, но все равно

куда лучше людей. В одиночку Вася прекрасно обошелся бы и без фонаря.

Засаленные трубы переплетались в подвале самым причудливым образом. Где-то капала вода; издалека доносилось скрежетание работающего лифта. В щели-оконца пробивался тусклый свет; будь щели пошире, фонарь бы не понадобился.

— Туда, — сказал Вася, махнув рукой. Пард повернулся в ту сторону и посветил. Пятно света легло на дверь с пластиковой табличкой «Мастера».

Играючи открыв и эту дверь, Вася щелкнул выключателем. Свет послушно зажегся. В тесной клетушке стояли исцарапанный стол, ветхий шкаф с грязной робой и стеллажи с инструментом.

— Сказка! — обрадовался Вася. — Переодеваемся, герр слесарь...

Пард брезгливо покопался в шкафу, выбрал робу почище и переоделся. Свою одежду он аккуратно уложил в найденную здесь же брезентовую сумку с надписью «17-й участок», прикрыл куском поролона, а сверху небрежно сунул разводной ключ, плоскогубцы и моток проволоки.

Вася в рабочей одежде смотрелся как типичный орк-работяга, хоть сейчас папиросину в зубы и сажай в какую-нибудь шараш-контору к режущимся в домино аборигенам.

— Ну, Пард, будешь прорабом, — заявил Вася. — У тебя вид нерабочий, рожа слишком умная.

— Зато ты — чистый пролетарий, — огрызнулся Пард. — Одна извилина, и та от удара саблей.

Вася тихо захихикал. Подобные перепалки давно стали нормой их отношений, никто и не

думал воспринимать сказанное всерьез. А настроение поднималось.

Они погасили свет и снова окунулись в темень подвала.

— Давай вон туда, в тупик, — предложил Вася. — Поглядим, что из окошка видно, если все тихо — расковыряем и вылезем.

— Расковыряем? — не понял Пард.

Вася ухмыльнулся и показал ему увесистый лом, видимо, прихваченный из каморки слесарей.

— Во! Полезная штука. И формулы для лома простые, даже я их знаю...

Пард хмыкнул. Да уж, действительно, если живой не знал формул для лома, такого можно было смело сдавать биотехникам для экспериментов. Потому что больше в этом мире такие кретины ни на что не годились.

Щель в торце дома была чуть пошире, чем остальные. Пард осторожно выглянул — напротив, очень близко, серела бетонная стена. Или забор, было не рассмотреть. Они просидели минут пять напротив щели, и никто не прошел рядом.

— Ладно. — Вася поплевал на руки и взялся за лом. — Отойди, чистюля, пролетарий пахать будет. Как бы не выпачкать тебя, умника...

Пард послушно отошел в сторону. Звонкие удары железа о камень нарушили сонную тишину подвала.

Долго напрягаться Васе не пришлось — дыра расширялась весьма охотно, и вскоре в подвал хлынул режущий глаза дневной свет. Пард погасил фонарик и сунул его в сумку. Бетон напротив оказался низким заборчиком, опоясывающим не то детский сад, не то школу. Пард и Вася проворно

выбрались наружу, не замеченные никем. Ну разве что кем-нибудь из жильцов дома, если те обратили внимание на стук Васиного лома и удосужились выглянуть в окно.

— Пошли, начальник. — Вася продолжал палясничать, но это сейчас отвечало задуманным ролям, и Пард послушно направился вдоль заборчика. На проспект они вышли спустя пять минут, миновав арку в длиннющем сорокаэтажном доме. Невдалеке, на остановке, Пард увидел Бюскермолена и Роелофсена, чинных и солидных, как и подобает гномам. Не зная Пард, зачем они торчат на остановке, решил бы — ждут себе автобуса двое живых.

Зеппелина видно не было.

Кроме гномов, на остановке топтались толстый человек в неопрятном костюме и изможденная старуха с кошелкой. Пард с Васей неторопливо приблизились.

— А все-таки, — непринужденно вещал Вася, — пластиковые трубы лучше металлических. Формулы формулами, а износ износом...

— А я что — спорю? — в тон ему поддакнул Пард. — Лучше. Жаль, участок старый, мало пластика, металл один...

Вася сокрушенно вздохнул. Бюскермолен и Роелофсен свысока покосились на двух слесарей; Парду даже завидно стало. Во умеют важность на себя напустить!

Вскоре появился Зеппелин с бутылкой пива наперевес. Выглядел он мрачным и торопящимся. Косо взглянул на желтую табличку-расписание, привалился к металлической стойке под краем козырька и стал жадно потреблять из бу-

тылки. Старуха с кошелкой тут же пристроилась рядом, явно нацелившись пустой бутылкой завладеть. И преуспела: Зеппелин втащил остатки пива суровым виржым глотком и отдал обесценившийся сосуд старухе. Старуха неразборчиво поблагодарила.

Первый автобус они пропустили, серебристую «Долину», почти полную. Пард нервно покосился на часы, вздохнул и пожаловался Васе:

— Опоздаем, заведующий фитиля вставит...

— Ничего, — беспечно отозвался Вася. — Сам он, что ли, по подвалам лазить будет? Ткачук говорил, он темноты боится!

Пард с Васей очень натурально заржали.

Два проходящих мимо остановки вирга с подозрительно оттопыренными куртками ощупали живых у козырька цепкими, внимательными взглядами и прошествовали дальше. Пард видел, что вскоре они свернули во дворы. Как раз туда, откуда недавно вышли Вася и сам Пард.

Вскоре показался очередной автобус, угловатый красный «Икарус». Над лобовым стеклом чернели выведенные тушью цифры: «1109» и маршрут: «Стадион — Лохановка».

Пард хмыкнул. В конечной точке маршрута этого автобуса, похоже, обитали сплошные лохи...

Народу в салоне, к счастью, оказалось совсем мало, живых с десять. Гномы вошли в среднюю дверь и устроились на спаренных сиденьях; Зеппелин остался на задней площадке. Вася и Пард прошли к похожей на пузырь паука-серебрянки кабинке водителя.

Водитель, парень-человек лет двадцати, листал пестрый журнал с малоодетыми девицами и авто-

бусу почти не мешал. Тот, похоже, был отменно приручен и успел накопить солидный опыт на маршруте.

До следующей остановки они ничего не предпринимали; четверо пассажиров очень удачно вышли, в том числе старуха с одинокой бутылкой в кошелке, а взамен сел только один: орк-подросток с ранцем, непрерывно жуящий резинку.

— Давай, — сказал Пард Васе, и тот послушно потянул на себя дверь водительской кабинки. Водитель оторвался от журнала и попытался вяло протестовать, но Вася тихонько взял его за соломенные волосы и нехотя брякнул ладонью по морде. Пард заслонял действо от пассажиров.

— Значит так, отроче, — невыносимо скучным тоном сообщил Вася. — Сейчас ты остановишься, погазуешь маленько для пущего эффекта и объявишь, что автобус устал и хочет вернуться в парк. Потом медленно — слышишь? — медленно пересядешь в салон. Не станешь дергаться, мы тебя отпустим. Станешь... пеняй на себя.

Парень мелко-мелко закивал; журнал с девицами сполз с приборной доски и шлепнулся на пол, к педалям. Водительскую шевелюру Вася отпустил, зато левую руку держал подозрительно близко к боку, и Пард мог ставить все свои деньги на то, что в бок парню упирается ствол.

Метров через двести автобус чихнул и приткнулся к тротуару. Водила очень натурально поревел акселератором, подергал несчастный, ничего не понимающий автобус вперед-назад и потянулся, вопросительно взглянув на Васю, к шишке с кнопкой, от которой тянулся в недра приборной доски витой черный шнур. Вася кивнул.

— Граждане! — хрипло сказал водитель. — Автобус дальше не пойдет, утомился, третьи сутки на маршруте. Извиняйте...

Двери с шумом открылись, повинуюсь руке Васи. Пассажиры зароптали, но послушно потянулись наружу. На тротуаре все они начинали вертеть головой, соображая, какая из остановок ближе: та, что впереди, или та, которую недавно миновали.

— Все, — Вася подтолкнул водилу стволom, — вылезай.

— А гномы?.. — попытался обратить внимание парень, но Вася его перебил:

— Гномы нам пригодятся.

Зеппелин водилу почему-то не взволновал.

Перед выходом Пард прокрутил Васе на экране компа все подъезды к нужному дому, все улочки внутри квартала, а на память Вася сроду не жаловался. Неповоротливый автобус, почуявший уверенную руку черного орка, послушно углубился в массив многоэтажек. Пард, стоя рядом, коротко подсказывал, Вася монотонно и спокойно отвечал: «Ага».

Он и сам знал, куда сворачивать, но справедливо считал, что лучше два раза свериться, чем один ошибиться.

— Гости слева! — предупредил с задней площадки Зеппелин, перекрыв рычание дизеля. Пард взглянул — та самая парочка подозрительных виргов. «Икарus» их явно заинтересовал.

Вася убрал ногу с газа и придержал автобус, одновременно зачем-то открыв заднюю дверь. Высунулся в окно.

— Эй, мужики! — весело крикнул он виргам. — Где здесь пивная, а? Трубы горят, спасу нет...

Вирги попеременно глядели на Васю, на автобус и друг на друга, и все — мрачно. Один уже было полез за пазуху, но тут рядом с ними непонятно откуда возник Зеппелин. Пард сунул руку в сумку, но даже не успел достать пистолет, как все закончилось. Один вирг остался лежать на травке у самой дороги с ножом в груди, второго, обмякшего и безвольного, быстро волок к автобусу Зеппелин. Бюскермолен и Реллофсен вдруг тоже оказались снаружи, мгновенно убрали убитого вирга прочь от дороги и затолкали в густые кусты перед ближайшим домом — и так же без задержек вернулись.

— Клево сработано! — оценил Вася, трогаясь. — Команда у Вольво что надо!

Пард чертыхнулся. Он считал себя достаточно опытным живым в таких... ну, назовем их скользкими, делах, но тут он видел работу настоящих профессионалов.

А ведь на самом деле — охотники-машиноловы. То есть по официальной версии...

В общем, Пард чертыхнулся.

Бюскермолен встал, прошел на заднюю площадку и вернул Зеппелину уже оттертый от крови нож. Зеппелин благодарно кивнул и растворил нож где-то в подозрительной близости от собственных ладоней, но где именно — рассмотреть никому не удалось.

Пленный поленом валялся на резиновом полу. Из кармана его выкатилась черная трубка, но это был не сотовый телефон, а портативная радиостанция. Паренек-водитель испуганно вертел головой.

— Налево, — сказал Пард.

— Ага! — отозвался Вася.

— Приехали, — буркнул Роелофсен и выглянул в окно.

У автобуса, словно по секретной формуле, возник Иланд — на этот раз с автоматом, не с устрашающей снайперкой.

— Порядок? — спросил он, не слишком, впрочем, сомневаясь в ответе.

— Похоже. Там язык отдыхает...

Иланд извлек «Уоки-Токи» и коротко сказал что-то по-эльфийски.

— Ваши вещи вынесут, — добавил он, глядя на Парда, и поднес к глазам запястье с плоским диском научных цифровых часов.

Метрах в семидесяти впереди улицу торопливо перебежал Вахмистр. А от дома уже спешили шофера с сумками.

«Действительно, прекрасная команда. Сыгранная. Как оркестр. Как большой оркестр, где каждый превосходно выучил свою партию и бесконечно предан дирижеру...»

11

Льюльйальяко — Уаскаран

Через две минуты «Икарус» уже катил в сторону проспекта. Команда рассредоточилась по автобусу и вела себя так, что вряд ли бы кто-нибудь вообразил, будто здесь все знают всех. Едет себе по делам разношерстный народ — люди, орки, вирг, полувирг, гномы... Даже гоблин один есть.

Пард, прикипев к компьютеру, вытащил из недр сетевой памяти данные о маршруте тысяча сто девять.

— Гляди, Вася, — сказал он, разворачивая экран к орку за рулем. — Мы сейчас здесь. Помоему, вот так и вот так нужно проехать. Вполне удобно. Потом...

Пард щелкнул парой клавиш, и цветная дорожка маршрута отчетливо замигала, наложившись на план района.

— ...вот, по проспекту. К стадиону. Остановки делать, а, шеф? — Пард вопросительно обернулся к Вольво.

— Лишнее. Конечная тысяча сто девятого слишком близко. Ну-ка, давай сменим маршрут...

Пард мгновенно влез в нужную базу.

— О! — обрадовался он, сразу натываясь на подходящий вариант. — То, что доктор прописал: экспресс «Смела — Кировоград». Прямо сказка!

— Годится, — одобрил Вольво с ходу.

Пард немедленно сваял простенькую картинку с нужной надписью и загнал ее на распечатку. Принт-блок деловито застрекотал. Хольфинг Мина уже добрался до старых табличек со словами «Стадион — Лохановка» и с цифрами «1109» и выковыривал их из узкой щели между лобовым стеклом и плоскостью держателя.

— Держи! — Пард протянул ему лист бумаги с надписью «Смела — Кировоград». Мина аккуратно устроил его на место.

— Все, мы теперь экспресс. — Мина довольно потер руки. — Можно и остановок не делать.

Пард на всякий случай проверил — получалось не так. Несколько остановок экспресс все же делал. Причем ближайшая была совсем недалеко.

— Остановишься, — велел Вольво Васе. — Пусть садятся, кто хочет. Расползлись по компаниям, и мы друг друга не знаем, пока все не успокоится.

Пленного вирга, до сих пор разлученного с сознанием, уложили под кресла и прикрыли мешковиной. Иланд, кроме всего прочего оказавшийся еще и медиком, вкатил ему полтора кубика какой-то белесой дряни. Пустую ампулу эльф спрятал в карман. Вкатили чего-то и притихшему пареньку-шоферу. Места под креслами и мешковины хватало...

Пард убрал компьютер в сумку и облегченно опустил в кресло рядом со средней дверью. Инси совершенно неожиданно покинула Вольво и пересела к Парду. А рядом с Вольво устроился Гонза,

надвинув кепочку на самые глаза — прилично одетый гоблин рядом с прилично одетым виргом уже не казался белой вороной. Едут себе по делам приличные живые...

Гномы и хольфинги тоже смотрелись очень естественно. Вполне правдоподобная четверка. Пара эльфов и пара полуэльфов; несколько людей, орков, метисов.

И — парень с девчонкой. Люди. Что может быть естественнее?

Инси уютно расположилась в кресле, просунув свою руку под руку Парда, и опустила голову ему на плечо.

Парду сразу же захотелось, чтобы Вася ехал помедленнее.

Он ожидал, что Вольво будет хмуриться, хотя, конечно, терпит временное отсутствие Инси, но тот глядел на новоявленную парочку вполне весело и миролюбиво, чуть ли не по-отечески. Это совершенно сбило Парда с толку. Черт побери, какие же на самом деле отношения у Вольво с секретаршей? Не родственные же — они разных рас. Получается, и не любовные. Какие же еще — деловые, что ли?

Пард ровным счетом ничего не понимал.

На остановке в автобус подсело с десяток живых, и спаянная узами совместного дела команда совершенно растворилась, стала незаметной, хотя каждый игрок продолжал чувствовать локоть соседа. Вася ревнивым тоном одесского водителя напомнил народу, чтобы передавали за проезд; шофера уже завели разговор с подвернувшимися коллегами; гном в коричневой кожаной куртке, выбравший, конечно, место рядом с Бюскермоленом, Реллофсенем и хольфингами, уже тактично знако-

мился с соплеменниками; румяная бабуля-человек, что устроилась напротив Парда и Инси, глядела на парочку с умилением и одобрением, а Вася за рулем вспомнил шоферские формулы и включил радио. Звучный баритон вплеся в дорожный гул:

До сих пор я не верю
В то, что детство ушло,
В то, что пусто за дверью
В час, когда тяжело,
И опять губы сами
Эти шепчут слова,
Снова перед глазами
Проплывут острова.

Острова в океане,
Вы из детской мечты,
Вы встаете в тумане
Посреди пустоты,
Острова в океане,
Я опять к вам иду,
Я в житейском тумане
Вспоминаю мечту.

«Надо же, — подумал Пард удивленно, — острова! А мы как раз на Крым нацелились. Вот и не верь после этого в совпадения...»

Вы всегда выручали,
Если трудно порой,
Вы с улыбкой встречали,
Словно вы — дом родной,
И укрывшись за вами,
Я шептал, как в бреду:
«Острова в океане,
Я всегда вас найду!»

Пард не помнил имени певца, но знал название группы. Группа звалась «Берег» и последние годы неизменно возникала в первых строках хит-парадов. Да и по радио песни «Берега» крутились очень часто.

Голос певца растворился в гитарном соло; даже не верилось, что пальцы музыканта способны двигаться с той же быстротой, с какой ноты сменяли друг друга. Каждый звук оставался отчетливым и не смазывался. Пард знал, чего стоят такие пальцовки — изнурительных репетиций, когда с гитарой приходится проводить по шестнадцать часов в сутки...

Вы остались навечно
Новым домом моим,
Все пути бесконечны,
Но пройду я по ним,
Если знаю, что где-то
Так же верность храня,
Будь зима или лето,
Острова ждут меня!

Под музыку и ехалось веселее.

— Ты давно работаешь с Вольво? — спросил Пард, когда песня закончилась, стараясь, чтобы вопрос прозвучал непринужденно.

— Нет, — ответила Инси, не меняя позы. — Второй год. А что?

— Знакомлюсь, — вздохнул Пард. — До сих пор мы с тобой даже словом не перебросились...

Инси улыбнулась и взглянула на Парда; на лице ее на миг отразилось нечто неуловимое. Мелькнуло — и исчезло.

— Я гляжу, ты знакома с формулами, — продолжал Пард.

— Есть немного... Да и работа обязывает.

— Скажи, — решил Пард несколько неожиданно даже для самого себя. — Кто для тебя Вольво?

Инси отстранилась, чтобы заглянуть Парду прямо в глаза:

— А тебе очень нужно знать?

— Хотелось бы...

И снова улыбка — не поймешь, ироническая или просто радостная.

— Шеф... Друг отца. Можно сказать, дядя, хоть и не кровный.

— А твой отец...

— Отец погиб семь лет назад. Он был ученым. Очень сильным ученым, таких во все времена жило очень мало.

— Прости...

Инси пожала плечами.

Говорили они тихо, музыка и шум двигателя заглушали слова. Вряд ли их кто-нибудь слышал, даже эльф или гoblin. Да и сидящая напротив румяная бабуля не могла разобрать ни единого слова.

— Скажи, а ты часто общаешься с Техником Большого Киева?

— Нет, — ответила Инси, спокойно выдержав взгляд в упор. — Я даже никогда его не видела. С ним общается Вольво. Часто. А я ведь просто секретарша.

«Что не мешает тебе ловко управляться с компьютером, — подумал Пард. — Сомневаюсь, что секретарша Судера, к примеру, способна на такое...»

Мотор автобуса заурчал громче, Вася сбрасывал скорость. Пард, вытянув шею, глянул вперед, в лобовое стекло. На дороге поджидал кордон.

— Начинается, — проворчал он. Инси вновь уютно устроилась у него на плече. Пард не возражал.

Автобус подкатил к полосатой дуге шлагбаума. Два человека и орк в форме дорожного патруля вошли в автобус; еще один орк приблизился к двери водителя и с любопытством глядел на Васю. Он, как и Вася, был черным орком.

— В Кировоград? — осведомился один из людей, бегло оглядев салон. Наличие трудяг-шоферов и особенно — бабушки патрульных успокоило, они даже короткие автоматы перестали тискать.

— В Кировоград, — весело ответил Вася. — А потом назад. И так день за днем, чтоб его...

— Что-то я тебя не припомню... — проворчал второй патрульный-человек.

— Я тебя тоже! — весело ответствовал Вася. — А чего, командир, за паника? Чего стряслось-то?

— Поезд под Смелой обстреляли. Бой был, тля, настоящий, десяток трупов. Бесчинство...

— Чего творят, прости-жизнь, — вздохнула бабуля, поправляя платочек. — Что за времена настали...

Патрульные прошлись по салону, поглазели, но больше для порядка да устрашения, потому что даже усыпленных вирга и человека под мешковиной не разглядели.

— Ладно, езжайте...

Вася подождал, пока патрульные выйдут, закрыл двери и тронулся, помахав на прощание соплеменнику на дороге.

«Ну, дела! — подумал Пард. — Ловят, конечно, тех виргов, но ведь и мы могли легко вляпаться. Поди докажи, что мы в том поезде ехали... Кстати, хорошо ребята Вольво стреляют, десяток трупов,

говорят... А у нас — ни одного. В конце концов все бы выяснилось, но пока Вольво дергал бы за нужные ниточки, сгоряча бы шлепнули кого-нибудь, в патруле народ суровый, чуть что — пулю в голову и прощай жизнь...»

Но могло быть и так, что патрульные всей правды просто не знают. Гребут всех подозрительных, а кто поосведомленнее — тот после разбирается, тех взяли или не тех. Вольво решил не рисковать, и Пард его вполне поддерживал.

Даже прикрытие сил Техника Большого Киева не уберегло миссию от проблем. А ведь это только начало. Страшно даже подумать, что произошло бы, попробуй Пард с Гонзой сунуться в Крым в одиночку, без команды.

Потому что Крым явно себя охраняет. И попытки, подобные этой, конечно же, случались уже не раз. А машины строить никто по-прежнему не умеет...

До Кировограда кордонов больше не встретилось.

— Эй, народ! — осведомился Вася по трансляции. — Кто-нить дорогу до автовокзала знает?

«Икарус», понятно, дороги не знал, потому что никогда доселе не выходил на маршрут экспресса «Смела — Кировоград».

Один из местных шоферюг немедленно пришел Васе на помощь. Попетляв по улицам нового района, «Икарус» подкатил к платформе автовокзала. Дежурный-гном с красной повязкой на рукаве сделал круглые глаза — в расписании дополнительный рейс не значился.

— Приехали! — радостно объявил неунывающий Вася и открыл двери. Все, кто думал, что это обычный экспресс, сошли. Осталась команда.

Гном с круглыми глазами направился к автобусу. — Трогай, — негромко скомандовал Вольво, и Вася привычно завертел рулем. «Икарус» величаво отвалил от платформы. Гном лихорадочно жестикулировал, но Вася только скалил зубы и продолжал выруливать к выезду. Обогнув здание автовокзала, автобус скользнул на шоссе.

— Пард! — рявкнул Вася. — Карту давай!

Пард с сожалением отстранил девушку и полез в сумку за компьютером.

— Прости, — сказал он, вставая.

Инси загадочно улыбнулась в ответ. И пересела к Вольво. Похоже, без всякого сожаления.

12

Уаскаран — Мерседарио

Ближе к вечеру прошел дождь, и Васе пришлось немного сбросить скорость, потому что дорога стала скользкой и коварной, автобус боялся гнать во весь опор, как того хотелось Васе. Вольво вскоре велел свернуть с трассы; «Икарус» полз второстепенными улицами, разгоняя тишину сонных районов. Пленный вирг валялся под креслами и признаков жизни не подавал; Пард удивлялся, почему Вольво его не допросит, но Вольво словно забыл о пленном. Несколько раз он разговаривал по телефону, затыкая второе ухо пальцем, а однажды даже вынудил Васю остановить автобус и долго бродил по обочине с трубкой у уха, разговаривая и жестикулируя; плотные порывы ветра от пронесившихся мимо машин шевелили непослушные пряди его черных волос. Шофер-парнишка несколько раз начинал шевелиться и стонать. Иланд его снова усыплял.

Задолго до темноты начали искать место для ночлега; Вольво придирчиво выбирал подходящий квартал и остановился на тихом райончике с удобными коттеджами, массой зеленых лужаек и ми-

нимумом оседлого народа в округе. Коттедж, рядом с которым затормозил «Икарус», был достаточно велик, чтобы вместить всю команду. Вещи и пленника сгрузили на траву, а автобус Вася отогнал подалее и оставил на такой же тихой улице. На всякий случай.

Дверь была незаперта; такое часто случалось с необитаемыми домами. Команда просочилась внутрь, внесла пленника и вещи.

— Ха! — сказал Трыня, осмотрев окна. — Да тут не шторы — сплошная светомаскировка! Можно даже свет зажигать.

Он повозился в углу, у крайнего окна, и плотные черные завесы развернулись с тихим шелестом, наглухо закупоривая все окна в просторном холле. Кто-то включил свет.

Мина тут же выскочил на лужайку перед коттеджем.

— Чисто! — сообщил он, вернувшись. — Ни лучика не видеть.

— Хорошо, — сдержанно кивнул Вольво. — Трыня, пройдишь по всему дому и завесь каждое окно. Каждое, понял? Чтоб наружу так ни один лучик и не проскользнул.

Половинчик отправился в поход по дому; Бельский и Мина пошли с ним.

— Вахмистр, устрой внешнюю охрану. Кто первым, решайте сами. Остальные — по комнатам, но только по тем, где уже побывал Трыня, ужин — и спать. Завтра встаем рано.

Кое-какой снеди набрали в придорожных кафешках и магазинчиках, чтобы поддержать силы и отогнать назойливое чувство голода. Впрочем, на охоте частенько бывает некогда пировать: пара

галет да пакетик колы или банка пива — вот и вся еда. Так что народ к подобному режиму был привычен, и никто особых неудобств не испытывал.

— Жор, подбери комнату мне. И подготовь все...

— Понял, шеф...

Половинчик Жор служил у Вольво кем-то вроде денщика. Кроме всего прочего...

Все быстро и как-то тихо и деловито рассосались по дому; в холле остались только Пард с Гонзой, Вольво, девушка, техники-полуэльфы, Иланд да пленник-вирг, по-прежнему представляющий из себя недвижимый куль. Потом подошли Бюскермолен с Реллофсеном.

— Ну что? — вздохнул Вольво. — Начнем, пожалуй. Оживи его, Иланд.

Эльф сноровисто сдернул с вирга мешковину и развязал руки. Ноги оставил связанными. Вирг безжизненно растекался под его руками — он по-прежнему пребывал в прострации, хотя глаза его были открыты.

Иланд извлек плоский пузырек темного стекла, свинтил крышку и сунул пленнику под нос; вирг немедленно дернулся, словно его ударило техникой из источника, и сдавленно замычал. Эльф с размаху влепил ему пощечину, другую.

— Сейчас оклемается, — уверенно сказал Иланд.

Взгляд пленника и впрямь становился все более осмысленным. Он замотал головой и попытался сесть, но не сумел и вновь растянулся на ковре.

— Усади его у стены, — велел Зольво. Эльф немедленно подтащил пленника к свободной стене, облокотил на цветастые обои. Поддержал, чтобы тот снова не сполз на пол.

— А-хмм... Хр... — прохрипел вирг; потом сдв-ленно закашлялся и принялся тереть омертвевшие запястья.

— Все, — объявил Иланд, отходя от пленника на шаг. — Он usable, шеф.

Вирг мрачно поглядел на него, потом на Вольво. Ведь Вольво тоже был виргом.

— Ну что, родич, — сказал Вольво хмуро. — Готовься, сейчас из тебя правду вытрясать станут. Вот этот эльф — ты о нем слыхал, наверное, — в своем деле спец. Да и гномы тоже не пять лет назад родились... Так что советую не упираться. Целее останешься.

Вирг промолчал.

— Итак. Вопрос первый. На кого ты работаешь?

— На Оришаку.

Вольво обменялся безмолвными взглядами с Иландом и Бюскермоленом. И эльф, и гном едва заметно качнули головами. Отрицательно качнули.

— Подробнее, — потребовал Вольво.

— Что — подробнее? — переспросил пленник.

Вольво прикрыл глаза на миг.

— Голуба, послушай, — ласково сказал он, и от этой ласковости у Парда невольно прогулялся по спине холодок. — Выключи идиота и развязывай язык. Предупреждений больше не будет, учти. Начнутся меры.

Вирг сверкнул глазами и недовольно стал говорить:

— Оришака — орк из Смелы, держит несколько районов. Я у него лет пятнадцать в группе...

— Кто контролирует вашу группу?

— Не знаю, но думаю, что Шульга.

— Шульга — вирг, работает на Жерсона, — шепнул Бюскермолен Парду. — Похоже на правду.

— Кто прошлой ночью устроил нападение на поезд?

— Мы.

— Цель?

— Точно не знаю, только слухи.

— Слухи! Да поподробнее...

— Некто, кто ехал в восьмом вагоне Николаевского поезда, намеревался перехватить одну из наших ближайших операций в Запорожье.

— Источник слухов? — Вольво задавал вопросы сухо, жестко и отрывисто.

Пленник поморщился:

— Мать-сыра земля...

Иланд коротко, почти без замаха пнул сидящего вирга носком сапога под дых, тот даже дернуться не успел, не то что заслониться.

Когда вирг обрел способность дышать и снова с трудом привалился к стене, Вольво повторил вопрос:

— Источник слухов?

Пленник, захлебываясь приступами кашля, все же сумел выговорить:

— Послушайте... уважаемый... у слухов... не бывает... источников...

Вольво еле заметно усмехнулся:

— А ты не так уж и не прав! То есть конкретно никто ничего не говорил? Полслова там услышал, полслова здесь, остальное додумал и сопоставил? Так, что ли?

— Так.

— Здорово... — Вольво потер подбородок. — Просто здорово. Что намеревались сделать с захваченными живыми из восьмого вагона?

Вирг опустил набрякшие веки и тихо сказал:

— Мы не получали приказа кого-либо брать.

Пард и Гонза невольно поглядели друг другу в глаза.

Вот так. Их всех собирались просто убить. Без затей и выяснения чего бы то ни было. Просто убить. Как докучливых комаров, налетевших в летнюю спальню.

Вольво ненадолго задумался. Пленник оказался просто пешкой, малоинформированной, хотя и неглупой, но все же пешкой. Допрашивать его дальше было бессмысленно.

— Убери его, Иланд. Под замок, до утра. Утром — отпустим.

И добавил, специально для пленника:

— Слышишь? Мы тебя отпустим. Передашь хозяину все, что я скажу.

— Я понял, — глухо сказал вирг. Пард заметил на его щеках две ямочки, как раз там, где кончики клыков соприкасались с кожей. Наверное, пленник крепко сжимал челюсти.

— И парнишку из автобуса тоже отпустите. Чуть пораньше...

Иланд согласно кивнул и бесцеремонно поднял вирга за шиворот, хотя тот был потяжелее, да и выше. Релофсен помог Иланду пристроить пленника; они покинули холл, затворив за собой дверь.

— Значит, Жерсон, — тихо сказал Гонза, внимательно глядя на Вольво. — Так, получается?

Вольво медленно обернулся к нему:

— Жерсон звонил мне сегодня днем. Он не отдавал приказа Шульге и ручается, что Шульга тоже никому не отдавал приказа. Орк Оришака действовал самостоятельно... Кстати, Жерсон заметил, что в последний раз действовал. И я ему склонен верить — Оришака ведь даже не вирг.

— Но ведь Жерсон может играть. — Гонза пожал плечами. — Вся его команда может играть. Как оркестр. Повинуясь только дирижеру.

Вольво горько улыбнулся, а потом, чеканя каждое слово, произнес:

— Запомните, живые. Крепко запомните. Жерсон никогда — никогда! — не ввяжется в свару с Техником Большого Киева и его подручными. А тут даже не свара. Тут война.

И добавил уже мягче и задумчивее, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Это не Жерсон. Но кто же тогда, шахнуш тодд?!

При звуках родного языка Гонза вопросительно шевельнул ушами.

13

Мерседарио — Тупунгато

Команда затихла мгновенно, потому что за минувшие сутки никому поспать особо не пришлось. Только часовые, Вахмистр и Лазука, продолжали бодрствовать. Эльф бесшумно расхаживал снаружи, да так, что заметить его вряд ли кто сумел бы; Лазука устроился на крыше, у слухового оконца, и бдил за прилегающими улицами.

Дважды за ночь часовые сменялись.

До рассвета все было тихо. Когда тьма стала рассеиваться, а восток заалел, Большой Киев проснулся. Где-то далеко-далеко свистнул локомотив. Донесся шум двигателя раннего автомобиля. Ожило радио; в одной из комнат сам собой включился телевайзер.

Вольво чертыхнулся, нашарил на столике рядом с кроватью продолговатый, усыпанный кнопками пульт и нажал на единственную красную, под надписью «Operate». Телевайзер враз умолк, а экран его вновь сделался матово-серым и непроницаемым.

Вольво хорошо знал формулы обращения с телевайзерами.

Он взглянул на часы и решил позволить команде еще немного отдохнуть. И сам откинулся на подушку.

На восходе внимание Валентина-полуэльфа, стоящего на часах, привлёк нарастающий треск моторов. Мотоциклетных моторов. Валентин сразу разбудил Вольво.

Ас с крыши вскоре заметил целое стадо мотоциклистов. Они неслись по параллельной улице сплошным потоком, соблюдая равные интервалы и строгое построение. Казалось, что стадо — это разумное существо или сложная, хорошо обученная машина.

Вольво поднялся на крышу и долго рассматривал ранних гостей в бинокль; потом отнял бинокль от глаз и тихо выругался.

— Какого дьявола им здесь нужно?

Ас вопросительно глядел на шефа.

У перекрестка стадо качнулось влево. К дому, где расположилась команда. На следующем — еще раз влево.

— Все, — сказал в рацию Валентин снизу. — Они на нашей улице.

— Поднимай живых, — велел Вольво стоящему за плечом Бюскермолену. — Только тихо.

Мотоциклистов было много. Не меньше сотни. Они подкатывали к дому, глушили двигатели, но оставались в седлах. Скоро они запрудили всю улицу.

Парда разбудил Гонза. Чувство смутной тревоги уже успело вселиться в Парда; вероятно, он даже во сне слышал треск мотоциклов и подсознательно забеспокоился.

— Гости к нам, дружище... Веселье продолжается, чтоб его...

В голосе Гонзы сквозила неприкрытая досада. Пард торопливо оделся, отпихнув ногой слесарскую робу, в которой проходил весь вчерашний день. На полу остались лежать уродливая брезентовая сумка, моток проволоки, плоскогубцы и разводной ключ.

— Это не выбрасывай... — посоветовал Гонза, указывая на ключ. — В случае чего можно кого-нибудь по башке осчастливить.

Пард мрачно проверил, заряжен ли пистолет. Обойма была полна; после стрельбы у поезда Пард добил ее недостающими патронами.

Рядом шевелились гномы, уже с ружьями в руках.

— Выгляни, что ли, — сказал Бюскермолен сородичу. Роел послушно приблизился к окну и осторожно оттянул стволом ружья черную завесу маскировки.

— Ё-мое! — шепнул он, не оборачиваясь. — Целая армия!

Мотоциклисты тем временем спешили, десятка полтора из них направились к дому. Все были вооружены, но непохоже, чтобы ждали сюрпризов. Все выглядело так, словно они считали дом пустым.

Идущий первым щуплый человек в истертой джинсовой куртке и таких же истертых джинсах прогремел ботинками по деревянному крыльцу. Подергал за ручку двери.

— Закртыо, босс! — изумленно бросил он через плечо и потянулся к револьверу за поясом джинсов.

Босс, рослый орк, единственный невооруженный во всей компании, едва заметно повел головой. Трое из его свиты взбежали на крыльцо. Грох-

нул выстрел, и дверь пинком распахнули. В прихожую заглянуло несколько стволов.

Напротив двери стоял Вольво. Безоружный. Но за спиной у него цепочкой вытянулась премилая компания: гномы с помповыми ружьями, шофера кто с чем, хольфинги и Трыня со штурмовыми металлорезками и Зеппелин с парой «Магнумов».

— Доброе утро, — невозмутимо поздоровался Вольво и вышел на крыльцо. Передние мотоциклисты попятились, поравнялись с остальными, не выпуская из рук оружия.

Свита Вольво тоже выскользнула на крыльцо; только Трыня незаметно ушел к лестнице на верхние этажи.

— Кто вы, черт побери, и что вы делаете в моем доме? — сердито спросил орк, которого называли боссом.

— Мы — официальная группа правительства Большого Киева. В вашем доме мы заночевали, поскольку нигде не увидели запрещающих знаков или формул. Сейчас мы собираемся освободить помещение; смею заверить, что никакого ущерба не нанесено. Прошу убрать оружие и позволить нам покинуть дом.

Орк несколько секунд мрачно глядел на Вольво.

— Официальная, значит, группа? — сказал он протяжно. — В моем доме? Да имел я вас во всех видах! Платите десять косых — и проваливайте. А иначе — придушу всех как котят!

— Десять? — Вольво нахмурился. — Ночлег в гостинице обошелся бы всем нам всего в триста гривен. Не заставляйте меня злиться, уважаемый.

Орк захохотал. Потом вдруг молниеносно выхватил револьвер у соседа из-за пояса и собрался выстрелить, но Иланд на соседней крыше опередил его. Орк с проклятиями выронил револьвер и прижал простреленную руку к животу.

И тут началась пальба. Мотоциклисты, стоящие напротив крыльца, полегли в первые же несколько секунд. Вольво и его группа укрылись в доме, но Банник и Лазука, безжизненно глядя в никуда, остались на окровавленных досках.

Команда понесла первые потери.

Трыня из окна второго этажа саданул по толпе на дороге из металлорезки. Четыре раза подряд. Огненный смерч пронесся по улице; с десятков мотоциклов взмыло в воздух и, беспорядочно вертясь, разлетелось в стороны, калеча и убивая всех на своем пути. Раскаленный асфальт встал дыбом и искрошился смертоносным дождем. Уцелевшие двухколесники спешно отлавливали своих двухколесных монстров и спешили прочь; обезумевшие мотоциклы без седоков бесцельно метались в дыму, налетая на живых и друг на друга.

Пард выскочил в коридор; за ним Гонза. Гонза сразу же поспешил в прихожую, а Пард на миг задержался у двери в комнату Вольво. Ему показалось, что там кто-то тихо вскрикнул. Женским голосом.

Инси. Больше некому.

Он рывком отворил дверь и нырнул в проем, держа пистолет наготове. Но что-то он не рассчитал: мощный удар в лицо не дал ему выпрямиться, за первым последовал второй, третий, четвертый... Пард сбился с темпа и никак не мог обрести

опору. Каждый удар отбрасывал его назад, пока его не внесли в сортир и не захлопнули дверь. Пард въехал затылком не то в стену, не то в водопроводные трубы, и последнее, что он запомнил перед тем, как погрузиться во тьму, это трое в коже и джинсе, заталкивающие Инси в люк посреди комнаты. Инси брыкалась, но это не помогало. Напавшие были сильнее ее.

Хлопнула дверь, перед глазами расцвел пестрый цветок из разноцветных огоньков, и Пард отключился.

14

Тупунгато — Охос-дель-Саладо

Кто-то упорно хлестал его по щекам, но лицу и груди почему-то было все время холодно. В голове гудело, однако звук этот казался каким-то бестелесным и далеким, и отчего-то Пард был уверен, что к окружающему миру он никак не относится.

Потом гул поутих, но совсем не исчез. Отполз куда-то в глубь сознания.

— Сотрясение мозга, — сказал кто-то голосом Иланда. Наверное, это и был Иланд.

— Когда он очнется?

Спрашивал Вольво.

— Может быть, сейчас, а может быть, и завтра. Все зависит от того, как сильно он ударился.

Пард напрягся и открыл глаза. Мир словно бы вертелся вокруг некой произвольной точки в пространстве, а эта точка вдобавок плыла куда-то вдаль.

— А-а-а-а-а-а... — Пард силился сказать, что он очнулся, что он все слышит, но тело слушалось неохотно.

Впрочем, уже через минуту мир стал вращаться медленнее, и Пард с помощью Иланда сумел сесть.

Голова неприятно ныла, и вдобавок ссадина на затылке болезненно пульсировала. Каждый толчок отдавался в сознании, как удар колокола: «Бумм... Бумм... Бумм...»

— Он приходит в себя, шеф, — сообщил Иланд.

— Вижу.

Пард тряхнул головой, отчего боль усилилась, но зато сознание очистилось от значительной части тумана.

— Макрель его через пролив! — пробормотал Пард, отчего-то вспомнив непонятное ругательство николаевских приятелей-яхтсменов. — Башка-то как болит!

— Что здесь произошло? — жестко спросил Вольво. — Где Инси?

Пард огляделся. Там, где недавно зиял черный квадрат открытого люка, мирно покоился цветастый ковер; в выбитом окне головой и плечами наружу замер труп в окровавленной джинсовой куртке и кожаных черных штанах. Похоже, один из мотоциклистов собирался удрать через окно, но его в процессе бегства пристрелили.

— Уберите ковер, — сказал Пард, удивляясь слабости собственного голоса.

— Ковер? — брови Вольво удивленно поползли вверх. — Какой ковер? Где Инси, я спрашиваю!

Бюскермолен, не дожидаясь приказа, согнал всех с ковра и потянул за край. Когда обнажился закрытый люк, все, кто присутствовал в комнате, разом выдохнули.

— О как!

— Тьфу, зараза!

— Шахнуш тодд!

Вольво наконец прозрел:

— Вот оно что...

Бюскермолен уже открывал люк.

— Подвал, шеф! — сообщил он, заглянув внутрь.

Из люка бил слабенький свет — наверное, где-то далеко светила лампа.

— Пард, расскажи все, что видел, — велел Вольво.

— Я услышал крик Инси, когда выскочил в коридор, — отозвался Пард. — Слабый такой, словно ей рот зажимали. Сунулся сюда, елы-палы, даже пикнуть не успел — дали по роже раз десять, и приземлился я в сортире. Головой, кажется, приложился... Дальше не помню. Инси вроде в люк за-талкивали.

— Понятно, шеф, — вмешался Иланд, указывая на прикорнувшего на подоконнике мотоциклиста. — Этот прикрыл люк ковром и хотел в окно свалить, да не успел.

Медлить Вольво не собирался. Не в его правилах было медлить: когда перестаешь успевать за событиями, теряешь над ними контроль.

— Шевелись!

Вольво вытащил пистолет и исчез в подвале. Иланд, Вахмистр, Бюскермолен, Реллофсен и Зепелин последовали за ним.

К Парду подошел Гонза. Он был хмур и раздосадован.

— Не везет нам, друже... Аж злость разбирает.

Пард поморщился и осторожно потрогал горячий затылок.

— Болит? — сочувственно спросил Гонза.

— А ты думал? — грустно ответил Пард. — Как я так лоханулся, сам не пойму...

Гонза некоторое время изучал физиономику Парда.

— М-да. Ну и рожа у тебя, братец! Ты точно помнишь, что кулаком били, а не кувалдой?

Пард ощупал онемевшее лицо и понял, что вместо лица у него сплошной опухший синяк.

— Тьфу ты... Долго я валялся-то?

— А когда ты вырубился?

— Как сверху из металлорезки палить начали. Через минуту примерно...

— Через минуту? Тогда минут десять.

— А чего было-то? — спросил Пард, морщась. Лицо не слушалось.

Гонза пожал плечами:

— А чего тут могло быть? Постреляли малость. Кого положили, кто разбежался. наших двоих убили...

— Кого?

— Рулей. Лазуку и Банника...

— Жаль. — Пард вздохнул. — Я их и не узнал толком...

В комнату заглянул половинчик Трыня. Волосы над правым ухом у него были опалены.

— Шеф где? — осведомился он.

— Там. — Гонза кивнул на зияющий квадрат люка.

Половинчик, встав на четвереньки, заглянул в подвал.

— Девуцу туда утащили, так, что ли?

— Наверное. Куда же еще?

— И чего теперь?

— Ждать, наверное, — пожал плечами Гонза. — А, тля, как все неудачно...

Вольво, эльфы, гномы и Зеппелин вернулись спустя четверть часа. Вирг выглядел взбешенным.

«Ну вот, — подумал Пард уныло. — Минус трое. Убитые... и девчонка. Жалко как... Всех жалко».

— Ушли, гады, — утрюмо сказал Бюскермолен. — На выходе у них мотоциклы были, верно. Ищи свитчи теперь...

Вольво сел в низкое кресло и крепко задумался, стиснув пальцами виски.

— Роел, собери всех. И пусть пошарят вокруг дома, вдруг кто-нибудь из мерзавцев не убит, а только ранен. Такого сразу же ко мне. Оружие тоже подберите. И в темпе. Трыня, поможешь ему.

— Понял, — кивнул гном и обернулся к половинчику: — Пошли...

Они торопливо покинули комнату.

Вольво барабанил пальцами по кожаному подлокотнику. В свирепом настроении вирги выглядели вдвойне свирепо. Из-за клыков...

— Зеппелин, ты сможешь понять, из какой они шайки?

— Надо взглянуть, шеф. Я не присматривался.

Он подошел к убитому, что висел поперек подоконника. В разбитое окно вламывался прохладный ветер, шевеля занавески. Некоторое время Зеппелин вглядывался в рисунок на спине убитого, хотя из-за крови разобрать что-либо было трудно.

— Написано «Полночный гурт», шеф. Я еще во дворе гляну...

Зеппелин выпрыгнул прямо в разбитое окно.

Некоторое время в комнате было тихо, только шуршали занавеси на ветру.

— Что дальше, шеф? — спросил наконец Гонза. — Время не терпит.

— Время потерпит, — жестко сказал Вольво. — Пока не отыщем и не отобьем Инси, забудьте об острове Крым.

Пард опасливо покосился на эльфов, но Вольво, похоже, не имел от них секретов. Бюскермолен угрюмо глядел в пол.

— Девчонка вам важнее нашей цели? — с максимальной вежливостью спросил Гонза. — Вы твердо уверены, шеф?

— Я уверен, Гонза. Как никогда уверен. И вам советую увериться, иначе... иначе вся наша затея гроша ломаного не стоит.

Гонза задумчиво пошевелил ушами и снял кепочку.

— Что ж, — протянул он задумчиво. — Я соглашаюсь с вами, хотя... Хотя мне кажется, что из-за каждого пленного не стоит рисковать всем.

— Все. — Вольво рубанул ладонью по подлокотнику. — Проехали. Больше ни слова.

Он закрыл глаза и откинулся на спинку, размышляя. Пард остался наедине со своей гудящей головой.

Вскоре вернулся Зеппелин.

— Так и есть, шеф, — сказал он. — «Полночный гурт», довольно крупная местная шайка. Надо пошарить в округе, поспросить кое-кого...

— Действуй, — приказал Вольво. — И быстро.

— Шеф. — Зеппелин развел руками. — Мне понадобится ваше присутствие. Для вящей убедительности.

Вольво мгновенно встал. Иланд и Вахмистр, невозмутимые и безмолвные тени вирга-главаря, поднялись тоже.

— Бюс, я оставляю эту ораву на тебя. Постарайтесь больше никого не потерять...

— Справимся, шеф, — пробасил гном. — Справимся в лучшем виде.

Через минуту в комнате остались только Пард с Гонзой да неподвижный покойник на сквозняке. Гоблин, вновь водрузивший кепочку на макушку, брезгливо взял убитого за ноги и вышвырнул за окно. Потом задернул шторы, чтобы не так дуло.

— Пошли-ка отсюда, друже. Полагаю, тебе не вредно будет прилечь.

Пард встал на ноги; тело, пускай и неохотно, но все же повиновалось. В голове по-прежнему шумело.

Он вошел в ванную и взглянул в зеркало. Картина была неприглядная: физиономия синяя и распухшая, как у покойника. Бр-р-р...

Пард осторожно умылся прохладной водой, намочил полотенце и приложил ко лбу. Полегчало вроде бы, но не очень.

В соседней комнате он улегся на кровать, а Гонза принялся вышагивать туда-сюда, меряя расстояние между посудным шкафом и кроватью.

— Поразительное невезение, — пожаловался гоблин. — Ты не находишь?

— Он не может ее бросить, — объяснил Пард. — Отец Инси был другом Вольво... Я его понимаю. Черт возьми, иногда это бывает важнее любых тайн и богатств.

— А ты откуда знаешь? — изумился Гонза. — А-а-а! Понимаю. Это ты в автобусе с ней ворковал? То-то я гляжу, она к тебе липла!

— Да брось ты, — отмахнулся Пард. — Мы ж там все спектакль устроили...

— Но твоя роль была из приятных, ага? — Гонза хохотнул и тут же выругался. — Дурацкая задержка, жизнь-право. Дурацкая, дальше некуда.

В дверь осторожно постучали.

— Ну кто там? — Гонза с досадой обернулся. Вошел вчерашний шофер рейсового автобуса, испуганный и жалкий.

— А-а-а... — нерешительно протянул он. — Я наверху сидел... Стрельба... И никто не приходит...

— Ё-мое! — Гонза хлопнул себя по лбу. — Там же еще вирг пленный где-то валяется!

Натянув кепочку, он высунулся за дверь:

— Бюскермолен!

Гном появился через полминуты. Увидев парнишку-шофера, он точь-в-точь как Гонза хлопнул себя по лбу.

— Что с ним делать-то, а, Бюс? — поинтересовался Гонза. — Вроде отпустить собирались.

Парнишка испуганно мялся с ноги на ногу.

Бюскермолен поразмыслил:

— Значит так, живой... Вали отсюда, да пошустрей. Только советую забыть все, что ты видел. Полисам можешь сказать, что тебе как дали по башке, так ты и отрубился. Очнулся черт знает где, вокруг никого. Понял?

Шофер часто-часто закивал.

— Сболтнешь — пожалеешь, — равнодушно сообщил Бюскермолен. — Все, катись. Если кто в доме остановит, скажи ему: «Buskermolen poliert die Fresse». Запомнил? Повтори!

— Бюскермолен полирт ди фрессе, — с сильным акцентом повторил паренек.

— Пшел! — сказал гном. Парнишку как ветром сдуло.

Когда топот его затих у выхода, Бюскермолен сокрушенно вздохнул:

— Надо было бы, конечно, его хлопнуть. Как лишний язык... — Гном задумчиво почесал бороду

и подмигнул Парду с Гонзой. — Да нужно патроны экономить. Правда ведь, уважаемые?

Гонза хмыкнул. А Пард, растянув вспухшее лицо в улыбке, приподнялся на локтях:

— Конечно! На всех патронов не напасешься.

— Эй, Пард! — сказал вдруг Гонза. — Теперь у меня исчезли последние сомнения.

— В чем?

— Ту или не ту мы команду выбрали.

— Ну и?

Гоблин фыркнул:

— Конечно, ту!

— Согласен. — Пард, повеселев, откинулся на спину.

— Ну, я побежал, — сказал Бюскермолен, но тут в комнату вошел орк Вася, волоча за шиворот несчастного паренька, не успевшего, верно, и до дверей добраться.

— Во! — сказал Вася. — Удрать вздумал, шади! Про тебя что-то лопочет, Бюс.

— А-а-а! — прогудел Бюскермолен раздраженно. — Я и забыл, что тут не все по-нашему понимают. Вася, он свободен, проводи его, я велел.

— Ладно, — охотно согласился Вася, совершенно не интересуясь причинами. — Пошли, муся.

Муся, окончательно запуганный, на негнущихся ногах побрел за Васей.

— Бардак, — пожаловался гном. — Ладно, я побежал... Там еще вирг вчерашний в кладовке кукует...

— Ты лежи. — Гонза легонько похлопал Парда по плечу. — Я сейчас.

Пард блаженно расслабился. Гонза вернулся ненадолго, принес сумку Парда, о которой тот в суматохе совершенно забыл, и снова исчез.

Но расслабиться было не суждено. Сначала вернулся Бюскермолен с Гонзой и совершенно круглыми глазами.

— Послушай, Пард! Я перестал понимать, что происходит. Пленный вирг узнал убитого орка, главаря мотоциклистов. Он сказал — это Оришака...

Не успел гном договорить, как из сумки тренькнул сигнал пришедшего сообщения. Пард, внутренне сжавшись, вытащил комп, откинул экран-матрицу и утопил выключатель.

Из матовых глубин экрана всплыла одна-единственная строка:

#инси дворец спорта%

Пард тупо глядел на три коротких слова. Бюскермолен и Гонза заглядывали сбоку.

Пальцы зажили отдельной жизнью, потому что голова безбожно ныла. Пард прокручивал карту окрестных районов.

— Здесь неподалеку три дворца спорта. Вот, вот и вот...

Послушная нажатиям на тинкпед, по карте металась белая стрелка.

— Сколачивай группы, Бюс...

Пард, не выключая компьютера, встал.

Они покинули дом минуты через три. Вольво с Зеппелином остался дожидаться только Жор, вооружившись по такому случаю, кроме ножа, еще и ружьем.

Жор не боялся одиночества.

15

Охос-дель-Саладо — Аконкагуа

Молоденькие елочки скрывали вход в единственный подъезд дворца спорта. Высоченная внешняя стена сплошь состояла из разноцветных осколочков мозаики, схематично изображающих живых в разных позах и с разными предметами. Назначение некоторых предметов не вызывало сомнений: нужно быть полным идиотом, чтобы не понять, для чего служит, например, меч. Круглая штукавина в руке у другого вполне могла быть древним щитом, правда, очень маленьким. Но зачем, спрашивается, бить по такому щиту ногой, как это делала одна из фигурок?

Пард не понимал этого. Как не понимал слов «спорт», «цирк»... Дворец — еще понятно, шикарный дом. Но спорт?

Сплошные загадки.

Над самым входом виднелось изображение живого на мотоцикле. Или, скорее, на велосипеде. Остальное скрывали елочки.

— Гляди! — прошептал Бюскермолен и отодвинулся от окна, чтобы ненароком не засекали.

По улице, сломя рулевую колонку, мчался мотоцикл без седока. Напротив дворца он притормо-

зил, словно узнав место, нерешительно газанул и скрылся за елочками.

— Точно, они! — прошептал Пард. — Не зря у них мотоциклист на самом видном месте изображен!

— Там изображен велосипедист, — проворчал Гонза, любящий точность, которую техники иногда называли «математической» — еще одно слово из тех, что Пард употреблял сам, не особо задумываясь о смысле. Так именовали счетную науку, а в этом вопросе Пард сильно плавал. Не хватало ему знаний.

— Кстати, — вмешался Бюскермолен. — Вы обратили внимание, что в утренней шайке не было ни одного гнома? Люди, орки, вирги, метисы... Даже один боейеш, по-моему. И ни одного гнома.

— Эльфов там тоже не было, — пожал плечами Трыня. — Да и половинчиков я не видел...

Неожиданно засвистел вызов сотового телефона. Пард с готовностью полез в карман.

— Алло, это Вольво, — послышалось из динамика. — Жор мне тут кое-что интересное рассказал...

— Кажется, мы нашли нужный дворец, шеф, — сказал Пард. — Я связывался с группой Васи, они говорят, что дворец на Леонтовича пуст, и пуст давно. А на Шестой Парковой обосновалась гномская контора по торговле мебелью, Роелофсен с ними мило побеседовал и направился к нам.

— А у вас?

— А у нас некоторое мотоциклетное оживление. Но внутрь мы пока не совались, сидим в доме напротив и глядим в окна. Тип-Топыч, Михай и Саграда стерегут подсобные выходы. Бюс раздал им рации...

— Хорошо, — жестко отозвался Вольво. — Я сейчас буду, постарайтесь без меня туда не лезть...

— Только если ее увозить будут, — заверил Пард.

— Дай мне Бюса.

Пард протянул трубку Бюскермолену.

Пару минут гном молча слушал, что говорит ему по телефону Вольво. Потом ответил — одной-единственной фразой:

— Ich tue alles, Chef. Falle im Kampf.

Он произнес это, будто клятву. Да скорее всего это и в самом деле клятва. Пард позавидовал Вольво: верные живые составляли его команду...

Около дворца было по-прежнему тихо и пусто, только долговязый человек выскочил на шум одинокого мотоцикла, быстро подманил испуганную машину и силком утащил внутрь. Но на верхних этажах дворца наблюдалась некоторая жизнь: кое-где, несмотря на дневное время, горел свет; откуда-то долетала невнятная музыка. Пард силился опознать мелодию, и никак у него это не получалось, пока Гонза не сжалился и не сообщил:

— Да «Берег» это играет... «Медуза». Ты же ее сам все время поешь!

В тот же миг мелодия перестала казаться незнакомой и неразборчивой.

— Хорошо тебе, — проворчал Пард, — с такими локаторами-то... А я только обрывки слышу.

— Кто на что учился. — Гонза пожал плечами. — Я эти локаторы не отрачивал — сами выросли.

Пард сокрушенно вздохнул.

Сначала появился Роелофсен со своей группой; и только спустя какое-то время — Вольво и Зеппелин. Саграда заметил их издали, коротко свистнул и указал на дом, где засели остальные. Зеппелин кивнул, давая понять, что уяснил.

Шефа встретил Бюскермолен. Спустился к выходу из подъезда и встретил.

— Все в порядке, Вольво. Они, кажется, ничего не поняли. Сидят внутри и, по-моему, квасят. Гонза говорит, что из открытых окон ощутимо тянет пивом. Я не чувствую... Но Гонзе можно верить, я убедился...

Вольво молча кивнул и прошел в подъезд.

— Второй этаж, направо, — подсказал Бюскермолен.

В квартире Вольво первым делом направился к окну. В его протянутую руку Пард тут же вложил мощный двадцатикратный бинокль. Вольво, демонстрируя знание нужных формул, подкрутил настройку окуляров и впился взглядом в огромные окна дворца спорта.

Несколько минут он изучал дворец, поводя биноклем вправо-влево. Потом вдруг ожила рация у Бюскермолена на поясном ремне.

— Хей, Бюс, это я, Тип-Топыч. Двое двухколесных собрались куда-то ехать... Вышли из торцевой двери.

Тип-Топыч говорил тихо, с обычным для орков придыханием.

Вольво поднес к губам продолговатый переговорник, за которым вился похожий на черную пружину шнур.

— Ты сможешь взять хотя бы одного? — спросил он.

— Да хоть двух, шеф! Глушить сильно?

— Не сильно. Чтоб сразу можно было привести в чувство...

— Понял! Только подошлите кого-нибудь последить за дверью, вдруг остальные тоже высунутся...

Вольво только взглянул на Зеппелина, Роелофсена и Бюскермолена — те мгновенно материализовали в руках оружие и деловито направились к выходу. Бюс на ходу приложил к уху второй переговорник-рацию и перекинулся с Тип-Топычем несколькими короткими фразами.

Отсутствовали они буквально пять минут — по истечении этого срока дверь пинком распахнулась и вошли гномы, каждый с бесчувственным пленником на плечах, а следом ввалился невозмутимый Зеппелин с пистолетом в руке.

— Готовы, шеф! Мы даже дойти не успели — Тип-Топыч все сделал сам...

— Выпишу ему премию, — проворчал Вольво; Пард видел, что настроение вирга-техника постепенно улучшается. Похоже, он начинал верить, что Инси удастся отбить сегодня же и без особых хлопот.

Гномы без излишних церемоний свалили безвольных мотоциклистов на пол; Бюс нагнулся и хлопал одного из них по щекам. Мотоциклист, человек лет двадцати пяти, с татуированными руками, весь затянутый в хрустящую кожу, замычал и свернулся на полу калачиком. Бюс несильно пнул его ботинком.

— Давай оживай, дэвица!

Дэвица снова замычал и неловко сел, привалившись к стене. Открыл глаза и поглядел на пеструю публику в комнате удивленным взглядом.

— Да кто вы такие, три раза вас по...

Договорить он не смог: Вольво коротко, без замаха хлестнул его кончиками пальцев по глазам. Мотоциклист с проклятиями повалился, но гномы тут же крепко взяли его за локти и приподняли

над полом. Кожаная куртка с шуршанием проехала по веселеньким, в цветочек, обоям. Вольво приблизил лицо вплотную к лицу пленника — Пард представил, что мотоциклист сейчас видит. Глаза вирга, исполненные холодной решимости, и белые кончики клыков, выступающие из-под нижней губы.

Представить, что мотоциклист сейчас чувствует, было столь же легко.

— Где девчонка? — спросил Вольво с неявной угрозой в голосе.

Мотоциклист дернул головой:

— Там, во дворце...

— Точнее!

— В малом зале, у Сороки...

— Как туда попасть?

— Второй этаж, по коридору налево, на двери табличка... Послушайте, вас прибудут по дороге, Сорока — это наш...

Но Вольво мало интересовало, кто таков этот Сорока.

Пард уже включил компьютер и успел отыскать планы внутренних помещений дворца спорта. Доступ к нужным файлам был совершенно свободным, да и Пард заранее поинтересовался, где лежит необходимая информация.

Второй этаж. Малый зал. Схема эвакуации при пожаре... Эвакуация — это, наверное, когда приходится спешно уносить ноги. Раз пожар — значит, уносить, и уж конечно, весьма быстро. Действительно, по коридору налево от лестницы, первая же дверь по левую же руку.

— Сорока — уже покойник. Как и Оришака, понял?

— Да кто вы такие, черти вас дери? — Пленник сердито задержался, но гномов пересилить ему явно не светило.

— Лучше тебе этого не знать, парниша, — жестко сказал Вольво. — Лучше не знать, двухколесник паршивый. Иначе — отправишься за Сорокой.

Вольво опустил глаза.

— Связать его — и под замок! Гонза, оживи второго.

Впрочем, второй мотоциклист уже и сам пришел в себя. Он послушно встал, держа руки поднятыми, и негромко сказал:

— Чуб сказал правду. Девчонка в малом зале на втором этаже.

— Ты нас проведешь, — обронил Вольво. — И не вздумай дурить.

У мотоциклиста дернулась щека. Кажется, он уже посчитал себя крупно вляпавшимся: отказаться — так его просто прихлопнут непонятные, но явно могущественные пришлые. Провести — потом достанется от своих.

Первого мотоциклиста оставили в ванной, связанного по рукам и ногам.

Пард убрал компьютер в сумку, а сумку повесил за спину, намертво закрепив ее, чтобы не болталась и не мешала. Верный его ноутбук успел выдержать несколько испытаний на прочность и вышел из них с честью, поэтому Пард не особо о нем беспокоился.

— Может, сначала Васю с Иландом и Вахмистром дождемся? — спросил Бюскермолен шепотом.

— Справимся, — отрезал Вольво и взял протянутое ружье. Восьмизарядный «Крок». Калибра

семь-пятьдесят шесть, восточного оружейного стандарта, принятого от Большого Ташкента до Дели. Пард сразу ощутил ничтожность своего пистолета, но все равно ничего другого под рукой не оказалось.

Гномы одновременно передернули затворы помповых ружей. С тихим хрустом, от которого пленник-мотоциклист втянул голову в плечи и сразу сделался похожим на большую прудовую улитку. Зеппелин, как и Пард, вооруженный лишь пистолетом, подтолкнул его в спину:

— Пошел!

16

Аконкагуа — Язгулем

Они рысью пересекли улицу перед дворцом. Неровная шеренга образовала плавную дугу: в центре Вольво, гномы и Зеппелин с проводником, на левом фланге Пард, Трыня с коротким скорострельным автоматом и Ас с автоматическим ружьем «Шлейф»; на правом — полуэльфы Валентин и Сергей, оба с АК-74, причем с пулеметными, на сорок пять патронов, магазинами. Да еще попарно, валетом, схваченными белесыми полосками скача. Гонза держался чуть позади Вольво и был, кажется, безоружен.

Михай, Саграда и Тип-Топыч вошли в охраняемые двери одновременно с вторжением основной группы в парадный вход.

Пард отсек все лишнее. Голова стала ясной, будто ее наполнили текучим и податливым карпатским хрусталем, даже пульсирующая боль в затылке куда-то отступила.

Холл, множество мотоциклов, стоящих вроде бы как попало, но на самом деле в определенном, хотя и малопонятном порядке. Выпрямившийся ловец испуганного мотоцикла, которого совсем не-

давно видели на дороге. Тяжелый плевок помпового ружья; мотоциклист отлетает к стене с расцветшей на груди кровавой розой, а Бюскермолен с душераздирающим хрустом передергивает затвор. Мотоциклы, сталкиваясь и цепляясь друг за друга гнутыми рулями, шарахаются прочь, к противоположной стене.

Стеклянные двери, большой вестибюль, мягкие кресла, развеселая компания на просторном диване у низкого столика; столик сплошь уставлен пивными банками, распечатанными и целыми.

Стрельба.

За стойкой раздевалки смутное шевеление; Пард и Ас выпускают на волю стремительную жужжащую смерть, выпускают веером, так, что деревянная стойка брызжет щепой, а сдавленные крики и гулкое эхо быстро затихают. Вестибюль чист.

Перед лестницей команда Вольво перестраивается: центр продолжает идти прямо, Пард, Трыня и Ас пятятся, прикрывая тыл, Сергей и Валентин остаются на всякий случай в вестибюле. Пард краем глаза замечает, как из узкого коридорчика показывается Михай, коротким жестом дает знать, что у него все в порядке, и опять исчезает. Полуэльфы растворяются в сумраке вестибюля.

Второй этаж, налево. Вот и дверь в малый зал. Зеппелин пинком открывает ее и заталкивает внутрь проводника. Выстрелы начинают кромсать воздух одновременно с тем, как проводник, неловко подворачивая ногу, валится на дощатый пол. Пард видит, как пули рвут его тело, кровь толчками выплескивается из ран, но крика почему-то не слышно.

Ведь не может же проводник не кричать, умирая? Или ему просто некогда ощутить боль?

Зеппелин, Бюскермолен, Вольво — все, выстрелив по разу, дружно отпрянули от двери.

— Не стрелять! — шепчет Вольво. — Там Инси...

Тут вспыхивает стрельба в дальнем конце зала, а Пард замечает Инси: она прячется под столом, стоящим напротив окна. У стола никого нет. Кто-то суматошно семенит через зал — и падает на полдороге, снятый удачным выстрелом Вольво. Вольво тоже видит девушку и с яростным ревом бросается в проем двери. Пули всковыривают пол у входа, но Вольво там уже нет. Он стреляет, лежа на боку, а в дверь уже устремляются Бюскермолен, Релофсен и Зеппелин.

В дальнем конце зала кричит Саграда, но не от боли или ран, а просто в боевом запале.

Пард тоже прыгает в зал и сразу прижимается к стене левее двери. Пистолет пляшет в его руке, словно у пьяного, но едва Пард замечает мотоциклиста, округлившего глаза и лихорадочно вбивающего обойму в обрез, рука сразу становится твердой, а пистолет мгновенно перестает плясать. Три выстрела. Мотоциклист роняет обрез и опрокидывается на стопку коричневых матов. Обрез с глухим стуком падает на деревянный пол.

А потом стрельба вдруг разом утихает.

— Все! — несколько даже удивленно констатирует Бюскермолен, поводя из стороны в сторону стволом помпового ружья. Инси вылезает из-под стола, бегом пересекает ползала и виснет у Вольво на шее.

Лишь теперь Пард сумел расслабиться, а мир вокруг вернулся к обычному состоянию, перестав быть плавно-замедленным и хрустально-отчетливым.

— Кто из них Сорока? — спросил Вольво, одной рукой обнимая девушку за талию, а второй держа восточное ружье «Крок».

— Боюсь, шеф, — со вздохом не то сожаления, не то, наоборот, довольства, сообщил Бюскермолен, — что ответить на этот вопрос особенно некому. Так уж получилось...

Вольво исподлобья взглянул на валяющиеся по спортзалу трупы. И ничего не сказал.

Они спустились тем же путем. Бледная Инси жалась к Вольво, но хныкать и не думала, хотя Пард ожидал чего-нибудь подобного. Молодцом держалась девчонка. Да и весточку о себе подать сумела.

Из полумрака вестибюля материализовались полуэльфы — только что вроде бы никого и не было, и вдруг — р-раз! И двое с автоматами. «А еще техники!» — подумал Пард с невольным уважением.

Когда они показались в холле, мотоциклетное стадо дрогнуло и заволновалось, но никто не обратил на бестолковые машины внимания. Все спешили прочь.

В знакомой квартире на втором этаже Вольво первым делом взялся за телефон. Остальные разбегались — всем нужно было расслабиться после стычки. Пард свалился в удобное кресло и вознамерился вздремнуть, потому что его все время клонило в сон после сотрясения. И даже вздремнул, но, кажется, совсем недолго. Часа два.

Гонза потряс его за плечо:

— Вставай, друже! Пора уносить ноги...

Пард открыл глаза. Мимо него по коридору проскальзывали к выходу живые из команды. С оружием и сумками.

Он встал и спустился вслед за Гонзой. У подъезда стояло пять белых «Черкасс» с номерами Центра.

— Пард! — велел Вольво не допускающим возражений тоном. — Сядешь за руль... Поговорить нужно.

— Башка у меня побаливает, шеф... Может, лучше пусть Гонза сядет?

Вольво взглянул на синюю физиономию Парда и вздохнул.

— Ладно... Пусть Гонза...

Приятель-гоблин, понятно, не возражал, хотя Пард знал, что он не слишком любит садиться за автомобильный руль.

Вольво и Инси сели на заднее сиденье; Пард, опустив в окне стекло и выставив наружу локоть, устроился рядом с Гонзой. Гоблин, конечно же, был в своей любимой кепочке набекрень.

«Обширные у Вольво связи! — подумал Пард. — Один звонок, и спустя два часа у нас пять прекрасных обученных легковушек...»

После смерти Банника и Лазуки в команде осталось двадцать живых. Возможно, в Николаеве придется пополнить ряды. Если Вольво, конечно, не будет против.

Никто не собирался дожидаться новых сюрпризов: едва молчаливые вирги в синих комбинезонах пригнали легковушки и укатали на маленьком старом фургончике, Вольво дал знак выходить. Правда, виргов и фургончик Пард так и не увидел — он спустился минутой позже.

Пять «Черкасс» сорвались с места и помчались по улице, направляясь к южной трассе. Неласково встретивший команду район Большого Киева остался позади.

17

Язгулем — Ньэнчентангла

— **Н**у, — спросил Вольво чуть сердито, — и что вы по поводу всего этого думаете? Пард на секунду оторвался от дороги и переглянулся с Гонзой.

— В каком смысле, шеф?

— Не находите, что нам патологически не везет в этом походе?

— Не везет? — переспросил Гонза. — Я бы сказал, у нас на хвосте образовалось нездоровое оживление... Так и норовят какую-нибудь пакость учинить.

— Значит, — сделал вывод Вольво, — ты считаешь, что все случившееся — дело рук конкурентов?

— А разве нет? Сначала поезд, потом облава в Смеле, потом визит двухколесников южнее Кировограда... И везде знакомые имена нет-нет, да и всплывут.

— Какие имена?

— Ну... Этот... Шульга, например. Который на Жерсона работает.

— Работал, — уточнил Вольво. — Больше не работает.

Пард сжал руки на руле.

— То есть?

— Жерсон его убрал. Из-за вольностей Оришаки и Сороки. Главарей мотоциклетных банд.

— Это во время прогулки с Зеппелином выяснилось?

— Да, — подтвердил Вольво. — Именно. Жерсон дал понять, что Шульга к этому не имел отношения, в Сороку и Оришаку словно бесы вселились, и действовали оба по собственной инициативе. Но в организации Жерсона принято отвечать за действия подчиненных.

Вольво помолчал.

— И вот что мне показалось странным... Жерсон знал, что Шульга невиновен. Знал и все-таки решил не нарушать принятых в его среде законов. Но объяснить действия Оришаки и Сороки я по-прежнему не могу. Их не перекупали другие бонзы-бандиты. Такое впечатление, что они стали оружием некоей полуслепой силы, которая на нас ополчилась. Эта сила действует вовсе не по законам разума или логики, но тем не менее успешно вставляет нам палки в колеса. Я не могу понять, что это за сила. Вот это-то меня и беспокоит. Беспокоит больше всего.

— Непонятно, чего еще ждать? — спросил Гонза.

— Именно. Действия соперника, которого изучил, можно кое-как предсказать. Более или менее верно. У нас же впереди мрак и пустота — я не знаю, что за напасть свалится нам на головы за ближайшим поворотом. Наш недоброжелатель думает совершенно иначе, чем мы.

— Или совсем не думает, — негромко вставил Пард.

Вольво осекся. Потом, помедлив секунд пять, недовольно высказался:

— Очень похоже на то. Но такого не может быть.

— Значит, — подытожил Гонза, — Крым. Крым сопротивляется.

— А ты можешь объяснить, каким образом Крым заставил двухколесников выступить против собственного шефа? — с нескрываемой насмешкой осведомился Вольво.

— О! — сказал Гонза вкрадчиво. — Конечно, нет. Если бы я мог это объяснить, в Крым, пожалуй, незачем было бы и ехать.

Вольво понял. И снова ненадолго задумался.

— Я склонен предполагать, что впереди у нас еще в достатке неожиданных помех. Так что давайте условимся не строить далеко идущих планов. В нашем положении лучшая политика — это жить сегодняшним днем и быстро реагировать на изменения.

— Это и пылесосу ясно, — фыркнул Пард. — Кстати, Гонза, далеко ли отсюда до Николаева? Что-то я никак не соображу, шахнуш тодд...

— Часа четыре езды, вряд ли больше. Разве что в пробку влетим.

— Шеф, если сегодня доберемся до Николаева, каковы наши планы?

Вольво без колебаний ответил:

— Дня на два залегаем на тюфяки, пока обстановка не прояснится. Ну и пока ты своих дружков-яхтсменов не отследишь, да пока они яхту не подготовят. Это в случае, если мой вариант провалится.

— Понятно. Значит, пусть Гонза гонит к моей берлоге?

— А там весь народ поместится?

— Поместится. Я в таком замечательном месте обосновался, простор — хоть на «Ингуле» гуляй. Поместимся все.

— Ну и отлично. Кстати, я немного знаю Николаев. Твоя берлога где?

— На Юге.

— Далеко! — вздохнул Вольво. — Мои все больше в Лесках окопались...

Пард фыркнул:

— Ну, уж с колесами в Николаеве проблем не будет. Потолкуем с «Солистами»...

— С кем? — переспросил Вольво.

— Фирма такая есть, «Соло» называется. Дружки мои. Не яхтсмены, другая компания.

— У них шеф не Уца случайно? — подозрительно спросил Вольво. — Здоровый такой человек?

— Уца... — отозвался Пард. — А зам — Липа, орк.

— Я их знаю, — сообщил Вольво. — В Центре прокручивали кое-какие дела...

Гонза засмеялся.

— М-да, — вздохнул Пард. — Тесен Киев, даром что Большой...

Слова его утонули в реве двигателей — их легковушку на внушительной скорости обогнал здоровенный грузовик с трейлером. Следом, практически вплитирку, проскочил второй, точно такой же. Обзор перед лобовым стеклом заслоняла прямоугольная корма трейлера с тщательно выписанным номером и рекламными наклепками.

— Чего это они? — опасливо спросил Пард. — Гонят как сумасшедшие. Вспугнул кто-то, что ли?

Впереди «Черкасс», которые вел Гонза, ехала только одна легковушка команды Вольво. За рулем там сидел искушенный водила, орк Вася, а в салоне — эльфы-охранники Иланд и Вахмистр да неукротимый половинчик Трыня.

Грузовики впереди мчались, не снижая темпа и не обращая внимания на неровности дороги. Через пару минут они обогнали и легковушку Васи.

Колонна «Черкасс» тоже шла не медленно: стрелка спидометра все время колыхалась около сотни, а светофоры на трассах работали в режиме зеленой волны. Вольво на всякий случай взял в руки переговорник автомобильной радиостанции.

— Бюс! — повысил голос он. — У вас все нормально?

«А что у них может случиться? — подумал Пард. — А впрочем, трасса есть трасса. Тем более что команде Вольво подозрительно не везет».

И Пард подкрутил рукоятку громкости на приборной панели.

Но у Бюса никаких неприятностей не произошло и не предвиделось. Голос у гнома был сонный, видно, он дремал на заднем сиденье. Вольво вызвал следующую машину; тотчас отозвался Иланд. Ас из четвертой машины тоже заверил, что все в порядке.

Вольво спокойно позвал пятую машину.

Несколько секунд было тихо, только шуршал молчаливый эфир.

— Михай!

Тишина в ответ.

— Эй, пятая! Отвечайте.

Безмолвие.

— Дьявол! Что у них там? Четвертая, гляньте назад, что с ними?

Тип-Топыч из четвертой отозвался почти сразу:

— Их не видно, шеф! Позади идет колонна грузовиков, диких. Прут как безумные, не меньше ста десяти.

— Может, у них рация выключена? — предположил Гонза.

— Рация не выключается, — сказал Вольво без выражения и мгновением позже скомандовал: — Все машины — стоп! Прижимаемся к тротуару и выползаем.

Едва четверка «Черкасс» замедлила ход, мимо на скорости промчались грузовики, обдав тугими порывами ветра.

Пард отстегнулся и вышел из машины.

Они только что миновали небольшую горку, и трасса позади прекрасно просматривалась. Две-три легковушки шли на юг, несколько встречных тянули на гору, в направлении Центра. Белых «Черкасс» на дороге определенно не было.

— Может, просто отстали? — предположил Гонза. Он, как всегда, искал простое и незамысловатое объяснение случившемуся, но у Парда уже неприятно ныло под ложечкой, как всегда бывало при дурных предчувствиях.

Подожли Иланд, Вахмистр и Вася; чуть в стороне стояли Зеппелин, Релофсен и Бюскермолен. Гномы, приложив ладони ко лбу, глядели на дорогу, хотя солнце совсем не мешало им смотреть.

Вольво медленно пошел к последней машине. Ас и Тип-Топыч вышли, хольфинги остались сидеть внутри.

— Кто в последней? — запоздало спросил Гонза.

— Валентин, Сергей, Михай и Саграда, — негромко подсказала Инси, тоже решившая покинуть салон «Черкасс». — Пард, дай мне, пожалуйста, компьютер...

Парда осенило. Действительно! Полуэльфы ведь техники, а значит, можно нащупать их походные компы через сеть.

Он в несколько прыжков приблизился к машине, распахнул переднюю дверцу и потянулся к своей сумке. Знакомая и приятная тяжесть ноутбука почему-то успокаивала и обнадеживала.

«Кстати, — подумал Пард. — Надо спросить у нее, как она отсылала мне сообщения на отключенный комп... Впрочем, сейчас она вполне может сделать то же самое, а я посмотрю...»

Пард не ошибся. Инси, не закрывая двери, присела на краешек сиденья и откинула крышку-матрицу. Компьютер пискнул, загружаясь. Пард глядел во все глаза, боясь что-нибудь пропустить.

@MAILER%— ЗАпо = а Инси — и на экране услужливо открылось окошко bink'a.

#enter net address, pls% — предложил bink.

Инси быстро прописала полл на адрес Валентина и посмотрела, что из этого выйдет. Bink через ближайший ретранслятор нащупал магистральный сервер, потом отыскал соответствующую

щий сегмент сети и попытался дотянуться до нужного адресата.

#access not allowed% — равнодушно сообщила сеть.

Все шло так, как и полагал Пард: компьютер Валентина был попросту выключен.

Попытка пробиться к Сергею увенчалась тем же результатом. То есть ничем.

И вот тут Иinei применила незнакомую Парду формулу.

```
@init alarm access device driver%  
#device ready%  
@crash sleep%C
```

Секунду компьютер обрабатывал команду. Всего секунду.

```
#power accumulated%
```

Клавиша «Enter» с тихим кликом возвестила, что формула исполнена.

```
#access completed%  
#enter message, pls%  
@Валентин, ответь, что случилось? Вольво%
```

Компьютер снова на секунду застыл, потом высветил еще одну строку:

```
#message transfer completed%
```


— Все, — сказала Инси. — Если сейчас не ответят... Тогда не знаю.

Пард наконец-то смог оторвать взгляд от экрана своего верного ноутбука.

Девчонка знала совершенно невозможные, сказочные формулы! Пард вдруг почувствовал себя безмозглым щенком. На его глазах только что было отправлено сообщение — на отключенный комп-терминал! Успешно отправлено, насколько Пард разбирался в формулах управления компьютерами.

Чем больше он узнавал о компьютерах, тем сильнее крепло у него ощущение собственного невежества. Но сегодня оказалось, что его знания — это просто рябь на поверхности океана. Он не подозревает, что происходит даже на глубине метра. А уж что творится в самой пучине — и представить не в состоянии.

Инси, взглянув на Парда, мягко улыбнулась:

— Ты чего? Не знал таких формул?

— Нет, — честно ответил Пард. — Я даже не знал, что такое возможно...

— Меня Вольво научил... А его — мой отец. Я ведь говорила, он был очень сильным ученым.

Пард только кивнул. Да. Говорила. Но Пард не мог представить, что отец Инси был настолько сильным.

Впрочем... Сейчас Парду продемонстрировали одну-единственную формулу. А что еще есть у Вольво в запасе? И все ли знание отец Инси передал виргу Вольво? Много ли унес в небытие?

Осознание истинной мощи команды Техника Большого Киева ошеломило Парда. То есть в общем-то он понимал, что там техники покруче него с Гонзой. Но первая же демонстрация силы повергла Парда в необъяснимый ступор.

Валентин и Сергей не ответили. Ни сразу, ни спустя десяток минут.

— Надо ехать, — сказал Бюскермолен и вопросительно взглянул на Вольво. — На одной машине смотреться, а, шеф? Не могли они сильно отстать.

— Ас, Тип-Топыч, припомните, когда вы видели их в последний раз? Ну, там, в зеркале, или, может, оглядывался кто?

— Да с полчаса до остановки, шеф, — виновато ответил Ас. — Я назад поглядывал перед обгонами, они маячили на хвосте. А потом их грузовики обогнали, два, дикие. Нас они тоже потом обогнали... Но позади еще несколько оставалось... Вот... Больше я пятую и не видел...

Тип-Топыч и хольфинги утвердительно загудели: мол, так все и было. Вольво на миг задумался.

— Вася, Зеппелин! Ну-ка, прошвырнитесь назад, поглядите по трассе. Не могли они сильно отстать, действительно... Постоянно будьте на связи.

— Понял, шеф! — весело отозвался беспечный орк и с готовностью уселся за руль последних «Черкасс». Зеппелин, молча проверив, заряжен ли пистолет, уселся рядом.

— Вот, возьми, — сказал Вольво и протянул ему ружье «Крок». — Зеппелин, все время говори. Что угодно, но чтоб мы здесь слышали, что у вас все в порядке.

Вася лихо развернул «Черкасс», пропустив два порожних грузовичка, что лихо мчали на юг, и погнал назад, вверх, на гору. Вскоре легковушка скрылась из виду, только ровный голос Зеппелина долетал от работающих радиостанций.

— Все тихо, трасса обычная. Наших не видно. Движение жиденькое, даже грузовиков нет... Город спокоен, ничего подозрительного.

— Бюс, Роел, — окликнул Вольво. — Езжайте-ка следом... Не приближайтесь к Васе и Зеппелину, просто держитесь позади — и все. Для верности...

«Это называется подстраховка дуплетом, — подумал Пард с уважением. — Осторожен наш вирг...»

— А за руль сядет...

— Я сяду, — вызвался Пард. — С таким прикрытием, как наши уважаемые гномы и их пушечки...

Вольво смерил Парда внимательным взглядом:

— У тебя же голова болит.

— Потерплю, — заверил Пард. — Меня отец когда-то учил: как заболел, так и лечись.

Вольво секунду помедлил.

— Ладно, — разрешил он. — Езжай. Бюс, держись на запасной частоте...

— Jawohl, Chef! Ich habe verstanden, я понял.

Пард сел за руль ближайшей легковушки; машина тотчас услужливо завелась. Бюскермолен сел впереди, Роелофсен — назад. Свои помповые пушечки они держали наготове.

Пард уже собирался трогать, когда у окна возник Трыня.

— На, держи, — сказал он негромко и протянул свой скорострельный портативный автомат. — На всякий случай...

Пард с благодарностью принял оружие и сунул в кармашек на двери. Бюскермолен тем временем переключил рацию на резервный канал.

Повинуясь уверенной руке, «Черкасы» развернулись и, наращивая скорость, устремились к северу.

Городские дома обычно стояли не впритык к магистральной трассе, а в некотором отдалении. Широкая полоса зеленой, не успевшей выгореть на солнце травы отделяла трассу от улицы поуже. А тротуар вдоль трассы практически всегда оставался пустынным. Пард гнал легковушку в гору, пристроившись в хвосте плоского и приземистого «Стрижа».

Пард как раз взобрался на горку, и трасса, широкая, как проспект, открылась его взору. Далеко-далеко впереди белела отчетливая точка — такие же «Черкасы».

Они отмахали не меньше пятнадцати миль, когда Зеппелин по рации сообщил:

— Я их вижу, шеф... Точнее, все, что от них осталось.

Пард заметил, как разом помрачнели гномы.

«Снова потери... Жизнь моя, что же творится-то? Кто встал у нас на пути?»

— Машина мертва, в нее въехал здоровенный грузовик. Вокруг суета, даже лекари уже подоспели, — рассказывал Зеппелин. — Крови не вижу... Да и не увидишь после такого крови, по-моему.

Повисла тягостная пауза. А потом Зеппелин, ничуть не изменив голоса, сообщил:

— Вижу Валентина, целого и невредимого... Так, только помят малость. И Сергей рядом с ним. Ага, и саперы наши живы, не сразу их из-за спин разглядел.

— Увозите их! — велел Вольво жестко. — Полиции нет?

— Не видно пока. Эти редко спешат на...

— Быстрее, Зеппелин, — оборвал его Вольво.

Вася, видимо, посигналил. Захлопали дверцы.

— Пард, Бюс, вы далеко?
— Рядом, — отозвался Бюскермолен.
— Подтягивайтесь, они все к Зеппелину не влезут...

— Понял, шеф!

Пард немедленно бросил машину вперед, а потом вогнал в стремительный, с визгом покрышек, разворот. Полуэльфы уже садились к Васе и Зеппелину; хольфинги спешно продирались через толпу. Роелофсен предупредительно распахнул дверцу и подвинулся.

— Отъезжаем, шеф! Все на борту.

— Повреждения есть?

— Нет, — ответил за всех Валентин. — Так, мелочь, царапины.

— Что произошло?

— Таран, — лаконично объяснил Валентин. — Помните, шеф, слухи о сумасшедшем эльфе Халькдаффе? Который приручал грузовики и делал из них убийц-камикадзе? Это был один из его грузовиков.

— С чего ты взял? — спросил Вольво недоверчиво.

— На грузовике была метка. Кстати, грузовик выжил, «Черкасы» для него слишком мелкая дичь...

— А как удалось выжить вам?

— Удача, шеф. — Голос полуэльфа подрагивал. Видно, он еще не вполне оправился от явившегося близкого лика смерти. — Мы на светофоре застряли, когда камикадзе показался. Слава жизни, я метку Халькдаффа сразу приметил. Мы еще скорость набрать толком не успели, другой грузовик нас притер, а этот в корму нацелился. Короче, пришлось на ходу из машины сигать. Еле успели. Сер-

гей руку вывихнул, а Мина едва под трейлер не угодил.

— Дешево отделались... — проворчал Вольво. — Следите за дорогой, сегодня грузовиков что-то ненормально много... Кстати, Валентин! А я ведь не знаю, как выглядит метка Халькдаффа.

— Белый прямоугольник, и в нем красный круг. Знак восходящего солнца.

Вольво что-то неразборчиво проворчал в ответ.

18

Ньэнчентангла — Заалай

Справа, над рекой, висело багровое закатное солнце. До Николаева оставалось всего ничего — неполных десять миль. Имелся вполне реальный шанс успеть в берлогу Парда еще до сумерек.

Всю дорогу Вольво молчал. Пард только с Гонзой парой фраз перекинулся. Да и не хотелось говорить при подсевшем в машину Беленьком.

Но вот прекратить думать было просто невозможно. Пард вновь и вновь мысленно возвращался к хаотичным на первый взгляд событиям последних дней. Никакой логики в свалившихся на голову команды неприятностях Пард по-прежнему усмотреть не смог. Казалось, слепая судьба наугад лупит по движущейся мишени, чудом промахиваясь, но разлетающиеся осколки всюду хлещут несчастную мишень, и мечется она, болезненная, стараясь и под очередной выстрел не угодить, и к цели своей заветной хоть на полшага приблизиться...

Впрочем, чего бы там ни затевала незрячая судьба, до Николаева команда все же добралась. С двухдневным опозданием, правда. Но все же.

Значит, даже судьбу-злодейку можно перехитрить. Хотя это и трудно. Да и небезопасно.

Шоссе упруго стелилось под колеса притомившейся четверке «Черкасс». Двухэтажные коттеджики Матвеевки глядели на проносящиеся машины с равнодушием долгожителей, а над Бугом висело огромное закатное солнце... Пард вдруг остро почувствовал приближение дома.

Такое с ним происходило часто. Пард много ездил по Большому Киеву, нередко попадал за его пределы, и на одном месте дольше недели практически нигде не оставался. Но снова возвращаясь в родной район Большого Киева, в Николаев, всегда переполнялся беспричинной радостью. Возможно, потому что он здесь родился и вырос. Возможно, потому что даже самый заядлый бродяга рано или поздно устает от скитаний и мечтает на некоторое время послать все к чертовой матери и залечь дома на любимый диван, потягивать пиво и тупо глядеть в мерцающий экран телевайзера, и знать, что сегодня, завтра, а то и послезавтра можно будет точно так же валяться, потягивать пиво и глядеть в телевайзер, и ничегошеньки не делать...

Если только у заядлого бродяги есть место, о котором он может сказать: «Это мой дом».

У Парда такое место было. В Николаеве, в райончике, который издавна называли Старый Юг. Туда Пард и гнал легковушку, обойдя машину с эльфами-охранниками. Гонза уступил ему руль охотно, раз уж Пард решил полечиться по отцовскому методу.

Северный. Соляные. Ингульский мост. Пушкинская. Пограничная. Октябрьский проспект. Улица Космонавтов, дом шестнадцать.

Хотел бы Пард знать, кто такие космонавты.
Стоп.

Отсюда тоже виднелась река, и точно так же над ней висело багровое закатное солнце, только теперь оно почти касалось краем горизонта, а на фоне потускневшего вечернего неба четко проступали силуэты кранов над стапелями Черноморского завода.

Пард с детства усвоил, что «завод» — это очень странный район города, в котором масса неподвижных, но живых машин и где крайне неудобно жить. Кстати, с детства знакомое слово «стапель» Парду тоже было непонятно.

А теперь выясняется, что завод — это место, где удобно делать машины...

Даже звучит дико и непривычно — делать машины. Ну и в историю они с Гонзой ввязались...

— Приехали, — сказал Пард вслух и вылез из облегченно притихшего автомобиля. — Вот здесь я и обитаю. В случае чего можно и соседний дом занять, вот этот.

— Дом? — скривился Вольво. — И эту жуткую лачугу здесь именуют домом?

Одноэтажный домик был существенно меньше даже придорожных коттеджей.

— Ну вот, — не всерьез огорчился Пард и картинно всплеснул руками. — Не угодил обитателям Центра... Ладно, входите.

Он открыл калитку, и тотчас навстречу радостным черным комком выкатился Плюх. Здоровенный пес ньюфаундленд. Четверолапый и вислосухий любимец Парда.

В окне горел свет — значит, Дюша был дома. Пард несколько раз стукнул в стекло.

— Эй, несчастный! Выползай, враги приехали...

Плюх пару раз гавкнул на толпу, но вообще он был существом покладистым и незлобивым и, не смотря на свою песью природу, в охрану никак не годился.

— Ой, какой зверь! — восхищенно сказала Инси и присела рядом с Плюхом на корточки, за что и была мгновенно облизана от шеи до макушки. Инси запустила пальцы в густую шерсть Плюха, и тот блаженно замер.

— Что с машинами? — спросил Вася. — Мож, внутрь загнать?

— Сейчас я от соседнего дома ключи возьму... Туда загоним, во двор. А то здесь, сам видишь, места нету...

На крыльцо наконец-то выполз Дюша. Естественно, в цветастых семейных трусах, чуть не до колен, и более ни в чем. Загорелый до того, что его легко можно было принять за орка. Если не видеть лица, конечно.

— Аха, — констатировал Дюша. — Приплыли. Что это у тебя с рожей?

— Ключ от четырнадцатого давай, — вместо приветствия потребовал Пард, но с Дюшей так и нужно было обращаться. Меланхолично развернувшись, Дюша убрел в дом и оттуда мягко метнул несколько ключей на металлическом кольце. Пард ловко вынул их прямо из воздуха и, озоруя, позвонел, словно колокольчиком.

— Мясо есть, Дюша? Народ кормить надо.

— Конечно есть, — проворчал Дюша из дома. — Только дров нету.

— Опять вербу на переулке пилить? — ухмыльнулся Пард.

— Ясен пень...

Полузасохшее дерево за углом дома было исправным поставщиком дров уже несколько лет. Постепенно темнеющие кругляши на месте спеленных толстых веток усеивали необъятный морщинистый ствол до высоты трех-четырёх метров. И все же вверху еще хватало сухих древесных ветвей, потенциальных дров... И вдобавок рядом досыхала еще одна верба, пока Пардом и Дюшей нетронутая...

Дюша вручил немедленно вызвавшимся добровольцам — Трыне и Тип-Топычу — ржавую ножовку и отправил на промысел.

Когда начало смеркаться, машины уже были загнаны во двор соседнего дома, команда обосновалась там же, Жор колдовал на кухне, готовя из подножного корма салатики к ужину, перед воротами уютно потрескивал живой огонь. Дюша добыл шампуры и величаво руководил нанизыванием заранее замаринованного мяса, а Пард слазил в подвал и выставил живым энное количество бутылок старых выдержанных вин, до которых они с Гонзой и Дюшей были большими охотниками.

Вольво, Бюскермолен и Инси остались в шестнадцатом. Пард и сам планировал их разместить там, а Вольво, похоже, намеревался еще и вечерний совет устроить. Либо еще до ужина, либо в процессе.

Во дворе четырнадцатого тоже развели костер, и Дюша отнес большую часть мяса туда. За едой Вольво решил о делах не говорить. Да и к тому же он явно был знатоком и ценителем вин — во всяком случае, «Южную розу» смаковал с неприкрытым восторгом.

— Наше, — похвастался довольный Пард. — Такого больше нигде в Большом Киеве не делают.

— Прекрасное вино! — восхищенно сказал Вольво. — Поставишь мне ящичек?

— Какой вопрос! — улыбнулся Пард. — У меня свои люди есть на Бакалее, где грузы со спящих поездов снимают. Хоть организованные поставки затевай...

Инси тоже пила вино — маленькими глотками, смешно сжимая губы. Плюх, похоже, в девушку влюбился, потому что валялся у ее ног и даже к мясу особого интереса не проявлял. Впрочем, еще бы: Дюша в жизни никогда его за ухом не чесал, разве что ногой пихнет иногда, если Плюх на дороге окажется, а Парда дома вечно нет... Инси же за вечер уделила псу столько внимания, сколько он не знал за пять лет собачьей жизни. Вот и привязался к ходу.

В свете уличного фонаря и тускло мерцающих углей круг живых у низенького столика казался мирно коротающей вечер семьей. Беззаботной, позабывшей о делах до утра.

Когда испили фирменного Дюшиного чаю, Вольво наконец заговорил о деле:

— Итак, команда... Попробуем свести воедино все нити, о которые мы судорожно спотыкались последнее время? А?

— Попробуем, — согласился Пард и небрежно сообщил: — Кстати, шеф, я не говорил раньше — Андрей Исаков, в миру — Дюша, он тоже в деле. Он с самого начала был в нашей с Гонзой компании. И он в курсе всех наших дел...

Вольво внимательно взглянул на Дюшу.

— Ну, — поправился Пард, — почти всех. Кроме последних приключений, конечно.

— А что же ты о четвертом молчишь? — неожиданно спросил Вольво. — О Судере? Он ведь тоже, надо полагать, в деле.

Пард растерялся и не смог этого скрыть. Зато Гонза остался невозмутим, как орочий идол на площади.

— И о нем тоже известно? — пробормотал Пард. — Интересно, откуда?

Вольво усмехнулся:

— Сударь! Я имею привычку проверять живых, с которыми собираюсь вести дела. Тщательно проверять. Пора вам, провинциалам, привыкать к цивилизованным отношениям, если уж влились в команду Техника Большого Киева. И, пожалуйста, не задавай больше глупых вопросов, Пард.

Пард поспешно кивнул.

Дюша меланхолично глядел в темноту и молчал. В чем ему нельзя было отказать — это в умении слушать что угодно с самым невозмутимым видом. Кажется, это понравилось Вольво, потому что когда вирг перевел глаза с Парда на Дюшу, из его взгляда сразу же исчезла укоризна.

— Судер занимается слухами... — пояснил Пард. — Проверкой информации, если говорить более обтекаемо. И связью. Полагаю, ему незачем светиться.

— Дело ваше, — неожиданно легко согласился Вольво. — Некий резон в этом есть. Его долю и будущие функции, наверное, обсудим позже? После всего?

— Наверное, — кивнул Пард. — Я с ним свяжусь завтра.

Вольво обратился к молча и неподвижно сидящему гному:

— Бюс!

Гном встрепенулся и с готовностью уставился на шефа.

— Ты что-нибудь знаешь о Халькдаффе?

Бюскермолен ответил не сразу. Выдержал паузу, потом осторожно пробасил:

— Я его даже видел несколько раз. На Выставке. Правда, давно. Я никогда не разговаривал с ним. Живые болтают, он лет триста назад вернулся из Большого Токио... И взялся реализовывать некоторые идеи, которых там поднабрался. Идеи, мягко говоря, странные. В частности, те самые грузовики-убийцы, камикадзе.

— Успешно?

— Судя по сегодняшнему — вполне.

— Судя по сегодняшнему, — поправил Гонза, — не вполне. Наши-то живые целехоньки остались. Все четверо.

— Случайность. — Бюскермолен пожал плечами. — Если бы не задержка на светофоре, их бы или по асфальту размазало, или прямо в «Черкассах» сплющило бы. В кровь и железо.

Гонза не ответил, только пошевелил ушами. Знакомо дрогнула кепочка у него на голове.

— Это все лирика, — вмешался Вольво. («Ничего себе, лирика, — подумал Пард отстраненно. Четверых едва не утробило, а он — лирика...») — А вот как связать Халькдаффа с нашим путешествием на юг? Зачем он послал свой грузовик? Даже не один — кто-то ведь «Черкассы» еще и притирал, насколько я помню. На кого Халькдафф работает? Какие цели преследует, если ни на кого? И откуда, черт побери, у него информация о нашей затее?

— Может ли он работать на Жерсона? — осторожно спросил Бюскермолен.

— Кто его знает, — пожал плечами Вольво. — У меня слишком мало информации. Точнее, информации последнее время много, как и событий, но она вся какая-то подозрительно бестолковая и разрозненная. Не вяжется она ни во что стройное, никак не вяжется... Такое впечатление, что на игровое поле ставят все новые и новые фигуры, причем никто заранее не знает, на что они способны. И фигуры эти движутся сами по себе, а не подчиняясь командам единого разума.

— Другими словами, — вдруг вмешался молчавший до сих пор Гонза, — никакой враг на нас не ополчился. На нас ополчилась сама судьба.

Вольво задумчиво пошевелил бровями:

— Не совсем верно... Но в общем — именно так. Просто я не верю в судьбу. И поэтому не могу дать название силе, которая противопоставила себя нам. Но я боюсь, что это страшная сила, потому что она заставляет живых нарушать клятвы и поднимать оружие. Она ломает систему, устоявшуюся систему отношений между живыми в Большом Киеве.

— Шеф, — вдруг вмешался невозмутимо молчавший до этого Дюша. — А если наоборот? Если это мы пытаемся сломать устоявшуюся систему? Что есть город по сути? Именно система, сложнейшая система, в которой все уравновешено и взаимосвязано. Появись здесь живые, способные строить рукотворные машины, и система изменится до неузнаваемости, если не рухнет вовсе.

Пард сначала просто хмыкнул, оценив, с какой непринужденностью Дюша назвал Вольво шефом,

а потом до него дошло. И он замер, как источником техники пораженный.

— То есть... — протянул Вольво и обменялся с Инси быстрыми взглядами. — То есть на нас ополчился город? Ты это хотел сказать?

— Да. Впрочем, возможно, не только город, не только Большой Киев. В других ведь городах все обстоит точно так же, как и у нас. А кроме того, города нашего мира наверняка тоже образуют систему. Законченную и совершенную, как кристалл из ювелирного.

— Черт возьми! — выдохнул Гонза и яростно поскреб пятерней под кепочкой. — Система хочет жить, и она защищается. Заставляет заурядных мелких бандитов нападать на поезд, устраивает облаву в Смеле, насылает на нас сумасшедшие грузовики Халькдаффа... Я даже боюсь предположить, что еще свалится нам на голову в ближайшие дни...

Вольво снова обменялся с Инси быстрыми взглядами, словно искал у нее поддержки.

— Не приписывайте системе качеств живых, — раздельно произнес вирг. — Не хотите ли вы сказать, что она разумна?

— Шеф, — хрипло пробасил Бюскермолен, подняв руку. — Никто этого и не говорит. Система стабильна, сами подумайте: вот уже много лет ничего в ней не меняется. Неизвестно откуда берутся машины. Неизвестно откуда берутся припасы на складах. Неизвестно почему ходят по Киеву груженные поезда и куда девается то, что они возят...

— Ну, это, положим, известно. На те же склады. В магазины еще, — фыркнул Вольво. — Скажите просто, что вас поразила догадка нашего

нового коллеги и вы теперь из всех сил пытаетесь подвести под нее почву. Некую непротиворечивую базу.

— Но раз система сумела многие годы оставаться действующей, значит, она умеет следить за изменениями в себе и рядом с собой и наверняка умеет нейтрализовывать эти изменения. Она и нас вполне может отследить и попытаться обезвредить во имя собственного блага.

— Мы только сделаем ее гибче и могущественнее, если научимся делать машины. Зачем ей сопротивляться? Ты думал об этом, Бюс?

Гном опустил взгляд:

— Прирученному грузовику тоже живется куда лучше, чем дикому. Но дикие на охоте почему-то всегда сопротивляются. До последнего. К тому же вы сами, шеф, недавно призывали не приписывать системе разум.

Вольво не ответил. Вольво задумался.

Гонза нервно снял кепочку, потискал ее в ладонях и вновь нахлобучил на макушку. Уши его беспрестанно шевелились, как лопухи на ветру. Гоблин размышлял, и глаза его поблескивали в сумерках, словно две гнилушки из какого-нибудь позабытого эльфами парка.

— Рукотворные, болеющие и смертные машины вполне способны многое изменить в Большом Киеве. Вдруг от них заразятся местные, киевские? И дикие, и прирученные. Начнут болеть и умирать. Сможем ли их лечить? И сумеет ли выжить город, если многие машины умрут? Сможет ли он совсем без машин?

— Хватит, — оборвал его Вольво. — Я тоже умею думать и сопоставлять. И я не говорил, что

не согласен с этим. Просто я против поспешных выводов. Поверив в это, мы можем проглядеть истинную причину и не сумеем противостоять ей. Если, конечно, все сказанное здесь не оправдается...

— Пойдемте-ка спать, — сказала Инси негромко. — Вон, команда уже поутихла. Да и у меня глаза слипаются...

Пард из темноты поглядел на нее — ладную и манкую женщину-человека.

«Я б с тобой поспал...» — подумал он бесстыдно.

В тот же миг Инси отвела глаза от перемигивающихся угольков в кострище и пристально поглядела на Парда. Тот вздрогнул и поспешно устал в сторону.

Вольво встал.

— Бюс, завтра с утра визиты. Роел, остаешься здесь командовать. Живым отдыхать, и потише, потише. По возможности не высовываться за ворота. Пард, Гонза, вы знаете, чем заняться. Вариант с яхтой избран основным, так что действуйте. Дюша, тебе, полагаю, лучше остаться на хозяйстве со всей этой оравой.

Дюша послушно кивнул, причем сделал это неторопливо и с достоинством. Будто седобородый, умудренный долгой жизнью гном.

Вольво вздохнул и напоследок справился:

— У тебя компьютер-то в доме есть?

— Есть.

— А к сети подключен?

— Подключен.

— А адрес приоритетного линка на Центр знаешь?

— Знаю.

— Пойдем покажешь... Технику Большого Киева отчет нужно переслать...

Они удалились в Дюшину комнату, и некоторое время Пард еще замечал в окне отсветы от мерцающего экрана. Когда все закончилось, он пошел к себе.

В маленькой угловой комнате, на своем наконец-то жестком топчанчике, Пард мгновенно провалился в глубокий сон. Только прилег — топчанчик раз-другой качнулся, наверное, от выпитой «Южной розы», и унес его экспрессом в очередное николаевское утро.

19

Заалай — Музтаг

Разбудило Парда женское пение. Он вскинул голову с маленькой подушки, вслушиваясь. Чей-то негромкий грудной голос доносился со двора:

За густым частоколом домов
Мы вдыхаем завесу из смога.
В лабиринте проезжих дворов,
В центре города — нашего бога.
Мы годами не видим травы,
Мы забыли про синее небо.
Мы не знаем, что шорох листвы
Никогда сверхъестественным не был...

Пард на цыпочках подошел к окну соседней комнаты, тому, что выходило во внутренний дворик; у противоположной стены, на диване, сонно заворочался Дюша.

На крылечке с гитарой в руках сидела Инеи и тихонько перебирала струны. У ног ее, конечно же, валялся Плюх и вел себя подозрительно тихо. Должно быть, слушал. Лилась завораживающая

мелодия, в которую вплетался чистый и покорный певице голос.

Небоскребы громадами тел
Заслонили и солнце, и тучи,
Никогда, как бы ты ни хотел,
Небоскребы мечтать не научат.
Среди полчищ железных машин
От себя убежать ты не можешь.
Среди тысяч живых — ты один,
Никого и ничем не тревожишь.

Отчетливая синкопа в конце такта, короткая пауза — и ритм чуть изменился, а песня перетекла в код.

Мы — пленники города.
Не знаем мы холода,
Не помним мы голода:
Не наша вина.
Мы жить не приучены,
Любить не обучены,
Комфортом замучены:
Такая цена.

Парду сразу же вспомнился вчерашний разговор о происках защищающегося города, о системе и еще — о некой команде Техника Большого Киева, собирающейся эту систему нарушить. Пард невольно вздрогнул, поморщился и потрогал затылок, который почти перестал болеть после вчерашнего.

Он мимоходом глянул в зеркало у Дюшиного дивана — сплошная синева с физиономии, слава жизни, сошла, но следы чужих кулаков видны были все равно еще чересчур явно. Пард обреченно вздохнул.

Одевшись, он вышел на крыльцо и поежился от утренней прохлады. Небо хмурилось свинцом, и солнца Пард все равно не увидел, хотя в этом районе Большого Киева небоскребов просто не было. Инси сразу перестала играть, едва Пард встал рядом с ней, опершись плечом на стойку, что поддерживала над крылечком гнутую зеленую крышу.

— Здорово у тебя получается, — искренне похвалил Пард. — И песня... Аж мороз по коже. Особенно в связи со вчерашним.

Пард даже вздрогнул. Инси, не глядя на него, сказала:

— Это старая песня, Пард. В нашем мире истины не стареют.

— А чья?

И вдруг догадавшись, добавил:

— Твоя?

Инси покачала головой:

— Нет. Я не умею слагать песни — для этого не существует формул, которым можно научиться. Это «Берег», ранний-ранний «Берег», еще до первого альбома записанный.

«Снова «Берег»! — подумал Пард с удивлением. — Что-то подозрительно точно ложатся их песни на нашу поездочку...»

На пороге возник разбуженный Дюша — некая непостижимая сила выгнала его из-за компьютера. Обычно он со своего диванчика переползал на стоящий впритык стул и, не продрав еще толком глаза, щелкал выключателем, исполняя ритуальную формулу оживления компьютера.

— Ответ из Центра пришел, — сказал Дюша уныло. — Буди шефа, красуня.

Инси отложила гитару и ушла в комнату, где ночевали они с Вольво. Плюх разочарованно убрел к своей капитальной будке между садом и дальней стеной дома.

— Паршивый день будет, — с досадой протянул Пард, глядя на небо. — Пасмурный. Как бы Кэп с Кутняком не обломились в яхт-клуб ехать...

— Позвони, делов-то, — пожал плечами Дюша.

— Тебе не холодно? — Пард поежился, запахиваясь в рубашку. Дюша, разумеется, выполз на крыльцо в одних трусах. Даже шлепанцы не надел.

— Нет. — Дюша протяжно зевнул.

— Изморозь... — проворчал Пард. — Нет чтобы одеться...

Дюша поднял гитару и задумчиво тренькнул парой струн: играть он не умел совершенно, и Пард сразу же отобрал у него несчастный инструмент. Дюша не сопротивлялся.

— Понимаешь, — глубокомысленно сказал он Парду, уставясь куда-то в глубину сада, — страшен, собственно, не сам холод, а перепад между температурой тела и температурой окружающей среды.

У Парда немедленно свело скулы — недаром родная сестра, прекрасно знавшая Дюшу, именовала его коротко и емко: «Нудный». Дюша не обижался. И никогда не протестовал.

Из своей комнаты к компьютеру прошли Вольво и Инси и некоторое время колдовали перед монитором. Очередями клацала клавиатура.

Парду показалось, что они слишком быстро разобрались с пришедшим сообщением, но эта мысль тут же вылетела у него из головы.

После наскоро сооруженного завтрака Вольво кликнул эльфа Иланда и велел выгонять одну из машин. Бюс, усевшись подобно Инси на крылечке, поджидал шефа, только в руках он баюкал не гитару, а помповое ружье.

— Значит, так. — Вольво обернулся к Парду. — Мы поехали... Будем к пяти-шести вечера. Если что, я позвоню, номер мне Дюша дал. Постарайся за сегодня все выяснить. Я очень не люблю... разочаровываться. Особенно в людях.

— Заметано, шеф! — бодро отозвался Пард. — Думаю, яхта у нас будет... Вот только... Я хотел посоветоваться. Надо будет ребятам заплатить, я так думаю.

— Конечно! — Вольво даже фыркнул. — Верным на шару я почему-то не очень верю...

— Сколько я могу им пообещать?

— Сколько потребуется. Решай сам, не маленький!

Пард с готовностью кивнул.

— Ладно... Поехали, — бросил Вольво, направляясь к отворенной калитке.

— Обедать рекомендую на Соборной, в «Платане», — крикнул Пард вдогонку.

Бюскермолен обернулся и благодарно махнул рукой. Ну да, гному такая информация очень даже интересна. Впрочем, и сам Вольво, и его охранники-эльфы тоже уважали добротную кухню. Не заметить этого мог только крот. Или человек, но только глубокой ночью, когда темно. Хотя ночью живые все равно большей частью спят, а не пируют.

Пард, стоя перед воротами, поглядел, как двое эльфов, Бюс, Инси и шеф уселись в белые «Чер-

кассы» и укатили вверх по улице Космонавтов, к проспекту.

«Зачем он девчонку с собой таскает?» — подумал Пард рассеянно и вернулся во двор.

— Ну что? — спросил из форточки Гонза. — Хлебнем кофейку?

Пард покосился на Дюшу и на виднеющуюся в форточке знакомую кепку гоблина. На их жаргоне это означало: «Обсудим положение?» Впрочем, кофе в это время они все же пили.

Пард пошел ставить чайник, а Дюша, конечно же, засел за компьютер.

Когда Пард вернулся, оба его друга припали к самому экрану, словно увидели там нечто настолько важное, что позабыли обо всем на свете.

— Ё-мое, — протянул Гонза. — Ты только посмотри, Пард!

Пард склонился к монитору.

Дюша за каким-то хреном полез листать рабочие мейлеровские логи. Он иногда это проделывал, но очень редко. Больше никто из знакомых Парду техников никогда в жизни такими вещами не занимался, потому что проку от этого все равно никакого не было. Мейлеры работали, почта ходила и исправно тоссилась, неполные пакеты оставались на докачку... Кому нужны рабочие логи?

— Вот, — показал Дюша и закашлялся. Наверное, от волнения. — Это их вчерашняя мессага Технику в Центр ушла. А вот сегодняшний ответ... Гляди. Размер, время создания...

— Ну и?

— А теперь сюда взгляни. — И Дюша указал, куда именно. Пард взглянул.


```
#outbound files%
#hold\534gs5a9.msg  5187 byte  17.05.368764,
23:07:25%
^^^^^^^^^^^^^^^^^^^^
```

— И сюда...

```
#inbound files%
#root\ut715f2j.msg  5187 byte  17.05.368764,
23:07:25%
^^^^^^^^^^^^^^^^^^^^
```

Несколько секунд он тупо пялился в синий экран с вязью белесых символов, а потом наконец до него дошло.

Вчера вместе с отчетом Технику следом был послан еще один файл. Такого же размера, как утренний ответ Техника, и, что до жути странно, созданный в то же, вплоть до секунд, время вчерашнего вечера.

Дюша лихорадочно прокручивал пути и клуджи, каждый отрезок транзита.

Через минуту у них не осталось сомнений.

Пард оглянулся, но в доме, кроме них троих, никого из команды Вольво не осталось. Роелофсен ушел в четырнадцатый сразу после завтрака.

— Так что же это получается? — растерянно спросил он. — Они отправили отчет, а следом за ним как бы ответ на него. Некто в Центре спустя некоторое время аккуратно ответ завернул, словно бы Техник ответил. Получается, что на самом деле Техник Большого Киева все это время ехал с нами, а вовсе не остался в Центре?

Дюша даже потерял свою обычную невозможность.

— Уроды, — прошипел он. — Прибить за такую работу следует!

— Погоди, — остановил его Гонза. — В конце концов это не слишком меняет дело. Меня куда больше интересует не почему Техник предпочел остаться инкогнито, а кто из команды — Техник? Вольво отпадает, он вирг...

— Значит, кто-то из эльфов. Прикидывается охранником, а сам... Или один из полуэльфов, они же техники.

Дюша покачал головой, рассуждая, как всегда, предельно логично:

— Тогда бы сейчас в город поехали не Иланд с Вахмистром, а Сергей с Валентином.

— Или один эльф, один полуэльф. Ну, и Вольво с Бюсом, конечно, для отвода глаз...

— А может, это Бюс? — предположил Пард. — Роела вон не взяли... Да и вообще вроде бы равная парочка, а Бюс всегда присутствует при важных разговорах. Роел же только изредка.

— Вряд ли, — покачал головой Гонза. — Бюскермолен — известный охотник. Он старше Роела. Да и не техник он, формул почти не знает, это слепому видно. Нет, очень вряд ли.

— Слушай, — оживился Пард. — А сами мессаги? Что в них? А?

Он потянулся к клавиатуре, но Дюша покачал головой и поджал губы.

— Мессаги они потеряли, конечно же. Я их и не видел, только адрес Вольво дал. Тут меня и попросили прогуляться... Кстати, там все наглухо запаковано было, не успеешь сломать и за неделю.

О том, что файлы-сообщения терли так, что никаким анделитом не восстановишь, можно было даже не спрашивать.

— Случай, — вздохнул Пард. — Слепой случай. Один шанс на миллиард. Не залезь ты сегодня в логи, пила бы их уже к вечеру погрызла...

Из кухни жалобно застенал вскипевший чайник.

— Пошли кофе пить, други... — протянул Гонза и почесал под кепочкой. — Эх, черт, времени мало, в город надо...

— Слушай, — перебил его Пард уже на пути в кухню, — а Вольво, после того как мессагу прочитал и грохнул, вообще в четырнадцатый ходил? Читал-то только он да девчонка.

— Ходил, — сообщил плетущийся последним Дюша. — Я видел. Сразу и пошел, как прочитал. К Технику на доклад, ясно.

— Да все равно это ни о чем бы не говорило, даже если бы и не ходил, — отмахнулся Гонза. — Вольво ее мог скопировать или просто запомнить наконец. По-моему, ты не сомневаешься, что Техник ему доверяет. Как себе.

— Мне еще показалось, — задумчиво протянул Пард, — что слишком уж быстро они ответ прочли. А они только изображали, что читают...

20

Музтаг — Джомолхари

Ежась от гуляющего по улице Космонавтов прохладного ветра, Пард вышел на перекресток с Октябрьским проспектом. Сколько он себя помнил, от реки по Космонавтов всегда гулял пронзительный ветер, и улицу иногда еще называли «аэродинамическая труба». Смысл этого словосочетания, как и многих других, которые он часто слышал, Парду оставался неясен, но откуда-то он точно знал, что такое название неразрывно связано с ветром. С сильным ветром.

В руке Пард нес мемориальную красную канистру, верную спутницу многих пивных мероприятий. Не мог же он явиться к друзьям на яхту без пива? А что может быть удобнее старой верной красной канистры? Сейчас она была пуста, пиво брать Пард решил прямо в яхт-клубе. И тащить легче, да и продукт посвежее будет...

К остановке как раз подрулила обшарпанная старая маршрутка модели «Долина», казалось, даже спящая на ходу. У руля сидел пожилой дядька-человек с огромными седыми усами, но управление он не трогал, только собирал деньги за про-

езд. Пард влез внутрь, уселся в уголке и отвернулся к окну. Маршрутка несколько минут поторчала на остановке, подобрала двух орков в меховых фуражках, велюровых свитерах и кишиневских тапочках, скрежетнула двигателем и тронулась. За окном проползал знакомый с детства Октябрьский проспект.

Пард так задумался, глядя на улицы родного района, что в себя пришел аж за центральным рынком. За окном сновал озабоченный народ — около рынка всегда было оживленно.

За стадионом, у гостиницы «Турист», Пард вышел и двинулся направо, к яхт-клубу. Здесь тоже гулял вольный ветер и чувствовалась близкая вода. Пришлось застегнуть безрукавку.

Он спустился к самым причалам и еще издали заметил «Корсар», яхту приятелей. Рядом на волне покачивалась еще одна, зовущаяся «Рихтер».

Пард ускорил шаг. И вскоре его заметили. Радостно вскинув канистру, Пард чуть не бегом припустил к причалу, покрытому рассохшимися досками.

— Ха! Привет, Пард! Что это у тебя с рожей?

Навстречу по причалу шагал сухопарый и долговязый полуорк по имени Кутняк. Следом спешил Хог, чистокровный западный орк, которого все звали на местный манер «Ксором». Ладони звонко шлепали, встречаясь в рукопожатиях. Пард приветственно махнул живым на второй яхте — их он почти не знал, только наглядно. Все дружки Кэпа да Кутняка...

Вторая яхта как раз отвалила.

— Ну что? — спросил Кутняк, вопросительно глядя на пустую канистру. — Сходим сегодня?

— За тем и появился! — ответил Пард. — Кто со мной за пивом?

— Я схожу, — предложил Хог.

— Тогда еще бутылок возьмите. Сейчас выгружу...

Кутняк ловко перепрыгнул на палубу «Корса-ра» и скрылся в каюте. Вернулся он с тремя двух-литровыми пластиковыми бутылками из-под «Кола-копты».

— Во... Жаль, маловато.

— А Гайдабура где?

— Обещался прийти... А что? По «гайдабуров-ке» соскучился? — хмыкнул Хог.

— Можно подумать, ты не соскучился... — проворчал Пард, поднимая канистру. — Ладно, пошли...

Еще один из компании приятелей-яхтсменов, человек Гайдабура, такой же, как и Кутняк, долговязый и сухопарый, имел привычку брать на борт некоторое количество своего фирменного напитка, из составляющих которого Пард ручаться мог только за спирт и кофе. Остальное было тайным семейным рецептом Гайдабур. Впрочем, секрет никто и не пытался выведать, напиток просто любили и уважали, как и самого Гайдабуру.

Подняться к пивной точке у трамвайных путей и наполнить емкости было делом четверти часа. Пард на всякий случай купил несколько сушеных рыбин у пожилой бабули, торгующей рядом с пивнухой. Хог посмотрел на Парда с одобрением.

Когда они вернулись, Кутняк беседовал с Кэпом, человеком, как и Пард. Собственно, Кэпа по жизни звали Игорь Каневский, но все и всегда его величали не иначе как Кэпом. Поздоровавшись, Пард ступил на качающуюся, словно живую,

палубу. Яхта, кажется, узнала его, скрипнула снастями и вроде бы даже качаться стала меньше. Помнится, в первый свой выход на «Корсаре» Пард спяну не устоял и разбил губу о палубу, но на яхту совершенно не рассердился, и «Корсар» вскоре простил Парду дремучий дилетантизм в мореходном деле. Все яхты обладали собственными именами, а не серийными, и всегда казались Парду куда более ярко выраженными индивидуальностями, чем, скажем, автомобили, у которых именами различались только модели. Поэтому ко всем плавающим машинам у живых отношение было совершенно иное, чем к ездящим.

— Сегодня гоняются, — сообщил Кутняк Парду. — До Первомайска и назад.

— Вы тоже?

— Нет, куда нам, мы ж железные... Ход тяжелый.

Действительно, «Корсар» имел металлический корпус, отчего в быстроходности уступал многим деревянным яхтам, но зато был крепким и не боялся камней на мелководье. Впрочем, от камней мог пострадать только киль, а у «Корсара», Пард знал, киль заканчивался увесистой металлической блямбой весом килограммов в восемьсот. Из-за этого волна ему тоже была нипочем, а в море это очень важно. Это здесь, на лиманах и в устье Ингула, волна не страшна. А только выйдешь в Днепробут или Чонгар... Пард ведь туда и собирался. До самого острова Крым, таинственного и недоступного.

— И чего, если не гоняться?

— Походим... Пивка попьем. Тля, где ваш Гайдабура, через двадцать минут уже старт. Отваливать надо, чтоб в стаю не влететь...

Хог на вопрос о Гайдабуре пожал плечами:

— Обещал подойти... Откуда я знаю — где он?

— А «Рихтер» гоняется?

— Вне зачета. Решили вместе со всеми дойти до Ковалевки и назад. А то до Первомайска далеко... Мы их встретим, если что.

Подождали еще минут пять. Фарватер уже пестрел от парусов, высились мачты, чертя клотиками небо.

— Все, отходим, — сказал Кэп с кормы «Корсара». — На борт, разгильдяи...

Кутняк, Пард и Хог перебрались на яхту. Пиво заботливо поместили в каюте. Кэп с Кутняком завозились со снастями; Хог, разбирающийся в яхтинге получше Парда, помогал, а Пард, не желая путаться под ногами, ушел на корму и сел так, чтобы не мешать рулевому. Поставили грот и стаксель; «Корсар», вобрав в парусину ветер, заскользил к яхтам, вертящимся невдалеке от стартовых бுவ.

— Под ветер забирай, — проворчал Кэп сидящему на руле Кутняку. — Как ломанутся щаз все...

Они успели отойти метров на двести, когда Хог указал пальцем на берег:

— О! А вон и Гайдабура!

Темная фигура, увязая в песке, бежала вдоль береговой линии к причалу. Даже отсюда было видно, что в каждой руке у фигуры по бутылке.

— Разворот! — с готовностью скомандовал Кэп. Хог рванул шкот стакселя. Все пригнулись — над головами с шелестом снастей и хлопками грота прошел гик. Только Пард продолжал халаяничать и сидел на корме.

Подрулили к причалу; Гайдабура приплясывал на некрашенных досках.

— «Гайдабуровка»? — издаleка поинтересовался Хог.

— А то! — отозвался Гайдабура. — Я ж вас, стервецов, знаю...

— А у нас пиво, — сообщил Пард.

— О! — обрадовался Гайдабура. — Кого я вижу! Что это у тебя с рожей?

— Девчонка поцеловала... — вздохнул Пард и приветственно помахал рукой.

— Чалиться не будем, — сообщил Кэп Гайдабуре. — Так прыгнешь. Давай, Кутняк, вдоль причала... Ксор, Пард — руки наготове, чтоб бортом не стукнуться...

Полминуты — и «Корсар» вплотную подошел к причалу. Хог и Пард уперлись руками в навешенные сбоку автомобильные покрышки устрашающих размеров. Гайдабура ловко прыгнул на палубу, миновал низкую надстройку и нырнул под гик.

— Привет всем!

Он оставил бутылки в каюте, поднялся и по очереди пожал всем руки, стараясь не мешать работе. Пард продолжал отпихивать «Корсара» от причала. Вновь двинули к фарватеру. Кутняк привязывал к вантам колдунчики — короткие цветные ленточки, указывающие ветер.

Вскоре с берега перед зданием яхт-клуба взмыла сигнальная ракета и донесся запоздалый хлопок. Яхты враз устремились к Варваровскому мосту.

— Все, — удовлетворенно сказал Кэп. — Теперь не забодают. Давай тоже к мосту...

«Корсар» лег на новый курс.

— Граждане, — сообщил Пард без подготовки. — У меня к вам деловой базар немереного водоизмещения. Так что когда освободимся, давайте

потрешим. Правда, касается это только Кэпа и Кутняка, потому что «Корсар» не резиновый... Но пиво — на всех.

— А чего тянуть-то? — Кэп пожал плечами. — Ксор, на руль. Гайдабура, на стаксель. Правь за всеми...

Орк и человек послушно выполнили команду Кэпа, а Пард, Кэп и Кутняк, чтобы не толкаться на палубе, спустились в каюту. Люк закрывать никто не стал, поэтому и Хог, и Гайдабура все слышали.

— В общем, — начал Пард без предисловий, — нужно высадить кое-кого на северный берег Крыма.

— Крыма? — удивился Кэп. — Какие же психи собрались в Крым?

— Например, я, — небрежно бросил Пард. — И еще несколько живых. Из Центра.

Кэп и Кутняк переглянулись. К Крыму они уже ходили, и Пард в том числе. Даже берег далекий видели. Но приближаться не стали, недобрым местом считался Крым.

— Это по-дружески или... — спросил Кутняк.

— Или. Я ж не урод какой. Меня наняли организовать, я вас подряжаю. По штуке на брата, как с куста, чтоб не торговаться.

— По штуке? — Кэп вытаращил глаза. — Когда выходим, босс?

Он подмигнул Кутняку, и тот засмеялся.

— Ха! Я тоже согласен. А сколько пассажиров? Открывать надо будет, то, се...

— Пассажиров до черта. Кроме меня, еще как минимум четверо. Возьмете больше — значит, еще парочка. Кстати, двое из них гномы, так что их можно смело загнать в носовой. Да и все равно они

из каюты не выползут до самого Крыма — где вы видели гнома, который любит воду?

— Гномы — это хорошо, — сказал Кэп. — Воды они и правда не любят, зато я точно знаю: если случится какая драка, в носовом они отсиживаться не станут. Ну, ладно, а остальные?

— Значит, так, — начал загибать пальцы Пард. — Во-первых, мы с Гонзой, это двое. Потом шеф, собственно, кто платит, — он вирг. Секретарша его, человек...

— Девка? На борту? Мы ж не развлекаться идем, я так понимаю, — встрял Кутняк.

— А когда развлекаться — что, девки не мешают?

— Помогают! — Кутняк осклабился. — Ладно, как Кэп скажет, я против девки не возражаю за такие бабки.

— Да за такие бабки пускай хоть «Белаз» везут, лишь бы «Корсарушка» не осел...

— Вот и замечательно! — обрадовался Пард. По правде, он опасался этого момента. Развлечения развлеченьями, а в своих полулегальных делах Кэп с Кутняком с женщинами никогда не связывались и брать хоть одну на борт считали дурным тоном и нарушением морских традиций. — Итак, это четверо. Два гнома...

— Это пятеро, — хмыкнул Кутняк. — Все равно в носовой больше одного живого никогда не помещалось. Так что будем считать гномов за одного, раз одно место занимают...

— И два эльфа еще. Охранники. Суровые ребята.

— Итого, около семи. Плюс нас двое. В принципе терпимо, мы вдсятером уже ходили пару раз... Но вам там тесно будет, внизу. — Кэп покачал головой.

— Потерпим.

— А груза много? — поинтересовался Кутняк.

— Без груза скорее всего. Только жратва да оружие.

— Пойдет, — согласился Кэп. — По рукам. Когда платите? По возвращении?

— Нет, вперед.

— Тогда расплатись заранее, чтоб деньги в море не таскать...

— Ладно. Можно даже сегодня, после всего. Ко мне съездим, и все дела, — предложил Пард.

— А мы живы останемся? — поинтересовался с палубы Гайдабура, пригнувшись и заглядывая в каюту.

— А чего? Пива всего шестнадцать литров. По три на брата. И полтора «Гайдабуровки»...

— Она ж крепкая, зараза. Да еще с пивом. А мы уже сегодня с Кэпом пили, — проворчал Кутняк. — А, фигня, мы, живые, — крепкие, первый раз, что ли?

— Тогда так: если сегодня не обломимся, съездим. А если обломимся — пересечемся завтра.

— Лады, — сказал Кэп и потянулся к канистре. — Обмоем?

— А может, «Гайдабуровки»? Все-таки солидное дело... — предложил Кутняк невинно.

— Не возражаю! — хмыкнул капитан. — Вон стаканчики...

Наполнили пять пластиковых стаканчиков, отдали два на палубу. «Корсар» как раз проходил под мостом; сверху громыхали машины.

Выпили. Крякнули. Привычно похвалили гайдабуровский продукт. На всякий случай запили пивом. И настроение резко пошло вверх.

— Ну, — довольно сказал Кэп. — Пошли, Кутнячище...

Гайдабуру погнали на разлив, Пард опять пробрался на корму и уселся, скрестив ноги, а Хог убрел на самый нос и повалился на палубу.

— Гляди, чтоб стакселем не смело! — проворчал капитан. Хог отмахнулся: мол, не первый день на борту...

Пока дошли до бакена на траверзе тюрьмы, где обычно чалились для попить пива, одну из бутылок «Гайдабуровки» успели приговорить, да и из канистры отхлебнули изрядно. Твердо условились, что по возвращении из Крыма Пард проставляется всей компании в «Клюзе» — небольшой таверне рядом с яхт-клубом. Никто даже не пытался спрашивать, что именно Пард и его шеф забыли на загадочном острове, но почему-то никто и не сомневался, что Пард вернется оттуда целым и невредимым. И это вселяло в Парда непонятную уверенность в успехе.

— А что сейчас в Днепробуге? Флот шалит? — решил разузнать он. — Я слышал, в Чонгаре дикие броненосцы свирепствуют.

— Для броненосцев мы мелочь, они на «Корсара» и антенной не поведут, — ответил Кэп, морщась. — Недели две назад через Босфор американский крейсер прорвался — так они все скопом на юг потащились. Хуже, если торпедники в Чонгаре шастать будут — от них нам не уйти...

Капитан взял протянутый стаканчик. Чокнулись, выпили.

— Эх! Хороша «Гайдабуровка!» — привычно крикнул Кутняк. — Спроворишь нам в рейс пару бутылочек?

Гайдабура развел руками: какой вопрос!

— А меня всегда вот что интересовало, — сказал Пард весело. — Почему живые говорят «выпить», хотя логичнее сказать «впить»? А?

— Давай сначала пива... э-э-э... выпьем, — рассудительно предложил Хог, — а потом подумаем.

Впили. Потом еще разок впили. Но так ни до чего и не додумались.

— Скажи-ка, Кэп, — вернулся к насущному Пард. — А флотский торпедник — он на кого обычно нападает?

Кэп пожал плечами:

— На моторки, на яхты... На катера. Да мало ли! На все, что в длину метров до пятнадцати — на это и нападают.

— А зачем? Смысл в этом какой?

— Ну... — протянул Кэп. — Не знаю. Это ж боевые корабли, они больше ничего не умеют. Грузовики умеют возить грузы, они и возят. Легковушки — живых. Автобусы — тоже живых, но сразу помногу.

— Странно... А почему среди наземных машин нет боевых? — спросил Гайдабура.

— Почему это нет? — удивился Хог. Он был орком, поэтому прожил дольше всех, кто сегодня вышел на «Корсаре». — Есть. Танки называются. У них такая пушка на башне торчит, торпедник продырявить запросто можно.

— Ну да! — не поверил Гайдабура. — Где это ты такое видел?

— Между Киевом и Прагой, в горах. Там особое место есть, где танки водятся. Полигон называется.

— И что, они там друг с другом дерутся? Палят из пушек?

— Нет. Они как бы одна компания, дивизион называется. Они на трассу нападают иногда, сбивают грузовики и захватывают цистерны с топливом.

— А живые на танках ездят?

— Не знаю, — честно ответил Хог. — У танков нет окон, одна броня. Что внутри — не видно. А близко я не подходил, что я, псих, что ли?

— Окон нет — значит, не ездят, — отрезал Кутняк. — Машин без окон не бывает.

Пард тоже слушал с интересом. До сих пор самой опасной для живого машиной, с которой он сталкивался, был дикий бульдозер с южной окраины Николаева. Город там уже заканчивался, и если пробраться подальше в сады, можно было увидеть голую, без единого дома степь. Бульдозер прятался в старой заброшенной яме, которую местные называли «карьер», и иногда выбирался наверх, ломал маленькие одноэтажные домики и деревья, но, поскольку был старым и дребезжащим, быстро успокаивался и уползал назад, в этот самый карьер. Так и оставался рядом с живыми много лет. Пард еще мальчишкой не раз отсиживался с приятелями в садах, ожидая, пока старая железяка в очередной раз не утомонится и не уползет.

Впрочем, бульдозеры в принципе приручались. Только вот использовать их было трудно — они мало на что годились, были тихоходными и неповоротливыми. Разве что дома ломать — но кому из живых могло прийти в голову ломать дома? А вот в местах, где дома растут, бульдозеров, говорят, встречалось много, но что они там делали, оставалось загадкой, потому что машины в таких мес-

тах двигались только ночью и в полной темноте. Да еще ревниво следили, чтобы никто из живых рядом не шастал. Да и к тому же растущие дома — большая в городах редкость. Разок-другой за сотню лет встречаются. Пард, например, ни одного пока не встречал. А Гонза рассказывал, что видел, как росла шпиль-многоэтажка на Соборной сорок семь лет назад. Еще не небоскреб, но уже весьма высокое здание. Говорил, ночь машины пошумят-пошумят, а наутро глядь — этаж-другой вырос. За три недели, говорит, и отросла. А машины потом сбились в колонну и куда-то уползли. Даже забор с собой прихватили, что место роста огораживал.

Пард хлебнул и вновь обратился к Кэпу:

— Так что получается... Вот если на «Корсар» торпедник кинется, то все? Буль-буль?

Кэп пожал плечами:

— Ну, не факт вообще-то. Во-первых, они только кажутся грозными — далеко не всегда они пускают торпеды. Во-вторых, далеко не у всех торпеды есть. Так, попалит из пулеметов и, глядишь, отстанет. Но это в том случае, если сопротивляться. Пулевой стрельбы они не шибко боятся, они ж бронированные. А вот гранат и ракет — опасаются. В общем, можно их отогнать, как и любую дикую машину. Если с умом. Если знать их нравы и повадки. Я — знаю, если это тебя интересует.

Кэп тоже отхлебнул.

— Ну, доволен? — спросил он.

Пард поспешно кивнул:

— Надо же будет шефа успокаивать. — Правый глаз сам собой подмигнул яхтсменам. — Он же меня великим мореплавателем считает...

Кэп фыркнул:

— Мореплаватель... Что ж ты в прошлый поход к Крыму про торпедники не спрашивал? Йли когда чуть в Бухарест не ушли?

— Не спрашивал? А ты вспомни, на каких бровях мы шли! Я только за Кинбурном протрезвел, да и то ненадолго. А после Бухареста меня вообще на берег сгружали, вспомни...

— Что было, то было... — вздохнул капитан. — Кутняк тогда «Пьяную лодку» по десять раз на дню крутил да слушал, затрахал нас по самое не могу.

— А чего? — Кутняк пожал плечами. — Хорошая песня. Мне нравится. И главное, название подходящее. Кстати, а где там рыбка была?

— А вот! — Пард вытащил пакет с таранью. Некоторое время народ блаженно потягивал пиво под рыбу, а разговор тек в общем-то ни о чем.

Мало-помалу опростали и канистру, и вторую «Гайдабуровку». Остались только бутылки из-под «Кола-копты». Решили сниматься и идти к Родникам, перехватывать «Рихтер».

— Давай шевелись, макрель его через пролив! — Кэп подпустил в голос капитанских ноток. — Пард, уберешь тут со столика, ладно?

— Ага. — Пард послушно сгреб шелуху и кости в опустевший пакет из-под рыбы и стал сосредоточенно протирать стол.

— Чего ты там трешь? — подозрительно спросил Кутняк с палубы, пригнувшись и заглядывая в каюту.

— Ну, — растерялся Пард. — Крошки всякие...

— А что, остались крошки? — несказанно удивился Кутняк и вздохнул. — Стареем, братец... Теряем форму.

Пард в ответ только хмыкнул: уж больно сокрушенный у Кутняка был тон.

«Корсар» разворачивался к ветру. Казалось, палуба теперь шатается куда сильнее, чем когда отходили. Но Кутняку и Кэпу было равнодушно: эти в любом состоянии на ногах держались крепко, если находились не на суше. Да и Хог с Гайдабурой тоже. Вот Парду — Парду да, стало сложнее сохранять равновесие. Но он старался.

— Хватит сачковать, — скомандовал ему Кэп. — Садись на стаксель.

— Я? — удивился Пард. — Я не умею.

— Так учись!

На плечо Парду легла смуглая рука полуорка, и он послушно сел на банку. В ладонях оказался шершавый шкот.

— Держи! Да крепче, крепче!

Пард уперся ногами и что есть мочи потянул шкот на себя. Парус отозвался упругим усилием, и «Корсар» слегка накренился, но и пошел быстрее.

Минут через пять Кэп скомандовал:

— Поворот!

Пард уже знал, что делать: сперва пригнуться, чтобы гиком по башке не звездануло, потом перебраться на банку по другому борту и снова держать шкот. Все то же, но зеркально. Яхта то кренилась, сильно заваливаясь набок, да так, что к борту близко-близко подступала беспокойная вода, то снова выпрямлялась, целясь мачтой в низкое облачное небо.

— Не бойсь! — подмигнул ему Кутняк. Не ляжем. — Формулы яхтинга знаешь? Чем сильнее крен, тем больше сила, которая заставляет яхту

выпрямиться. А иначе бы уже все валялись парусами по волнам...

Пард не то чтобы боялся — понимал, что раз ходят на яхтах, значит, те для этого и приспособлены. Просто близкая вода внушала уважительный и смутный восторг.

«Корсар» шел галсами, пока на траверзе не замаячила Матвеевка. Река здесь делала широкую излучину; ветер дул теперь точно в корму, и колдунчики вытянулись вперед по ходу яхты.

— Бабочку! — скомандовал Кэп и, взглянув на Парда, смилостивился: — Ксор, сядь на шкот, пусть это отдохнет...

«Это», то есть Пард, обрадовался: кисти уже заметно ныли от напряжения.

Грот и стаксель теперь были раскинуты в разные стороны от мачты, действительно напоминая крылья огромной бабочки. «Корсар» пошел бойчее. Но даже Пард знал, что бакштаг в смысле хода все равно лучше ветра в корму.

Сначала закончилось пиво в первой бутылке из-под «Кола-копты»; потом во второй, а у самого камышиного острова — в третьей. Камыши были совсем рядом — метров полста.

— Не сядем? — недоверчиво спросил Кутняк, глядя на непроглядный частокол зеленых стеблей.

Кэп лихо развернул яхту к левому берегу.

— Не. Не сядем, — уверенно сказал капитан.

Ветер наполнял паруса, но камыши почему-то оставались такими же близкими.

— Ага, — сообразил Кутняк. — Конечно, тля, не сядем. Мы, тля, уже сидим, макрель его через пролив!

— Да? — спросил капитан и внимательно поглядел за борт. Взгляд у него плыл — впрочем, как и у остальных. — А ну, давай на правый борт!

Все переместились. Яхта накренилась, но сидела так же прочно и надежно.

— Щаз я на топенант влезу... — сказал Кутняк и пошел к мачте. Повозившись со снастями, он вдруг повис на тонком конце, который тянулся к самой верхушке мачты. «Корсар» стал крениться все сильнее и сильнее.

Кэп проворно выбрался из-за руля, влез ногами на гик и лег на парус, сложив руки на груди. Яхта накренилась еще сильнее, так что Кутняка опусило к самой воде и макнуло чуть не по пояс.

— Мама! — сказал Кутняк чужим голосом и проворно полез вверх по топенанту, скрежеща мокрыми джинсами. — Вода-то холоднющая!

— Да и день не теплый, — проворчал Гайдабура, привалившись к мачте и задумчиво глядя в небо. По небу ползли низкие серые тучи, косматые, как бродячие псы.

Кутняка опускало в воду быстрее, чем он карабкался по неподатливой тонкой снасти, и Кутняк бесперывно ругался.

— Ксор, греби! — скомандовал Кэп.

Хог заработал рулем, как веслом, и от первого же могучего гребка Кутняк с воплем сверзился с топенанта в воду. «Корсар» сразу выпрямился.

Пард кинулся к борту спасать Кутняка, но тот побарахтался всего миг и вдруг встал на ноги — глубина была еле-еле по пояс. Пард протянул ему руку.

— Толкать надо! — тоном знатока сказал Хог. И ушел вслед за Кутняком в каюту.

Кэп с Гайдабурой пока закурили и завели какой-то малопонятный Парду разговор о разборках в яхт-клубе. И сильно увлеклись.

Тем временем Хог разделся донага и осторожно сполз в воду, сразу покрывшись гусиной кожей — вода была и впрямь холодная. Кутняк, сменив куртку и отжав джинсы, снова полез на топенант. Кэп вместе с Гайдабурой легли на грот, а греб теперь Пард. Яхта до предела завалилась на борт, но сидела прочно. Хог изо всех сил толкал в нос, но она и не думала разворачиваться.

— Грот убрать надо! — сказал Хог с досадой. — Ветер же, я его не перетолкаю.

Кэп с Гайдабурой продолжали беспечно лежать на парусе и болтать, не обращая внимания на призывы Хога. Орк в перерывах между усилиями повторял, что нужно убрать грот, все безрезультатно. Наконец ему надоело, он выбрался из воды, подошел к мачте и что-то там отвязал. Парус с хлопком ослаб, и не ожидавшие такого подвоха Кэп с Гайдабурой со сдвоенным воплем бултыхнулись в воду. От рывка сбросило и Кутняка с топенанта — на яхте остался один Пард.

— Ну, Ксор! — оскалился капитан. — Ну, урод!

— Ё-моё! — сказал Гайдабура грустно. — А у нас все питье кончилось, и отогреться нечем...

Минут десять народ злобно отжимал одежду; у Кэпа-то с Кутняком было, во что переодеться, а вот Гайдабуре приходилось похуже. Единственным сухим оставался Пард. Впрочем, у предусмотрительно раздевшегося Хога одежда тоже сохранилась в порядке.

«Вот что значит жизненный опыт», — мимоходом подумал Пард.

Они пробовали сняться и так и сяк, сумели даже развернуть яхту, но сидеть она продолжала как вросшая.

Спустя час невдалеке прошла моторка; вняв дружным воплям с «Корсара», утрюмый вирг кивнул сыну, и тот принял конец. Закрепили его, вирг сел к двигателю. «Вихрь» взревел, моторка задрала нос, клубы сизого выхлопа величаво поплыли над волнами. Пару минут без толку потерзав мотор, вирг молча отвязал конец и швырнул его в воду, не обращая внимания на протесты с «Корсара». Шум мотора затих вдали еще через минут пять.

— А, чтоб тебе! — запоздало выругался вослед моторке Кутняк.

Уже начало смеркаться, когда раскачиваемый «Корсар» наконец стал тяжело отползать от камышиного острова. Поднялась волна, что было очень кстати, и мало-помалу с мели снялись. Настроение сразу улучшилось, и продрогшие мореплаватели с воодушевлением стали мечтать, как сейчас подойдут к БАМу, как возьмут в ближайшей же таверне водки и ка-ак согреются!

По формуле подлости сели еще раз, причем в таком месте, где (Кэп клялся) всегда ходили без проблем, но, к счастью, ненадолго: рядом проходил на двигателе «Орион», большой двухмачтовик из яхт-клуба, и содрал «Корсара» с мели шутя.

Когда нырнули под пролет Ингульского моста, зарядил противный мелкий дождичек, и под его унылый аккомпанемент прошли вдоль почти пустого БАМа.

— Ну, тля, выход! — Капитан сердито сплюнул за борт. — Уродство сплошное.

— Ладно, чалимся, — проворчал Кутняк, цокая зубами, как работающая кофемолка.

Минут десять ушло на то, чтобы убрать и снять паруса да снасти и запихать их в большой непромокаемый мешок. Яхту закрыли и сошли на причал. «Корсар» ставили не в центральном яхт-клубе, у Варваровского моста, а напротив БАМа, поэтому возвращаться было ближе. На Соборной завернули в первый же встречный кабачок и разогрелись, как и мечтали. Понятно, никто с Пардом за деньгами не поехал, условились, что он завтра с утра звякнет Кутняку.

На том и разошлись.

Когда Пард добрался до Дюшиного двора, все уже спали. Кроме хольфингов-часовых. Пард, потрепав по загривку Плюха, тихо пробрался к своей любимой тахте и, не раздеваясь, повалился на клетчатое одеяло. Экспресс в очередное утро не ставил себя ждать.

21

Джомолхари — Нганглонг-Гангри

Проснулся Пард на удивление бодрым — не смотря на гремучую смесь из «Гайдабуровки», пива и вечернего согревательного, похмелье решило грешную Пардову душу на этот раз не посещать. Пард отнюдь не возражал. После возлияний он обычно просыпался рано. Как сегодня. Дюша уже не спал, сидел перед компьютером и лениво игрался в тетрис.

— Шеф велел как проспишься — предстать, — сообщил Дюша без всяких интонаций в голосе.

— А где он?

— Спит еще, наверное.

— Как же я предстану, если он спит? — проворчал Пард, отхлебывая из початой двухлитровки «Кола-копты», что счастливо обнаружилась рядом со столом.

— Разбудишь. И нечего мою колу жрать.

— Ладно тебе, — отмахнулся Пард. — Будить, стало быть?

— Буди, стало быть.

Вольво отозвался сразу же, едва Пард постучал. Дверь приоткрылась. У Вольво было на удивление мускулистое и поджарое тело. Впрочем, вирги почти все такие.

Еще Пард заметил, что Инси спит на угловой кровати, а Вольво явно встал с дивана перед окном. В голове будто что-то щелкнуло, отмечая это наблюдение.

— Сейчас я выйду, — сказал Вольво негромко. — Скажи только одним словом — получилось или нет?

— Получилось, — ответил Пард спокойно.

Вольво удовлетворенно кивнул:

— Жди.

И он закрыл дверь. Пард вышел на крыльцо. Плюх, заведев его, приветственно завозил лохматым хвостом по асфальту.

Вольво вышел минут через пять, одетый и выбритый. Каким его и привык видеть Пард.

— В общем, — начал Пард, — ребята согласились за две тысячи. Ну, и я им еще выпивки потом поставлю.

Вольво коротко кивнул, как показалось Парду — одобрительно. Во всяком случае, относительно названной суммы он никаких возражений не высказал.

— На борт они согласны взять восьмерых. Как мы и рассчитывали. Выходим в любой момент, начиная с сегодняшнего утра. Деньги они просили заплатить пораньше, чтоб не брать их с собой в море. Я должен позвонить Кутняку сегодня утром, он ждет. Все.

Пард умолк, вопросительно глядя на внешне невозмутимого шефа.

— Хорошо, — похвалил тот и полез во внутренний карман куртки. Неторопливо отсчитал нужную сумму и протянул стопочку купюр Парду. — Звони.

Он повернулся к часовому — хольфинги, понятно, сменились еще ночью, и теперь во дворе сучал половинчик Трыня.

— Поднимай живых. Подхарчиться — и снимаемся.

Вольво снова взглянул на Парда.

— Выйдем еще до полудня, я полагаю. Будьте готовы.

— А мы всегда готовы, шеф. И я, и Гонза.

Вольво загадочно улыбнулся и ушел в дом. Наверное, будить Инси.

«А все-таки... — подумал Пард рассеянно. — Какие у шефа отношения со своей секретаршей? На самом-то деле?»

Он вздохнул и отправился звонить Кутняку.

Спустя час две легковушки выехали за ворота четырнадцатого, вобрали в себя живых и, фырча моторами, устремились наверх, к проспекту. В первой ехали Вольво, Инси, Иланд и Вахмистр. Во второй — Пард, Гонза, Бюскермолен и Релелосен. Остальные проводили уехавших и вернулись в дома — четырнадцатый и шестнадцатый. Только Плюх еще некоторое время побродил перед воротами, а потом ткнулся лобастой черной башкой в калитку и канул во двор.

Пард не знал, что предстояло делать оставшейся команде. А Вольво ничего ему не говорил. Но краем уха он все же слышал, что у оставшихся было какое-то свое задание. Впрочем, любопытствовать явно не стоило: если шеф считает нуж-

ным, скажет. Если не посчитает — то и дергаться нечего. Все равно ведь отмолчится.

На Большой Морской у знакомой двенадцати-этажки Пард притормозил. Вторая легковушка тоже остановилась. Выйдя, он хлопнул дверцей и поднялся на полусонном лифте на восьмой. Утопил черный кругляш дверного звонка, следуя формуле визита, и безучастно замер перед дверью с номером 179.

Здесь жил Кутняк.

Открыл Кутняк почти сразу и, что обрадовало Парда, был готов идти хоть сейчас.

— Держи, мореход... — Пард протянул ему конверт с деньгами. — С Кэпом сам считаешься.

— Ага! — Кутняк рассеянно принял конверт. От него ощутимо тянуло пивом — небось лечился с утра. — Прямо сейчас и двигаем?

— Машины внизу. А Кэп уже на «Корсаре»?

— Как договаривались. Он мне из дому успел звякнуть. Так я его в яхт-клуб и направил.

— Замечательно. Ну, пошли, что ли?

Кутняк заглянул в свою комнату и вернулся уже без конверта. Взял загодя сложенную сумочку-непромокайку и открыл дверь на лестницу.

— До встречи, родимый дом, — пропел он негромко, звякая ключами на металлическом колечке. — Вернусь я очень скоро...

— Надеюсь, что скоро, — буркнул Пард, вызывая лифт. Тот недовольно заскрипел тросами. — Давай, давай, открывайся, сачок!

Он нетерпеливо похлопал по неподвижным створкам, и лифт нехотя развел их в стороны.

— Блин, — сказал Пард, дожидаясь, пока приятель запрет дверь по всем формулам. — Какие жильцы, такие и машины кругом!

— Ладно, ладно, не наезжай, — отмахнулся Кутняк. — Моя главная машина — «Корсар». А все остальные — тлен, дикость и суета.

Снаружи Пард дал понять шефу, что все в порядке, и сел за руль. Кутняк втиснулся на заднее, к кряжистым и широким в кости гномам.

— Здравствуйте, — поздоровался Кутняк. — Привет, Гонза.

Гномы с достоинством, как это умеют только гномы, качнули бородами.

Почему-то у Парда совершенно не возникало чувство близкой дороги. Всегда отправляясь в путь, он впадал в состояние легкой эйфории. А сейчас — нет. Не укладывалось в голове, что через какой-нибудь час он с приятелями и командой погрузится на яхту и отбудет в Крым. На окутанный вечным облаком тайны остров.

Непонятно почему, но чувство дороги не приходило. И это настораживало привычного к кочевой жизни Парда Замариппу.

Пара «Черкасс» мчала по Николаеву, вырубивая к Ингульскому мосту.

Неладное Пард почуял, когда въехали на мост.

— Ё-мое! — выдавил из себя Кутняк и припал к стеклу.

На месте яхт-клуба чернело, курилось жирным сивым дымом пепелище. Скелеты сгоревших яхт в раздетых эллингках походили на памятники неистовому огню. Сгорело все, даже дощатый настил на причале.

— Да что тут произошло, шахнуш тодд, орча-наппари?! — Гонза нервно поскреб макушку и порывисто водрузил кепку на обычное место.

Пард поддал, и «Черкассы» рванули вперед, словно заметили на хвосте хищную бело-голубую легковушку с мигалками и надписью «ГАИ» на никогда не открывающихся дверцах.

Кэпа они нашли на причале — он потерянно стоял на перекрестии еще не успевших остыть труб над сваями. Рядом с ним из воды высовывалась верхушка мачты, закопченная, со вздувшимися бородавками вскипевшей, а потом застывшей краски. Из машин вышли все, даже Инси.

— Где «Корсар»? — хрипло спросил Кутняк, ловко пройдя по ажурным перекрестиям причала.

— Там, — не оборачиваясь, ответил Кэп и указал на воду левее торчащей мачты. — А это «Молния».

Пард невольно обернулся к Вольво: лицо шефа стало жестким и злым, как у телезлодея.

— Надо понимать, — обратился он к капитану, — сегодня выйти в море нам не светит?

Капитан угрюмо кивнул.

Вольво экономным движением извлек из кармана телефон. Пробежался по кнопкам.

— Зеппелин? Все отменяется. Дождитесь меня, и ни с места.

Трубка вновь исчезла в кармане куртки.

— Поехали отсюда, — сказал Вольво Парду и развернулся, чтобы уходить. — Да, — задержался он на мгновение и обратился к Кэпу и Кутняку: — Деньги можете не возвращать...

Вольво увел Инси за руку; за ним неслышно ступали эльфы. Гномы, которые к воде решили не подходить, дожидались у машин.

— Значит, говорите, система защищается... — ни к кому не обращаясь, протянул Гонза. — Что ж, это у нее неплохо получается, шахнуш тодд!

Вольво подвел Инси к машине, которой правил Пард, и усадил девушку на заднее сиденье. Сам сел рядом и о чем-то глубоко задумался, сосредоточенно глядя в покрытый резиновыми ковриками пол «Черкасс».

Иланд и Вахмистр переглянулись и молча ушли ко второй машине, у которой топтались растерянные гномы. С одной стороны, было прекрасно видно: гномы в общем-то рады, что не пришлось пускаться в плавание, поскольку воду Бюс и Роел традиционно недолюбливали. Но с другой стороны — все планы неожиданно расстроились, шеф зол, впереди — неизвестность... Где уж тут радоваться?

Пард решил зря голову не ломать. Вольво сам спросит обо всем, если сочтет нужным посоветоваться перед принятием какого-нибудь решения. И он молча уселся за руль легковушки, даже не обернувшись на неподвижного шефа и его девчонку-секретаршу. Гонза тотчас уселся рядом, то и дело скашивая миндалевидные глаза навывкате в сторону реки и сгоревших причалов.

Вольво молчал минут пять. Потом легонько тронул Парда за плечо:

— Какие у тебя дела с фирмой «Соло»?

— Дела? — переспросил Пард. — Дел практически никаких. Друзья детства, мы выросли вместе. Из всей компании только я да Дюша откололись. А остальные так вместе и держатся. Фирму вон организовали. Крутятся помаленьку. Я с ними в основном водку пьянствую да пиво на природе потребляю. По праздникам.

— Понятно, — прервал его Вольво. — Ты говорил, они могут помочь с колесами?

— Думаю, да. Одно из направлений их деятельности — прирученные машины напрокат.

— Замечательно, — оживился Вольво. — Где у них офис?

— На проспекте Мира, недалеко от Дюши.

— Правь туда.

— Нет вопросов! — Пард энергично вывернул руль; «Черкассy» предупредительно всхрипнули двигателем, повышая обороты. Вторая машина пристроилась следом, бампер к бамперу.

Они вновь миновали Ингульский мост, с Пушкинской свернули на Большую Морскую и долго мчали пустынной почему-то улицей. Пард вообще заметил, что в районе Николаева живые в основном ошивались лишь на Соборной да на Херсонском проспекте. Ну, на Мира и Октябрьском еще — основных артериях южного района. А вокруг Соборной — улицы оставались большей частью тихими и пустынными. И дремотно-неспешными какими-то.

Всегда. Сколько Пард себя помнил.

Они миновали парк полуэльфа Петровского, пересекли Херсонский и Пограничную и рядом с автовокзалом влились в жиденький поток машин, что втекал с кольца на проспект Мира.

— Уже почти на месте, — сказал Пард негромко. — Сейчас, за рынком, пару кварталов осталось.

— Это не рядом ли с водохранилищем? — подозрительно спросил Вольво. — А?

— Рядом. Напротив, — подтвердил Пард. — Там девятиэтажка есть, а перед ней скульптура — эльфка с голубями. В этой девятиэтажке они и гнездятся...

— А я помню, как эта девятиэтажка росла, — неожиданно сказал Гонза. — Плохо, правда. Я тогда еще маленький был.

Слева мелькнули крытые ряды колосовского рынка. Еще несколько минут — и пара «Черкасс» затормозила на асфальтовом пяточке перед памятной девятиэтажкой.

В холле дежурила все та же глуховатая женщина-гном. Парда она прекрасно помнила, но всегда приставала с расспросами и норовила не пустить к лифтам. На этот раз она уже приготовилась броситься в атаку, но Вольво и Иланд окатили ее такими ледяными взглядами, что вахтерша мгновенно сникла и покорно махнула рукой.

— Левый лифт вызывайте...

И спряталась в стеклянную дежурку, зыряка оттуда, как паук из паутиновых джунглей под потолком.

Пард нажал на тотчас вспыхнувшую кнопку рядом со створками дверей, и наверху глухо загул разбуженный лифт.

Пятый этаж. Комната пятьсот тринадцать.

Здесь почти ничего не менялось. Направо — кабинет начальства, там скорее всего сидят мрачный директор-Уца, вечно озабоченный орк Липа и беззаботный бородач Вишня в выгоревшей футболке и неизменных подтяжках, неотделимых от всех его джинсов.

В левой комнате, конечно, сидит Дроба за основным компьютером «Соло», единственный на фирме, кто мог претендовать на звание техника и на знание большого числа формул. Рядом — девчонки. Вера, Ленка, Лиза. Большие любительницы попеть. Возможно, снизу, из гаража, поднялся

Гена, полуви́рг, очень похожий внешне на Зеппелина. Тогда он сидит рядом с Дробой или играет за вторым компом во что-нибудь военно-зрелищное. Компьютерные формулы Гена знал слабо, но игру загружать худо-бедно научился.

Пард толкнул правую дверь. Вошел.

Уца, Вишня и Липа действительно сидели за столами. А на диване обнаружили даже Мокар с Лисиком и даже Леся с центрального.

— Ё-мое! — изумились солисты. — Кто пожаловал!

В кабинете начальства сразу стало тесно. Впрочем, это не помешало усадить гостей за низкий столик. Гномы скользнули к стене, Иланд с Вахмистром уместились рядом с Мокаром и Лисиком на диване; сюда же сел и Пард. Для остальных подвинули стулья, а Уца, мгновенно определивший в вирге Вольво босса всей пожаловавшей компании, немедленно предложил ему свое собственное директорское кресло. Впрочем, Уца с Вольво, кажется, познакомились давно и раньше вертели какие-то сделки в Центре, так что удивляться было нечему.

Вера с Ленкой быстро убрали кружки с недопитым чаем и захлопотали у холодильника. Инси дернулась было помочь им, но ее остановил Липа, мгновенно становившийся галантным и предупредительным, едва в радиусе пяти шагов появлялась хорошенькая девушка любой расы. Правда, на сотрудниц «Соло» это распространялось не всегда...

Минут десять ушло на приветствия, ни к чему не обязывающие вопросы и ни к чему не обязыва-

вающие ответы. Уца, конечно же, добыл из сейфа заветную бутылочку с «Памятью мира», а она у Уцы, как известно, никогда не стояла в сейфе наполненной меньше чем наполовину. Пард улавливал нетерпение Вольво, который уже после первой рюмки решил перейти к делу.

— Извините, что тороплю, — сказал Вольво солистам. — Но у нас действительно времени в обрез.

Уца понимающе вскинул руки. Время... Кому его хватает?

— Нам нужны машины. Штук пять. Пять хорошо прирученных машин, и еще — хорошо прирученный катер. Поможете? — Вольво пытливо взглянул на Уцу, Липу и Вишню, тоже безошибочно вычленив из разномастной толпы именно тех, кто принимает решения.

— С машинами — нет проблем, — отозвался Уца и повернулся к Вишне. — Звякни Гене, узнай, что у него свободное...

На мгновение директор «Соло» умолк, размышляя.

— С катером сложнее, у нас катеров просто нет. Но я сейчас попробую найти...

Уца взял со стола телефонную трубку.

— А кого ты попытаешься дернуть, если не секрет? — поинтересовался Вольво.

— Южный порт, шестнадцатый причал, каботажку. — Уца пожал плечами. — Да мало ли! Марика в конце концов, у него тоже щупальца повсюду.

— А каботажкой кто нынче командует?

— «Черноморский». Но мы там почти никого не знаем. — Уца набирал номер.

— Занято в гараже, — сказал из угла Вишня. Бородка его смешно топорщилась.

— А, вдребезги-пополам, у меня тоже занято, — вполголоса ругнулся Уца, и в тот же миг его трубка мелодично свистнула. Кто-то звонил.

— Да? — Уца приложил телефон к уху. — То есть как глохнут?

Глаза его округлились. Послушав еще с полминуты, он растерянно отнял трубку от уха.

— В гараже непонятка, — сказал он вопросительно глядящим Липе и Вишне. — Гена матерится на чем свет...

Уца дал отбой и убрал затихший телефон в карман.

— Сейчас разберемся, не волнуйтесь.

Он встал, и вместе с ним встали Липа и Вишня.

И еще — Пард, Вольво и Гонза, исполненные самых нехороших предчувствий. В голове у каждого с недавней подачи Гонзы вертелась одна и та же фраза: «Система защищается...»

Спускались они по лестнице, бегом, прыгали через несколько ступенек, позабыв о лифтах. Вахтерша-гном проводила их совершенно безумным взглядом.

Во двореике, у гаража, испуганно вздрагивая, скопились машины. Легковушки, два джипа, фургончик-микроавтобус. Все выглядели чумными и нездоровыми, словно изловленные на охоте грузовики.

Точно — это было очень удачное сравнение. Команда Вольво разбиралась в охоте как никто.

У ворот их встретил растерянный полувирг Гена.

— Не пойму, что происходит, — сказал он с отворачиванием. — Ни одна тронуться не может — глохнут тотчас. Вот, глядите...

Ближний к ним джип попытался завестись; двигатель чихал и захлебывался. Из выхлопной трубы вырывались сизые непривычные клубы.

Бюскермолен понял все, едва взглянув на этот жуткий дым.

— Когда заправляли? — спросил он Гену.

— Да сегодня утром, как обычно...

— Чем?

— У нас бак в гараже... На двадцать пять тонн...

— Пойдем-ка взглянем. — Гном решительно направился к воротам. — Где здесь свет включается?

Кто-то тотчас повернул выключатель, и под ребристым потолком вспыхнули молочно-белым светом длинные лампы. Два внушительных бака, выкрашенных серебристой краской, раскорячились в дальнем углу гаража. Из левого бака тянулись два стандартных шланга с пистолетами-заправщиками, Пард такие не раз видел в гаражах и на диких заправках, где подпитывались дикие же киевские машины. Верхние люки баков были закрыты на внушительные висячие замки.

— Открой, — попросил Бюскермолен. Гена покопался в карманах чистенькой робы и извлек связку ключей. Замок бака с топливом, звякнув толстенной дужкой, освободил давно не открывавшийся, едва неприржавевший люк.

— Фонарь! — попросил гном, взбираясь на бак с горючим и склоняясь над квадратной дырой. Кто-то из солистов безропотно подал мощный фонарь с гнутой, как у бензопилы, ручкой. Бюскермолен принял и посветил вниз. Лицо его отразило легкую грусть.

— Я так и думал, — протянул он. — Взгляните, добрейшие!

Гена, Уца и Липа проворно вскарабкались на бак и заглянули внутрь.

— Течь, — пояснил Бюскермолен и указал на соседний бак. — Думаю, там эмульсия. Топливо смешалось с ней. А результат — вон, перед воротами.

Пард тоже забрался на бак и поглядел: вместо прозрачного, остро пахнущего топлива там плескалась жирная, неприятного вида белесая жидкость. Или даже не жидкость, а словно бы пульпа, состоящая из мельчайших крупинок.

— К вечеру машины стравят эту дрянь из топливных баков, — Бюс успокаивал солистов, — а еще дня через два очистят все системы. В общем, к концу недели будут вполне здоровыми.

— Здоровыми? — протянул Гена впечатленно. Он явно никогда не слышал о крымских машинах, способных болеть. — Я бы ни в жизнь не допер. Как вы догадались, уважаемый?

— Я — охотник, — с достоинством сказал гном. — Бюскермолен, из Карпат, к вашим услугам. — Он вежливо склонил голову.

— Система... — тупо прошептал Гонза над самым ухом у Парда. Гоблин тоже решил взглянуть на получившийся в результате течи между баками коктейль. — Проклятая система, здесь она тоже успела принять меры!

Вольво хмуро взглянул на него, без сомнения, разобрав все, до единого слова. А потом повернулся к Уце.

— Я приношу извинения, — сказал он директору солистов. — Причиной этой нелепицы послужил наш приезд, как это глупо ни звучит. Это уже не первое сорвавшееся мероприятие за сегодня... Не ищите объяснений — может быть, коллега

Пард когда-нибудь сумеет внятно изложить вам суть произошедшего. Нам же остается только откланяться и отбыть, чтоб на ваши головы не свалилось еще что-нибудь похуже... Да, счет в погашение убытков придет из Центра, как обычно. Инси, отметь и дай отмашку. Прощайте, судари!

Вольво повернулся и покинул гараж, и следом за ним потянулась его верная команда. Пард ушел последним, оставив друзей-солистов в полнейшем недоумении и растерянности.

— Когда-нибудь я и вправду попытаюсь объяснить. И похоже, что все это стряслось действительно из-за нас. Нам сильно не везет последнее время, я даже догадываюсь почему. Привет всем. Не берите в голову...

Никто не проронил ни слова, пока Пард шел к выходу из гаража.

У самых ворот он заметил, что один из джипов уже начал опорожнять баки и у задних колес успели натечь белесые неопрятные лужи.

«М-да, — подумал Пард сокрушенно. — Обрадовали друзей, нечего сказать...»

Остальные ждали его на асфальтовом пятачке стоянки. На этот раз Вольво не стал задумываться на пять минут.

— Пард! — велел он, усаживаясь в «Черкассы». — Правь на Черноморский. К главзданию. Испробуем запасной вариант...

— Ясно, шеф, — коротко отозвался Пард и сел за руль.

«Интересно, что за вариант припас Вольво? — подумал он без особого энтузиазма, разрешая легковушке трогаться. — И как нас обломают на этот раз?»

Не обманулся он. Не зря чувство близкой дороги сегодня не накатило. Никуда сегодня команда Техника Большого Киева не отправится. Скорее всего...

Но каково сейчас солистам, у которых вдруг встало все дело? А Кэпу и Кутняку, потерявшим верного «Корсар»?

Пард вдруг остро ощутил себя букашкой на чьем-нибудь столе. Вот-вот склонится над ним кто-то огромный и могущественный, и хорошо, если просто смахнет со стола на пол. А если прихлопнет? Р-раз — и прощай лучший из миров... В мокрое место.

Букашкой быть Парду совсем не хотелось. Никогда. А сейчас — в особенности.

Он вел «Черкасы» и думал. Кто-то внутри него знал, куда нужно сворачивать, притормаживал на светофорах и следил, чтобы не тюкнуться с особо ретивыми ездоками на дорогах. Но это был не Пард. Пард думал.

Не предложи они Кэпу и Кутняку доставить команду в Крым, «Корсар» сейчас скорее всего остался бы цел. Не задумайся о фирме «Соло» как о возможном арендаторе машин — все бы сегодня было у фирмы в порядке. То, что не пускало живых Техника Большого Киева в Крым, было безжалостным и точным. А удары его — короткими и действенными.

Ну, допустим, договорится Вольво с кем-нибудь еще. Если против них действительно играет город, кто поручится, что не сгорит еще одна яхта? Не испортится еще пяток ни в чем не повинных автомобилей?

Что же задумал Вольво?

Пард не мог этого предугадать, как ни старался.

У главдания «Черноморского» он послушно остановил легковушку.

— Пойдем, — велел Вольво, покидая машину. Пард, Гонза и гномы последовали за ним. — Я не хотел сюда приезжать. До самой последней минуты. Может быть, мы сумеем опередить эту чертову систему...

Сквозь стеклянные качающиеся двери виднелся ряд турникетов, наподобие тех, что стоят в метро. В будочке сбоку дремал вахтер-гоблин. Еще один представитель нетипичной для этой расы профессии. Он сразу же с интересом воззрился на Гонзу.

— Мы к Босвельту, — начальственным голосом сказал Вольво.

Гоблин кивнул и крикнул какого-то Сворди. Из комнатки рядом с турникетами показался заспанный орк лет, наверное, трехсот.

— Сворди вас проводит, — сообщил гоблин из будочки. — Проходите.

Местный лифт оказался предупредительным и аккуратным, не то что лентай в подъезде у Кутняка. На третьем этаже команда попала в прохладный вестибюль. Кожаные диваны, толстый ковер на полу, пальмы в кадках по углам... И массивная, обитая коричневой кожей дверь.

Хозяин кабинета встретил их на пороге, опережая готовую занять оборону секретаршу.

— Проходи, Вольво! Мое почтение, Бюс! Мое почтение, Роел! День добрый, господа!

Пард вежливо кивнул.

В кабинете их рассадили по креслам, а враз утратившая воинственность секретарша мгновенно принесла чаю с бутербродами.

— Босвелът, — сказал Вольво с неожиданно прорезавшейся теплотой в голосе. — У меня мало времени, извини, а ситуация критическая. Поэтому я опушу всю светскую болтовню и разговоры о погоде. И сразу перейду к делу, если ты не возражаешь.

— Да, пожалуйста! — ничуть не воспротивился Босвелът, седобородый и седовласый гном, очень похожий на постаревшего и погрузневшего Бюскермолена. — Ты всегда был прагматиком, Вольво. Я бы удивился, если бы ты сейчас изменил себе. А так...

— Первое. Ты слышал уже о пожаре в яхт-клубе? Босвелът кивнул:

— Конечно, слышал! Это же моя епархия.

— Причины?

— Еще не установлены. Хотя, мне кажется, сторож курил, где не стоило...

— Поджог исключен? — невинно поинтересовался Вольво, и Пард вдруг догадался, куда шеф клонит. Пытается понять, кто из живых встал на пути на этот раз, а потом, если повезет, и кто за этими живыми стоит.

— Поджог? — удивился Босвелът. — Да кому это нужно — яхт-клуб жечь? Не представляю даже...

— И все-таки. Кто мог на такое пойти?

Босвелът пожал плечами:

— Да никто в нашем райбне. Хулиганье какое-нибудь разве что. Но эти в основном по паркам безобразят, где эльфов поменьше, и никогда ничего не жгут, только ломают.

— А в топливо по гаражам никто никакой дряни не сыпал последнее время?

Босвелът вытаращился на Вольво, словно тот сморозил неуместную и неприличную глупость. Да

так, собственно, и было, просто никто из команды после сегодняшних чудес не удивился.

— Значит, нет. — Вольво неопределенно вздохнул. — Ты не думай, я не спятил. Честно. Будь добр, если вдруг что-нибудь необычное выяснится... Ты уж мне звякни. Только сразу, а то информация, знаешь ли, имеет свойство устаревать...

— Ладно, — согласился, оттаивая, Босвелът. — Звякну. Надо будет с полицмейстером связаться, раз ты подозреваешь поджог. На всякий случай. А вот насчет топлива даже не знаю...

На лице гнома отразились такие сомнения, что Вольво поспешил их прервать.

— Второе. Мне нужно несколько джипов. Пять, шесть. По каналам Техника. За город прогуляюсь, к морю...

— Когда?

— Сейчас.

Босвелът тут же взялся за один из многих телефонов, что теснились на углу обширного, как привокзальная площадь, стола.

— Через десять минут будут внизу. Вон там. — Босвелът выглянул в окно. — Это твои «Черкаassy» на стоянке?

— Да, — коротко отозвался Вольво.

— Вот рядом с ними и поставят. Шесть машин хватит? Все обученные, молодые, не нарадуешься.

— Хватит, спасибо.

— Тебе надолго? — поинтересовался Босвелът, возвращаясь к столу и делая какую-то пометку в раскрытой записной книге рядом с телефонами.

«Компьютер бы ему не помешал», — подумал Пард, рассеяннo прихлебывая чай.

— Не знаю. А что?

— Отпустишь их, когда будут без надобности. Они дорогу назад откуда хочешь отыщут. Гордость гаража все-таки. Кондрат и так дизелем смотреть будет да дуться — он их никому не дает.

— Пусть смотрит, — улыбнулся Вольво. — Хоть дизелем, хоть волком. Старый скряга... М-да. И третье. Каботажка еще жива? Кто там управляет сейчас?

— Да мы и управляем. Кое-какие рейсы на Кизомыс делаем, в Херсон, Одессу. Море есть море, раз уж оно рядом — серьезным живым приходится иметь что-нибудь плавучее.

— А с кем мне поговорить... насчет плавучего? Босвелът хитро прищурил глаза.

— Ох, что-то ты затеял, друг-вирг! Уж не морскую ли охоту? А?

— Нет. — Вольво отвечал коротко и односложно. — Так с кем?

— С Тюрингом. Скажешь, я благословил. Только, пожалуйста, не устройте мне еще и на каботажке пожар.

Пард поперхнулся чаем — и все же успел заметить, как Вольво вздрогнул. Босвелът удивленно приподнял брови:

— А чего я сказал такого-то?

Вольво ответил не сразу:

— Да ничего... друг-гном. Надеюсь, что ничего.

С улицы донеслось рычание моторов — из ворот рядом с главзданием неторопливо выползли джипы модели «Хорив» и замирали рядком на стоянке. Прямо напротив окон.

— А вот и джипики наши подоспели. На обед останетесь?

— До обеда еще четыре часа, Босвелът. А я спешу. Спасибо. За все. Тюринг-то сейчас на месте?

— А где ж ему быть?

— Спасибо, Босвелът. И — до встречи...

— Эх, — сокрушенно вздохнул гном. — Всегда с тобой так. Появишься на минутку, и сразу бежать. С родичами, понимаешь, пообщаться не дашь. Сделал из них торопыг, Verzeih uns, Leben, как и не гномы вовсе.

Вольво усмехнулся:

— Прости. Работа такая. И у родичей твоих тоже.

Все встали. Секретарша Босвелъта тут же кинулась убирать кружки из-под чая и тарелки с недоеденными бутербродами.

— До встречи, Вольво. Bis bald also, Tangaren. До встречи, судари. И удачи вам, что бы вы ни затевали во имя Техника Большого Киева.

— Bis bald also, дядя Босвелът, — почтительно ответил Бюскермолен.

Уже внизу Гонза задумчиво остановился на стоянке.

— А джипы хороши! — похвалил он. — Куда едем теперь, шеф?

— Вы — на Космонавтов, шестнадцать. А я — на каботажку. Дожидайтесь меня к полудню... Сколько там осталось до полудня? Два с половиной часа? Должен управиться.

Бюскермолен, Реллофсен, Пард и Гонза сели в джипы. Надо сказать — не без опаски. Но эти, похоже, функционировали вполне исправно, как и положено машинам. Двое из шести пошли в колонне без водителей, но подопечные неведомого Кондрата и впрямь были обучены безукоризненно и держались в колонне как влитые.

Зеппелин встретил их у ворот. Восхищенно поцокал языком, глядя на шестерку красавцев «Хо-

ривов» (кому, как не охотнику на грузовики, не восхититься совершенством хороших машин?). Вспросительно взглянул на Бюскермолену.

— Ждем шефа пару часов, — ответил тот на незаданный вопрос. — А дальше не знаю.

Зеппелин понимающе кивнул.

— Скажи, Бюс, — спросил вдруг Гонза. — А что это за гном с Черноморского?

— Мой дядя, — ответил Бюскермолен невозмутимо. — Большая язва, между прочим. Эй, а пиво у кого-нибудь есть, а то у меня нервы что-то разыгрались...

Пиво у кого-нибудь было. У Михая с Саградой, уже разведавших ближайшие магазины и кабачки. А нервы слегка пригладить нужно было не только Бюскермолену.

22

Нганглонг-Гангри — Кокшаал-Тау

Вольво приехал сразу после полудня. Помог выйти из машины Инси, что-то тихо сказал Иланду, и тот, коротко кивнув, ушел со своим сородичем Вахмистром в четырнадцатый. Инси сразу заняла ванную, а Вольво, поманив пальцем Бюскермолена, Парда и Гонзу, постучался к Дюше.

— Открыто, — донеслось изнутри.

Дюша валялся на диване с книгой в руках.

— Короткое совещание, — объяснил Вольво. — Перед отъездом.

Дюша отложил книгу и встал. Вошли Пард, Гонза и Бюскермолен.

— Я молчал, — сказал Вольво. — Не хотел раньше времени поднимать волну. В общем... Придумал я один ход. Надеюсь, у нас все получится.

Он придвинул стул и сел, положив локти на спинку. Бюскермолен по обыкновению опустилсся прямо на ковер. Пард с Гонзой остались стоять.

— Если против нас играет город, ни яхту, ни катер он в море не выпустит. По-моему, это очевидно. Значит, нужно город перехитрить. Пере-

хитрить систему. Мне кажется, город и система — это одно и то же. Покинув город, мы можем ускользнуть от системы, уйти из-под ее неусыпного ока. Значит, нужно убраться за город, в степь, на побережье. И уже там грузиться на судно. Яхту город сжег и утопил. Джипы он не тронет, потому что на джипах Крыма не достичь. А кораблик наш до поры до времени к команде как бы и не относится. Зачем городу его топить?

Вольво помолчал.

— Ну, как идея? — спросил он.

Воцарилась неловкая тишина. Вольво усмехнулся:

— Бред, правда? Но действовать станем именно так. На джипах доберемся до побережья. А там нас подберет катер Тюринга. И в Крым... Выезжаем через час-полтора. Полным составом.

— Шеф... Вы и вправду верите, что таким способом перехитрите систему? — негромко спросил Дюша.

— Нет, — честно ответил Вольво. — Но ничего другого я придумать пока не смог. Я не хочу вторично пробовать отплыть прямо из Николаева. Не могу объяснить почему. Называйте это предчувствием, если угодно. Я доверяю своим предчувствиям. Тем более в атаках системы я наконец уловил некую... э-э-э... систему, простите за каламбур.

— Какую? — оживился Гонза.

Вирг улыбнулся одними губами.

— Едва мы наметим какой-нибудь достаточный долговременный план, — пояснил Вольво, — план этот мгновенно становится невыполнимым в результате одного короткого и расчетливого

удара. Мы решили ехать поездом — нас лишили такой возможности. Мы договорились с Жерсоном — нас пытались с ним поссорить. Мы отбили Инси и раздобыли легковушки — нас пытались убить сумасшедшие грузовики Халькдаффа. Мы решили нанять яхту — нас лишили яхты. Просто. Все просто.

— Но, — недоуменно спросил Пард, — какой прок системе было отбивать у нас Инси? Разве это остановило бы вас, шеф?

— Остановило бы, юноша. — Улыбка Вольво была усталой и чуточку снисходительной. — Как ты полагаешь, пленение руководителя команды сильно повредило бы нам или это так, пустячок?

— Руководителя? — переспросил Пард недоуменно. И вдруг он все понял. Осознал то, что лежало на самой поверхности.

— Инси — Техник Большого Киева, а никакая не секретарша, — развеял Вольво последние сомнения. — Но, право, не стоит об этом орать на каждом углу.

— О как! — пробормотал Гонза. — А мы уже на кого только не думали... Даже на Бюса и Иланда.

— Пусть не в яблочко, но и не в молоко, — успокоил их Вольво. — Правильно думали. Бюс, Роел, Иланд и Вахмистр — единственные, кто знает правду. Остальные считают ее просто секретаршей. И немного моей любовницей. Но Дюша, каков зубр! Мы и подумать не могли, что ты отследишь пути маскировочных мессаг. Инси долго смеялась.

— Случайность. — Дюша пожал плечами. — Просто случайность.

— Но мы ее не предусмотрели. А значит, могли проколоться. Теперь проблема подправлена. Так что спасибо вам, судари. Зачтется.

— Скажите, шеф, — спросил Пард, и горло у него враз пересохло. — А она правда ваша любовница?

Улыбка исчезла с лица Вольво. Но неприязни или недовольства все же не возникло.

— Нет, — ответил Вольво. — Она мой учитель. Теперь. Когда-то было наоборот.

И тут Пард понял, что с плеч его рушится гора. Рушится тяжесть, о существовании которой он еще недавно не подозревал.

— Но вернемся к нашей новой тактике, — Вольво явно увел разговор от неприятной ему темы. — Впрочем, не слишком-то и новой — мы к ней интуитивно уже склонились ранее. Тактика заключается в том, чтобы не строить никаких долговременных планов. Тогда и расстраивать будет нечего. Действовать сообразно с текущим моментом, с настоящей ситуацией. Вести себя так, словно будущего не существует. Я думаю, система растеряется и отступит. Или хотя бы не сможет существенно вредить нам. Что и нужно.

— Шаткий какой-то принцип, — с сомнением покачал головой Гонза. — Неубедительный.

— Другого нет, — развел руками Вольво. — Я по-прежнему не верю в то, что мы боремся с городом как системой.

— Тогда откуда же взялась эта идея?

— Это не моя идея. Это идея Инси. И кстати, не забывайте, что шефом следует называть не ее, а меня. Как и раньше.

— Не забудем, — пообещал Гонза.

— Это все, — сказал Вольво и встал. — Готовьтесь. Скоро выезжаем.

Он уже вышел из комнаты, а в ушах у Парда продолжал звучать недавний диалог.

«Она ваша любовница? — Нет».

И падающая с плеч гора. И еще — медленно поднимающееся в душе чувство близкой дороги.

23

Кокшаал-Тау — Бадахшань

Парду и Гонзе на двоих достался целый джип. Весь багажник забили припасами — сразу после полудня приехал грузовичок и высыпал перед воротами Дюши ворох пакетов и коробок с самым разнообразным содержимым. Пакеты даже во двор заносить не стали — тут же рассовали по джипам. Пард заметил мешки с продуктами-консервами, строгие прямоугольные брикеты с боеприпасами и даже несколько палаток. Переносных матерчатых домиков, в которых можно было пересидеть непогоду или спрятаться от комаров. Пард ведь вырос на самой окраине Большого Киева и часто бегал в степь, в пугающую пустоту узкой полоски земли между морем и городом. Поэтому он знал, для чего служат палатки. И даже умел их ставить. Гонза когда-то научил.

Своих вещей у Парда не прибавилось — сумка с компьютером, дискеты, телефон, фонарь да пистолет. Ну зубная щетка еще. Единственное, что добавилось, — выгреб он из ящика стола специальный шнур, чтобы компьютер можно было подключить к автомобильному источнику техники.

За городом ведь нет домов. И подпитать верный ноутбук будет негде. Только в машине. А без компьютера техник Пард чувствовал себя голым и беспомощным.

Да и любой другой техник, наверное, тоже.

Еще не успело отступить дневное тепло, Вольво дал сигнал расходиться по машинам. «Черкассы» оставили во дворе четырнадцатого дома; Дюша испросил разрешения одной машиной попользоваться и получил его. Вольво никогда не мелочился и не скупился для своей свиты. Точнее, для свиты Инси. Техника Большого Киева.

Пард до сих пор удивлялся, как они с Гонзой проглядели сей совершенно очевидный факт. Девушка ведь и знание редких формул неоднократно демонстрировала, и на важных советах всегда присутствовала, и вытаскивать ее из логова мотоциклистов Вольво кинулся с таким ожесточением и решимостью, что теперь казалось — правда должна была открыться гораздо раньше.

— Это все от инерции мышления, — объяснял Гонза, лениво следя за дорогой. — Талдычили, понимаешь: «Техник, Техник»... Сами приучили себя к мысли, что Техник — мужчина. Потому Инси даже в расчет не бралась. Впрочем, я и сейчас не могу понять, как женщина, да еще человек, да еще такая молодая, сумела стать Техником Большого Киева. Тут, Пард, знания нешуточные нужны, научные навыки, целая библиотека книг с формулами — настоящих книг, а не тривиальное собрание файлов, к которым любой ловкач доступ прокопает...

— Ну, положим, все это ей мог папаша в наследство оставить, — проворчал Пард. — А он, говорят, разве что звезды с неба хватать не умел.

— Это Инси говорит. А я ее отца только по имени и знал. Правда, я не знал и того, что он Техник Большого Киева. Вообще, похоже на то, что личность Техника всегда хранится в тайне и кому попало не разглашается. Разумно, ничего не скажешь.

— Разумно. — Пард вздохнул. — Только не понимаю я этих секретов. К чему Технику Большого Киева скрываться?

— Не скажи... Есть причины, — продолжал болтать Гонза. — А я вот Вольво не понимаю. Неужели у него никогда не возникало искушения убрать эту девчонку и самому стать Техником? Вроде бы мысль, лежащая на поверхности. Такому тертому виргу это и труда не составило бы, уж поверь мне, старому пню...

— Отец Инси был его близким другом.

— Ну и что? Милый мой, в борьбе за власть не то что друзей — детей и отцов режут, как размороженные туши из вскрытых холодильников. А ты — друг... — Гоблин громко фыркнул.

— Да ну тебя, Гонза, — сердито отмахнулся от приятеля Пард. — В конце концов случается и настоящая дружба, без всяких там дворцовых игр. Когда предательство просто невозможно.

— Случается, — с готовностью согласился гоблин. — Жаль только, невероятно редко.

— Не так уж и редко. Просто те, кто по-настоящему ценит дружбу, редко лезут в политику. Вот и остаются в тени. И мне кажется, они счастливее владык, которых ежечасно предают все, кто лишь недавно клялся в верности.

Гонза с уважением покосился на Парда.

— Я всегда говорил, что от вашей расы можно многого ожидать, — одобрительно сказал он. — Ты

мудреешь прямо на глазах, дружище. И не фыркай, не фыркай, я серьезно. Без дураков. Я это понял, только прожив на белом свете сто с лишним лет.

Джип вильнул, объезжая выбоину на дороге.

— А девчонка-то, — вздохнув, добавил Гонза, — к тебе неровно дышит.

— Брось, — отмахнулся Пард с непонятым ожесточением. — Я для нее просто кладезь информации о знании острова Крым. Книга с новыми формулами, не более. Дискета с нужным файлом.

— Ну вот, — проворчал Гонза с легкой насмешкой. — Стоило тебя, человека, похвалить, как ты на глазах поглупел. Не огорчай меня, пожалуйста, мне не нужен глупый сообщник.

Пард отмолчался. Он знал — то, во что очень хочется поверить, чаще всего оказывается досужими выдумками.

Джипы катили по узкой улице, сжатой маленькими одноэтажными домишками. Домишки утопали в зелени, над дорогой нависали непокорные ветви, усыпанные листвой и часто — белыми цветами.

— Как бы дождь не ливанул, — задумчиво протянул Гонза, приблизив лицо к боковому стеклу и глянув на небо. — Не нравятся мне эти тучки... Мрачные слишком.

— Подумаешь, дождь, — бросил Пард беспечно. — Намочит тебя, что ли?

— Намочит... — проворчал Гонза. — При чем здесь это? Нам за город выезжать, а там нет асфальта. Ты когда-нибудь пытался гонять легковушки по раскисшей земле?

— Нет, — признался Пард с легким замешательством. — Я и не подумал об этом... Слушай, у

нас ведь не просто легковушка. Джип все-таки. Да еще, Босвелът говорил, хорошо натасканный. Думаешь, застрянет?

— Судя по тучкам, так может ливануть — не то что джип, «Белаз» застрянет...

И в этот же миг их «Хорив» вырвался на степной простор, оставив позади последние, самые южные дома Николаева и Большого Киева. Дорога уводила туда, в пугающе плоскую и абсолютно пустую равнину, покрытую только колышущимися травами. Над степью гулял ветер...

— Все! — выдохнул Гонза, косясь в зеркало. — До встречи, город!

Пард стал внимательнее смотреть на дорогу; вскоре слева мелькнул столбик-указатель: «Большой Киев». Надпись была перечеркнута жирной красной чертой. А спустя минуту асфальтовая лента под колесами джипа оборвалась, уступила место пыльной накатанной колее.

— Слушай, — спросил гоблина Пард. — Мы ж вроде в Голую Пристань направляемся? Это же еще город вроде?

— Город, — подтвердил Гонза. — Самая окраина, за Херсоном. Думаю, Вольво... и его, хм... секретарша решили подъехать степью, вдоль моря. Боятся они города. Впрочем, правильно боятся. Я бы тоже боялся, особенно после пожара в яхт-клубе и безобразий у солистов в гараже.

Ровное гудение двигателя прервал трескучий раскат грома, и Гонза снова недоверчиво взглянул на небо.

— Ей-жизнь, сейчас ливанет... Вот ведь неведуха какая!

Едва он это произнес, по капоту забарабанили первые капли — крупные, как горошины, и пока еще редкие. Пард взглянул в зеркало — и тихо обмер.

Их догоняла сплошная стена дождя, серебристая, точно паутина на солнце. И вечер спустился на добрых два часа раньше положенного: стало сумеречно и неуютно, как зимой в стылом подъезде.

Ожила рация.

— Эй, живые! Дорогу, похоже, сейчас развезет. Всем стоп, пережидаем дождь!

— Спихватились, — проворчал Гонза.

Потоки воды обрушились на «Хорив», залили лобовое стекло. Дворники не справлялись. Дорога намочла мгновенно, джип повихлял, притормаживая, и остановился, чуть не доехав до переднего собрата. Позади смутно темнел силуэт пристроившейся к багажнику машины, где ехали гномы и Зеппелин.

— Второй, стоим... — доложил Пард главному «Хориву».

— Третий, порядок, — сообщил Бюскермолен.

— Четвертый, аналогично. — Пард узнал голос Тип-Топыча.

— Пятый, порядок. — Не то Валентин-полуэльф, не то Сергей, Пард не разобрал. Ну а голос Васи-«Секса» спутать с чьим-нибудь было трудно.

— Шестой, мокнем в хвосте, а пиво все в джипе Тип-Топыча, тля...

— Разговорчики! — буркнул Вольво. — Все, ждем... — И после паузы: — Пард, к вам гости.

К машине бегом метнулась съезжившаяся фигурка. Гонза предупредительно распахнул дверцу, и его обдало прохладной влагой.

В машину юркнула Инси, промокнувшая за считанные секунды. Она дрыгнула ногами, стряхивая с эльфийских сапожек налипшую грязь, и захлопнула дверцу.

— Гонза, — попросила она негромко. — Ты не мог бы пересесть к кому-нибудь?

Гоблин ухмыльнулся и коротко взглянул на Парда, словно говоря: «Ну что? Кто оказался прав?»

Пард отвел глаза; Гонза потянулся к рации:

— Бюс, я к вам погостить. Пустите?

— Не вопрос! — с готовностью согласились из третьего «Хорива». — Давай, если дождя не боишься. Кстати, а почему к нам, а не к Тип-Топычу? Пиво же вроде там...

— К вам зато ближе, — вздохнул гоблин и услышал, как гномы дружно усмехнулись в ответ.

Гонза натянул кепочку потуже, распахнул дверцу и с залихватским криком умчался к гномам и Зеппелину. А Инси ловко перебралась на переднее сиденье. Пард, глядя в мутное дождливое марево за стеклом, нервно постукивал пальцами по рулю джипа. Джип к дождю оставался равнодушным и, похоже, решил малость вздремнуть.

— Ну и льет! — тихо сказала Инси. — У вас так часто?

— Часто, — признался Пард. — Особенно весной.

Пард Замариппа не знал, о чем говорить с ней. С девчонкой, которая нравилась и манила. И одновременно — с Техником Большого Киева.

— Скажи, — все так же тихо спросила она. — Зачем ты все это затеял?

— Что? Экспедицию в Крым?

— Да.

— Не я один.

— Брось. Я же вижу. Если бы не ты — ни Гонза, ни твой друг Дюша и не шевельнулись бы. Разве что поговорили бы вечером за бокалом вина — вот неплохо бы. Это ты их накрутил, я ведь чувствую.

— Правильно в общем-то... Я их долго уламывал.

Пард задумался. Действительно, зачем он все это затеял? Из-за денег? Но он и другими делами успешно зарабатывал. Достаточно зарабатывал, чтобы жить в своем Николаеве безбедно и еще вдобавок разъезжать по всему Киеву и соседним городам. Из-за зуда в известном месте, который не позволял ему сидеть без движения в одном районе? Так можно было выбрать цель и побезопаснее.

— Не знаю... Наверное, оттого, что хотелось изменить что-нибудь. В жизни.

— А чем тебе не по нраву твоя жизнь?

Пард усмехнулся:

— Ты... Вы полагаете, что на этот вопрос можно внятно ответить?

— Обращайся ко мне на «ты», — попросила Инси. — Я ведь всего лишь секретарша Вольво... Для остальных.

— Ладно, — ответил Пард, чувствуя, что для этого потребуется некоторое усилие.

— Ты осознаешь, как изменится мир, если мы добудем секрет изготовления машин?

— Ну... — протянул Пард. — Изменится, наверное...

Дождь гулко барабанил по крыше.

— Сколько тебе лет? — спросила вдруг Инси.

— Двадцать восемь, — неохотно ответил Пард. — Летом будет. А что?

Инси ненадолго умолкла.

— Я слышала твой разговор с Гонзой. Тот, где Гонза сказал: «Если в мир пришли короткоживущие люди, значит, это кому-нибудь нужно». Как ты думаешь, кому нужен приход людей? И какова их миссия в этом мире?

— Инси... Ты требуешь от меня ответов на вечные вопросы. Я просто не знаю истины. Откуда мне ее знать? Мне всего двадцать восемь. Спроси лучше Гонзу — ему скоро сто восемьдесят. Он изучал этот мир гораздо дольше меня.

— И все же, — настаивала Инси. — Я не требую от тебя истины. Я хочу услышать твои соображения на этот счет.

— Ну... — протянул Пард. — Если коротко, то люди пришли для того, чтобы расшевелить этот мир. Слишком уж долгожители... одинаковы, что ли. Они не меняются из поколения в поколение, а вместе с ними остается прежним и мир.

Инси глядела на Парда с неподдельным интересом.

— Ты сам до этого додумался?

— Нет, — неохотно признался Пард. — Это Гонза так считает. Но я с ним вполне согласен.

— Правильно, — кивнула Инси. — Чтобы это осознать, нужно прожить полтора ста лет. Не меньше. Долгоживущие расы слишком консервативны. Им и в голову не приходит, что мир может когда-нибудь измениться. Он остается прежним, таким же, каким был пятьсот, тысячу, десять тысяч лет назад...

— Да? — спросил Пард с легкой иронией. — Десять тысяч? А ты об этом откуда знаешь?

— Из книг, — хладнокровно парировала Инси. — У меня богатейшее собрание Хроник Техников Большого Киева. За последние четырнадцать тысяч лет. Отец оставил... А кроме того, мне Иланд много рассказывал, еще когда я ребенком была и только начинала обучение.

— Эльф? А когда он родился?

— Больше шести тысяч лет назад. Он самый старший в команде Техника.

Пард содрогнулся. Шесть тысяч лет. Два миллиона двести тысяч дней — одинаковых, как капли дождя, что бушевал снаружи. Для того чтобы вынести груз этой бездны времени и не сойти с ума, нужна была нечеловечески крепкая душа.

Душа эльфа.

— Пард, наш мир застыл, как будто его сняли на «Полароид», а фотографию повесили на стену. Жизнь — это вечное движение. Если стоять на месте, тебя неизбежно догонит смерть. Я думаю, она уже близко ко всем нам. Ко всему миру.

— И ты решила, что мир нужно расшевелить и заставить тронуться с места?

— Это не я решила. Это сам мир решил, ведь он обязан пытаться спастись. Поэтому пришли люди. Живущие очень недолго, но жадные к новому, к переменам. Мир защищается. Защищается нашими руками и нашей тягой к переменам.

— Постой. — Пард задумался. — А как же система, которая, наоборот, борется с переменами?

— Мир и система — это не одно и то же. Система — это всего лишь сеть городов на поверхности мира. Здания и машины. А мир — он вокруг нас. Это солнце. Это звезды. Это море, к которому мы приближаемся. Это земля под ногами.

— Под ногами у нас чаще всего асфальт.

— В том-то и дело. Пришло время изгнать из мира систему.

— Скажи... А как возникла система? Почему вырос первый город? Откуда взялась первая машина?

— Хроники об этом умалчивают. Впрочем, вернемся — считаешь сам. Извини, я их, конечно, не выкладывала в свободный доступ. Они есть только на головном сервере-автономе Большого Киева. А он даже не подключен к сети.

— Что же, они начинаются с полуслова? Вдруг?

— Да. Именно так. И мне не хочется, чтобы они закончились тоже на полуслове.

Дождь продолжал хлестать, словно пытался смести беспорядочными струями непокорные машины, покинувшие город.

И живых, что замахнулись на Систему. Решили пробудить мир от спячки.

— Странно... — вздохнул Пард. — А ведь в команде из людей, призванных расшевелить мир, лишь ты, я, Ас да еще покойные Банник с Лазукой. Остальные — долгожители.

— Это не меняет дела, Пард. Среди долгожителей тоже попадают нехорошие. Только такие и становятся техниками. И исключительно такие попадают в команду Техника Большого Киева.

— Даже Иланд, которому шесть тысяч лет?

— Даже Иланд.

Дождь стал потихоньку стихать, но за стеклами джипов и не думало светлеть. Надвигался вечер. Слабо пискнул вызов рации, и Пард потянулся к микрофону.

— Вторая, — отозвался он. Рация наполнила салон джипа голосом Вольво:

— Темнеет, Пард. Сегодня, наверное, никуда уже дергаться не станем. Степь раскисла, Босвелът говорил, тут овраги встречаются, промоины. Еще застрянем. Как думаешь?

Пард сообразил, что Вольво на самом деле советуется с Техником. С Инси. Он взглянул на девушку — та согласно кивнула.

— Думаю, вы правы, шеф. От города мы отъехали, а утром двинем дальше.

Инси протянула руку и взяла микрофон.

— Шеф! Я останусь с Пардом. Можно?

Вольво помедлил.

— У вас хоть оружие есть? А то, не приведи жизнь...

— Есть, — перебил Пард, потянувшись к девушке. Точнее, к микрофону у нее в руке. — Мой пистолет и ружье Гонзы. Да и что тут может случиться?

— Это степь, Пард. Мне, что ли, тебя учить? Ты же тут вырос.

— Не волнуйтесь, шеф. Самое страшное, что может случиться ночью в степи, — это то, что пива найти не удастся. А с остальным вполне можно совладать. Да и рядом ведь мы, я ваш багажник вижу. А мой багажник видят Бюс, Роел, Зеппелин и Гонза.

— Чуть что — зовите, — проворчал Вольво и отключился.

— Позовем, — эхом отозвался Пард, хотя никто его уже не мог слышать. Только Инси. — Позовем, если потребуется.

Инси улыбнулась.

— Скажи, — Пард вдруг набрался храбрости, — а как тебе удалось стать Техником Большого Киева?

Улыбка Инси стала шире.

— На сервере-регистраторе стоит метка: «по совокупности знаний».

— Это как? Не нашлось никого достойнее?

— Именно так.

Пард глубоко вздохнул. Слабо в это верилось. Неужели в Большом Киеве не удалось отыскать техника сильнее двадцатилетней девчонки? Абсурд.

— А как насчет редких компьютерных формул? Помнишь, ты говорила, что тебя им научил Вольво?

— Честно говоря, — ответила Инси коротко, — это я научила Вольво многим формулам. А меня научил отец.

— Когда ты все успела?

— Успела. Семьдесят лет обучения — срок долгий.

Пард замер. Потом медленно повернулся к девушке всем корпусом:

— Сколько лет?

— Семьдесят. Только — я тебя умоляю! — никому не говори, что я такая старуха.

— Не понял. — Пард растерялся. — Люди в семьдесят лет выглядят несколько... иначе. Особо женщины.

— А кто тебе сказал, что я человек?

Парда пригвоздило к водительскому креслу.

«А кто тебе сказал, что я человек?»

Вот так-то.

— Как? — Пард растерялся окончательно. — Кто же, если не человек?

Инси выглядела вполне невозмутимой.

— Ну, точнее сказать, я не короткоживущий человек. Мы не другая раса, мы... как бы тебе объ-

яснить... особая семья внутри человеческого рода. Все долгоживущие люди — техники.

— Но не все техники — долгоживущие люди, — мрачно добавил Пард. — Я и не знал, что люди тоже могут жить долго.

— Если живут эльфы, гномы, вирги — почему бы не жить и людям?

— А как же тогда людская тяга к переменам? Ты ведь говорила, она присуща только людям, чей век вмещает от силы семьдесят лет.

— Люди не похожи на остальных живых. Даже наша семья — мы такие же, как и обычные люди. Только умрем позже. Мне кажется, время старших рас уходит. Их и так уже меньше, чем людей. Вряд ли это случайно. Мир нащупал свое спасение и пытается восстановить шатающееся равновесие. У короткой жизни есть большой минус: не успеваешь многому научиться. А дикари миру не нужны. Он пытается сделать нас изменчивыми и пытается продлить наш век.

— У нас это называется «сесть одной задницей на две скамьи», — проворчал Пард. — Если люди станут жить так же подолгу, они быстро потеряют вкус к переменам. И все вернется к исходной точке. Хотя... скажу честно: теперь я тебе завидую. Я бы тоже хотел жить долго. За двадцать восемь лет я успел смириться с участью своей расы. А теперь выясняется, что и тут не все равны перед ликом Смерти...

Пард умолк.

— Ну, что же ты? — Инси подняла на него жесткий, как замерзший брезент, взгляд. — Самое время сказать: «Как несправедливо устроен мир!»

— Ладно, — глухо выдавил Пард, отворачиваясь. — Не стану я ныть. Все равно ведь ничего не изменишь.

— А вот это еще неизвестно, — небрежно сказала Инси.

Пард снова обернулся к ней:

— То есть?

— Если мы вывезем из Крыма новое знание, мир изменится. А значит, изменятся и те, кто в мире живет. То есть мы. Невозможно изменить что-то в мире, не изменив сначала что-нибудь в себе. Запомни это, техник. Крепко запомни.

24

Бадахшань — Гунгашань (Миньяк-Ганкар)

Проснулся Пард от холода — левый бок прижимался к пластмассовой рукоятке двери. Справа было тепло: там спала Инси.

Пард глянул за окно, но увидел только мутные разводы на мокрых стеклах. Было тихо, непривычно тихо. Ни звука не доносилось снаружи. Пард давно отвык от загородной тишины. Впрочем, на трассе Большой Киев — Большая Москва все сто километров тишины не дождешься. Это здесь, на юге Киева, где дорог просто нет, царит безмолвие. Полное и абсолютное безмолвие.

Ни звука. Не рычат двигатели, не шумит движение, не разговаривают живые... Нет звуковой рекламы. Ничего. Совсем ничего.словно они застряли в ватной туманной пустоте.

Пард приоткрыл окно. Сразу стало еще прохладнее. И выяснилось, что снаружи тишина все-таки не гробовая: шуршала на ветру мокрая трава. И где-то высоко-высоко заливался жаворонок.

Инси пошевелилась, просыпаясь, и вдруг замурчала, словно кошка. Пард выполз из-под

одеяла и нашарил рядом с педалями любимые ботинки.

Где-то позади их джипа звонко хлопнула автомобильная дверца — команда просыпалась.

Пард вышел из джипа в утреннюю влажную прохладу. Поежился. От крайнего «Хорива» ему приветственно помахал рукой друг-орк Вася.

— С добрым утречком, Пард!

— И тебя туда же... — проворчал Пард, снова зябко передергивая плечами.

Они отошли с Васей шагов на полста в раскисшую степь. Сделали ее еще более раскисшей.

— Грязища. — Вася зевнул. — Не завязнем, как думаешь?

— Не знаю. «Хоривы» вроде обученные. Авось пройдут.

Звонко хлопали автомобильные дверцы — наверное, многие уже не спали, когда Пард выбрался из машины. Просто неохота было покидать теплые салоны и выходить в промокшее весеннее утро.

Вольво спешил. Тронулись почти сразу. Пард предоставил джипу ехать самостоятельно, а сам с аппетитом жевал бутерброд с размороженной говядиной и запивал легким николаевским пивом. «Хорив» деловито полз вперед, не забыв ненадолго включить просушку стекол и дворники. Окна сразу стали кристально-прозрачными, а горизонт отодвинулся куда-то в бесконечность.

Шестерку джипов окружала бескрайняя, от горизонта до горизонта, степь.

Инси ушла в переднюю машину, а Гонза вернулся. Он ничего не спросил у Парда, знай шуршал обертками от бутербродов и откупоривал маленькие пивные бутылочки.

— Гонза, — сказал Пард наконец. — Она долгоживущая.

— А я знал, — невозмутимо ответил Гонза к несказанному удивлению Парда. — Точнее, догадывался. Слишком она... спокойная для двадцатилетней. И глаза у нее не те.

— А я вот почему-то не догадался...

— Да как ты мог догадаться? — вздохнул Гонза. — Честно говоря, лонгера я вижу впервые. Я даже не был уверен, что болтовня о лонгерах хоть на вот столечко правдива. — Гоблин отмерил кончик указательного пальца, одну фалангу, и показал Парду.

— Я о них вообще никогда не слышал.

— А, — отмахнулся Гонза. — Это наши гоблинские байки. Наверное, у каждой расы есть свои байки. Даже у метисов.

— Что за байки?

— Ну, — Гонза отхлебнул и неопределенно поводил у лица полупустой бутылкой. — Болтали, что в Большом Нью-Йорке раскрыли общину какую-то странную. Вроде как человеческую, но, с другой стороны, общину эту лет двести живые рядом с собой помнили. И людей — одних и тех же. Прижали их малость, ну и выяснилось, что это не совсем люди. Внешне — один в один. И привычки чисто людские, не спутаешь ни с гномьими, ни с нашими. А с другой стороны — выглядели они по людским меркам от силы на тридцать, а было им всем больше сотни лет. Ну, почти всем, там дети еще нашлись, с десятков. Кстати, дети у лонгеров почему-то рождаются очень редко. Гораздо реже, чем у простых людей.

— И? Чего дальше-то?

— Что и? Раз в Нью-Йорке такие есть, значит, и у нас встретиться могут.

— Почему же они скрываются? — Пард недоумевал.

— Дурень ты, Пард. Люди иногда эльфов по паркам режут из слепой зависти к их долголетию. А тут — свои же, но долгоживущие. Да их бы тут же на клочки разорвали. Вы, люди, скоры на все, в том числе и на расправу.

— Мистика какая-то... — Пард сердито швырнул в окно опорожненную бутылку. — Новая раса, что ли, зарождается?

— А что? Хольфинги и гномы тоже когда-то были одной расой. Взгляни на Мину или Беленького — вылитые ж гномы, только на добрую голову ниже. Хольфингов раньше, кстати, так и звали — полугномами, а потом, после луганской резни, приняли в правительстве формулу, по которой их следовало звать так, как они себя сами зовут. Хольфингами, стало быть. Лет за тридцать старое название как-то и забылось... Да не дуйся ты, Пард. Инси же не виновата, что она лонгер. Иначе она никогда не стала бы Техником Большого Киева.

— Я не дуюсь, — уныло отозвался Пард. — Я вот подумал: кто я для нее? Раньше хоть помечтать можно было. А теперь...

— Брось. Мир знал и не такие союзы. Эльфы отчего-то часто выходят замуж за людей. И ничего. Вон, у нас аж два полуэльфа в команде.

— Ага, — саркастически поддакнул Пард. — Помрет муженек от старости, она за следующего выйдет. И так сто раз подряд...

Гонза безнадежно шевельнул ушами:

— Урод ты, Пард. Полный.

— Да брось ты меня утешать! Ну, подумаешь, меланхолия напала. Это у нас, короткоживущих, видовое. Поною и перестану.

— Что да, то да, — согласился Гонза. — Вы даже злиться долго не умеете. И хорошо, по-моему.

Машина Вольво впереди резко затормозила, ее протатило юзом еще метров пять, и наконец она замерла, оставив позади глубокую косую колею.

— Что там? — Гонза, вытянув шею, выглянул в открытое окно.

Впереди, перед джипами, стоял смуглый черноволосый парень, предостерегающе подняв над головой руки. На груди у него болтался автомат с укороченным стволом и компенсатором-розочкой.

Из переднего джипа текуче выскользнули Иланд и Вахмистр с оружием на изготовку. Потом вышел Вольво. Пард тоже не утерпел и выбрался из машины.

— Кто из вас Вольво? — спросил смуглый парень ровным голосом. У него был едва различимый странный акцент.

— Я. — Вирг отвечал спокойно, но взгляд у него оставался настороженным.

— Меня прислал Тюринг. Предупредить.

— Предупредить? О чем?

— Я матрос с «Гелиодора», Мануэль Мойя Атенсио Маноло. Вы ведь должны были погрузиться на «Гелиодор» в Голой Пристани, да?

— Ну, допустим, — озадаченно сказал Вольво. — И что?

— Голая Пристань атакована.

Вольво опешил.

— Кем?

— С юга пришла флотилия катеров. Южные орки, из-за моря. У нас их зовут турками. В порту сейчас бой.

Издалека и впрямь доносился слабый треск, в котором из-за расстояния не сразу и опознаешь автоматную и ружейную стрельбу.

— Система, чтоб ее, — процедил сквозь зубы Вольво. — Ты давно из Голой Пристани?

— Полночи шел. Как дождь стих, они и напали. Капитан Фран связался по радиации с Тюрингом, Тюринг велел вас встретить. Послали меня.

— Садись в машину, — велел матросу Вольво. — Показывай дорогу.

Матрос немедленно уселся в головной джип.

— Эй, команда! — зычно крикнул Вольво стоящим у открытых дверей живым. — Заряжайте пушки, сейчас будет дело!

Через минуту джипы сорвались с места. Оскальзываясь на поворотах, они помчались к Голой Пристани. Туда, где звучали выстрелы.

Гонза, насвистывая, вкладывал в затвор «Крока» желтые цилиндрики патронов.

— Там второе ружье где-то, погляди. Среди припасов. — Пард, сжав на руле пальцы, помогал джипу.

— Ага. — Гонза разбросал пяток пакетов и извлек помповое ружье наподобие любимых гномьих. Нашел патроны к нему, набил целый пояс-патронташ и отдал Парду. Тот мрачно подпоясаясь, проверил пистолет и сунул его в боковой карман куртки.

До Голой Пристани оставалось километров семь.

Узкая ниточка плохонькой дороги перечеркивала степь с севера на юг. На севере смутно виднелась окраина Большого Киева, Херсон, а южнее, у самого

моря, растеклась по песчаному берегу Голая Пристань. Пародия на город. Несколько десятков кварталчиков, жмущихся к нескольким причалам. Джипы, почуяв под колесами хотя и паршивую, но твердую дорогу вместо раскисшего чернозема, воодушевленно взревели и свернули на юг.

Они ворвались на окраинную улицу, словно удирающие от охотников грузовики. Люки на крышах «Хоривов» были открыты; команда Вольво ошетибилась стволами. Стрельба раздавалась ближе к морю, на единственной площади.

Низкие одноэтажные домики проносились мимо. Улица была пустынна, словно живые вымерли все до единого.

На площади, перед длинным трехэтажным домом, громоздилась куча разнообразного хлама — полуразбитая мебель, металлические конструкции из беспорядочно переплетающихся прутьев, остатки нескольких киосков, плоские деревянные щиты с непонятными рисунками. За этой сооруженной наспех баррикадой укрывались темнокожие орки. Близкие родичи Васи-«Секса». Южане из-за моря, которых в Причерноморье издавна звали турками.

В здании засели защитники Голой Пристани. Непохоже, чтобы их было особенно много. Во всяком случае, стрельба из окон велась жиденькая.

Джипы вырвались из тесноты улицы на площадь и рассыпались веером. Трыня, Мина и Бельский дали залп из ракетниц-металлорезок. Залп, другой, третий. Из окон и люков стреляли остальные.

Атака была такой внезапной, что многие турки не успели даже понять, отчего умерли: баррикаду размело взрывами; удирающих турков расстреля-

ли в спины. Полминуты — и на площади остались только трупы, да еще буйное пламя, пожирающее остатки баррикады.

— Вот идиоты, — сказал Гонза, перезаряжая «Крок». — Они что, шума моторов не слышали, что ли?

В одном из окон здания на третьем этаже мелькнул силуэт пожилого вирга. Увидев Вольво, вирг просиял.

— Эй! Вы кто такие? — крикнул пожилой.

— Команда Техника Большого Киева! — с достоинством ответил Вольво. — Что тут творится?

— Вы можете подняться в здание? Тут у нас штаб... Последний рубеж обороны.

— Иду, — сказал Вольво коротко. — Пард, пошли со мной.

Первыми в здание вошли охранники-эльфы, потом Вольво с Пардом, а следом — Бюскермолен и Роелюфсен с неразлучными помповушками.

— Внимательнее тут! — сказал Вольво остающимся уже из вестибюля. — Чуть что — стреляйте, да так, чтоб второй раз стрелять уже не пришлось.

В здании даже не было лифта.

Они поднялись по гранитной лестнице с выщербленными от времени ступенями. На площадке третьего этажа их встретил пожилой вирг в компании четырех вооруженных людей и одного безоружного орка.

— Как вы вовремя... — сказал вирг. — У нас почти закончились патроны, а к складу прорваться мы не смогли.

— Меня зовут Вольво, — сказал вирг-машинов. — Десант большой?

— Живых сто, не больше. Семь катеров. Впрочем, добрую треть вы уже положили там, внизу.

И спохватившись, представился:

— Манфред, начальник порта.

— Сколько у вас живых?

— В здании — двенадцать, еще десятка два — в порту. Кажется, кто-то из местных пытался отстреливаться на восточной окраине, но кто — я не знаю. Там эльфы-огородники недавно поселились. Они, наверное.

— Как с оружием?

— Нормально. Вот только патронов бы...

В руках живые Манфреда держали обычные автоматы АК-74.

— Кроме «калашей» какое-нибудь оружие есть?

— Только ружья «Шлейф».

— Отлично. У меня есть патроны и к «калам», и к «Шлейфам». Где остальной десант?

— В порту, грабят склады.

— Собирайте живых! Сейчас мы их вышибем. Связь с группой, что в порту, налажена?

— Нет. Турки повредили телефонные линии. Попросту взорвали местный коммутатор, и все.

— А рации?

— Только в порту. В этом здании ни одной нет.

— Бардак, — констатировал Вольво. — Ладно, где ваши живые? Бюс, скажи Жору и Трыне, чтоб подготовили боеприпасы для АК и «Шлейфов».

Бюскермолен молча убежал вниз по лестнице.

Безоружный орк высунулся в коридор и гортанно позвал остальных. Явились еще семь живых: трое людей, вирг, орк и два полуорка. Все были вооружены АК-74, кроме вирга и одного из полуорков. У этих в руках чернели вороненой сталью «Шлейфы».

— Я — Вольво из Центра, — жестко сказал Вольво. — Внизу стоят шесть джипов. Получите патроны, садимся в джипы — и в порт. Вышибем десант, потом разговоры и прочее. Командую я. Понятно?

Живые Манфреда нестройно загудели в ответ.

— В здании что-нибудь ценное есть? — осведомился Вольво.

— Да нет в общем-то... Это управа местная. — Манфред пожал плечами.

— Тогда — вниз!

Зарядить оружие и набрать патронов про запас было делом нескольких минут. Живые рассаживались по джипам, выставляя стволы в окна.

Пард заметил, что у Инси в руках восточное ружье «Крок». И еще заметил, что Вольво увидел это, помрачнел и отвернулся. Но не сказал ни слова.

Теперь Пард понимал все — понимал, кто здесь хозяин.

Но нападением на порт командовал все-таки Вольво.

— Трогай! — зычно скомандовал вирг, и вереница джипов втянулась с площади в узкую провинциальную улочку. Ту, что вела к порту.

К морю.

Снова мелькнули с обеих сторон низенькие окраинные дома. Корявые южные деревца росли у каждого ворот. И везде было пусто — ни одного живого.

В порту вяло постреливали — то ли турки больше думали о грабеже, то ли защитникам тоже не хватало патронов.

Ворота порта оказались распахнуты. Впрочем, будь они заперты, это ничего бы не изменило.

Вольво уже вполне настроился их протаранить, а жесткий каркас перед лебедкой и бампером каждого «Хорива» выдержал бы любой таран с честью. В джипах было тесно, по пять-шесть вооруженных живых. Хорошо еще, что один-двое постоянно торчали вверху, высываясь из люка на крыше. В машину к Парду и Гонзе сели матрос с «Гелиодора» и трое живых Манфреда, все люди.

Передний джип вильнул, резко сворачивая вправо.

— К четвертому пирсу рвут... Там турки швартовались... — сказал в пустоту Маноло.

Они въехали на длинную и широкую бетонную полосу; от нее прямо в море, опираясь на литые сваи, ответвлялись длинные пирсы. Эдакие каменные побегι. У пирсов покачивались на волнах несколько катеров: Пард насчитал шесть, хотя помнил, как Манфред говорил о семи. У каждого на корме трепыхался флаг: белые звезда и полумесяц на красном фоне. От приземистого здания, крытого алюминиевой раскаткой, турки таскали разнообразный скарб в коробках, пакетах и мешках. Несколько до полусмерти запутанных автопогрузчиков помогали им в этом.

Киевляне вихрем пронеслись по пирсу, все сметая огнем с бетонной поверхности. Ракетчики били по катерам; стрелки — по туркам. Пард, выставив в окно помповуху, только успевал нажимать на спуск и передергивать затвор. Минута — и от похожей на цепочку муравьев вереницы турков остались только трупы да беспорядочно брошенные коробки. Кто уцелел — удирал к катерам. И еще Парда удивило, что практически никто из турков не отстреливался.

— Группа захвата дальше, — мрачно сказал один из местных. — Тех так просто не возьмешь.

Пард ожидал, что Вольво скомандует развернуться и совершить еще один заход, но передний джип скользнул в щель между ангарами-складами. И в промежутке между первым и вторым рядом складов они нарвались на встречный огонь турков. Огонь боевой группы.

Непонятно, чему учил джипы незнакомый Парду Кондрат, гаражный Босвелъта. Но стрельбы они совершенно не испугались: тут же, визжа протекторами по бетону, рассыпались по всей ширине портовой «улицы» и, виляя, стали утюжить ее. Методично и напористо.

Турки прятались за бочками и ящиками у входов в ангара-склады. Сначала они стреляли по джипам, но быстро сообразили, что те пуленепробиваемые. Пард понял это примерно в ту же минуту: прямо перед ним что-то звонко стукнуло, а на лобовом стекле расцвела сеточка трещин, разбегающихся из центра-углубления. И еще что-то постоянно колотило в двери. Пули, конечно.

Ахнула металлорезка, раз, другой. Из дымного облака веером летели щепки; огромные контейнеры вдруг подпрыгивали, становились на ребро, рушились, распадались на отдельные металлические листы, покореженные и изломанные. Шквал пуль щербил бетон. Дым застил небо.

Они все-таки проскочили, несмотря на отчаянную стрельбу турков. Но впереди был тупик. Джипы сноровисто развернулись, совершив сложное перестроение, и ни один не задел соседа. Теперь «Хорив» Парда и Гонзы шел крайним слева.

Они начали второй заход, стрельба вспыхнула с новой силой. Ойкнув, сполз в люк человек Манфреда, прижав руки к окровавленному плечу. Кто-то упал на горячий бетон из соседнего джипа.

А потом турки не выдержали и тоже побежали. К пирсам. Пард заметил, что из ангара, перед дверью которого было особенно много бочек, ящиков и контейнеров, по одному выскакивают живые в одинаковых синих комбинезонах, подбирают оружие и яростно палят туркам вслед.

— Ваши, что ли? — не прерывая стрельбы, спросил Гонза.

— Да...

— У вас аптечка есть? — спросил один из местных. — Шлему ранили...

Гонза сунулся в бардачок и бросил за спину коричневый пакет с красным крестом.

Поворот налево, бетонная полоса перед пирсами. Теперь на ней было полно убитых и всякого хлама, джипам приходилось вилять, и Пард в очередной раз восхитился искусству Кондрата.

Турки спешно грузились на катера и отваливали от причалов. Из семи пришедших уцелело пять; один турки бросили, самый дальний от места боя. Четыре продолговатых судна, ревя двигателями, выходили на рейд, разворачивались и на глазах удирали в море, через узкую щель между двумя волноломами, мимо маяка на самом краю одного из них.

Над волнами с криками носились чайки.

Последний из турецких катеров, сильно накренившийся, медленно погружался. Швартовочные канаты натянулись в струну — и вскоре не выдержали и лопнули.

Бой затих. Джипы сбрасывали обороты и останавливались. Живые выходили на пирсы.

Пард тоже вышел, разгоряченный недавним боем. Ружье он все еще держал в руке.

— Ну, Манфред! — послышался радостный крик. — Ну, вы вовремя!

Высокий вирг в синем комбинезоне, тоже не выпуская из рук автомата, обнял начальника порта.

— Это не меня благодари, а вот их... — Он кивнул в сторону Вольво. — Знакомся, Андертон, это Вольво, знаменитый машинолов из свиты Техника Большого Киева. А это — его команда.

Вольво сдержанно кивнул.

— Потерь много? — спросил Манфред озабоченно.

— Много. Половина, если не больше.

Манфред помрачнел.

Рядом с Пардом встал матрос Маноло, пристально глядя на дальние пирсы.

— Что-то я не пойму, где «Гелиодор»?

— «Гелиодор»? — переспросил кто-то из местных, тоже в комбинезоне портовика. — Это посуда, что швартовалась вчера вечером у четырнадцатого?

— Ага.

— Они пытались уйти, с час назад примерно. Один катер турков погнался за ними. Вдоль берега, на запад, — в открытом море им от турков не уйти.

«Вот куда делся седьмой катер!» — понял Пард с опозданием.

Вольво, слышавший все, сжал челюсти так, что кончики клыков впились в кожу щек. В глазах его читалось всего одно слово: «Система...»

— Вы еще можете их догнать, — вдруг сказал Манфред. — На запад песчаное побережье тянется миль на сорок. И нет ни одного залива, ни одной бухты. Попробуйте... Там дорога вдоль берега, не асфальт, не бетонка, но проехать можно, тем более у вас такие джипы...

— Маноло, дорогу знаешь?

— Плохо, — растерялся тот. — Я ведь моряк...

— Витька! Покажешь! — велел Манфред молодому виргу, скорее всего своему сыну.

— По машинам! — рявкнул Вольво, и Пард рванулся к джипу. Прямо рядом с ним на бетоне врачевали раненого Шлему.

— Спасибо, хлопцы! — негромко поблагодарил один из врачевателей, когда Гонза, Пард и Маноло захлопывали дверцы. — Даст жизнь — сочтемся.

Вирг Витька сел, конечно же, в машину к Вольво.

Ворота порта были по-прежнему открыты. Да и кто бы их мог закрыть, пока у пирсов шел бой?

Улочки, ведущие к морю, ничуть не отличались от тех, что тянулись к жиденькой трассе на Херсон. Не прошло и десяти минут, как шестерка все еще не поврежденных джипов покинула Голую Пристань и оказалась в степи. В приморской степи.

Слева плескалось море — водная равнина до горизонта. А справа раскинулась степь. Земляная равнина до горизонта. Разница состояла лишь в том, что справа, если заглянуть за горизонт, начинался Большой Киев. А слева было только море. Если не считать, конечно, острова Крым.

Но кто в здравом уме стал бы считаться с островом Крым? С легендарным, невозможным... Невозможным больше, чем море, островом.

Никто.

Кроме команды Техника Большого Киева.

Рация, искажая голоса, доносила до слуха все, что говорили в остальных машинах. Гонза расставил уши пошире и прищурился, словно это могло ему помочь. Пард с опаской косился то на стремительно рвущуюся под колеса дорогу, то на черную ребристую панель рации.

— Гони, Иланд, гони... — цедил сквозь зубы Вольво. Наверное, не отрывая взгляда от пыльной «дороги», больше похожей на две параллельных тропинки. — А колея действительно прямая?

— Не беспокойтесь, сударь. Прямая, до самого Бутского лимана...

Вирг Витька успокаивал Вольво. Словно Вольво нуждался в успокоении. Пард не видел ничего этого — ни как шеф цедит слова сквозь зубы, ни как глядит на землю перед капотом джипа. Глазами — не видел. Но он догадывался, что сейчас происходит в передней машине. За минувшие дни Пард неплохо научился предсказывать реакцию этого сдержанного вирга и его поступки. Возможно, это еще одна странность человеческой расы — обостренное чутье и наблюдательность.

Жаль, мысли Пард пока не научился угадывать.

Песчаный пляж оставался слева, а еще левее плескалось море.

— Я никогда раньше не видела моря, — донесся из рации голос Инси. — Оно красивее, чем я думала.

Ей никто не ответил. Впрочем, Пард и не надеялся, что ей ответят.

Джипы мчали так, что дух захватывало. Пард не рискнул вмешаться в управление. Он не знал,

доверили ли переднему джипу гнать самостоятельно или за рулем сидит живой. Если живой — то Пард заочно уважал такого шофера.

Степь справа имела много лиц, непохожих друг на друга: солончаки сменялись обширными песчаными пустошами, пустоши сменялись островками хилой южной травы. Только море оставалось прежним: синим и слегка волнующимся.

Пард раньше видел море. Даже купался в нем неоднократно. Как-никак родственники отца уже лет сорок жили в Скадовске, районе Большого Киева, вплотную прилегающему к Азову... Конечно же, Пард там частенько гостил в детстве. Да и повзрослев, не раз заезжал.

Но то был все же Азов, а не Черное. А что Азов в сравнении с Черным? Лужа, не более.

Впрочем, в Черном Пард тоже купался. В Коблеве. Правда, там он бывал реже, чем в Скадовске.

Джипы мчались вдоль береговой линии. Пенный след катера первым увидел, конечно же, эльф, Вахмистр. Особое устройство глаз...

Второй эльф, Иланд, был занят: вел джип. Все-таки джипом управлял живой, Пард понял это по переговорам. Уж за шесть-то тысяч лет можно научиться водить машину. Виртуозно. Иланд так и вел: каждое прикосновение к рулю позволяло джипу еще глубже ввинтиться в южную весну, и будь у руля менее искушенный водитель или вовсе никакого, «Хорив» поспел бы сюда многими минутах позже.

Два катера напрягали все силы в стремлении успеть к западу. Двенадцатиметровая галоша «Гелиодор» и турецкий торпедник, хищная остроносая

посудина со спаренными пулеметами на верхней палубе. За пулеметами как раз колдовали два турка, укладывая ленты слоями восемьдесят на восемьдесят, как принято в боевых выходах.

— Трыня, Беленький, Мина, металлорезки к залпу! — рявкнул в рацию Вольво.

— Готово, шеф. Турков топить или как? — холодно отозвался половинчик Трыня, с виду мирный и безобидный.

— Топить. — В голосе Вольво не оставалось места колебаниям. — Топить, Трыня, топить ко всем живым и мертвым! Залп!

Чуть позади ухнули металлорезки; раз, другой, третий... Туркский торпедник, получив в борт и по надстройкам, сбился с ритма, зачихал и сбросил обороты, а значит, замедлился. И отстал, конечно же.

И тут пущенная особо искусственным стрелком ракета с шипением плюхнулась в воду и разорвалась у борта турецкого катера. Катер словно споткнулся, клюнув носом, и сразу же завалился на правый борт.

А потом у него рванул не то двигатель, не то топливные баки. На месте изящного стремительного кораблика вспух огненный цветок, и только металлические ошметки взвились высоко в небо. Впрочем, небо металл не приняло. Оно швырнуло металл в воду.

Туркский катер переломился пополам и затонул за какую-то минуту. Кое-кто из матросов сумел выпрыгнуть за борт, но не успел отплыть достаточно далеко. Жадная воронка поглотила все: и живых, и плавучие обломки. На «Гелиодоре» радостно взревели, это было слышно даже на берегу.

— Ну, — сказал Маноло, — считайте, что вы уже в Крыму. Капитан Фран не хотел вас высаживать, но после такого...

— Эй, матрос! — позвал Вольво из переднего джипа. — На какой частоте ваша корабельная станция фурычит?

И Парду стало вдруг легко и радостно. И еще — немного не по себе. Не то от незнакомых формул, не то от непонятного жаргона моряков.

Но все равно радостно.

25

Гунгашань (Миньяк-Ганкар) — Тиричмир

Моряки «Гелиодора» носили звучные многоступенчатые имена — Ксавьер Сьерра Фу-меро Сандро. Хосе Рико Перес Каминеро. Луис Мария Лопес Рекарте. Да тот же Маноло, которого полностью звали Мануэль Мойя Атенсио Маноло. Лишь у двоих имена почему-то оказались односложными: Феликс и Рауль. Эти двое вечно пропадали в трюме, где было темно, сыро и грязно, и Пард сначала решил, что занимаемое на иерархической лестнице положение напрямую зависит от длины имени. У моряков иерархия соблюдалась весьма жестко — жестче, чем на берегу. Но потом Пард узнал, что капитан Фран носит трехступенчатое имя в отличие от других живых на «Гелиодоре»: Сальвадор Глезиаз Фран. А боцман — и того непонятнее: Де ла Фуэнте Маркос. То ли двухступенчатое, то ли трех. И тем не менее боцману подчиняются и Дани Алонсо Мичел Сальгадо, и Игнасио Ортега Мартин Домингес... В общем, все подчиняются, кроме капитана Франа и старшего помощника Сандро. Друг к другу мат-

росы обращались коротко, по последней ступени имени. К капитану — просто «Капитан». К боцману — просто «Боцман». К старпому — просто «Старпом». К Феликсу и Раулю — чаще всего просто «Эй, ты!». Пард в первые же минуты не стал выяснять — почему. Потом, решил он. Потом все прояснится. Само собой.

Когда турецкий торпедник был благополучно потоплен, «Гелиодор» заглушил машину и лег в дрейф; на воду спустили надувной аварийный плотик. Капитан Фран лично сошел на берег и поблагодарил Вольво за столь своевременное вмешательство. А также заверил, что «Гелиодор» — к услугам команды Вольво, и не только согласно распоряжению Тюринга...

Сначала вытащили все припасы из багажников и потихоньку переправили на борт катера. Потом стали перевозить живых. Местному виргу Витьке поручили доехать на джипе-вожаке до Голой Пристани и там все джипы отпустить. Витька преданно кивнул Вольво, вскочил в головной «Хорив» и умчался на восток, уводя колонну послушных машин за собой.

В общем, уже к полудню вся команда Вольво расположилась в кают-компании, самом большом помещении на двенадцатиметровой посудине. Гномы и хольфинги улеглись на полу, подстелив какие-то сомнительного вида рогожи, и заявили, что с места не сдвинутся, пока снова на берег сходить не придется. Смуглые матросы-люди весело скалили зубы, глядя на них.

Вольво и Инси отвели каюту старпома, а старпом временно переехал к капитану. Остальным предложили на выбор — либо ту же кают-компа-

нию, либо ночлег на палубе, под открытым небом. Парду было все равно, он к морю привык.

И еще попросили днем по палубе попусту не слоняться.

И все. «Гелиодор», взревев машиной, завибрировал, затрясся, плюнул в небо черным дымным шлейфом, развернулся к прибою кормой и двинул прямо в открытое море. Пард и Гонза стояли на корме и глядели на постепенно удаляющийся, тонущий в белесой дымке берег. Северный берег Черного моря, куда едва не дорос Большой Киев.

Парду очень хотелось верить, что он видит этот берег не в последний раз.

— Ладно, — вздохнул Гонза. Вышло несколько мрачновато, но настроению, обуявшему Парда, вполне соответствовало. — Ладно. Пошли гномов утешать, а то изведутся ведь...

— Надеюсь, — заметил Пард, — если нас занесет когда-нибудь в тоннели под городом — не важно под каким, — гномы тоже поспешат утешить нас, дружище...

Но гномов утешить им не удалось: пришел Вольво и, качнув головой, предложил Парду и Гонзе следовать за собой. Приятели-николаевцы переглянулись и пошли следом за виргом. Ведь выбора у них не было.

В тесной старпомовской каютке, похожей на двухместное купе поезда, сидели капитан Фран со старпомом Сандро и пили эльфийский ром. Редкий и дорогой ром, какой делали только на юго-востоке, не то на Яве, не то на Филиппинах. Инси забралась на верхнюю полку и лежала тихонько, словно ее здесь и не было. Фран и Сандро не обращали на нее внимания.

Едва вошли Вольво, Пард и Гонза, старпом извлек откуда-то из-под стола три пустых стакана и наполнил их едва не до краев. Вирг сел на полку, рядом с капитаном, Парду пододвинули небольшую корабельную баночку-табурет, а Гонза уместился с краю, у самой двери, на пузатом матросском рундуке.

— Ну, — поднял стакан капитан. — За удачу. Она нам понадобится.

Ром был крепкий и, похоже, отменно выдержанный. Пард давным-давно такого не пробовал. Гонза тоже оценил напиток: округлил миндалевидные глаза и завращал ушами, словно вентилятор.

— Ух! — сказал он.

— Ага, — подтвердил Пард. — Свирепая штука. Моряки всегда балуются ромом?

Фран снисходительно взглянул на Парда:

— Моряки никогда не балуются. Если уж пьют — так пьют.

— Понятно, — вздохнул Пард. — Почему-то в это очень легко поверить.

— Ладно, — прервал ничего не значащий разговор Вольво. — Вы хотели нам нечто сообщить, капитан?

Фран переплел пальцы на руках и внимательно уставился на ополовиненную бутылку рома.

— Насколько я понял со слов Тюринга, вас нужно высадить на северное побережье Крыма. Первоначально я не собирался этого делать, поскольку Тюринг не может мне приказывать. Только просить или рекомендовать. Но, учитывая сегодняшние события, я и моя команда в долгу перед вами, уважаемый Вольво. А Сальвадор Глезиаз Фран всегда платит по счетам — хоть кого спросите.

Смуглый моряк наконец-то оторвал взгляд от бутылки с ромом и глянул виргу прямо в лицо.

— Есть только одна трудность, уважаемый Вольво. Катер наш просто не дойдет до северного берега Крыма — его прежде потопят. Если не дикие броненосцы, которых последнее время, слава жизни, стало в Чонгаре поменьше, то береговая охрана Крыма, а с их судами ни один нормальный моряк встречаться не жаждет. Пытаться высадиться в Крыму — это верная смерть. Любой это скажет.

С другой стороны, я понимаю, что вас и ваших живых влечет туда вовсе не праздный интерес. Вот я и хотел обсудить сию проблему: чтоб и вас на место доставить, и «Гелиодора» сохранить. Я не путано изъясняюсь, друзья мои?

Фран вопросительно скользнул взглядом по присутствующим, на мгновение подняв голову к верхней полке. Точнее, к Инси, упорно молчавшей.

Капитан и впрямь изъяснялся слегка вычурно и цветисто, но вовсе не путано. Так мог говорить старинный аристократ из Центра или из Харькова. Вирг невольно подхватил его манеру вести беседу.

— Отнюдь, дорогой капитан. Мы вполне разделяем вашу тревогу за катер и готовы выслушать ваши рекомендации и рекомендации вашего помощника. Несомненно, опытные живые-моряки дадут дельный совет таким закоренелым сухопутным крысам, как я и моя команда!

Вольво светски улыбнулся, и лицо его вдруг приобрело добродушно-веселое выражение, которое не могли испортить даже ослепительно белые

кльки, что выступали, как обычно, из-под нижней губы.

Капитан довольно кивнул. Слова Вольво пришлись ему по душе — наверное, от своих матросов он чаще слышал несколько иную речь...

— Полагаю, единственно возможный способ высадить вас на берег, это за пять — десять миль спустить на воду плоты. Дойдете на веслах, тем более что течение будет благоприятствовать. Броненосцы на плот внимания не обратят, да и береговая охрана такую небольшую цель может не засечь. А если и засечет, вряд ли сразу же примется палить из всех стволов сразу: плот — это, знаете ли, не катер. И не большой корабль. Он не кажется таким опасным, верно я говорю?

Вольво кивнул в ответ:

— Вы абсолютно правы, капитан!

— Плотов у меня два, каждый рассчитан на десять живых. Ваша команда вполне разместится...

— Благодарю вас, капитан.

— К месту высадки мы доберемся еще до темноты. Если, конечно, ничего не помешает и «Гелиодору» не придется рыскать по Чонгару. Ориентироваться будете по солнцу, это несложно, к тому же я видел среди ваших живых по крайней мере двоих эльфов. Значит, не заблудитесь.

— Да, капитан. Я уверен, что не заблудимся. А какова причина, из-за которой «Гелиодор», может статься, примется рыскать по Чонгару?

— Броненосцы, уважаемый, — с плохо скрываемым беспокойством пояснил Фран. — Чертовы броненосцы! Они могут гонять катера неделями, не подпуская их к берегам. Забавляются, что ли... Даже не стреляют. Просто гоняют туда-сюда.

Иногда втроем, иногда целым флотом. Странные это машины...

— А приручать их не пробовали? — невинно поинтересовался Гонза.

— Как их приручишь, эдакие громадины? — сокрушенно вздохнул Фран. — Впрочем, я слышал, что в Измаиле этим вопросом занимаются военные. Не знаю, каков результат их усилий, но мне почему-то кажется, что денежки из киевской казны тратятся там впустую.

Вольво при этих словах чуть заметно усмехнулся. Наверное, он больше знал об успехах или неудачах киевских военных на ниве приручения больших судов.

Старпом Сандро тем временем разлил ром по стаканам. Выпили. Сандро крикнул кока-стюарта, которого звали Хуан Карлос Тортоза Сегура, а попросту — Сегура, и тот принес скорую закуску: бутерброды и пластиковые тарелочки с салатами.

— Свежие овощи? — удивился Вольво. — Не плохо живут моряки!

Капитан польщенно засверкал глазами и погладил седеющую бородку.

— Стараемся, уважаемый. Но разве в Центре свежати́на так редка?

— Не столько редка, — вздохнул Вольво, — сколько дорога. Чрезмерно, по-моему: пока я добрался из Центра к морю, к столу моему попало больше свежатины, чем за последние пять лет в Центре. А добирался я каких-то три-четыре дня.

— Юг есть юг, — философски вздохнул капитан. — Есть ли еще вопросы, требующие немедленного обсуждения? А то, знаете ли, не мешает иногда наведаться в рубку, разбудить рулевого...

Вольво вежливо улыбнулся, давая понять, что он оценил шутку.

— ...да и старину «Гелиодора» на курс возвращать частенько приходится: последнее время он стал каким-то по-юношески мечтательным. Сезон особенный наступил, не иначе.

— Нет, капитан. Пока у меня никаких срочных вопросов не возникло. Не смею более вас задерживать!

Фран и Сандро встали, церемонно раскланялись в дверях, насколько позволяла тесная каюта, и удалились по своим загадочным корабельным делам. Пард покосился на бутылку с остатками рома. Уж больно забористая была штука там, за зеленым стеклом.

— Вот и я думаю, — задумчиво протянул Гонза и пошевелил ушами, как прислушивающийся конь. — Допить, что ли?

Он пересел поближе к столу.

Вольво молча разлил все, что оставалось в узкой зеленого стекла бутылке, все до последней капли. Три стакана негромко звякнули, встречаясь над белоснежной скатертью.

— Вы знаете за что, — коротко сказал Вольво и одним махом, по-виржьи, осушил стакан.

— А как вы думаете, шеф, — спросил через минуту Гонза, когда ром благополучно утнезвился в желудках киевских техников, — система отпустила нас? Смирился город с тем, что мы ускользнули? Или будет пытаться расстроить наши планы снова и снова?

Инси взглянула с полки на гоблина. Светлые пряди падали ей на глаза, и лица Пард почти не видел.

— Я ведь говорила уже. Система — это не только наш город. Это все города мира.

— Не думаю, что нам удастся почувствовать разницу, э-э-э... сударыня, — отозвался Гонза. — Наш город, не наш город — что это меняет? Пока мы оставались в пределах Киева — система давила, и это было заметно. А влияния других городов я как-то не отследил.

— Я бы не стал успокаиваться и думать, что система смирилась, — сказал Вольво, оборачиваясь к Гонзе. — Система по-прежнему демонстрирует незаурядные способности к импровизации. Нападение турков на Голую Пристань — несомненный удар системы. Большой Стамбул пришел на помощь Большому Киеву в борьбе за целостность системы. Твой вопрос просто неуместен, Гонза. Потому что ответ лежит на поверхности.

С этим спорить было трудно. Гонза и не стал спорить. Только едва заметно кивнул.

— Значит, — подытожил Пард, — следует ожидать очередных сюрпризов? В лице диких броненосцев, надо полагать?

— Вероятно, да. И если броненосцы не замедлят явиться, можно будет даже поздравить себя сквозь слезы. — Вольво снова улыбнулся. Наверное, сегодня у него было хорошее настроение. — Поздравить, потому что мы можем впервые успешно предсказать очередной шаг системы. Очередной удар. А это значит, мы начинаем постигать нашего врага, учимся понимать его. Это немало, по-моему.

— Кто б спорил, — вздохнул Гонза. — Да только я предпочел бы, чтоб надежды не оправдались и мы без всяких гонок с броненосцами добрались до Крыма...

— А меня другое беспокоит, — подал голос Пард. — Точнее, не то чтобы беспокоит... Просто интересует. Команда ведь уже поняла, куда мы направляемся?

— Возможно. Эльфы и так знают. Валентин и Сергей тоже давно догадались. Бюс и Роел знали с самого начала. Точнее, с момента, когда вы открыли цель нашего предприятия. Об остальных не скажу. Но точно знаю: любой живой из команды Техника пойдет с нами до конца без всяких колебаний. Любой. Вплоть до половинчика Жора, хотя он кажется увальнем и растяпой. Я ручаюсь за всех.

При этом Вольво значительно взглянул на Инси, на Техника Большого Киева, все еще прячущую лицо за непослушными прядями волос.

— Я знаю это, Вольво, — сказала Инси. — Знаю.

— Относительно нас, надеюсь, тоже сомнений нет? — проворчал Гонза.

— Надеюсь, — невозмутимо парировал вирг. — Иначе вы вряд ли стали бы ввязываться в эту историю.

«Логик, — подумал Пард с легким раздражением. — Кажется, эта мысль высказывалась уже не однажды. Что за манера у долгоживущих по многу раз повторять одно и то же? Мусолить и жевать давно обсужденные проблемы?»

Но вслух он ничего не сказал. Просто вновь ощутил, что между ним, мотыльком-однодневкой, который вряд ли доживет даже до столетнего возраста, и остальными, для которых век за веком проходит мимо и исчезает в неясной дымке минувшего, едва-едва отложившись в памяти, — между ними бездна. Пропась, у которой нет дна.

Люди — не просто новая раса. Это совсем другое... Это совершенно новая манера мыслить, это жажда жить и жажда успеть, это вечная гонка со смертью... оказывающаяся, впрочем, совсем недолгой. Гномы, эльфы, гоблины, половинчики, вирги — да те же люди-лонгеры — они отличаются друг от друга только внешностью и мелкими привычками. А думают по большому счету одинаково. И не им изменять этот мир — подумал вдруг Пард. Вовсе не им. Людям. Короткоживущим. Тем, кто спешит и не успевает, и именно поэтому действительно способен что-нибудь изменить. В команде людей мало, но это ничего не значит. Команда Вольво... Точнее, команда Техника Большого Киева — только начало лавины.

А ведь первым камнем явился он, Пард Зама-риппа. Человек. Короткоживущий. Гонза еще сотню лет собирался бы с духом и строил разнообразные планы... А Пард просто проснулся однажды утром и сказал другу-гоблину: «Все, Гонза. Хватит болтать, надо действовать. Пошли за билетами».

Гонза тогда округлил глаза и принялся канючить, что еще ничего не готово, что нужно прощупать почву...

Они уехали в тот же день, несмотря на протесты гоблина. В разных вагонах. В какой-то момент, примерно часа за два до отъезда, Гонза перестал канючить, и они договорились, что Пард начинает пускать пыль в глаза бонзам из Центра, а Гонза отсиживается в сторонке и дает дельные советы. В общем, так все и получилось.

Хоть боцман Маркос и просил без дела по палубе не шляться, Пард с Гонзой вышли на дощатый на-

стил, стали у борта и долго молча глядели на волны, гуляющие по морю. Берег давно скрылся за горизонтом, и теперь их окружала только плоская водная равнина, еще более странная, чем степь. Пард где-то читал, что один из районов Большого Рима, зовущийся Венеция, стоит на воде. Все дома на сваях, площади — тоже настелены на сваи. Почему-то в это слабо верилось. Ну какому дому вздумается расти из воды? Да и как там машины-бульдозеры бултыхаться рядом будут? И забором такое место толком не обнесешь...

Чего только не придумают!

Сквозь прозрачный пластик, отделяющий кают-компанию от палубы, было видно, что Зепелин, Михай, Саграда и Трыня азартно режутся в кости, а Вася-«Секс» с интересом следит за игрой. Бюскермолен попросту спит, Роелофсен о чем-то негромко беседует с Миной и Беленьким; все трое сидят на полу, привалившись спинами к стене. «Наверное, чтобы волн не видеть», — подумал Пард. Иланд и Вахмистр, скрестив ноги, устроились на носу, рядом со свернутыми в бухту канатами и ныряющей в клюз якорной цепью. Пард иногда лениво на них поглядывал.

Шофера Ас и Тип-Топыч скорее всего ушли в трюм к Феликсу и Раулю, потому что Пард еще на берегу краем уха слышал, что они интересовались корабельными двигателями. Правда, «Гелиодор» — всего лишь катер... Жор, конечно же, успел спеться со стюартом, а заодно и коком Сегурой и ошивался на камбузе, периодически спускаясь к погруженным на катер припасам. Сегодня стоило ожидать особенного обеда и такого же ужина.

Лишь о полуэльфах Пард ничего не знал — ни где они находятся, ни чем заняты. Может быть, отправились в рубку в надежде выучить новые формулы. Может быть, тоже прикорнули где-нибудь в уголке.

— Ну, — сказал Гонза, задумчиво глядя за борт, — похоже, что дело идет к финишу.

— Не торопись, сглазишь. — Пард поморщился. — Еще до Крыма дойти нужно, да и по Крыму потом, до Симферополя...

Было странно сознавать, что перед названием города нет слова Большой. Если верить умершему уже живому-крымчанину по имени Игорь Чепурной, который передал Парду сломанные часы, Симферополь — маленький городишко, размером с район Большого Киева. С тот же Николаев, к примеру. А ведь в Крыму есть и другие города, поменьше. Есть совсем крошечные, меньше Голой Пристани, хотя куда уж меньше — даже представить было трудно. Но Крым жил по своим законам, отличным от законов внешнего мира. Того самого мира, на котором прижилась упрямая система, не желающая меняться...

Собственно, у Парда с Гонзой не было ничего, кроме адреса в Симферополе и имени живого, к которому можно обратиться. Живого звали Вадим Чепурной и умершему крымчанину он приходился братом — Пард с Гонзой в свое время еще удивлялись: вполне обычные имена для Большого Киева.

Они долго стояли на ветру, подставляя лица резким порывам. Над «Гелиодором» носились чайки; их резкие, неприятные крики сопровождали катер от самого берега. Даже во время стрельбы по турецкому торпеднику эти белые птицы вились

неподалеку, словно никого и ничего не боялись. Возможно, они и впрямь презирали опасность, а возможно, просто были слишком глупы, чтобы почувать угрозу.

Пард не любил чаек. И не случайно именно они оказались предвестниками неприятностей.

Из открытого бокового окна-иллюминатора ходовой рубки по пояс высунулся матрос. Он пристально вглядывался вдаль, влево от «Гелиодора». Пард с Гонзой невольно взглянули туда же.

Далеко-далеко, у самого горизонта, кружилась серебристая туча. Гонза, наверное, различал даже отдельные белые точки — парящих над водой чаек. А серо-стальную черточку на волнах заметил и Пард.

Зычный голос матроса всколыхнул даже тех, кто спустился в кают-компанию:

— Полундра! Броненосец!

— Право на борт! — закричал откуда-то сверху, из-за рубки, капитан Фран. — Право на борт, рулевой, сто тысяч чертей тебе в глотку и столько же в задницу!

Изысканный слог капитана куда-то растворился, уступив место забористым матросским ругательствам. «Гелиодор» плавно стал отваливать вправо, к западу. Но было поздно: броненосец на горизонте из черточки превратился в пятнышко. Развернулся носом к катеру. И пятнышко это постепенно увеличивалось. А потом их стало даже два. Нет, даже три.

— Начинается, — недовольно буркнул Гонза. — Да, поспешил я, брат-человек. Извини. — Он вздохнул и добавил: — Кстати, я нас поздравляю. Броненосцы таки появились, а значит, мы сумели пред-

сказать очередной шаг системы. Как это ни при-
скорбно...

Пард зачарованно глядел в море, на прибли-
жающиеся броненосцы. Команда «Гелиодора» суе-
тилась, расчехляя пушки-металлорезки, похожие
на длинноносых комаров. Пушек было две: одна на
носу, вторая ближе к корме, с правого борта.

— Ага, — сказал Гонза с легким укором. — За-
шевелились. Чего ж они от турков улепетывали,
вместо того чтобы стрелять? Торпедник-то их пре-
следовал всего один.

— Фран говорил, что у них с боеприпасами беда.
Гонза фыркнул:

— С боеприпасами — это еще не беда. Вот без
боеприпасов — беда точно.

— Остряк, — проворчал Пард, вцепившись в
поручни над бортом. Костяшки пальцев у него по-
белели.

Мимо с железными ящиками в руках пробежа-
ли Рекарте и Рамон; потом — Каминеро и Маноло.
В ящиках оказались продолговатые кассеты со
снарядами к пушкам.

— Слушай, Пард, я понял, — осенило Гонзу. —
Эти ящики мы везли, я их в машине Бюскермолена
видел. У морячков действительно нечем было от-
ветить туркам. Вот они и улепетывали.

— Ну, молодец! Ну, проникательный! — уныло
отозвался Пард. — Вернемся, я тебе книжку про
Шерлока Холмса подарю.

Гонза глубоко вздохнул.

На крышу рубки влез Трыня с металлорезкой-
ракетницей. И даже хольфинги-полутнумы преодо-
лели извечную неприязнь к воде и покинули кают-
компанию. Вольво тоже вышел на палубу.

— Очередной привет от системы, — прокомментировал Гонза непонятно зачем. — Обещанные чонгарские броненосцы.

— Вижу, — коротко отозвался вирг.

В этот момент из твиндека показалась Инси. Пард невольно залюбовался ею. Впрочем, уже в следующую секунду что-то напомнило ему: Инси — лонгер. А значит — почти уже не человек. Чужая.

Пард стиснул зубы. Наверное, это прекрасно — жить века. Знать, что смерть придет за тобой еще очень нескоро, а не через какие-то жалкие тридцать — сорок лет, которые пролетят, и оглянуться не успеешь.

Это очень больно, любить долгоживущего. Знать, что ты в его жизни всего лишь мимолетный эпизод. Один из многих.

Короткое слово «лонгер» — и едва сложившаяся мечта стала вдруг далекой и неприступной.

Чужой.

Пард резко отвернулся. Инси подошла и стала рядом. Ладони ее легли на поручень совсем рядом с ладонями Парда.

На корме орал на матросов боцман Де ла Фуэнте Маркос. Орал, вероятно, для взбадривания, потому что в основном он ругался, а осмысленным было хорошо если одно слово из десяти.

Прошло минуты две, и суета да беготня на «Гелиодоре» враз прекратились. Все замерли. Матросы — у пушек, капитан со старпомом — в рубке, у штурвала. Пассажиры зачем-то похватали ружья и автоматы, у кого не нашлось чего посерьезнее, и тоже застыли у бортов. Стало вдруг тихо, и даже утробный гул двигателей, плеск волн и крики чаек

почему-то казались неотъемлемой частью тишины и проносились мимо сознания. Все ждали, когда начнут звучать броненосцы-преследователи.

И те не замедлили подать голос. Мощный рев корабельных сирен сотряс полуденный воздух, был подхвачен бризом и разнесен далеко-далеко над морской гладью. Чайки шарахнулись в небо, но уже через полминуты вновь снизились и тучей стали носиться над броненосцами.

«Гелиодор» сильно отклонился к западу. Широкая пенная дуга обозначала след шустрого катера, в сравнении с уже близкими громадами броненосцев казавшегося игрушечным и несерьезным. Вольво потянулся к своему двадцатикратному биноклю, прекрасно прирученному и послушному.

Броненосцы приближались. Когда Вольво отнял бинокль от глаз, Пард шагнул к шефу и протянул руку. Тот без разговоров отдал оптику. Пард благодарно кивнул и повернулся к морю.

Ближний преследователь звался «Стерегающий». Крупные белые буквы тянулись вдоль носовой части борта. Кроме букв, там виднелись еще какие-то цифры. Пард не обратил особого внимания на надписи — гораздо больше его интересовали жерла пушек, обращенные в сторону «Гелиодора», и ряды направляющих слейдеров-ракетниц. Ни одного слейдера, занятого ракетой, Пард не рассмотрел.

А еще на самой верхушке короткой мачты-антенны трепыхался белый флаг, крест-накрест перечеркнутый диагональными голубыми линиями.

Второй броненосец, «Стремительный», по величавой дуге обходил катер с живыми с востока. Тре-

тий вдалеке спешил на запад — название его Пард разобрать не сумел. Далеко.

«Гелиодора» брали в коробочку, с запада, востока и юга. Оставалось одно — возвращаться на север. Капитан Фран, сквозь зубы роняя тихие энергичные фразы, вертел в рубке штурвалом. Катер продолжал описывать дугу, правда, не столь величавую, как броненосец, и ложился на обратный курс. Впрочем, «Стремительный» скоро оказался между далеким берегом и «Гелиодором» и отрезал путь на север. Зато третий броненосец маячил сильно к юго-западу и вроде бы пропускал их на запад. «Стерегающий» пыхтел совсем рядом, Пард в бинокль даже заклепки на корпусе различал.

— Эй, на палубе! Приготовились к залпу! Попробуем показать ему зубы! — крикнул с мостика старпом Сандро. — В борт лучше не целить, броню все равно не прошибешь.

«Что да, то да, — подумал Пард мимоходом. — Не прошибешь. Да и опасно, слишком «Стерегающий» близко. Если начнет тонуть, поди, в воронку и катер засосет. А тут из живых и плавать-то не все умеют...»

Впрочем, кто-то говорил Парду, что из воронки, которая образуется над тонущим кораблем, не выплывает и самый умелый живой.

— Залп! — рывкнул Сандро, перекрывая гудок броненосца.

Сухо гукнули пушки-кассетницы, с шипением плюнули ракетами металлорезки саперов-хольфингов. На палубе «Стерегающего» вспух бесформенный огненный ком. Один, другой, третий. Даже ключья металла разлетелись в стороны, подняв у самого борта несколько фонтанчиков. Броненосец

вздрогнул всем корпусом и резко ускорил ход, одновременно отваливая к югу. Расстояние между ним и катером моментально удвоилось.

— Ага! — крикнул Сандро с подъемом. — Боишься, железяка!

Вряд ли, конечно, железяка особенно испугалась. Просто убралась от прямого залпа — и все.

И вот тут сказали свое веское слово эльфы. Иланд и Вахмистр. Все-таки за тысячи лет они успели научиться массе полезных формул.

Во время залпа они продолжали неподвижно сидеть на носу «Гелиодора», только неотрывно глядели на броненосец. А потом переглянулись и разом подняли свои снайперские винтовки с черными цилиндриками лазерных прицелов. И еще: кажется, заряжены были винтовки не совсем обычными патронами.

Сначала Пард не понял, куда целят эльфы. Первый выстрел он проворонил. Зато засек второй: одна из антенн над плоской крышей рубки резко дернулась и окуталась дымом, словно кто-то взорвал у ее основания миниатюрную динамитную шашку. Хольфинги-саперы и ракетчик Трыня на мостике взвыли от восторга и одобрения. Эльфы деловито перезарядили винтовки.

В общем, эти двое долгоживущих шестью выстрелами ослепили «Стережущего». Во всяком случае, подстреленный броненосец стал проявлять явные признаки паники, рванул к третьему кораблю и едва не протаранил его. Третий сумел увернуться, но в результате отпустил «Гелиодора», и Фран не замедлил воспользоваться этой заминкой. «Гелиодор» изо всех своих механических сил

помчался на юго-запад, огибая маневрирующие броненосцы. «Стремительный» остался далеко позади и немедленно пустился вдогонку. Кажется, он не успел сообразить, что приключилось с его неосторожным собратом.

Эльфы опустили винтовки на палубу и как ни в чем не бывало уселись на прежнем месте, рядом с бухтами канатов.

— Ну и ну! — выдохнул кто-то из матросов изумленно. — Из винтовок отогнать броненосец! Никогда бы не поверил.

Вольво молча глядел за борт, на ослепленный корабль. Даже бинокль назад не требовал. Инси, сжав побелевшие ладони на поручнях, тоже глядела влево.

Все получалось именно так, как рассказывал Парду Кэп «Корсара». Дикарей из Чонгара потопить, конечно же, не удалось. Но удалось отогнать, удалось продемонстрировать, что дичь кусается и покорно в железные объятия охотников не пойдет. А это уже немало.

Впрочем, положение все равно оставалось незавидным. Подраненный «Стерегающий», похоже, успокаивался. Третий броненосец шел с ним рядом, борт в борт. «Стремительный» стремительно настигал беглецов с северо-востока, вполне оправдывая свое имя.

Прямо перед катером взметнулся белесый столб воды — броненосец пустил в ход бортовую артиллерию. Выстрел, другой, третий. «Гелиодор» невольно сбросил ход и отклонился.

«Стремительный» стрелял экономно и метко. Парду показалось, что он не желает тратить много снарядов. Но цели своей броненосец достиг легко

и быстро: «Гелиодор» был вынужден лечь на новый курс, запад-северо-запад. В сторону от Крыма.

И началась изнурительная гонка, игра на грани фола, когда неверно выполненный маневр мог подставить борт под вражеский выстрел. Броненосцы гнали катерок капитана Франа на запад — не то на Одессу, не то на Измаил. А возможно, и вовсе за пределы Большого Киева, куда-нибудь к Бухаресту, например. Не зря моряки Большого Киева совершали в основном каботажные рейсы, на виду у берега, к которому дикие броненосцы предпочитали не приближаться...

— Иланд, сделайте же что-нибудь! — крикнула эльфам Инси, потерянно глядя на «Стремительного» и «Стережущего».

Но эльф покачал головой:

— Далеко. Наши ружья не добьют.

— А их пушки почему добивают? — спросил кто-то из шоферов. Тип-Топыч, видимо. Мрачно спросил, без надежды.

— Так то пушки! — вздохнул Гонза. — Корабельные. Они за горизонт лупят, не то что в прямой видимости...

«Гелиодор» продолжал отчаянные попытки уйти из-под обстрела, но броненосцы умело передавали его друг другу и играли с невезучим катером, словно сытые коты с обезумевшей мышью.

На мостике остались только Фран и Сандро. Саперы-хольфинги и Трыня спустились на палубу. Час истекал за часом. Медленно и неотвратимо наваливались сумерки. Ущербный диск Луны висел в еще голубом небе и равнодушно взирал на гонку, где у живых не было ни единого шанса на выигрыш.

То ли «Стремительному» надоело, то ли он сердился на меткие выстрелы эльфов по собрату, то ли просто он сам промахнулся, но, вместо того чтобы положить снаряд перед носом «Гелиодора», он всадил снаряд этот прямо в корму, чуть выше ватерлинии. Металл обшивки не выдержал и лопнул, как ореховая скорлупа. В трюм хлынула вода, катер мгновенно потерял ход и стал опасно крениться. Взрыв бросил двоих матросов в воду, и их посеколо осколками. Вода у пробитого борта окрасилась кровью.

— Аврал! — рявкнул Фран с мостика и выразительно взглянул на помощника. — Плоты на воду!

Уцелевшие матросы заученно бросились к найтованным у бортов продолговатым штуковицам — не то бочкам, не то гигантским коконам. Не прошло и минуты, как оба кокона были сброшены за борт. Строго говоря, на коконы они уже ничуть не походили: шипел, освобождаясь из пластиковых баллонов, сжатый воздух, и коконы надувались, постепенно принимая очертания спасательных плотиков.

Пард метнулся в кают-компанию и прижал к груди сумку с ноутбуком. Бинобль все еще болтался у него на шее. Пард то и дело нервно поправлял шнурок.

— Пассажиры — на плот! — скомандовал Фран, и Маноло подтянул плот к самому борту. Осталось только перелезть через поручни и шагнуть в пустоту. От моря просевший «Гелиодор» отделяло теперь едва полтора метра.

Вольво мгновенно оказался по ту сторону поручней и помог перебраться Инси. Гномы, несмотря на свою неприязнь к морям и рекам, первыми

прыгнули на плот и умудрились при этом не свалиться в воду. Бюскермолен принял Инси; потом на лету ловил Мину и Беленького, которым из-за малого роста было особенно трудно попасть на спасительную надувную посудину.

Пард с Гонзой шагнули за борт несколькими секундами позже. Зеппелин не рассчитал прыжка и плюхнулся прямо в набегающую от «Стремительного» волну. Вася-«Секс» сразу же принялся вылавливать отфыркивающегося полувирга.

Команда «Гелиодора» и оставшиеся пассажиры грузились на второй плот. Фран покинул агонизирующий катер последним. Едва капитан покинул борт, бедняга-«Гелиодор» запаниковал, жалобно загудел на всю округу и бешено заревел машиной. Из трещины в корпусе повалил жирный черный дым, а неистово вращающийся винт взбил на воде белый бурун с крутой пузырящейся макушкой.

И тут в недрах катера что-то оглушительно грохнуло, машина застучала и заткнулась, а «Гелиодор» буквально на глазах развалился на несколько частей, которые затонули в считанные секунды. Мощные потоки закружили оба плота, словно бумажные кораблики на ладони гиганта. Плоты моментально расшвыряло в разные стороны. Бедняга Зеппелин, едва успевший схватиться за леер, болтался в воде, пуская пузыри. А Васю сбросило с плота прямо в жадно отверзшуюся пасть косой воронки. Вася сопротивлялся, бил руками и ногами и не дал затянуть себя глубоко. Он умел плавать, потому что вырос в Одессе и к морю привык с детства. Наверное, это его и спасло.

Один из броненосцев, не видно сейчас, какой именно, шел прямо на плоты. Эльфы сразу же молча встали на ноги и прицелились. Как они умудрились не утопить во всеобщей суматохе свои винтовки — осталось загадкой.

Серая туша дикаря стремительно надвигалась. Хищно заостренный нос рассекал черноморскую волну, и Пард вдруг подумал, что впервые глядит смерти прямо в лицо. В одно из многих ее лиц.

Вот, оказывается, какое у смерти лицо. На этот раз.

Свинцовая в предзакатных сумерках вода, переполненный спасательный плот и неумолимо надвигающаяся остроносая громада броненосца.

И еще — тихий плеск волн.

Эльфы выстрелили.

Одинаковыми движениями передернули затворы. И выстрелили вторично.

Броненосец болезненно взвыл и еле-еле заметно вильнул с курса. На полметра, не больше. Но этого хватило, чтобы нос не протаранил беспомощный и углый плотик, а только слегка отодвинул его со своего пути. Отодвинул упругой макушкой разбегающейся от корпуса волны. Серый, тронутый ржавчиной борт проползал всего в полуметре от плота.

Иланд уронил винтовку на плот и быстро-быстро стал раскручивать невесть как оказавшуюся в его руках веревку с кошкой на конце.

Бросок. Кошка намертво зацепилась за планшир. Плот резко дернуло и потащило за броненосцем. Вахмистр набросил на броненосец вторую веревку с кошкой.

В тот же миг где-то над головами оглушительно бухнула пушка, и на месте второго плота вздыби-

лась вода. Резануло по ушам. И еще тонко вскрикнула Инси. До сих пор — молчала и держалась. А теперь — не выдержала.

Второй плот перестал существовать. И все, кто на нем был, — тоже. Броненосец отнял у них жизнь. Тупая железная громадина не ведала жалости и не ценила жизнь.

Пард до боли стиснул зубы.

По веревкам, упираясь ногами в металлический борт, уже взбирались крепкие гномы Бюскермолен и Роелофсен, привычные к лазанию по отвесным склонам. Броненосец, чуявший рядом с собой чужаков, увеличил скорость. Плот прыгал с волны на волну, волочился за броненосцем, колотил по воде плоским резиновым брюхом. Брызги то и дело окатывали всех, кто уцелел в этой мясорубке.

Гномы спустили к плоту еще пару веревок. Вольво долго ловил одну из них, колыхавшуюся на ветру.

Пард толком не запомнил, как лез вверх. На броненосец. Кажется, ему помогали, подтягивали. Но Пард все-таки каким-то чудом не сорвался и не полетел в море, а добрался до самого верха, перевалился через борт на холодную железную палубу. Даже сумку с компьютером и бинокль он умудрился не выронить. В голове сразу стало гулко и пусто. А силы куда-то подевались.

Зато он все же запомнил, как, лязгнув, сорвалась кошка, и Вахмистр со сдавленным криком ухнул в море, и как, швырнув все из рук на палубу, ринулся вдоль борта Иланд. Запомнил, как всхлипывала Инси, уткнувшись Парду в плечо. Запомнил, как перхал и кашлял наглотававшийся воды

Зеппелин. И как зло пнул палубу броненосца всегда сдержанный вирг Вольво.

Система нанесла сокрушительный удар; атаковала, несмотря на то что они находились далеко за пределами Большого Киева. Удар, после которого команда Техника могла уже и не оправиться.

Обессиленные и продрогшие, они растянулись на отдающей холодом палубе дикого броненосца. А тот быстро уходил на юго-запад, и следом за ним спешили еще два серых стальных чудища.

Если Пард не ошибался, остров Крым оставался много восточнее.

26

Тиричмир-Конгур

Южная ночь висела над морем; россыпь изумительно ярких звезд украшала небо, и Парду, горожанину, казалось, что звезд раз в десять больше, чем видно из Большого Киева. Умом-то он понимал, что виной всему темень ночи. Неразбавленная свечением городских огней первозданная темнота. Поэтому видны даже слабенькие и малые звезды, а уж яркие сияют так, что и подслеповатые людские глаза приходится щурить. Да еще и серпик луны...

Все спасшиеся с «Гелиодора» долго-долго сидели у самого борта броненосца. Молча. Подавленные и разбитые. Пард не знал, сколько прошло времени — час, или два, или больше. Ночь свалилась с небес мгновенно, словно кто-то из неведомых титанов, выполняя формулу ночи, щелкнул там, наверху, гигантским выключателем. Парда захлестнула усталость и непонятное апатичное равнодушие. Хотелось только одного — лечь и закрыть глаза.

Так они и молчали все, сколько осталось. Кто сидел, привалившись спиной к борту, кто лежал,

как Пард. Броненосец малым ходом неустанно шел на юго-запад.

И как всегда бывает в любой команде, нашелся кто-то, кто не сломался даже в, казалось бы, полностью безнадежный момент. Кто попытался расшевелить всех.

— Так, — мрачно, но решительно сказал Вольво. Его голос невозможно было спутать ни с чьим. — Сколько нас осталось?

Пард открыл глаза и сел. Звезды и луна сияли так ярко, что даже в ночи он прекрасно видел всех, кто находился рядом.

Вольво и Инси. Гонза. Сам Пард. Оцепеневший эльф Иланд. Сидящие на корточках гномы и хольфинги. Зеппелин. И Вася-«Секс».

— Одиннадцать. Одиннадцать живых, — сосчитал Бюскермолен. — Не так уж и мало.

— Одиннадцать живых, — эхом повторил Вольво. — И чтобы остаться живыми, нужно пошевелить мозгами.

Он на миг умолк, перебирая мысли, как четки.

— Первое. У нас нет еды. И, что хуже, нет пресной воды.

Орк Вася, как на школьном уроке, поднял руку. Вольво обратил лицо к нему.

— Говори!

— Если здесь есть опреснитель, как на малых судах, я смогу его запустить, — сказал Вася-одесит. — Я знаю нужные формулы. Я когда-то в порту работал.

— Может быть, ты знаешь устройство броненосца? Хотя бы в общих чертах?

— Нет, — сокрушенно вздохнул Вася. — Не знаю. Но если увижу что-нибудь знакомое, я немедленно сообщу.

— Без воды мы долго не протянем, — мрачно сказал Зеппелин.

— А плот? — сообразил Гонза. — На плоту ведь должны быть припасы. И пища, и вода.

Сразу двое — Зеппелин и Реллофсен — вскочили и перегнулись через борт.

— Я перерезал веревки, — ровным голосом сказал Иланд. — Когда Вахмистр упал в воду. Может быть, он сумеет спастись на плоту.

Никто не проронил ни слова. Не прозвучало ни одного упрека эльфу, который в попытке спасти друга обрек на смерть остальных.

— Стоп! — осенило вдруг Парда. — Здесь, на броненосце, тоже ведь должны быть спасательные плоты! Даже не один — несколько. Надо только их надуть и добраться до припасов!

Мысль была очевидной и скорее всего верной. Продолговатые коконы упакованных плотов всегда жались к бортам любых судов, хоть диких, хоть прирученных. И чем больше судно размером, тем больше на нем этих коконов. А на плотках всегда бывает аварийный запас пищи и воды.

Зеппелин и Реллофсен метнулись вдоль борта к корме. Уже метрах в пятнадцати они наткнулись на первый кокон. Зеппелин немедленно рванул за тревожный фал, и ночную тишину разогнал свист сжатого воздуха. Кокон проклюнулся и стал постепенно превращаться в спасательный плот.

Он рос минуты три. И оказался размером чуть не вчетверо крупнее, чем его собрат с «Гелиодора». Кажется, плот был несказанно удивлен, что его разбудили и освободили на палубе, а не сбросили предварительно за борт. Полувириг, оба гнома и хольфинги перепрыгнули через пузатый, напол-

ненный воздухом поребрик и стали лихорадочно искать вход в склад-камеру. Остальные, разом сбросив недавнюю апатию, столпились рядом и нетерпеливо вытягивали шеи. Пард в темноте видел неважно, иначе сам бы сунулся помогать в поисках. Пока сидел у борта, казалось, что луна светит достаточно ярко, а как дошло до дела — выяснилось, что света все равно мало. Эх, людские глаза... Гонза вон все видит, невзирая на темень. Ну как не позавидовать ему и остальным? И живут долго, и видят лучше... Одно расстройство, словом.

— Есть! — наконец воскликнул Беленький и дернул за скрученный в кольцо фал, вскрывая камеру. — Есть!

Зеппелин, сразу перебравшийся ближе к удачливому хольфингу, вытащил из камеры пластиковую канистру с витаминизированной водой и поднял ее повыше. Вздых облегчения вырвался сразу у нескольких живых. Вода значила, что они еще некоторое время останутся именно живыми.

— Отлично! — сказал Вольво. Уверенность и самообладание вернулись к нему, и это заразило всю команду. — Думаю, не стоит вскрывать остальные камеры и не стоит трогать остальные плоты. Успеется. И пока темно, пожалуй, нет смысла лезть в помещения броненосца.

Пард не вполне понимал это — но помнил, что даже Гонза, рожденный во мраке и во мраке проводящий довольно много времени, в сомнительные места предпочитает все же захватить с собой фонарик. Кстати, в сумке с компьютером у Парда и фонарик имелся. Но что-то подсказало ему: не нужно сейчас предлагать. Днем. Действительно, днем. Утром точнее.

На надутом плоту сидеть и лежать было не в пример приятнее, чем на гулкой и холодной железной палубе. Все забрались на плот и расселись около вскрытой камеры с припасами. Канистра пошла по кругу, Мина раздавал пластиковые пакетики с галетами и тубики с питательной массой.

Где-то далеко-далеко впереди забрезжила надежда. Надежда на спасение. Ведь живые всегда надеются, пока живут.

Веселенькая выдалась поездочка, что и говорить. Сначала убитый поезд. Потом — добрейшие ребята мотоциклисты-двухколесники. Пожар в николаевском яхт-клубе. Турки в Голой Пристані. И вот — визит на борт дикого броненосца. И в кошмарном сне Пард не мог ничего подобного представить.

Ночь тянулась долго; Пард сжевал пару галет, запил неожиданно вкусной водой и откинулся на спину, глядя на звезды. То и дело он задремывал, но постоянно выныривал из чуткого неглубокого сна. Спутники тоже большей частью не спали — только Вася отнесся к пребыванию на броненосце совершенно наплевательски: сожрал целый пакет консервированной ветчины и завалился спать без малейших следов обеспокоенности.

Остальные нервничали. Поди пойми — что вздумается дикому броненосцу? Куда его погонит охотничий инстинкт? И как в конце концов безболезненно покинуть эту громадную плавучую машину-тюрьму?

Остров Крым вместе со всеми своими секретами как-то сразу отошел на второй план.

И все же Пард задремал. Уже под утро. Когда он очнулся, было уже светло. Он рывком сел, по привычке совершенно бесшумно. Спутники спали. Тре-

возным неглубоким сном бывалых и тертых живых. Только Иланд неподвижно, как изваяние на площади, сидел на краю плота и глядел через борт в море. Похоже, в эту ночь эльф не сомкнул глаз.

Море было удивительно красивым — синим-синим, бесконечным, шевелящимся... Восток тлел встающим солнцем. Над броненосцем, гортанно вскрикивая, носились чайки. Как их резкие голоса не будили спящих — Пард не понимал.

Он встал, все так же бесшумно потянулся и подошел к Иланду.

— Он умеет плавать, — тихо сказал эльф в пустоту. — Я сам его учил. Правда, давно. Наверное, он дотянул до плота.

Пард вздохнул. Это тяжело — терять друга. Тем более если дружбе несколько тысяч лет.

— Что нам теперь делать, Иланд? — спросил Пард так же тихо. — Ты попадал когда-нибудь в подобные переплеты?

— Попадал, — ответил эльф. — Попадал еще и не в такие. Для начала нужно все здесь обшарить. А потом пытаться подчинить себе здешние машины. Слава жизни — с нами Вольво, один из лучших спецов по диким грузовикам во всем Большом Киеве. Да и девочка немало формул знает. Шансы есть.

Пард кивнул и встал. Подошел к борту. За оседланным броненосцем неотрывно следовали два его приятеля. Чуть сбоку. То, что на борту у одного из них находятся живые, нимало не заботило этих титанов. Наверное, титаны просто не заметили подобной мелочи.

«Все-таки они тупы, — подумал Пард. — Огромны и тупы. А возможно — огромны и оттого тупы. Даже дикая легковушка заволновалась бы, попади

к ней в салон кто-нибудь живой. А эти разнесли плот и все. Успокоились. Ползут себе по своим делам как ни в чем не бывало... А куда подевались жертвы с этого самого плота, их не взволновало. Но неужели Иланд думает, что приручить несчастный грузовик и приручить своенравный вольный броненосец — задачи сравнимые?»

Шевеление Парда разбудило Вольво, Зеппелина и гномов. Остатки команды, брошенные в сон тяжелым вчерашним днем и нервной ночью, восставали для нового дня. Все выглядели упрямыми и решительными, от ночной подавленности не осталось и следа. «Мы еще потрепыхаемся!» — читалось в каждом взгляде.

Команда вспоминала, что она — команда, пусть и в усеченном составе.

— Доброго всем утречка! — бодро поздоровался заспанный Вася. — А хорошо тут спится, ей-право! Покачивает так, понимаешь, что и вставать неохота!

Вася оставался самим собой — шалопаем и разгильдяем, которому переделки вроде вчерашней нипочем. На долю Парда с Васей за последние годы выпало немало приключений, но со вчерашними событиями их все же трудно было сравнивать.

Гномы первым делом потянулись к своим неразлучным помповушкам. Действительно — даже если небо рухнет на землю, гном ни за что не расстанется с любимым своим оружием. Пард даже фыркнул. Аккуратисты, тля...

— Ну, — нарочито громко спросил Вольво, — с чего начнем? Высказывайтесь, судари...

— А какая разница, с чего начинать? — пошевелил ушами Гонза. Другой живой на его месте пожал бы плечами, но Гонза-то был гоблином, и

поэтому все сейчас смотрели главным образом на его уши. — Во-первых, тут должны быть какие-нибудь склады, в том числе продуктовый. И камбуз должен быть. Стало быть, есть шанс его задействовать... если эта железка позволит. — Гонза легонько топнул ногой по палубе.

— А может, сначала рубку испытать? — задумчиво протянул Бюскермолен, откладывая ружье. — Вдруг там знакомые машины отыщутся? А, шеф? Вдруг получится приручить этот броненосец?

Вольво еле заметно кивнул.

— А что мешает нам разделиться? — резонно заметил Вася. — Не толпой же по твиндекам шляться? Кто в рубку, кто вниз. Я вниз пойду, все равно в рубке от меня мало толку.

— Правильно! — поддержал Зеппелин. — Я тоже лучше вниз.

— Значит, так, — начал руководить Вольво. — Я, Иланд, Пард и Гонза идем в рубку. Ну, и Инси тоже. Бюскермолен, Реллофсен — начинайте с носа. Мина, Беленький — вон туда, видите, люк открыт? Вася, Зеппелин, — вы отправляйтесь на корму. На рожон не лезть! Чуть что — на палубу, и немедленно. Броненосца не злить, что попало не включать и не дергать. У кого-нибудь есть телефоны?

— У меня есть, — ответил Пард и вытащил доселе невредимую трубку из кармана.

— Вбей мой номер в директ-вызов. И отдай Бюскермолену.

— Ладно... Номер какой?

Вольво продиктовал, и телефон Парда переключал к гному.

— Чуть что — зови.

— Понял, шеф, — послушно выдохнул Бюс. — Пошли, Роел. — И добавил по-гномы: — Hilf uns, Vater-Tangar...

Гномы, зачем-то взяв с собой ружья, направились вдоль борта к носу броненосца. Хольфинги решительно нырнули в приоткрытую дверь недалеко от плота. Вася с Зеппелином отбыли к корме.

— Компьютер братъ? — спросил Пард, глядя на Вольво и на Инси.

— Бери конечно, — сказали ему. И Пард не стал оставлять сумку на плоту, хотя сначала решил это сделать.

Ладно. Братъ, так братъ. Инси и Вольво техники покруче его. Им виднее.

Посреди палубы на надстройку перед лобастыми корабельными пушками взбиралась наверх крутая узкая лестница-трап. Вольво положил широченную ладонь на перильца и стал подниматься. За ним — Инси. Потом Гонза и Пард. А замыкал пятерку техников Иланд. Внешне бесстрастный эльф, потерявший вчера старого друга.

Перед вторым трапом Пард оглянулся. Сверху было лучше и дальше видно. Море вокруг оставалось пустынным, только два приятеля-броненосца маячили неподалеку. И еще Пард заметил, что прямо по курсу, километрах в двух от головного корабля, то и дело выпрыгивают из воды дельфины.

Пард не был моряком, но знал, что моряки считают дельфинов доброй приметой. Даже такая мелочь придавала ему уверенности.

Они обогнули странного вида решетчатые конструкции, еще дважды поднялись по трапам и попали на открытую площадку, которая упиралась в серую, усыпанную полукружьями заклепок стену.

Посреди стены овалом выделялась дверь с колесом задрайки на уровне пояса. Вольво повертел это колесо, и дверь неожиданно легко отворилась. Темный коридор за ней заканчивался еще одной дверью. Эта тоже открылась без труда.

Наверное, это и была рубка броненосца. Небольшое тесное помещение, напичканное аппаратурой. Полукруглый пульт и четыре кресла перед ним. Бесчисленные рукоятки и циферблаты. Слепые прямоугольники экранов. Таблицы и схемы на всех стенах, кроме передней, лицевой. На этой — один-единственный огромный экран. Тоже слепой.

— Так-так, — задумчиво сказал Вольво, оглядываясь на пороге. — Ага...

Иланд подошел к пульта и сел в крайнее кресло. У Парда сложилось впечатление, что происходящее Иланда мало интересует, а сюда он пришел просто за компанию. Или повинуясь приказу шефа.

— Шахнуш тодд! — напряженно выругался гоблин. — Шеф, у меня какое-то дурное предчувствие.

Вольво насторожился:

— В чем дело?

Гоблин тревожно дергал ушами, а кепочку свою мямл в ладонях.

— Трудно объяснить... Понимаете, это место не кажется мне необитаемым. словно тут регулярно бывает кто-то из живых. Ерунда ведь, правда?

Вольво вопросительно глядел на растерянного гоблина, который и молчать не хотел, потому что верил предчувствиям, и сознавал, что звучат его слова по-дурацки и не к месту.

Твердо ступая, вирг подошел к пульта и по примеру Иланда опустил в кресло у матового экрана. Гонзе он ничего не ответил. По правде говоря,

Пард тоже заподозрил нечто, пока не объяснимое словами. Например, он заметил, что в рубке совсем мало пыли — и на полу, и на пульте. В местах, где живые появляются редко, так не бывает. Обычно пыли там скапливается куда больше, и лежит она толстым бурым слоем, хоть вози по поверхности пальцем и вычерчивай буквы.

— Если я не ошибаюсь, — сказала Инси, — это вот компьютер.

— Пард! — подал голос Вольво, и тот с готовностью вынул из сумки ноутбук. — И шнур давай...

Пард отдал увесистый брикет «Руха-про» шефу и еще порылся в сумке. Нашел шнур с блестящими жалами джеков на обоих концах. Вольво тем временем воткнулся в корабельный источник техники на пульте и загрузил ноутбук. Тотчас ожил один из слепых экранов, высветив приглашение незнакомой Парду оболочки.

@link% — набрал Вольво на клавиатуре ноутбука. Рука его на мгновение замерла над клавишей «Enter».

— Я бы не советовал, — раздался сзади ровный и чужой голос. Все пятеро рывком развернулись к двери.

Там стоял высокий эльф с совершенно седыми, совершенно белыми волосами. Пард знал точно: эльфы не седеют. По крайней мере не седеют от старости. Да и не знают они, что такое старость.

Этот эльф выглядел именно старым. Не дряхлым или немощным, совсем нет. От него исходила непонятная сила, но и печать прожитых лет легко угадывалась, стоило взглянуть ему в лицо.

— Я бы не советовал, коллега Вольво, — повторил седой эльф. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Долгая жизнь! — прошептал Иланд, вставая. — Я не верю своим глазам!

— Здравствуй, Иланд. — Незнакомец вежливо кивнул, отчего белые его волосы шевельнулись, как живые.

— Здравствуй, Халькдафф, — эхом отозвался Иланд.

Пард едва рот не разинул от изумления. Халькдафф? Сумасшедший эльф, насылавший на них грузовики-камикадзе? На диком броненосце посреди Черного моря?

Впрочем, стоит ли удивляться? Грузовики не сумели уничтожить команду Техника Большого Киева. Броненосцы преуспели больше, но сам Техник и его... точнее — ее ближайшее окружение по-прежнему живы.

— А что плохого может произойти, если я попытаюсь слинковаться с корабельным компьютером? — напрямую спросил Вольво.

— Не знаю, — ответил Халькдафф, и отчего-то Пард был уверен, что он говорит честно. — Но вряд ли что-нибудь дельное. И наверняка небезопасное — этот броненосец очень своенравен.

— Все равно придется попытаться потолковать с ним, — упрямо гнул свое Вольво. — Надо пробовать.

Халькдафф на секунду прикрыл глаза.

— Милейший, — сказал беловолосый эльф с безграничным терпением в голосе. — Я пытаюсь потолковать с этим броненосцем вот уже тридцать два года. И до сих пор почти не продвинулся. А ты хочешь взять его с наскока?

— Сколько? — невольно переспросил Вольво. — Тридцать два?

— Тридцать два года, — бесстрастно подтвердил Халькдафф. — Я торчу здесь, на этой плавающей железке, уже три десятилетия, если это тебя интересует.

— Зачем? — Голос Вольво был исполнен безграничного удивления. Пард даже удивился — обычно шеф выглядел невозмутимым.

Халькдафф не ответил — просто улыбнулся.

— А я слышал, — бесстрастно сказал Иланд, — ты последнее время работал с грузовиками.

— Работал. Лет пятьдесят назад. Надоело — грузовики слишком легко подчинить себе.

— И ты заинтересовался дичью покрупнее? — догадался Вольво.

— Именно так.

— И ты безвылазно сидишь на этом корабле все эти годы?

— Да. А что вас так удивляет?

— А пища как же?

— Здесь ее полно. К тому же на базе в Измаиле припасы каждый год пополняются.

— Скажи-ка, Халькдафф, — обратился к сородичу Иланд. — Вчерашний цирк с пальбой по «Гелиодору» — это твоих рук дело или это броненосец расстарался?

— Это броненосец, — не задумываясь, ответил Халькдафф. — Я до сих пор не научился ему приказывать.

— И ты все видел?

— Да. Почти все. Потом ушел спать.

Пард содрогнулся. Спать, видите ли, он ушел! То, что совсем рядом гибли живые, его не тронуло. А ведь мог помочь, наверное, с-скотина...

— Знаете что, — сказал Халькдафф, оглядывая рубку. — Чего здесь сидеть? Пойдемте вниз, в кубрик, где я обитаю. Нам, кажется, много о чем нужно поговорить. Там удобнее.

Он развернулся и стремительно пошел прочь. Вольво переглянулся с Инси и Иландом.

— Надо идти, — рассудительно сказала Инси и встала.

Вольво придержал Иланда за рукав.

— Держи-ка оружие наготове, — негромко посоветовал он эльфу. — На всякий случай...

Почему-то Парду казалось, что совет этот очень уместен.

Он убрал компьютер в сумку и вышел вслед за всеми. Гонза перед самым трапом нахлобучил кепочку и пропустил Парда вперед.

— Ступай. А я двери закрою.

Халькдафф ждал их на палубе, у двери, где скрылись Мина и Беленький некоторое время назад.

И Пард подумал, что поход в Крым преподнесет ему еще немало сюрпризов. Неожиданных и непредсказуемых.

Броненосец вдруг громко взвыл сиреной, палуба под ногами завибрировала ощутимее, и свежий порыв ветра донес мелкую водяную пыль.

Маленькая эскадра набирала скорость.

27

Конгур — Чонг-Карлыктаг

Халькдафф избрал своей резиденцией на броненосце просторную каюту в средней части корпуса. Собственно, это не была каюта специально для живых: ясно чувствовалось, что эльф некоторое время приспособливал ее под обиталище. Несколько кресел, скорее всего отмонтированных от какого-то пульта, близнеца недавно виденного. Плоское, застеленное красной материей ложе. Прямо на полу. Импровизированный стол из двух высоких тумб и снятой с какого-то шкафа двери. Мощный ноутбук с док-стейшн расширением; монитор для док-стейшн Халькдафф, вероятно, тоже раздобыл уже где-то здесь, на броненосце.

Пард неприятно поразился разрушительной манере Халькдаффа мыслить и действовать. Переносить кресла от пульта? Парду подобное еще недавно даже в голову не пришло бы. От этого недалеко и до самостоятельной постройки машин... Хотя теперь Пард понял, что ничего особенно сложного в переносе кресел не было: по простейшей формуле ослабить и вынуть крепежные винты. Но тогда перед пультом останется преступ-

ная пустота, нарушится изначальное равновесие машины...

Пард помотал головой, отгоняя упрямые мысли.

В каюте Вольво медленно достал из кармана трубку телефона и набрал номер. Кнопки под его пальцем тоненько попискивали.

— Бюскермолен? Как у вас? Оставьте... Лучше загляните к нам, в помещение два-семнадцать. Да, со средней палубы. Не знаю, может, можно и с носа. И не задерживайтесь там...

Вольво и Инси уселись в кресла, туда же направился и Гонза. Иланд остался у двери и присел на металлический ящик, покрытый стопкой пыльных чертежей. Заряженную снайперку он небрежно держал на виду и не слишком тяготился реакцией своего сородича на это. Халькдафф без излишних церемоний повалился на свое застеленное красным ложе, вытянул ноги и оперся на локоть.

Минуты через три дверь бесшумно приоткрылась, и в каюту зашли гномы. Бюскермолен с интересом огляделся и тут заметил Халькдаффа. Глаза гнома расширились, а руки непроизвольно сжали ружье.

— Ты Бюскермолен, если я не ошибаюсь? — миролюбиво сказал Халькдафф, не пошевелившись. — Здравствуй, гном. Я слышал, что ты стал умелым машиноводом. А это, надо понимать, твой родич, которого зовут Реллофсен?

Релл сдержанно кивнул.

— А ты, — глухо и в общем-то неприветливо отозвался Бюскермолен, — тот самый сумасшедший эльф, который набрался сомнительных идей в Большом Токио и потом делал из грузовиков-ди-

карей в Киеве нечто среднее между убийцами и самоубийцами...

Халькдафф улыбнулся одними губами:

— Как всегда, слухи обо мне ходят самые дурацкие. Даже техники верят всякой чепухе, не говоря уж об остальных живых. Да, я Халькдафф Ивилл Эндевор. Да, я бывал в Большом Токио. Да, я техник и занимаюсь вопросами приручения и натаскивания диких машин. Но я никогда не делал из них убийц.

Вольво и Инси с величайшим интересом слушали перепалку между Халькдаффом и Бюскермоленом. Весь вид вирга, казалось, говорил гному: «Давай, давай, продолжай! Раскручивай его, пусть только не молчит!»

— Ты не менял свою эмблемку последнее время, а, Халькдафф? — поинтересовался гном едко.

— Нет. А что?

— Значит, если я вижу белый прямоугольник с красным крутом на каком-нибудь грузовике, это твой грузовик?

Халькдафф отрицательно мотнул головой:

— Нет. Я обучил несколько тысяч грузовиков. Разве может живой владеть таким количеством машин? Впрочем, я понимаю, куда ты клонишь, почтенный гном. Ты имеешь в виду атаку на трассе? На вас напал грузовик с моей эмблемой?

— Ты удивительно проницателен, Халькдафф, — буркнул Бюскермолен, опуская глаза. — Именно к этому я и клоню. И заметь, слухи о твоей дрессуре, сильно по твоим словам преувеличенные и искаженные, почему-то подтвердились с невероятной и неприятной точностью. Ты-то уж должен

знать, что подобные совпадения только кажутся совпадениями.

Халькдафф некоторое время молчал. Потом рывком поднял голову и взглянул прямо в глаза Бюскермолену.

— Скажи-ка, почтенный гном... Вот если ты сейчас направишь свое ружье на меня и выстрелишь, кого мне потом винить — тебя или живого, который приручил твоё ружье?

Бюскермолен смутился. А все остальные просто растерялись.

Пард вдруг осознал, что за всю свою жизнь он никогда, ни разу не задумывался: а кто же, собственно, в этом мире приручает оружие? Почему никто никогда не видит дикое оружие — винтовки, автоматы, пистолеты... Ножи в конце концов. Это, конечно, не грузовики, оружие и машинами-то называть трудно. Особенно ножи. Но взять то же ружье Бюскермолена — это уже сложная вещь, со множеством деталей.

В самом деле? Просто какая-то мысленная слепота нападает порой на живых. Кто приручает оружие?

— Что? — снисходительно спросил Халькдафф. — Задумались? Слава жизни... Хотя, если бы вы не в состоянии были задумываться о подобных вещах, вы бы здесь и не оказались. А что до грузовиков с моей эмблемой — любезный Бюскермолен, когда ты меня последний раз видел на Выставке?

Бюскермолен задумался.

— Достаточно давно... Лет, наверное, сорок назад.

— Сорок семь, — уточнил Халькдафф. — Сколько раз за эти годы могли переучить мои грузовики?

Халькдафф ненадолго умолк, а потом все же произнес — негромко так, словно бы нехотя:

— А впрочем, была колонна, которую я обучал таранам... Я тогда только-только вернулся из Токио и называл их в традициях восточной поэтики «камикадзе»... Но предназначалась эта колонна совсем для других целей, нежели выслеживать и убивать машины с живыми на трассах. Можете мне не верить, но это так. Кстати, — добавил Халькдафф и взглянул на Бюскермолена, Роелофсена и Парда. — А почему бы вам не сесть?

Гномы послушно уселись на пол. Пард уместился рядом. Теперь лежащему эльфу не приходилось задирать голову, чтоб взглянуть гномам в глаза.

— Теперь о вчерашних безобразиях, — продолжил Халькдафф. — На моей памяти броненосец атакует малые суда раз в тридцатый примерно. Не реже раза в год такое приключается. В доброй половине случаев атакованные суда были дикими — в основном катера и моторки со всего побережья. Броненосцы их почему-то недолюбливают. Живые редко удаляются от северных берегов Черного моря, а броненосцы редко к ним приближаются. Вы знали, на что шли, — стоит ли теперь удивляться результату? То, что вы спаслись, — не более чем чудо. И поверьте, я ничем не мог вам помочь. Ни вам, ни тем беднякам, на которых броненосец напал раньше.

— А как ты здесь оказался, Халькдафф? — спросила Инси ровным невинным голосом. Пард покосился на нее.

— О! — усмехнулся Халькдафф. — Это целая эпопея. Я разрабатывал план лет десять, не меньше. Пытался учесть каждую мелочь и предусмотреть любую случайность. Я преуспел.

«Лет десять, — поморщился Пард. — Я бы ограничился месяцем, да и то в лучшем случае. Воистину, долгоживущим некуда спешить...»

— Меня интересует конкретный способ, — уточнила Инси.

— А смысл? — неожиданно заинтересовался Халькдафф. — Вы ведь все равно уже здесь.

— Все, что совершено, — невозмутимо пояснила Инси, — может быть повторено. Возможно, нам удастся удрать отсюда по твоему рецепту. Или возвращение в Киев ты тоже разработал отдельно?

— Нет, — ответил Халькдафф несколько мрачно. — Возвращение я не разрабатывал. Я думал, что сумею приручить эту громадину. Впрочем, я и сейчас так думаю, просто времени это займет куда больше, чем я полагал вначале. А что до бегства по моему методу — боюсь, метод не сработает. Я просто взял акваланг и рюкзак с припасами на первое время. Компьютер, понятно, тоже взял. Сел в катер и рванул к югу. Едва показались броненосцы — вот эта самая сладкая троица, — я сиганул с катера в воду. Вовремя, как оказалось, катер они просто расстреляли. А я доплыл до ближайшего и взобрался по борту, у меня были сервомагниты.

— Что, вплавь догнал броненосец? — насмешливо спросил Гонза.

Халькдафф снисходительно взглянул на гоблина:

— Обижаешь, ушастый... Акваланг-то у меня с водометом. Хочешь посмотреть?

— Потом как-нибудь, — проворчал Гонза недовольно. Халькдаффа поймать не удалось...

— А запас хода какой у твоего акваланга? — неожиданно спросил Пард. Неожиданно для Вольво, Инси и остальных, но не для себя.

Пард прекрасно знал формулы обращения с аквалангами и в случае чего мог применить его для общей пользы.

— Километров пятьдесят, наверное. Впрочем, уже меньше — я часть горючего сжег.

— А здесь дозаправить? На броненосце?

— Я не искал. Может, внизу и есть топливо, где-нибудь в машинном. Честно говоря, мне было незначем, вот я и не выяснял.

«Нет, — подумал Пард. — Все-таки людям никогда по-настоящему не понять долгоживущих. Вот этот эльф ни разу не задумался о том, что я бы обмозговал в первую же очередь... И всегда так. Всегда».

Халькдафф порылся в кармане атласных, с кисточками, брюк и вынул кисет. Стильная трубочка и изящная пепельница в виде морской раковины лежали в изголовье ложа. Пард готов был поклясться, что и трубочку, и вычурную эту пепельницу эльф притащил на броненосец в своем рюкзаке. Сам Пард не стал бы тащить подобную ерунду в ущерб куда более важным мелочам — лишнему пакету с галетами, например, или еще одной фляге с соком или водой. А эльф вот не поленился, волок все это на собственном горячо любимом горбу...

— Значит, ты не отказался от мысли приручить броненосец? — спросил Вольво напрямую.

— Нет. Не отказался. — Халькдафф прикурил и выпустил несколько причудливых сизых клубов дыма. — С какой стати?

— В чем же проблема? Ты здесь уже тридцать два года, тогда как на грузовик уходит в самом трудном случае неделя-две. Ну, месяц, был такой случай. Но не годы же!

— Броненосец все-таки не грузовик. Ты специалист, ты поймешь. Результаты моей работы отнюдь не нулевые, но они настолько мизерны, что и говорить о них пока смешно. Даже фаза внедрения оператора «хозяин» еще толком не началась — мне удалось только сбить немотивированную агрессивность на свое присутствие на борту. Думаю, именно поэтому ваше появление на броненосце не ввергло его в неописуемую ярость. Кажется, он даже не ощутил разницы между одним живым и несколькими.

— А вариативные потоки ты пытался анализировать? — сразу заинтересовался Вольво.

Халькдафф фыркнул:

— Обижаешь! Конечно же, пытался. Все дело в том, что броненосец состоит из огромного числа достаточно автономных машин. Действительно огромного — с грузовиками и равнять нечего. Вариативные потоки разветвляются так интенсивно, что исследовать их все попросту не успеваешь. Здесь нужна работа целого штата магистров приручения. Я ограничился вторжением в потоки ходовых машин и системы навигации. Впрочем, это мои проблемы, уважаемый Вольво. Мне с ними и возиться. Не поговорить ли лучше о ваших проблемах?

— Ты полагаешь, что у нас проблемы? — совсем как настоящий одессит, вопросом на вопрос ответил Вольво.

Халькдафф смешно хрюкнул, что должно было, по всей видимости, означать смешок.

— А что? Вы оказались посреди Черного моря на борту дикого броненосца и полагаете — это не проблема? Ха!

— Дикого? — переспросил Вольво. — Ты ведь говорил, что уже начал приручать этот броненосец.

— Да, говорил. Но приручение займет годы. Вот она и вот он еще — могут не дожждаться. — Халькдафф указал на Инси и Парда.

— Я — лонгер, — надменно сказала Инси и покосилась на Парда, словно ее волновало, как тототреагирует. Пард опустил взгляд и насупился.

— Какая разница? Вы ведь не ради собственного удовольствия забрались так далеко в море, и могу предположить, что в ваши планы вовсе не входила дуэль с дикими броненосцами.

— Ну, допустим, не входила, — терпеливо сказал Вольво. — А что ты можешь предложить?

— Это будет зависеть от того, какую цель вы преследуете, — уклончиво ответил Халькдафф и хитро прищурился. — Впрочем, я попытаюсь угадать. — Он картинно устремил взор к потолку. — Направляться в земли турков морем — безумие. Для этого любой киевлянин избрал бы иной путь. Через Кавказ или через Бухарест и Софию. Даже если страсть к перемене мест обуяла приближенных Техника Большого Киева, а не просто городских непосед и шалопаев каких-нибудь.

Эльф очень артистично пыхтел трубкой, изображая напряженную работу мысли.

— Что же остается? М-м-м... Нечто, лежащее в центре Черного моря, не иначе. А, догадался! Там ведь, говорят, остров расположен. Остров Крым. Очень, надо сказать, любопытный остров. Большинству о нем неизвестно ничего — абсолютно ничего. Лишь немногие посвященные догадываются о его тайне — ведь тайну острова Крым так до сей поры и не вывезли на материк. До сей поры.

— И что же известно о тайнах Крыма посвященным? — спросил Вольво, искусно замаскировав жгучий интерес к ответу.

— Ну, — Халькдафф беспечно повертел мундштуком трубки, — например, гипотетическое умение крымчан делать машины. Например, их развивающаяся (в отличие от нашей) наука. Заманчивые тайны, не правда ли?

— Халькдафф, — вдруг подала голос Инси. Глаза ее были прикрыты, словно она пыталась сосредоточиться перед вопросом. — Скажи начистоту — ты пытался когда-нибудь проникнуть на территорию Крыма?

Эльф задумчиво поглядел на девушку-лонгера. Потом не спеша выколотил докуренную трубку. Все это время команда Вольво — Инси сохраняла гробовое молчание.

— Если начистоту — то да, пытался. Дважды.

— И каков результат? — Инси по-прежнему не открывала глаз.

— Результата никакого. Я не смог добраться до берегов Крыма. Первый раз меня остановили дикие броненосцы — как и вас. Второй — береговая охрана Крыма. Оба раза мне пришлось уносить ноги, и, честно говоря, оба раза уцелел я лишь благодаря совершенно непредсказуемым случаям.

— Но мысли достичь Крыма ты не оставил, так ведь? — предположила Инси. — Иначе зачем вся эта возня с упрямым броненосцем?

Халькдафф помедлил, прежде чем ответить.

— Верно. Не оставил. Броненосец я намеревался использовать именно для проникновения в охраняемые воды у Крыма.

— Халькдафф, — сказала Инси, открыв наконец глаза. Глядела она на эльфа пристально и в упор. — Я предлагаю тебе сотрудничество. Давай объединимся. Нам не обойтись без твоих знаний об этом броненосце. А с нашей помощью ты сумеешь укротить его гораздо раньше, чем в одиночку.

Эльф выдержал взгляд Инси. Не отвел глаз.

— Ты говоришь как... кто?

— Я говорю как Техник Большого Киева. И обещаю, что, если ты станешь с нами сотрудничать, твое отлучение от коллегии техников будет пересмотрено на президентской комиссии.

— Честно говоря, на решение вашей комиссии мне плевать. Все эти годы я занимался своим делом, и мне не о чем жалеть.

— Но карьера твоя сгорела в одночасье, — возразила Инси. — И не говори, пожалуйста, что тебе безразлична карьера.

Похоже, Инси была в самое яблочко. Халькдафф сжал зубы.

— Нет, — сказал он нехотя. — Небезразлична. И если бы не тот дурацкий поклев — неизвестно, кто стал бы в итоге Техником — я или твой отец.

— Я полагаю — отец. — Инси являла собой самую бесстрастность. — Он всегда был сильнее и гибче тебя, и глупо не признавать это.

Халькдафф повесил голову.

— Что же... Я никогда не был глупцом — по крайней мере я надеюсь, что не был. Твой отец действительно всегда опережал меня самое меньшее на шаг. Но после моего отлучения он оторвался на целую милю.

— Не в отце причина твоего отлучения, и ты это прекрасно знаешь.

— Да. Я знаю. Поэтому я и не мешал ему никогда. Да и тебе тоже не мешал...

Инси улыбнулась:

— Отсюда тебе было бы затруднительно помешать мне и моему окружению, Халькдафф. Ты ведь сам говорил, что торчишь на броненосце уже тридцать два года.

Халькдафф через силу растянул губы, но его улыбка вышла скорее похожей на мучительную гримасу.

— А если... я помогу вам... я буду допущен к Библиотеке Техников?

— Безусловно. Если, конечно, президентская комиссия отменит твое отлучение.

«Жизнь моя! — подумал Пард удивленно. — Во дает девочка! Я думал, она нежна, хрупка и неопытна, а у нее такая хватка, что прячась магистры! Поди, и Жерсона приструнила бы, задайся она такой целью...»

Халькдафф погрузился в размышления. Он машинально сунул в рот пустую, уже выколоченную трубку, попробовал затянуться, удивленно и несколько отрешенно воззрился на нее и наконец ответил:

— Я должен подумать, девочка моя. Это слишком изменит мои первоначальные планы. Надо все взвесить и обмозговать.

— Думай, — согласилась Инси и встала. — Кстати: не называй меня девочкой, пожалуйста. Я это могу позволить лишь одному живому в этой компании.

Все невольно взглянули на вирга Вольво, но тот совершенно неожиданно задал вопрос:

— Кому же это, интересно?

— Ему, — ответила Инси и указала на Парда. — И только ему.

И направилась к выходу.

Халькдафф поднялся со своего ложа.

— Я покажу, где лучше разместиться. Пойдем, Вольво. Кстати, что ты думаешь о перехвате потоков на менеджер двигателей? Я пытался разложить их неделю, не меньше, такая каша получается, прости-жизнь!

— А сколько здесь двигателей? — на ходу уточнил Вольво. — И какой менеджер стоит?

Пард слушал их вполуха. И не понимал смысла. Но не потому, что был плохим техником: просто в ушах у него все еще звучали слова Инси: «Ему. И только ему».

28

Чонг-Карлыктаг — ...

Наутро Халькдафф постучался к Инси и Вольво и ответил: «Согласен». Только «Согласен» и ни слова больше.

... — Улутмузтаг.

Кают-компания на броненосце — к слову сказать, это оказался «Стремительный» — была куда просторнее, чем на «Гелиодоре». Целый зал: столики, маленькие вертящиеся стулья, стойка наподобие тех, какие бывают в тавернах, вдоль двух стен — кадки с искусственными растениями и удобные диванчики. Пард еще подумал: а зачем все эти помещения на диких броненосцах, да еще так обставленные? Они что же, тоже предназначены для живых? Как и грузовики? Ну и ну...

Команда Вольво — Инси разместились по соседству, в уютных двухместных каютах. Кают оказалось много, больше двух десятков, хоть по одиночке живи. Но Пард и Гонза, конечно же, облюбовали одну на двоих — и перемолвиться можно без посторонних ушей, и вспомнить былое за бу-

тылочкой. Да-да, за бутылочкой, потому что их страхи насчет еды-питья на борту броненосца оказались совершенно напрасными: тут даже винная коллекция нашлась, и весьма богатая. По крайней мере любимая приятелями «Южная роза» наличествовала.

В кают-компанию ходили вместе. Только Халькдафф и Вольво иногда задерживались в рубке, да еще Бюскермолен с ними время от времени оставался. Впрочем, гном к обедам-ужинам разве что ненамного опаздывал, а те двое могли и вовсе не прийти.

Пард и Гонза первую неделю занимались тем, что запускали мелкие незначительные машины — вроде кондиционеров в каютах или котлов на камбузе. Они выучили изрядное количество новых формул и заодно уяснили, что запуск таких машин, по сути, является примитивным приручением. Вольво сказал, что постепенно их станут привлекать и к задачам посложнее.

Сам Вольво, Халькдафф и Бюскермолен безвылазно торчали в машинном отделении или головной рубке; иногда к ним присоединялся и Ролофсен, обладатель какого-то узкоспецифического навыка, нужного магистрам приручения лишь от случая к случаю. Инси сидела перед головным компьютером и сравнивала дикие кодировки с измененными. «Стремительный» часто нервничал: то бросался вперед изо всех своих железных стремительных сил, то ложился в ленивый дрейф. В результате он оторвался от своих приятелей-броненосцев и бесцельно метался где-то в северо-западной части Черного моря. К берегам он не приближался.

Живые-нетехники большей частью бездельничали. Вася шастал по кораблю и искал, чего бы еще приспособить и задействовать для вящего комфорта. Зеппелин обнаружил библиотеку и зачитывался детективами — особенно нравились ему Руденко, Измайлов и психodelик-Щеголев. Саперам-хольфингам приглянулся местный арсенал; периодически они шныряли от орудий к крЮйт-камере и обратно, и лица их в такие минуты сияли неизбывным восторгом.

Иланд взял на себя обязанности повара. Добровольно. Видно было, что он пытается заглушить что-то у себя в душе — конечно же, потеря друга-Вахмистра на него повлияла. На кого хочешь повлияет потеря близкого друга. Иланда тактично оставили в покое, даже не пытались заговаривать с ним. Ограничивались коротким «спасибо» на выходе из кают-компаний.

Прошла неделя на «Стремительном». Пард уже начал привыкать к постоянному уютному покачиванию и к соленому ветру Черноморья. Гонза с восторгом осваивал новые формулы; он вообще легко увлекался, а если увлекался — на время забывал обо всем.

К очередному завтраку Халькдафф и Вольво снова не пришли. Живые насытились и расслабленно пили кофе, которого на броненосце нашлось какое-то ненормальное количество. Иланд умел его готовить сотнями различных способов — и готовил. После завтрака частенько засиживались в кают-компаний на час-полтора, болтали о том о сем, хвастались удачами и уныло рассказывали о том, что у кого не получается.

Удач было меньше.

Пард, Гонза, Инси и гномы сидели за одним столиком. Пард все эти дни с Инси виделся мельком — и ни разу не заговорил. Словно сдерживало его что-то.

Поэтому он очень обрадовался, когда Гонза задал этот вопрос. Вопрос, который его самого очень интересовал.

— Инси... А не расскажешь ли ты о Халькдаффе? Что за история с отлучением его от коллегии техников? И вообще — что он за живой?

Инси вынырнула из раздумий:

— О Халькдаффе? Это давняя история, я ее, понятно, только с чужих слов могу повторить.

— Нестрашно. — Гонза и не рассчитывал на рассказ из первых рук.

Инси машинально вращала на скатерти чашечку кофе, рисуя темное кольцо фарфоровым донцем.

— Насколько я представляю, началось все лет пятьсот — шестьсот назад. Техником Большого Киева тогда был эльф, Салеф Наулимаан. В его команде хватало сильных молодых техников. А поскольку Наулимаан состарился даже по меркам эльфов, он искал замену. Кандидатов нашлось много, с десятков, но реально претендовать на звание Техника могли только двое — Халькдафф и мой отец. Отец считался более умелым техником, но он — всего лишь человек. А Халькдафф — эльф, как и Наулимаан. В общем, живые считали, что шансы равны. Но те, кто знал Наулимаана близко, давно поняли: для него важна не раса преемника, а его знания. А тут Халькдафф отставал.

В то время Киев и Москва вели затяжную войну с Берлином, если помните учебники истории. Берлин подмял под себя практически всю Европу и

стремился к Уралу, но завяз в Москве и Киеве, хотя Большой Минск все-таки был полностью захвачен Берлином.

Отец мой специализировался на формулах управляющих систем и на компьютерах, тогда как Халькдафф предпочитал иметь дело с дикими автомобилями. Как Вольво. Он умел приручать автомобили как никто, но эти машины и слушались только его или его подручных. Посторонних живых они даже убить могли. В общем, Халькдаффа недолюбливали в Киеве, хотя он держал в руках практически все приручение автомобилей для войны.

А потом Берлин как-то быстро и слаженно сложили, а всю их сумасбродную коричневую орочью банду пожгли по бункерам в уголь. Москва, Киев и несломленный Минск оставили Берлин в развалинах и убрались восвояси, предоставив местным самостоятельно решать свои дела. Зря в общем-то: там народ из Америки сразу же объявился. Мгновенно, едва ушли москвичи и киевляне... Ну, да не в этом дело.

Дело в том, что с окончанием войны жестко обученные машины Халькдаффа стали попросту не нужны. Стали нужны покладистые и покорные машины. А Халькдафф менять формулы приручения не пожелал. И тогда начались смерти — его машины не подчинялись живым. Точнее, не подчинялись первым попавшимся живым. А это не всем нравилось. Отец пытался Халькдаффа урезонить... Безуспешно, увы.

А закончилось все это тем, что Техник Наулимаан был убит — его легковушку протаранил военный грузовик, прирученный когда-то Халькдафф

фом. В лепешку расплющил. Не выжил никто — ни шофер Наулимаана, ни его телохранители, ни сам Наулимаан. Это был первый случай в истории Большого Киева, когда прирученный автомобиль совершил убийство. Намеренное убийство.

Собрали коллегия... и кто-то капнул, что грузовик был заранее натаскан Халькдаффом на убийство. И не просто на убийство, а на убийство Техника Большого Киева. Капнул, понятно, анонимно. И Халькдаффа немедленно отлучили от коллегии техников и изгнали из Киева на двести лет. Говорят, он отправился сначала в Сантьяго, а потом в Большой Токио. Вроде бы его личные убеждения сильно совпадали с общепринятыми в Токио; Халькдафф там и прижился. Похоже, он многому там научился, да и местных техников кое-чему научил. А когда истекли двести лет — вернулся в Киев. Негласно. Технику — моему отцу — немедленно сообщили, и он пытался встретиться с Халькдаффом, но тот на контакт не пошел. Толком никто не знал и чем он занимается, но на Выставке среди магистров приручения его периодически встречали. Из Киева его вытурить коллегия не имела права — положенные двести лет минули. Но и отлучения не отменяла, потому что Халькдафф держался в стороне. А прошло лет пятьдесят — приняли решение отлучить его пожизненно, раз он не идет с повинной и вообще коллегия всячески игнорирует. Халькдафф не стал заключать сделок с собственной гордостью — и как-то обмолвился, что согласится говорить с коллегией, только если его публично реабилитируют. Ну, коллегия, понятное дело, из принципа уперлась. Халькдаффу в итоге это обошлось дороже, чем легальным чле-

нам коллегии — он по-прежнему лишен доступа в несетевую библиотеку Техников Большого Киева. Для истинного техника — это невосполнимая потеря. Я даже не представляю, как этот упрямый эльф держится на должном уровне, а есть все основания полагать, что он техник не из слабых. Думаю, он или пользуется библиотекой Токио, или начал собирать свою. В любом случае он отстал от киевских техников ненамного... а я вообще считаю, что не отстал он вовсе, а просто идет своим путем, непохожим на наши традиционные.

Пард, Гонза, да и все остальные слушали затаив дыхание. Только Иланд равнодушно хлопотал на камбузе, но ему эта история скорее всего была прекрасно известна.

— И еще, — добавила Инси в заключение. — У него нет учеников. Совсем. Халькдафф всегда работает в одиночку. Техники коллегии по привычке строят ему мелкие пакости — перехватывают заказы, отпугивают клиентов. А он держится и никогда не отвечает на подобные уколы. Правда, и заказы у него иной раз случаются подпольные — взять хотя бы грузовики-камикадзе... Кстати, не чета тем, что он приручал для берлинской войны. Против теперешних они — что велосипед против бульдозера... Жерсон одно время активно прибегал к его услугам. Пока Жерсону не намекнул президентский корпус. Пришлось дать задний ход. А потом Халькдафф опять пропал — неизвестно куда. Теперь вот стало известно...

Иinei перевела дух и залпом допила остывший кофе.

— Детектив прямо, — проворчал из-за своего столика Зеппелин. — Упрямый эльф, чего говорить.

Инси поставила чашку на стол и поднялась.

— Пард! Хочешь со мной? Сегодня будем вешать на головной компьютер управляющие операторы. Поучишься...

Гонза вопросительно взглянул на Инси, но ему девушка ничего не предложила. Гоблин вздохнул, уповая на то, что его друг не станет держать в секрете новые формулы. Как всегда, запишет, а потом даст проглядеть файл ему, Гонзе, и заодно объяснит, что непонятно.

— Конечно. — Пард глядел в стол. — Уже идем?

— Уже идем.

Остальные, словно по команде, тоже стали расходиться. Начинался новый день на борту броненосца. Один из скольких? Пард не знал.

29

Улугмузтаг — Нандадеви

Экран ноутбука почти не мерцал: матрица являла собой едва ли не совершенство. В свите Техника паршивых машин не держали.

— И вот здесь еще два перехода... — пояснил Пард. — Собственно оператор, комментарий, инит-строка, описание опознания — вот видишь, по пунктам? После того как оператор опознан, машина должна определиться: тот ли перед ней, кого нужно слушаться, или тот, кого нужно игнорировать. Для этого служит второй переход. Тоже оператор, комментарий, инит-строка и код хозяина. То, что попросту называют «оператор «хозяин». Машинам общего пользования в качестве кода хозяина прописывают просто \$ALL. И она каждого живого станет слушаться как хозяина. Машинам ограниченного пользования прописывают реальный код. Или несколько, если хозяев несколько. В принципе единичные коды могут заменяться кодом группы, для этого нужно выделить в кодах будущих пользователей общие области, упростить их, дополнить до стандартных кодовых групп и прописать в качестве кода хозяина...

— М-да-а-а, — несколько обалдев от плотности информации, протянул Гонза. — Сложно, шахнуш тодд! Как ты это запоминаешь?

Пард пожал плечами:

— Не знаю... Мне интересно. Само запоминается. Главное — понять принцип, а дальше легче.

— Мне бы точно понадобился год для всего этого. А ты за три дня въехал... — Гоблин сокрушенно вздохнул. — Это все оттого, братец, что ты человек — у тебя мозги реактивные.

— Жаль, сгорают быстро, — буркнул Пард, отводя глаза. Почему-то он чувствовал себя виноватым перед Гонзой. Из-за того, наверное, что впитывал новые знания легко и быстро, как губка влагу. Гонзе же приходилось корпеть над каждым понятием «Магиструма» — учебника по приручению.

— Ладно, Гонза, не шипи. Привыкнешь потихонечку. Времени у тебя завались.

Пард даже не подозревал, что похожее чувство вины гложет Гонзу уже долгие годы. Из-за того, что гоблины живут куда дольше людей. И чувство вины это не покидало Гонзу со времен знакомства с дедом Парда, потом — с отцом, а потом и с самим Пардом. И наверное, оно перерастет в чувство вины перед сыном Парда, если у того когда-нибудь будет сын.

Но Пард ничего не знал. А Гонза — никогда не проявлял это чувство. Но и не мог избавиться от него.

Пард уже хотел продолжить, но тут в дверь постучали. Оба техника-николаевца одновременно повернули головы на стук.

Дверь отворилась, и вошел Зеппелин.

— Заклинаете? — хмыкнул он, мельком взглянув на включенный компьютер. — Ну-ну... Гонза, пойдем-ка со мной. Дело есть, чуть не до утра.

— Какое дело? — уныло переспросил Гонза. — Мне еще с формулами разбираться, а башка так и пухнет! Нипочем не успею.

— Пошли, пошли. Вольво зовет.

У Парда вверх поползли брови. С каких это пор у Вольво есть дела к Гонзе отдельно от него? Странно даже...

При упоминании имени шефа Гонза покорно встал, исподлобья взглянул на Парда, чуть заметно пожал плечами и сдался.

— Ну, води тогда, друг сердечный. Я даже не помню, в какой каюте Вольво живет...

Гоблинский жим плечами означал одно: Гонза не знает, зачем именно понадобился шефу. И сам удивлен. Язык незаметных знаков давно и в совершенстве был приятелями освоен.

Он вышел вслед за полувиргом, захлопнув дверь. Пард озадаченно вздохнул, почесал затылок, и тут в дверь опять постучали. На этот раз вошла Инси. Пард машинально вскочил.

«Чем обязан?» — хотел спросить он, но сдержался. Уж слишком бы ядовито это прозвучало.

Инси села за стол. Туда, где только что сидел Гонза.

— Пард, — напрямую спросила девушка. — Зачем ты меня избегаешь?

Пард растерялся. Он ожидал другого. И не нашел нужных слов. Так и молчал, глядя в пол.

— Я же вижу, что нравлюсь тебе. С первой минуты нравлюсь — с того самого дня, когда ты вошел в свою комнату. В таверне.

— По-моему, мы уже об этом говорили, — глухо отозвался Пард.

— Намеками. Я дала тебе время перегореть. Но ты все равно меня избегаешь.

— А что мне остается?

— Позвать. Просто позвать. Разве это трудно, когда тебе нравится женщина? И ты знаешь, что нравишься ей?

Пард промолчал. Опустился на маленькую корабельную баночку и тупо уставился в пустоту. Часы на стене равнодушно бумкнули два раза — над Черным морем висела глубокая ночь.

— Ты пришла только затем, чтобы спросить?

— Нет, — ответила Инси прямо. Неожиданно прямо. — Я устала спать в одиночестве и грызть от тоски подушку. Мне нужен мужчина. Конкретно — ты. И Гонзу отсюда убрала я, если честно. Он не вернется до утра.

Ее прямота обезоруживала. Пард боялся поднять глаза.

— Отец учил меня не фамильярничать с начальством...

— Не увиливай, Пард, — перебила Инси. — Я пришла к тебе. И не хочу уходить.

— Ты — лонгер, — сказал он тихо.

— Я — человек, — ответила Инси так же тихо.

Двигалась она мягко и пружинисто, как большая кошка. Пард и моргнуть не успел, как она оказалась у него на коленях.

— Слышишь? Я — человек...

Свет она отключила с клавиатуры ноутбука. Несколькими касаниями. И они остались в темноте, едва разбавленной тусклым свечением прямоугольной матрицы.

Волосы ее пахли лавандой. А губы принесли горький привкус морских брызг, но не было в жизни Парда ничего слаще этого долгого поцелуя.

— Держись! — прошептала она и ловко столкнула Парда на пол. Пард коротко охнул, но тут же приехала вторая порция сладкой горечи. И еще одна.

В следующие минуты произошло много всего, но Пард временно утратил способность связно соображать. Куда-то подевалась одежда — и его, и ее; стало темнее, потому что включился какой-то ненавязчивый скринсейвер.

Пард понял только одно — он счастлив. Как никогда.

Три удара часов они встретили уже на узкой кровати. И четыре тоже, хотя к тому времени совершенно обессилели и просто лежали рядом, сплетая дыхание и прислушиваясь к ударам сердца. Пард гладил ее кожу и глупо улыбался в темноту. Инси жалась к его плечу и щекотала шею, щеку и ухо непослушными прядями.

А к пятому удару Пард вдруг подумал, что нужно учиться забывать. Кое-что забывать.

Он не заметил, как провалился в сон.

Неудивительно, что завтрак и обед они проспали. Пард очнулся, когда Инси уже успела одеться и прихорошиться — сидела за столом и сосредоточенно давила клавиши ноутбука.

«Как она свет вчера погасила? Нужно будет спросить формулу... — подумал Пард отстраненно. — Все-таки пацан я в сравнении с ней...»

«Но ведь ты только техник, а не Техник. Что тут странного? Учись», — ответил кто-то внутри. Этот «кто-то» частенько вступал в диалог с Пардом и нередко подбрасывал ценные мысли.

Пард пошевелился. Инси повернулась к нему:

— Выспался?

— Ага...

— Вставай. Кофе уже три раза приносили.

Минут десять ушло на то на се, на одевание-умывание. Холодного кофе Пард все-таки хлебнул, потому что в горле с ночи пересохло. Инси чмокнула его в щеку.

— Пошли.

Пард боялся, что спутники будут коситься и шушукаться, но зря: живые встретили их с завидным энтузиазмом, разве что не аплодировали. Почему-то сегодня никто не работал, все, включая Иланда и Халькдаффа, сидели в кают-компании, попивали вино, и многие успели уже основательно набраться. Даже малопьющий Гонза.

Инси приветственно помахала всем рукой и уселась во главе стола. Парду пришлось сесть рядом.

И пошло. Блюдо за блюдом, бокал за бокалом. В голове вскоре приятно зашумело, и перестали одолевать разные мысли. Даже ощущение, будто все происходит не с ним, незаметно пропало.

А объяснила все одна-единственная фраза, сказанная виргом Вольво вполголоса. Обращался вирг к Гонзе, но специально говорил так, чтобы Пард тоже услышал.

— Техником Большого Киева должен быть мужчина. Знания знаниями, но не бабье это дело, поверь мне, друг-гоблин.

Пард в упор поглядел на Вольво. Взгляд у вирга был насмешливый, но не вызывающий, а какой-то одобрительно-снисходительный, что ли.

Тогда Пард взглянул на Инси. Инси широко улыбалась.

— Не понял, — сказал Пард и закашлялся. — Кхе... Не понял. Значит ли это...

— Значит, — немедленно перебил Вольво. — Значит, уважаемый. Ты — кандидат в Техники Большого Киева. Единственный кандидат.

Пард от такой откровенности растерялся:

— Я? Но почему, шахнуш тодд? Я же в подметки вам не гожусь, тебе, Инси... Халькдаффу. Что, в Киеве нет более достойных техников?

— Есть, — спокойно ответил Вольво. — Но нам подошел именно ты. И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что ты хочешь учиться и умеешь думать. И еще не закоснел, как остальные. А это главное.

Вольво говорил коротко, жестко и однозначно.

Невольно Пард взглянул на Гонзу — тот слушал напыжившись, и непохоже было, чтобы он расстраивался или удивлялся. Напротив, кажется, он даже радовался. Перехватив взгляд друга, гoblin расплылся в улыбке, шевельнул ушами и изрек:

— Мне сегодня ночью все рассказали, Пард. Поверь, тебе предстоит выслушать весьма захватывающую историю. Правда, мы в ней выглядим эдакими... э-э-э... лопухами. Но у нас не было выбора, да и любой на нашем месте оказался бы лопухом.

— То есть? — ничего не понял Пард. — Нельзя ли поподробнее?

— Можно, — охотно согласился Гонза. — Помнишь того живого-крымчанина, который дал нам сломанные часы? И все рассказал о Крыме и тамошних машинах? Как его там — Игорь Чепурной, да?

— Ну?

— Он такой же крымчанин, как и мы с тобой.

Пард нервно поскреб щеку и глотнул из бокала.

— Он киевлянин. Живой из свиты Вольво. Вольво же его и послал к нам, — пояснил Гонза. — И вовсе он не умирал тогда. Он и посейчас жив, сидит в Центре, связь с Вольво держит. По сети.

Пард быстро взглянул на Вольво, и тот кивнул.

— Так, значит, все это была всего лишь комедия? Но зачем? — Пард беспомощно переводил глаза с Вольво на Инси, с Инси — на Бюскермолена, с Бюскермолена — на Халькдаффа и Иланда. Он глядел на живых, которые зачем-то его обманули. Его и Гонзу. И только одно удерживало его, чтобы не встать, не швырнуть бокал о стену и длинно выругаться.

Только одно.

В каждом взгляде, обращенном к нему, читалась надежда.

— Нам нужен техник, — заговорил Вольво. — Более или менее умелый техник. Именно человек, потому что люди лучше всего учатся. Решительный, умный, способный в нужный момент сделать правильный выбор, и сделать его быстро. У нас было несколько кандидатур... но они отпали.

— Почему?

— Потому что мне нравился ты, — вмешалась Инси. — Помнишь: Центр, Бессарабка, полгода назад? В конторе Сидюкаса? Ты покупал свой ноутбук.

— Ну? — не понял Пард.

— Я там была и видела тебя. И сразу поняла: ты — то, что нам нужно. Вольво не поверил, и пришлось устроить тебе несколько экзаменов. Собст-

венно, наш поход в Крым — это последний экзамен. Ты его выдержал.

— Так что же это? — протянул Пард. — Значит, все это... цирк? Весь этот поединок с системой, погибший поезд, двухколесники, турки, броненосцы — это все сплошная чудовищная мистификация, чтобы проверить, сумеет ли один сукин сын принять верное решение, когда у него над головой пальба и задницу печет? Так, что ли?

— Почти так. Почти, — отозвался Вольво. — Нам и понадобился такой, как ты, именно потому, что мы стали проигрывать поединок с системой. А поражение не входит в наши планы. Да и в твои не входит, просто ты об этом пока ничего не знаешь. Это вопрос, от которого зависит дальнейшая судьба Большого Киева, а возможно — и всего мира.

— Но... Как же Банник, Лазука? Как все, кто погиб в пути? — беспомощно спросил Пард.

— Это и есть поединок с системой, — пояснил Вольво. — Все, абсолютно все, что ты знаешь о Крыме, — правда. Правда до последнего слова. Мы пытались несколько раз туда попасть... безуспешно. Вот и Халькдафф тоже, говорит, пытался. И тоже безуспешно.

В Крыму действительно умеют делать машины, и добыть знания крымчан — действительно значит сдвинуть с места науку Большого Киева и других городов Земли. Наш мир застыл в одной точке, оцепенел. В нем ничего не меняется уже тысячи лет, а стоячий пруд неизбежно гниет и неотвратимо превращается в непролазное болото... Впрочем, ты все это и так знаешь. С того самого момента, как мы сели в поезд Центр — Николаев,

игры закончились, Пард. Твой последний экзамен проходит в боевых условиях, а не в приближенных к боевым. И нам действительно предстоит высадиться в Крыму. Так что готовься, Пард. Боюсь, командовать с сегодняшнего дня придется тебе.

— Мне? — опешил Пард. — Но почему?

— Тебе. Тебе и Инси. Но больше тебе, потому что Инси все-таки женщина. А почему... Сколько раз тебе повторять: потому что вы — люди. И еще не успели закоснеть, в отличие от нас. Потому что вы умеете приспосабливаться и меняться, а мы — вирги, эльфы, гномы, гоблины, — мы — нет. Не умеем. Запомни и не задавай, пожалуйста, больше этот вопрос. Не думай, что говорить это мне особенно приятно, а остальным долгоживущим — приятно слушать. То, что мы признали очевидное, еще не значит, что нам не обидно. Все-таки мы владели этим миром долго, очень долго... А теперь, когда пришла пора разбудить его, мы стали лишь обузой.

— А формулы? — растерянно спросил Пард. — Я ведь знаю куда меньше формул, чем ты, чем Инси...

— Знать формулы — еще не все. Нужно еще успеть сообразить, какая именно формула нужна в данную секунду. Вот ты и будешь соображать, какая именно, а мы уж подскажем саму формулу. Доступно?

Пард только руками всплеснул. События приняли такой неожиданный оборот, что требовалось некоторое время, чтобы хотя бы привыкнуть, не говоря уже о том, чтобы проникнуться. Но с другой стороны, слова Вольво многое, очень многое объясняли.

«Вот она, игра на высшем уровне, — подумал Пард с легким ужасом. — Ты хотел пойти вверх, и

ты пошел. Вознесся на самую вершину, если только все это не какой-нибудь нелепый розыгрыш. Теперь только не оплошай».

Тот, кто сидит внутри, на этот раз предпочел промолчать.

Пард посмотрел на Инси и снова встретился с надеждой в ее взгляде. И понял, что будет из кожи вон лезть, но справится со всем, что на них обрушится. С любой напастью.

Разве можно обманывать надежды тех, кто тебе дорог?

30

Нандадеви — Госаинтан

В дверь громко постучали. Пард рывком поднял голову и неуверенно отозвался:
— Да?

Вошел Гонза и, не глядя на Парда, стал демонстративно собирать вещи. Пард сел на кровати, ощутив ступнями прохладу корабельного пола.

— Переселяешься? — спросил Пард, хотя вопрос был неуместен. Ясно ведь, что да.

— Ага. К Васе-«Сексу».

Пард вздохнул. Он никак не мог подавить противное чувство неловкости, хотя глубоко в душе очень надеялся, что старый друг и приятель его понимает.

— Ты не сердись, Гонза? Я и сам не ожидал, что так все обернется...

Гонза бросил сумку на ковер.

— Ты чего, Пард? Оправдываешься, что ли? — Он подошел и потрепал Парда по плечу. — Да не рефлексируй ты! Думаешь, я обиделся? Да ничуть! Видишь ли, прожитые годы учат глядеть правде в глаза. А правда сейчас такова, что, если тебе дать шанс, ты действительно заткнешь практически всех

техников в Большом Киеве. — Гоблин шевельнул ушами, но не настороженно, как в минуты опасности, а скорее задумчиво. Пард неплохо разбирался в «мимике ушей», все-таки с Гонзой они пережили немало. — Думаю, наши отношения не слишком изменятся, что бы ни произошло. Так ведь?

— Наверное. — В голосе Парда недоставало уверенности. — Я, собственно, не о том спрашивал. Я хотел знать — не сердишься ли ты на них?

— На кого? На Вольво и его команду? На эту непростую девчонку?

Гоблин ненадолго замолчал, разглядывая замысловатые узоры на ковре и пузатую сумку в самом центре.

— Ну... Слегка смутно на душе, спору нет. Но дело ведь не во мне. Киеву действительно нужен новый Техник. Такой, чтоб вывел Киев, а заодно и весь мир из воронки. А как еще они могли тебя проверить? Мне сдается — никак.

Пард секунду поразмыслил и решил уточнить.

— И ты считаешь, что Техник на пути к цели волен обманывать?

Гоблин удивленно возрился на Парда:

— Пард, ты чего? Ты первый год на свете живешь, что ли? Да взгляни на этот мир! Тут же ложь и предательство на каждом шагу! Честный тут не выживет и дня!

— Получается, можно обманывать даже собственную команду? — не унимался Пард. — Так?

— Так! — отрезал Гонза. — Если нужно — надо обманывать! Ради такой цели...

— Получается, — перебил Пард, — что ложь борется с ложью? До предательства, слава жизни, пока еще не дошло... Но до лжи — увы... Но, тысяча чертей, Гонза, чем ложь Техника Большого

Киева лучше той лжи, против которой Техник выступает? Это что, борьба с тенью?

Гонза попятился к столу и опустился на банкетку.

— Пард, — сказал он уже спокойнее. — Я не готов ответить. Ты же понимаешь, на эти вопросы ответа вообще нет. Кстати, когда-то ты сам произносил эти же слова... А что до нас... Нет, я не сержусь ни на Инси, ни на Вольво. Потому что понимаю: они не могли иначе.

— Но ведь нас обманули, Гонза! Нас обманывали с самого начала и все время глядели на нашу реакцию. Рассматривали, как мух под стеклом, ей-ей!

— Обманывали. Согласен. — Гоблин не собирался возражать. — Но я все равно не сержусь на них, Пард. В конце концов нас обманывали не ради чьего-то сомнительного удовольствия, а ради благой цели. Ради всех нас. Я их понимаю, слышишь? И прощаю, конечно.

Пард медленно поднял на друга взгляд:

— Знаешь, что я скажу, Гонза? Вам, долгоживущим, легко рассуждать о благих целях, потому что у вас есть время достичь их. И собственными глазами увидеть, что все было не зря. А люди чаще всего просто не доживают до дня, когда цель будет достигнута, и для нас благие цели — всего лишь пустой звук, абстракция. Химера, которой оправдываются все, кто нас обманывает. Именно поэтому люди не умеют прощать. Запомни это.

Гонза долго-долго смотрел Парду в глаза; ни один не отводил взгляда.

— Я запомню, — пообещал Гонза. — Но к чему эти твои рассуждения? Ты что, отказываешься от предложения Вольво?

— Нет, — твердо сказал Пард. — Напротив. Я с радостью окунусь в этот омут. И буду пахать как проклятый, если понадобится. Но я никого и никогда не буду обманывать, Гонза. По крайней мере постараюсь. И я хочу, чтобы ты это знал.

Гонза глубоко вздохнул.

— Ладно. Я запомню. — Он задумчиво поскреб под кепочкой. — М-да. А впрочем — твоя реакция лишь подтверждает правильность выбора. Именно такого Техника Вольво с Инси и искали. Ты уже начал меняться в нужную сторону, Пард. И это, черт возьми, здорово. Просто здорово.

Гонза встал, подобрал с ковра сумку и взялся за дверную ручку.

— Эй, Гонза! — остановил его Пард. Гоблин замер, не оборачиваясь.

— Что?

— Так, без привязки к чему бы то ни было: а что такое «черт»? Или кто такой?

Теперь Гонза обернулся. По лицу его расплылось удивление, как масло по поверхности теплой воды.

— Черт? А черт его знает! Слово такое... Наверное, какой-то древний живой. Хотя нет, имя писалось бы с большой буквы... — Гоблин задумался. — Может, раса? — неуверенно предположил он.

Пард усмехнулся и тоже встал.

— Ладно... Пойду в рубку. Ох, бедная моя голова, сколько ж тебе предстоит переварить и запомнить...

— Ничего, — ухмыльнулся Гонза. — Выдюжишь. Я в тебя верю. Ты способный.

— Гляди не перехвали, — проворчал Пард и вдруг подумал, что Гонза, как и он сам, только что легко изменил настроение. В пару минут.

Словно человек.

31

Госаинтан — Аннапурна

Пард привычно колотил по клавишам, вводя команды. Корабельный комп привычно упирался. Инси, Халькдафф и Вольво заглядывали Парду через плечи.

@executable command list% — запросил Пард.

Компьютер с секундной задержкой выдал на экран список исполняемых команд. Нужной команды там, понятно, не значилось, потому что команда эта нужна была живым, а не самому броненосцу.

@insert new command% — предложил Пард.

Комп снова секунду поразмышлял.

#list changes not allowed% — ответил он.

Халькдафф зло сплюнул:

— Тьфу ты! Опять то же самое.

Вольво с неудовольствием покосился на эльфа.

— Что-то мы делаем не так, — задумчиво протянула Инси. — Но что?

Пард без толку пощелкал клавишами — комп больше не реагировал на клавиатуру.

«Нужно что-нибудь принципиально новое, — подумал он. — Принципиально. Эх-ма, почему же в голове такая пустота?»

Он вздохнул.

— У кого есть идеи? — бодро осведомился Вольво. — Ну давайте, давайте, пусть даже полная чепуха, но думать нужно, думать, а не молчать.

— Хорошо. — Халькдафф нервно забегал туда-сюда по рубке. Как-то не вязалась подобная торопливость с величавым обликом эльфа, но в минуты размышлений он часто бегал вот так — туда-сюда, туда-сюда... Вдоль стены. — Хорошо. Давайте четче сформулируем задачу. Нам нужно, чтобы комп принял новую команду и отдал ее менеджеру двигателей, когда это нам понадобится. Комп отказывается менять список команд...

— Замкнутый круг, — подытожила Инси.

— Но должен же был как-то сгенериться существующий список команд? — спросил Вольво. — Нужно раскусить механизм создания этого списка — и все, считайте, дело сделано.

Бюскермолен, до этого безмолвно и безучастно торчавший в самом углу, в кресле, задал резонный вопрос:

— Но ведь отдает же комп эту самую команду менеджеру, когда броненосцу вздумается куда-нибудь отправиться?

— Отдает, конечно, — пожала плечами Инси. — Наверняка отдает, ведь двигатели запус-

каются и работают, когда броненосец идет по морю... И думать нечего.

— Почему же тогда такой команды нет в списке? — Халькдафф прекратил бегать и раздраженно всплеснул руками. — Правильно, это хидден-команда, и нам до нее вовек не добраться, пока мы не научим этого кристаллического балбеса принимать наши команды... Точно заколдованный круг!

Вольво косо взглянул на эльфа, но ничего не сказал.

— Я предлагаю прерваться. — Пард встал из-за терминала. — И пообедать. А то голова уже пухнет, а в брюхе урчит. Это не к добру — на голодный желудок и думается хреново.

— Ладно, — легко согласился Вольво. — Я тоже чего-нибудь с удовольствием съем... Никто не в курсе, что Иланд сегодня затевал?

— Жаркое из «Карне толайя» и грибную солянку, — подсказал всезнающий Халькдафф. — Жаркое — объедение, смею заверить. Да и солянка... М-м-м...

Халькдафф мечтательно зажмурился и тут же налетел на переборку; переборка жалобно вякнула. Халькдафф вполголоса выругался по-эльфийски.

По одному техники выходили из рубки. Как делали это уже второй месяц — каждый день. Почти все мелкие машины на борту «Стремительного» были успешно приручены. А вот большие — упирались. А значит, живые не могли назвать себя хозяевами железного чудища, черноморского броненосца. Он оставался диким и норовистым, и чихать он хотел изо всех сопел на проблемы и чаяния живых, что поселились на нем, точно блохи на собаке, и докучали каждый день, и докучали...

Мысль пришла и выкристаллизовалась, когда солянка уже была съедена и команда отдавала должное жаркому. Халькдафф ничуть не преувеличивал, нахваливая кулинарные таланты Иланда.

Пард на мгновение перестал жевать, ошеломленный простотой сформировавшейся мысли. Потом решил как следует все обдумать, прежде чем говорить остальным. Вдруг найдется столь же простой контрдовод...

Он ломал голову минут пятнадцать, перестав ощущать вкус пищи. Жевал, как зомби, полностью отключившись от действительности. Тарелка Парда опустела, а он продолжал упрямо скрести по ней вилкой.

— Эй, Пард! — Инси потрясла его за плечо. — Что с тобой?

— А? — очнулся Пард и огляделся. — О, я задумался, извини... Кажется, я нащупал то, что вы бы назвали новым подходом.

Вольво и Халькдафф моментально перестали спорить на кулинарные темы. Да и остальные живые притихли, обратив взгляды к Парду.

— Ну? — Инси не терпелось узнать, что же такое придумал Пард. — Говори же, не тяни!

Пард отложил вилку.

— Что нам, в сущности, нужно? Чтобы менеджер двигателей получил определенную команду от головного компьютера и выполнил ее, так?

— Так, — нестройным хором ответили несколько голосов.

— А если эту команду отдаст вовсе не компьютер? Какая менеджеру разница — главное, чтобы он решил, будто выполняет команду компьютера. А отдать ее можем и мы. С ноутбука к примеру.

Над столом повисло молчание. Надолго, на добрую минуту, пока Вольво не нарушил эту нервную тишину.

— Смело! Смело, шахнуш тодд! И просто, настолько просто, что...

— Но ведь нужно, во-первых, знать саму команду, а во-вторых, заставить менеджера поверить в ее истинность, — усомнилась Инси. Она всегда все подвергала сомнению, но, споря с ней, Пард часто находил удачные решения. Лихие и нестандартные. Вот и сейчас ответы приходили сразу же, Инси едва успевала закрывать рот.

— Команду можно перехватить и записать, а потом уже разложить на составляющие, — импровизировал Пард. — Мы все пытались делать вслепую, через комп броненосца. Но ведь можно и самим составлять нужные команды, должна быть такая возможность! Даже те, что комп никогда не отдавал и каких он не знает! А насчет менеджера... Отослать команду по каналу компа, да и все. Перехватить управление всеми машинами в конце концов, ведь броненосец — это и есть головной комп, а все остальное только периферия, стальные мускулы и разящая десница...

— Где были мои глаза? — изрек Халькдафф, вскакивая. — В рубку! Немедленно!

Инси, Вольво, Пард, Гонза, Бюскермолен, Роелофсен и даже Иланд гурьбой устремились к выходу. За столами остались сидеть только Вася, Зеппелин и хольфинги Мина с Беленьким.

— Да-а! — многозначительно изрек орк Вася. — Растет наш Пард! Не по дням...

— ...а по ночам! — мрачно закончил Зеппелин. — Знаешь, орк, а ведь он и вправду умнее ос-

тальных техников. А это значит, что наше время действительно уходит и настает время людей...

— Пока оно настанет, — рассудительно отозвался Вася, — твои косточки сто раз истлеть успеют. Этот мир за десять лет не раскачаешь. Так что не хорони себя заранее, Зеппелин. Давай лучше винца тяпнем, пока наши умники формулы мечут направо и налево. А высадимся в Крыму — глядишь, и для нас работенка найдется.

— Да! — поддержал Васю Беленький. — Скорее бы Крым, а то от безделья уже тошно.

— А ты ружье чисть почаще, — авторитетно посоветовал Зеппелин. — Или пистолет — что там у тебя?

— Да в него уже смотреться можно... — Хольфинги разом фыркнули, словно с вычищенным до блеска оружием была связана какая-то смешная история.

— Кстати, — Вася вернулся к столу с облюбованной пыльной бутылкой темно-зеленого стекла. — Халькдафф как-то вскользь обмолвился: дескать, кто в нашем мире приручает оружие? А? Мина? Кто твои бомбы приручал?

— Никто, — отозвался Мина. — Они изначально прирученные.

— А разве такое бывает? Все, что состоит из железа, сперва бывает диким. А стало быть, должно кем-то приручаться. Только вот кем?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Мина и, огладив бороду, пригубил красненького. — Если Халькдафф этого не знает — куда уж мне?

Вася вздохнул и тоже отпил вина.

«Хоть бы у них действительно дело сдвинулось. Обрыдла уже эта плавающая железяка по самое не

могу. На берег бы, хоть и на крымский. Прорвемся, каких бы страстей нам на острове ни прочили... Прорвемся. И Пард теперь уже не тот, да и мы все уже не те. Ты изменил нас, остров Крым, и продолжаешь менять. Вот только понять бы — к добру ли, к худу...»

Вася вздохнул, отгоняя назойливые мысли, потянулся к бутылке и налил всем еще по одной.

А техники в рубке рвали друг у друга клавиатуру головного терминала.

— Подожди! Да подожди ты, надо перелогиниться, он же перестал реагировать, после того как Пард к листу обращался...

— Сейчас. — Халькдафф ткнул в серый кругляш «Reseta» и уставился в мигнувший и разом очистившийся экран.

#login% — предложил броненосец.

@master% — набрал Халькдафф. К «хозяину» комп уже привык и даже иногда выполнял несложные команды из-под этого логина.

— Что дальше? — Халькдафф вопросительно повернул голову. — Доступ к интерфейсу менеджера?

— А есть другие предложения? — проворчал Вольво.

— Не думаю, что он допустит, — усомнился Халькдафф. — Только логин запорем.

— Не нужно доступ, — предложил Пард. — Есть какая-нибудь формула вывода на экран исходящих команд?

Вольво и Халькдафф переглянулись.

— Тоже верно, клянусь Салефом! Нам же не нужно вмешиваться — только видеть. Значит, доступ, по сути, и не нужен.

— Вот что значит нетрадиционный подход. — Инси всплеснула руками и чмокнула Парда в щеку. — Пард, ты прелесть!

@shaw outbound commands% — попросил Халькдафф, и на экране тотчас развернулось свежее окно. Броненосец был готов показать все, что угодно, — он не позволял только вмешиваться в свои конфиги и листы, не позволял менять их.

— Так! Ноутбук к порту! — скомандовал Вольво, и Пард мгновенно вставил нужный разъем в гнездо на панели.

@link com3% — набрал он.

#choose a connection% — высветила линк-программа.

И через несколько секунд —

#«Стремительный» on com3%

— Готово, — сказал Пард Халькдаффу.

— Отлично!

@copy any outbound command on com3%

#bad command or file name% — с порога отменил компьютер броненосца наглое предложение Халькдаффа.

Эльф хмыкнул и набрал следующую команду:

@copy screen on com3> a.aaa%

На этот раз комп секунду поразмышлял.

#unknown extension or file name% — отверг он и это.

— Ты думаешь, он все исходящие команды выводит на экран? — с сомнением спросил Вольво.

— Не думаю, а знаю, — ответил Халькдафф. — По крайней мере он выводил их предыдущие тридцать два года. Жаль, что я не догадался эти команды просто запомнить или хотя бы записать...

И он снова азартно сгорбился над клавиатурой.

@copy screen on com3> m.com%

Броненосцу и это расширение не понравилось:

#incorrect extension or file name%

— Блин, привередливый ты, батенька! — вздохнул Халькдафф и поскреб седой затылок. — А так?

@copy screen on com3> manager.dat%

Теперь комп думал целых две секунды, прежде чем ответить, и что вертелось все это время в кристаллических мозгах электронного монстра при его-то быстродействии — представить было невозможно.

Наконец он выдал в командную строку:

#excellent command and file name%

#«Стремительный» выполнит сброс команды в файл manager.dat%

#по com3%

Инси и Вольво тут же согнулись от смеха, а Халькдафф так вообще сполз с кресла на пол.

Пард тоже улыбнулся:

— Первый раз вижу, чтоб комп похвалил имя файла!

Бюскермолен и Реллофсен прятали улыбки в бороды, а Гонза уже мял-теребил в руках свою знаменитую кепочку.

— Ну что? — отсмеявшись, спросила Инси. — Долго нам ждать-то, интересно?

— Пока дрейфовать ему не надоест... — вздохнул Вольво и, не удержавшись, еще разок прыснул. — Надо же! Экселлент команд! Ха-ха-ха!

Дрейфовать «Стремительному» надоело ночью.

Пард вскинулся ото сна, ощутив, как броненосец вздрогнул всем корпусом. Рядом зашевелилась Инси.

— Что там? — спросила она, не открывая глаз.

— Слышишь? Двигатели! И кажется, на полный врубилась!

Сонливость враз сползла с Инси. Ее будто пружиной подбросило.

— Скорее! В рубку!

Одевались они в спешке, но Пард обнаружил, что навыка не потерял. Минуты хватило с гаком.

— Свой ноут не забудь! — посоветовала Инси, набрасывая бежевую курточку.

В коридоре хлопнула дверь — проснулись гномы, Гонза и Вольво.

— Ага, и вас проняло? — Вольво хмыкнул. — Давайте наверх...

Ночь накрыла «Стремительного» черным колпаком, испещренным частыми точками звезд. Легкий ветер бился в левый борт и перехлестывал

через надстройки, принося свежесть и редкие брызги. Броненосец набирал ход, корпус его ощутимо вибрировал, машины выплескивали скрытую мощь, бешено вращался гребной винт. За кормой тускло отсвечивала пенная струя.

Они взбежали по гулким металлическим трапам. Вольво взялся за кольцо на двери — но та была незакрыта. И вторая дверь, из тамбура в рубку, тоже отворилась от простого толчка.

В рубке сидел Халькдафф. Руки его зависли над клавиатурой оставленного ноутбука, а взгляд словно прилип к матрице.

— Есть запись? — опережая остальных, спросил Пард.

— Есть, — отозвался Халькдафф и неохотно встал. — На, смотри.

Парда не нужно было упрашивать дважды — он упал в кресло перед пультом и глянул на экран. В директории для входящих лежал единственный файл.

manager.dat

Пард привычно вскрыл его встроенным выювером оболочки, воспользовавшись одной из первых заученных компьютерных формул, обыденной и безотказной.

На экране расцветали ряды замысловатых символов — тело команды менеджеру двигателей.

— Ха! — Пард довольно потер ладони. — Попался! Ну, чего? Анкомпайлером его?

— Давай! — хором сказали Халькдафф и Вольво. — Формулы помнишь?

— Помню!

Минута — и послушная, отлично прирученная программа перепахала машинную команду и вы-

дала ее в виде стандартных операторов, известных каждому магистру приручения. Вольво и Халькдаффу хватило следующей минуты, чтобы раскусить структуру манипулирования менеджером.

— Великолепно! — выдохнул Вольво. — Я знаю эту систему операторов!

— Я тоже, — вмешался Халькдафф. — Что тебе объяснить, Пард?

— Все, — честно признался Пард. — С самого начала. Я с этой системой не знаком вовсе.

И Халькдафф принялся объяснять. С самого начала. Вольво то и дело порывался поддакивать, но Инси останавливала вирга коротким энергичным жестом.

Правильно. Учитель должен быть один... Даже если их несколько.

Суть Пард схватил с первых же слов, и ему осталось только запоминать область применения отдельных операторов, а также вникнуть в манеру переходов от оператора к оператору. Ручное управление менеджером двигателей вскоре перестало казаться невыполнимой задачей: напротив, обернулось удивительно простым и логичным делом. Надо было лишь не ошибиться в выборе последовательности операторов и корректно совершать переходы. Ну, избегать неоднозначностей еще, потому что машины теряются при получении нечетко поставленной задачи или оператора, допускающего «ветки» в предполагаемом варианте поведения.

Поэтому Пард оборвал Халькдаффа, когда сообщил, что в остальном скорее разберется уже по ходу дела.

— Довольно, Халькдафф! Кажется, я понял принцип. Давай лучше попробуем покомандо-

вать менеджером... Поправляйте меня, если что не так.

Пард подтянул ноутбук поближе, отлепился от третьего компорта и вопросительно взглянул на эльфа. В голову ему пришла совершенно очевидная и неизбежная мысль.

— Теперь что? Нужно отключить головной комп «Стремительного» от всех линий. Обособить его. Так?

— Ну, — протянул Халькдафф несколько неуверенно, — в принципе да. И занять его место.

— А значит, — развил мысль Пард, — нужно заменить его не только в рамках одной задачи, а именно — отдачи команд менеджеру двигателей. Нужно взять на себя управление всем броненосцем, от локаторных процессоров до менеджера питания техникой на кухне.

— Здесь один менеджер питания, — подсказала Инси. — Генераторы техники, система проводов и источники в каждом помещении, от рубки до жилых кают, подчиняются ему же. Но ты прав, любой менеджер наверняка часто обращается за инструкциями к головному компу.

Вольво оперся ладонью о пульт и нервно забарабанил пальцами по твердой пластмассе.

— Гм! — промышчал он озадаченно. — Не все так просто, оказывается... Хорошо, что ты подумал об этом, Пард. Мне как-то не пришло в голову, что, перехватив управление менеджером двигателей, мы лишим советчика остальные системы броненосца...

— Значит, сейчас просто ничего нельзя менять и отключать, — сказал Пард. — Нужно накопить статистику. Сбрасывать ее на тот же ноутбук. Вольво, Халькдафф! Ну-ка, помозгуем! На этот раз нужно записать не только инструкции «Стремительного»

менеджерам, но запросы самих менеджеров! Не думаю, что формула будет много сложнее той, которую мы уже применили... Принцип-то тот же...

И Пард снова слинковал ноутбук с корабельным компьютером.

Руки его на миг замерли над клавиатурой, а взгляд задержался на служебном мониторе «Стремительного».

— Ну что, кораблик? Сочтешь ли ты на этот раз великолепными наши команды?

Все, кто был в рубке, невольно улыбнулись. И даже «Стремительный» вроде бы пошел вдруг бойчее. Во всяком случае, он зачем-то дважды погудел сиреной, и пронзительный рев броненосца проник в рубку даже сквозь металлические стены.

Статистику техники Киева накапливали целых две недели. «Стремительный» за это время совершил шумный рейд к берегам Большой Софии, потопив по дороге четыре небольших катера, причем один из этих катеров управлялся живыми. Живых, бултыхающихся среди обломков в полумиле от берега, броненосец не удостоил своим вниманием, а потом неделю безостановочно шел на юго-восток в четверть мощности. Наверняка он оставил Крым севернее, забравшись в самое сердце Черного моря. Еще пару дней такого марша — и «Стремительный» неизбежно приблизился бы к берегам турков. Но он слегка изменил курс, отклонился к северу и теперь направлялся к Кавказу.

— Ну вот, — проворчал однажды за ужином Вася-одессит, — так, глядишь — и вокруг Крыма обойдем. Никогда не думал, что докачусь до такого...

В маршевом режиме машины броненосца работали активнее, чем во время дрейфа, а значит,

и статистика накапливалась быстрее. Файлы с запросами и текущими инструкциями росли и множились. Техники еле успевали их просматривать да анализировать. Вольво и Халькдафф спали урывками, Пард с Инси тоже часто ходили сонными. Правда, Парда вирг с эльфом периодически прогоняли на отдых, приговаривая: «Нам дремлющие ученики не нужны!» А Инси уходила за компанию. Хотя если честно, то далеко не все неожиданно освободившееся время они употребляли на сон — им было чем заняться в маленькой уютной каюте на узкой постели.

На пятнадцатый день, когда утром после завтрака техники пришли в рубку, Халькдафф мельком просмотрел свежую статистику, переглянулся с Вольво и объявил:

— Пожалуй, хватит.

Пард знал, что последние три-четыре дня Вольво и Халькдафф употребили на переориентирование готовой, хорошо прирученной программы-селектора. Они просто меняли содержимое data-файлов, подставляя туда нужные инструкции различным менеджерам. Каждому менеджеру — свой data-файл. Все это выглядело несколько громоздко, но, по предварительным прикидкам, должно было действовать весьма успешно.

— Да, думаю, хватит. Четвертый день — ни одной новой инструкции.

И это было правдой — активное накопление запросов и команд продлилось всего дня три. Потом команды стали все чаще повторяться, а за вторую неделю статистика пополнилась лишь двумя новыми запросами и двумя инструкциями в ответ на них: менеджер климатических машин испросил

разрешения на ежемесячную селф-диагностику, а локаторный модуль поинтересовался, как поступить с перегревшимся источником техники в своем секторе. «Стремительный» тут же переключил нужную цепочку на резервный источник и велел модулю продолжать в прежнем режиме.

Целый день они репетировали: Пард сидел за командным ноутбуком, Халькдафф — за резервным. Эльф наугад посылал запросы из большого каталога, Пард вручную отвечал соответствующей инструкцией или командой. Вольво сравнивал реакцию реального компьютера и выбор Парда.

Они просидели до глубокой ночи, прервавшись только на обед, и ни разу Пард вместе с переделанной программой не ошибся. Инси сначала хлопала в ладоши после каждого верного ответа, а потом прекратила. Устала, наверное.

За полночь Халькдафф со вздохом отодвинул ноутбук и встал, выгнувшись как кот.

— Уф-ф-ф! Кажется, мы готовы, коллеги. Или я ничего ни в чем не понимаю, или эта железная чурка покорится нам как миленькая.

— Есть охота, — нейтрально сказал Пард и тоже встал. — Интересно, Иланд еще спать не ушел?

— Мы ж не впервые опаздываем, — пожал плечами Вольво. — Хоть раз он уходил, не накормив нас?

— Нет...

— Значит, и сейчас ждет.

— А давайте вина выпьем! — храбро предложила Инси. — За успех.

Халькдафф и Вольво заученным движением поглядели на Парда. Вопросительно. Как глядели последнее время при принятии любых решений.

Пард рассмеялся:

— Не возражаю!

Он все никак не мог привыкнуть, что все общие, не связанные со специальными знаниями решения уже почти два месяца как взвалены на него.

— Начнем утром, пожалуй, — добавил он. — На свежую голову. Так?

— Как скажешь, шеф! — хмыкнул Вольво. А ведь еще недавно Пард называл шефом вирга. — Как скажешь!

Иланд действительно ждал их. И у него, как обычно, все было готово к позднему ужину.

Даже вино.

В эту ночь Пард долго не мог заснуть, несмотря на приятный винный шум в голове. Инси тихонько лежала рядом, словно прислушивалась к его мыслям.

Но Пард все же уснул, напоследок подумав, что за минувшие два месяца он научился едва ли не большему, чем за всю предыдущую жизнь.

32

Аннапурна — Нанга-Парбат

Его разбудила Инси.

— Пард! Вставай!

Пард вынырнул из душных глубин затяжного сна, когда толком не можешь вспомнить, что именно снилось, а остается только ощущение чего-то путающего и неприятного. Он пошевелился и отбросил смятое перекрученное одеяло.

— Ты всю ночь вздрагивал, — сообщила Инси. — Снилось что-нибудь?

Пард взъерошил и без того беспорядочные с ночи вихры.

— Так... Чушь всякая. Я и вспомнить толком ничего не могу.

— Это ты перед сегодняшним переволновался, — убежденно сказала Инси. — Не нервничай. Все пройдет как надо.

— Хорошо бы... — уныло отозвался Пард. Подавленность после сна еще не отпустила его.

— Кофе хочешь?

— А есть?

— Я к Иланду сбегая.

— Неплохо бы... Только... Ты же Техник Большого Киева.

— Ну и что? Да и долго ли мне оставаться Техником? До возвращения из Крыма.

— Как у тебя все просто получается, — проворчал Пард. — Туда еще нужно, во-первых, высадиться, во-вторых, найти общий язык с местными и убедить их поделиться своим знанием, а потом еще вернуться в Киев. Я уж не говорю о том, что новое знание наверняка непросто будет применить.

— А я не волнуюсь, — беспечно сказала Инси. — Потому что знаю: ты сможешь.

— С вашей помощью...

— Да, с нашей помощью. Но ты уже тащишь за собой и Вольво, и Халькдаффа, если до сих пор не замечал. Они спецы, бесспорно, но выдумки у тебя больше.

— А почему ты устранилась? — неожиданно поинтересовался Пард. — Ты же говорила, что Техником стала за знания. Получается, ты лучше Вольво и Халькдаффа?

— Лучше Вольво — да, я знаю точно. О Халькдаффе ничего не скажу, хотя думаю, что наши знания сравнимы. Просто в области диких механизмов у них больше практики. Я не вижу причин вмешиваться, они и сами... то есть с тобой вместе, прекрасно справляются. Я — спец в области общих знаний, причем по большому счету лишь теоретик. А Вольво с Халькдаффом — прикладники, виртуозы работы с субстратом, а не с голыми формулами.

Пард пнул ногой безответное одеяло.

— Так ты кофе хочешь? — снова спросила Инси.

— Неплохо бы.

— Я принесу.

И она выскользнула из каюты. Пард покуда совершил утренний моцион в область сортира и душа.

«Надо же, — подумал он, полируя зубы щеткой и глядя на свое отражение в зеркале. — Если бы мне сказали перед выездом в Центр, что все закончится вот так, разве бы я поверил?»

А тот, кто поддакивает или противоречит изнутри, вдруг очнулся и посоветовал:

«Привыкай...»

«Разве к этому так просто привыкнешь?» — Пард уныло таращился в зеркало.

«И не к такому привыкают. Тем более к хорошему привыкнуть легче».

«К хорошему! — фыркнул Пард. — Вот покажет Крым небо в алмазах, тогда и станет понятно, что хорошо, что плохо...»

«А никто и не обещал, что будет легко», — резонно возразил внутренний.

«Да уж, — согласился Пард. — Это точно».

Покончив с умываниями, он оделся и наскоро прикрыл постель покрывалом. А тут и Инси вернулась с маленьким подносом. На нем стояли две чашечки и тарелка с бутербродами.

— Ну, — сказала Инси, беря одну из чашечек, — за удачу, что ли?

Пард послушно чокнулся и отхлебнул, тут же сообразив, что в кофе чья-то предусмотрительная рука щедро плеснула коньяку. Впрочем, легко было предположить, чья именно: Иланд достаточно прожил на свете, чтобы стать предусмотрительным.

В рубку они вошли спустя десять минут. Вольво, Халькдафф, Бюскермолен, Реллофсен и Гонза

уже сидели у пульта и негромко переговаривались, изредка зыряка на часы, что висели на стене напротив входа.

— Аха, — оживился при виде Парда и Инси вирг Вольво. — Вовремя вы. Пора уж и начинать.

— Так начнем! — с подъемом сказал Пард. Сомнения его растворились в чашечке кофе с коньяком, а сомнениям на смену пришли упрямый азарт и жажда действия. И еще — пришла уверенность.

— Так. — Пард взглянул на экраны ноутбуков и на громадный, в полстены, монитор «Стремительного». — Значит, как и намечали: Гонза — в радиорубку, сидишь на приеме, фиксируешь весь эфир и держишь в курсе.

Гоблин с готовностью кивнул и встал.

— Бюс — к двигателям, дублируешь менеджера. Чуть что не так, отрубай его нафиг и командуй непосредственно с клавиатуры.

— Понял...

— Роел, в генераторную. Как обычно: контроль над техникой. Полный, во всем объеме.

Чернобородый гном вскинул руку, показывая, что готов.

— Ну, а мы тут... — Пард взглянул на Вольво и Халькдаффа. — Кого на ориентировку посадим?

— Можно меня, — предложила Инси. — А вы уж главным занимаетесь...

— Отлично, — подал голос Вольво. — Локаторными процессорами можно прямо отсюда командовать, с пульта. Вот, сюда садись, код доступа...

— Я знаю код доступа, — оборвала его Инси. — Справлюсь, нечего беспокоиться.

Вольво послушно умолк. Он умел не обижаться на эту дерзкую девчонку. Возможно, оттого, что помнил ее еще ребенком.

Пард сел за ноутбук Халькдаффа, самый мощный из имеющихся.

— Начали, — сказал он решительно.

Вольво тут же перекусил заранее высвобожденный из недр пульта жгут цветных проводов, а Пард одним нажатием клавиши вызвал измененную программу-селектор.

Головной комп, враз отрезанный от всех линий связи, тревожно замигал светодиодами на лицевой панели, но теперь он стал немым и глухим. Отключение его было нештатной ситуацией: для этого не отросло даже специального разъема, поэтому Вольво и пришлось просто перекусить провода. «Стремительный» съехался до размеров головного компьютера, замкнутого в небольшом, метр на метр, кубе в недрах пульта. Все остальное теперь являлось просто грудой железа, слегка разбавленной бестолковыми и безынициативными местными машинами — корпус, двигатели, помещения, генераторы, сеть проводов, по которым к машинам подводилась техника, — все до последнего винтика где-нибудь в трюме. И всем этим живые теперь обязаны были командовать и повелевать, иначе эта бестолковая махина просто затерялась бы в море и рано или поздно пошла бы ко дну.

— Давай, — сказал Халькдафф, косясь на Парда. — Двигатели уже работают, меняй курс.

— А куда мы сейчас идем? — уточнил Пард.

— Восток-северо-восток... Цифры и градусы интересуют? — немедленно отозвалась Инси.

— Нет. Скажи, куда менять, чтоб на Крым нацелиться.

— А куда именно нам нужно?

Инси зацокала ноготками по клавишам, и на ожившем головном мониторе возник силуэт острова Крым.

— Так куда?

— А мы где сейчас?

Снова щелканье клавиш, и чуть ниже и правее Крыма вспыхнула алая пульсирующая точка.

— Это мы, — сообщила Инси.

Пард с восхищением поглядел на нее. И когда Инси успела выучиться такому ловкому обращению с модулями ориентировки? Все-таки она великолепный техник!

— Ну, — протянул Пард неуверенно. — На южном берегу вроде полно удобных пристаней? Вот тут, например...

— Это Севастополь, — мрачно предупредил Халькдафф. — Там у них штаб береговой охраны. Перья пустят только так...

— А здесь?

— Ялта. Получше, но все равно недалеко от Севастополя. По-моему, слишком опасно.

— А здесь? Или и вовсе вот сюда направиться?

— Керчь, — прокомментировал Халькдафф. — Гавань — лучше не придумать. Хотя и там охрана гнездится.

— Охрана везде гнездится, — рассудительно сказал Вольво. — Я — за Керчь. И недалеко, и, кажется, наименее опасно. Вон выступ какой...

— Далеко потом будет до Симферополя, — с сомнением протянул Халькдафф.

— Если высадимся — остальное покажется пустяками. Главное, прорваться сквозь охрану. — Вольво даже воздух рубанул ребром ладони. — Я — за Керчь.

— Рассчитывай на Керчь, Инси, — спокойно велел Пард. — Во-он в ту бухточку.

Инси за полминуты рассчитала новый курс и перевела его на понятный менеджеру двигателей язык команд. Пард отослал его по назначению.

И в тот же миг размеренный гул моторов изменил тон. Громада броненосца начала описывать величавую дугу, отклоняясь на север все больше и больше. Северо-восток. Северо-северо-восток. Север. Северо-запад. Курс на Керчь.

— Слушается! — несколько даже изумленно выдохнул Пард.

— А ты как думал?! — довольно хмыкнул Халькдафф. — Машины — они словно живые, если как следует приручить...

«Ага, — подумал Пард вскользь. — Провода чик, и молчи в уголке. Ничего себе приручение...»

Но проснувшийся азарт не проходил. Стальная громада покорно выполняла все, что ей велели живые из рубки. На каждый запрос немедленно отсылалась исчерпывающая инструкция. Каждое действие упреждалось соответствующей командой. И ничего, ни одна машина на борту пока не заподозрила подмены.

После полудня, когда стало понятно, что броненосец действительно слушается, Парда, Инси и Бюскермолена отправили отдыхать. За командный ноутбук сел Халькдафф, Вольво занялся локаторами, а в машинном попросили подежурить

Иланда. На камбуз же, снова добровольно, вызвался Зеппелин, а орк Вася от скуки взялся ему помогать. Мина с Беленьким, чувствовавшие себя не у дел, тоже пытались чем-нибудь помочь, но Вольво посоветовал им лучше проверить готовность орудий и прогуливаться наверху, по палубам, во избежание всяких сюрпризов с неожиданно приблизившимися судами. Локаторы локаторами, но и о живых глазах нечего забывать...

Пард вместо отдыха прогнал тесты центра управления огнем — и в который раз поразился боевой мощи броненосца. Истинная машина смерти! Хорошо, что такую громадину не заставишь передвигаться по суше, а то несколько подобных боевых машин — и можно смело отправляться на штурм Большой Москвы, к примеру. Вряд ли регулярная армия сумела бы совладать с атакой гигантских и практически неуязвимых машин — ведь на суше броненосец и затонуть-то не может.

По расчетам Инси и Халькдаффа, «Стремительный» (точнее его корпус, потому что головной комп броненосца пребывал в отключке) должен был выйти на прямую видимость берегов Крыма назавтра к обеду. До тех пор оставалось только следить за курсом, поддерживать работу двигателей и успокаивать остальные машины на борту.

До самого вечера никаких неожиданностей не стряслось, а после ужина Пард, снова занявший место за командным, принял сигнал из радиорубки. Кто-то вызывал «Стремительного».

— Бюс! — позвал Пард гнома. — Сядь-ка на мое место пока... Совладаешь?

— Совладаю, шеф! — весело ответил Бюскермолен. Он удивительно легко признал более высокое положение Парда на иерархической лестнице техников и ничуть этим не тяготился.

Пард и неутомимый Халькдафф, с утра не покидавший рубки, уселись за резервный терминал. Слинковались с радиорубкой. Аппаратура на «Стремительном» поражала воображение: впервые в жизни Пард увидел работу мобильной видеосвязи.

Халькдафф запустил незнакомую программу по формуле intervideo. На экране открылось окно приглашения и высветились контрольные строки:

```
#On channel: DiGiTAI WiZARD%  
#Waiting for: Halkdaff %  
#Mode: Video 3%  
#Subj: Voice Chat%
```

Халькдафф быстро изменил видеомоду на предложенную, и на экране тотчас возникло лицо незнакомого Парду эльфа.

— Привет, Халькдафф!

— Привет, Диззи! — ответил Халькдафф несколько удивленно. — Как ты умудрился меня разыскать?

— Я тебя четвертый год разыскиваю, — ответил эльф с экрана. — Ты действительно сумел приручить броненосец?

— А что? Мир уже знает? — не поверил Халькдафф.

— Знает, черт побери! С утра все, кто сидит на работе с крупнотоннажными судами, переполошились. Халькдафф, к вам сейчас мчатся на мак-

симальной скорости все существующие в мире боевые корабли. Что ты там натворил, на «Стремительном»? А?

— В двух словах не объяснишь, — растерянно ответил Халькдафф. — Собственно, «Стремительного» мы отстранили, а кораблем командуем сами, вручную, с терминалки. Но что значит — к нам спешат остальные корабли? Зачем?

— Ставлю сто против одного, тебя хотят пустить ко дну! Я не знаю, как тебе удалось отстранить «Стремительного» и что это вообще означает, но похоже, остальные броненосцы решили отомстить за собрата! И не только черноморские — из Нью-Йоркской гавани исчезли все боевые корабли! Шейд из Саутгемптона говорит — у них то же самое. Свяжись с Минамото, я уверен, что на востоке корабли тоже снялись в море.

— Но почему, разрази меня гром и побей молния? Что мы такого сделали? — Халькдафф окончательно растерялся.

— Откуда мне знать? Тебе виднее, Халькдафф. Я думаю, ты применил запрещенный прием и все машины мира ополчились на тебя. Берегись — я предупредил, кажется, вовремя предупредил, и это все, что я могу сделать для тебя, Халькдафф. Кстати, ты там что, не один?

— Нет.

— А с кем?

— Ты не знаешь. Пожалуй, только Иланд тебе знаком.

— Но Иланд ведь не техник! — удивился незнакомец-Диззи. — Он ведь работал боевиком у Техника Большого Киева.

— И продолжает.

— Постой... Ты что, работаешь сейчас в сцепке с Техником Киева?

С ответом Халькдафф немного помедлил, но сказал правду:

— Да, Диззи. Я работаю в сцепке с Техником.

— А, shit, я так и знал! Тут и политика замешана!

Халькдафф развел руками:

— Слушай, Диззи! Если на меня ополчились все машины, как же ты со мной говоришь?

Эльф на экране фыркнул:

— Обижаешь! Свою рацию я приручал как следует... Твоя, кстати, тоже вполне тебе послушна.

— Она отрезана от всего мира. По управлению, я имею в виду. Я ею вручную командую, а не через комп броненосца.

Диззи запнулся.

— То есть? Как вручную? Как не через комп?

— Не спрашивай, Диззи. Это долго объяснять.

Эльф по кличке Диджитал визард изумленно захлопал глазами.

И тут связь прервалась, а снаружи раздался истошный крик хольфинга Мины:

— Гости на хвосте! Гости!

Халькдафф тут же дал команду менеджеру оперативного наблюдения вывести на резервные мониторы внешнюю картинку. Мониторы ожили. Те, что показывали море перед носом броненосца и траверзы, ничего, кроме моря, и не отображали. Зато за кормой у самого горизонта виднелось сразу пять темных черточек.

— Кто это? — спросил в пустоту Халькдафф. — Небось приятели «Стремительного»?

— Меня больше занимает вопрос, что они намереваются с нами сотворить! — проворчал Пард.

— По-моему, это очевидно, — отозвался Халькдафф без малейшего энтузиазма в голосе. — Вольво! Ты меня слышишь?

Динамик внутренней связи исторг голос вирга:

— Слышу, Халькдафф.

— Что будем делать?

— А что скажет Пард?

Пард пожал плечами, хотя видеть его могли только эльф с Бюскермоленом.

— А что нам остается? Уходить. Вряд ли они нас догонят...

— Нас могут встретить кавказские корабли. И они будут впереди.

— Пока ведь не встретили.

— Потому что они точно не знают наше месторасположение. Не думаю, чтобы уточнение отняло у них много времени.

— Надо быть начеку, живые, — сказал Вольво тоном пророка. — Боюсь, спать этой ночью нам не придется.

В рубку вошла Инеи с бусиной-говорилкой в ухе. Она тоже слушала все переговоры.

— Далеко до Керчи? — с порога спросила она. — А, Вольво?

— Сейчас уточню...

Спустя полминуты вирг ответил:

— Завтра к полудню должны поспеть, если ход не потеряем.

— Долго, — выдохнул Халькдафф. — Если нас начнут гонять, можем не успеть... Прижмут.

— А ходу поддать нельзя? — спросил Бюскермолен без особой надежды.

Вместо ответа Халькдафф ткнул пальцем в экран головного ноутбука. Боковое окошко среди прочей информации высвечивало и такую:

#Base Speed

Full

Пард привычно попытался понять, что бы это значило на самом деле.

— Получается, двигатели работают на полную мощность? — спросил он.

— Да, — развел руками Халькдафф. — Прибавить не получится.

— А сколько здесь двигателей?

— Двенадцать, — не задумываясь ответил Халькдафф.

Пард вновь поглядел на экран ноутбука. Комментарий Full светился почему-то только напротив двигателей 1-4 и 9-12. А напротив двигателей 5-8 горел зеленый комментарий #Relax%.

— Насколько я понимаю, — начал Пард, — одновременно здесь работают только восемь двигателей из двенадцати.

— Да, четыре, как правило, отключены. Они остывают и проходят профилактику. Смена четверок — через десять часов полной нагрузки.

— Давайте запустим и эти четыре.

Халькдафф вопросительно захлопал глазами.

— Но... это опасно, черт возьми! Да и как их запустишь? Менеджер просто не позволит, потому что это против правил. Это противоречит его базовым инструкциям.

— Опасно! — фыркнул Пард. — А что, у нас выбор есть? Главное — дойти до места, а там пусть перегреваются, пусть сбоят, пусть в конце концов хоть взорвутся! Нам-то что?

Халькдафф все еще не мог свыкнуться с подобной мыслью, нарушающей самые основы техники.

— Но менеджер... — сказал он и осекся. — Ты хочешь и его отключить? Запустить резервную четверку вручную?

— Почему бы и нет? Схема уже отработана... А статистику мы на всякий случай накапливали самую разную.

— Теперь я понимаю, почему среди людей так много преступников, — вздохнул в локаторной Вольво. — Они совершенно не чтят законы и обожают их нарушать.

Халькдафф нерешительно встал.

— Пошли, что ли?

— Нам потребуется еще один ноутбук.

— У меня есть! — весело сказала Инси. — Принести?

Пард еле заметно улыбнулся:

— Ага. В машинное...

Остывающая четверка двигателей заработала спустя полчаса. Броненосец завибрировал сильнее, и бурун за его кормой стал заметно выше.

Реллофсен, знаток машин, не удержался и проворчал в бороду:

— Сутки такой работы, и двигатели сдохнут. А эта посуда рассыплется ко всем чертям и затонет.

— Вольво! — попросил Пард вирга. — Посчитай с поправкой на новую скорость — когда мы выйдем к Керчи?

Вольво быстро прикинул:

— Утром, а не к полудню. У нас тридцатипроцентное увеличение скорости. Утром, часов в семь-восемь.

— О! — довольно воздел палец к потолку Пард. — Мы выигрываем по меньшей мере четыре часа. Лично я рад.

— Я тоже, — ворчливо сказал Халькдафф. Он никак не мог смириться с вопиющими нарушениями давно устоявшегося порядка вещей. Пард не просто нарушал вековые законы и принятые правила. Он раз за разом ломал самую незыблемость мира.

Эльф, проживший не одну тысячу лет, слишком привык законов не нарушать. Даже мысль о возможности нарушения не приходила ему в голову. А этому юнцу, родившемуся какие-то жалкие двадцать с чем-то годков назад, приходила в первую очередь.

Халькдафф вдруг остро почувствовал свою расу обреченной. Им, эльфам, да и остальным долгоживущим, не выстоять против этой первобытной нахрапистой толпы мотыльков-однодневок. Легкость, с какой они отметаают совершенно очевидные вещи, наглость и жажда успеть все и прямо сейчас — их козыри. Их козыри, которые долгоживущим крыть просто нечем. Разве что богатейшим опытом, но Халькдафф чувствовал, что одного только опыта будет мало. И он тоже не спасет долгоживущие расы в финальном поединке с людьми.

— Гости на хвосте отстают! — сообщили сверху хольфинги-наблюдатели, и голоса их полнились ничем не прикрытой радостью.

— Только бы в темноте не перехватили, — негромко вздохнул Бюскермолен, но микрофон внутренней связи на гибком штырьке был совсем рядом с ним, и слова гнома слышал каждый.

— Пойдемте-ка в рубку, — сказал Пард эльфу и Инси. — Что-то мне подсказывает, что этой ночью поспать не придется. И вот еще что: пусть каждый держит все свои вещи при себе. Рядом. На всякий случай...

В машинном остался Роелофсен — притворяться менеджером двигателей. Надо сказать, это у него получалось неплохо. А настоящий менеджер двигателей бессвязно мигал сигнализаторами, испуганный и одинокий, и из его серебристого корпуса нелепо и жалко торчал толстый жгут перекушенных проводков.

Всю ночь броненосец шел на северо-запад, надсадно ревя перегретыми двигателями. Никто в эту ночь не стал спать, все чувствовали приближение развязки. Разве что по паре часов подремали — техники прямо в креслах, перед экранами своих компьютеров; Вася, Зеппелин и хольфинги — в кают-компаниях, на диванчиках.

Рассвет застал их в тридцати милях от Керчи. Солнце багровым яблоком вставало прямо из моря, и на его фоне стали четко заметны силуэты нескольких боевых кораблей, что шли прямо на «Стремительный».

И с запада приближались два броненосца в окружении десятка торпедников. Только на хвосте никого не было, но лишь потому, что «Стремительный» запретным способом ускорил ход и от преследователей просто сумели оторваться.

— Ну, начинается! — буркнул Халькдафф. — Драка больших кораблей — то еще веселье, уверяю вас. А уж когда такая эскадра, да на одного...

— Вижу землю! — сообщил с носовой надстройки Беленький. Вольво накануне раздал живым пере-

говорники, а хольфинги, едва лишь развиднелось, заняли свои наблюдательные посты.

— Правильно, — сказала Инси, вновь занявшая место на ориентировке. — Это коса в проливе. Тузла называется. От нее до Керчи рукой подать.

— Нет, уважаемая, — возразил Беленький. — Берег гористый, и лежит он по левому борту. Думаю, это Крым. Справа тоже еле-еле виден берег, надо полагать, Тамань. А коса должна быть впереди, но ее еще не видно, потому что она плоская и возвышается над морем лишь чуть-чуть.

— Откуда ты все это знаешь? — удивленно спросил Вольво.

— А я карту вчера посмотрел, — сказал хольфинг. — На всякий случай.

— Головастые у вас живые! — похвалил Халькдафф. — Простой сапер, а гляди — картой интересуется...

— Я кого попало в команду не брал, — поддержал свой и Инси престиж Вольво. — Молодец, Беленький, гляди там в оба!

— Гляжу, — отозвался хольфинг. — Кстати, в бинокль уже и коса видна. Деревья по крайней мере.

— В кильватере снова гости! — сообщил второй хольфинг. — Далеко еще, правда. Кажется, они идут быстрее нас.

— Обложили, — зло сказал Халькдафф и вывел на вспомогательный монитор плоский план-картинку, вид сверху.

Широкий пролив между длинным выступом, Керченским полуостровом, и материком — Таманью. Узкий язык Тузлы. Вилка, обнимающая керченскую бухту. Светлая точка недалеко от Тузлы — «Стремительный». И три россыпи крас-

ных точек — группы кораблей-охотников. Одна восточнее, явно накатившаяся от берегов Кавказа, вторая южнее, пришедшая из моря, и третья — северо-восточнее, скорее всего береговая охрана Крыма.

«Береговая охрана, — подумал Пард, внимательно вглядываясь в картинку на обзорных мониторах. — Быстро они среагировали, черт возьми!»

— Халькдафф! А какие суда в береговой охране Крыма? — спросил он негромко. Бюскермолен и Гонза разом обратили взгляды к Парду.

— В основном торпедники... А что?

— А броненосцы есть?

— Нет, конечно! Откуда? Все броненосцы — дикие... Ну, за исключением разве что нашего, да и его я прирученным не назвал бы... потому что он скорее обманут.

— Тогда погляди вот сюда! — предложил Пард и указал на монитор, дающий обзор с левого борта. Там виднелись два броненосца в окружении стаи торпедных катеров.

— Ты об этом? — уточнил Халькдафф. — О броненосцах? Это дикие, ясно. Их береговая охрана не трогает. Да и что она таким громадинам сделать может?

— А торпеды? — усомнился Пард. — Шарахнуть торпедой под ватерлинию, никакая броня не спасет.

Эльф неопределенно пошевелил растопыренными пальцами.

— Ну... наверное, правильно. Только броненосцы в воды Крыма стараются не соваться. А охрана гоняет в основном живых на небольших судах — зачем им соваться к транзитному броненосцу? На-

верное, они их сопровождают на всякий случай. Но не трогают.

Это показалось Парду убедительным и в общем-то логичным.

— Если не изменим курс, нас сожмут, — подала голос Инси. — С какой стороны косу обходить будем?

— Лучше с таманской, — сказал Вольво.

— Но там кораблей больше! — возразил Халькдафф.

— Зато береговой охраны нет, — вздохнул Гонза, давно уже тискавший мемориальную кепочку. Уши его тревожно вздрагивали.

— Пойду-ка я в центр управления огнем, — задумчиво сказал Бюскермолен и тяжело вздохнул. — Формулы не забыть бы...

Гном лукавил: он никогда ничего не забывал, ибо обладал удивительно точной и цепкой памятью. Как и все гномы. В общем-то не являясь техниками, Бюскермолен и Реллофсен ловко и сноровисто управлялись с ноутбуками; да и на вахтах в машинном отделении или в генераторной гномы никаких проблем по сей день не испытывали.

Броненосцы справа рассыпались частой цепью. «Стремительный» целился точно в пролив между косой и Таманью, а они пытались отрезать этот путь.

Счет пошел на секунды и метры.

И «Стремительный» проиграл. Сразу два кавказских корабля ворвались в пролив немного раньше его и развернулись бортами к приближающемуся броненосцу.

— Залп! — громко предупредил по связи Бюскермолен, и сверху тотчас оглушительно забухало. Это плевались смертью орудия «Стремительного»,

накануне заботливо осмотренные и заряженные хольфингами.

Около преградивших путь кавказцев встало несколько столбов воды; надстройки одного из них в нескольких местах вспухли огненными цветами; в воздух взвилось раскаленное железо. В тот же миг кавказцы ответили. И те, что в проливе, включая раненого, и те, что подоспели с востока.

«Стремительный» содрогнулся. На командный ноутбук, заменяющий головной компьютер броненосца, посыпались доклады о повреждениях и панические запросы на инструкции практически ото всех подчиненных систем-субъединиц.

— В трюме течь! — утрюмо сообщил Вольво. — Мне зачем-то доложили...

В тот же миг «Стремительного» накрыло залпом с кормы. Хольфинг Мина с проклятием ссыпался с надстроек, орошая железо кровью из пробитой осколком руки. Двигатели надсадно взвыли, и какой-то из них противно застучал. Броненосец резко потерял ход, и его стало разворачивать поперек пролива.

Бюскермолен отвечал на огонь, но противников было слишком много.

Крымские торпедники в драку не лезли; легли в дрейф в полумиле от боя и дальше не совались.

— Кажется, надо подумать о том, как уносить ноги, — стараясь, чтобы это прозвучало спокойно, предложил Пард. — Халькдафф, ты, конечно же, позаботился об этом?

— Конечно же! — не без самодовольства ответил эльф. — В каждом помещении есть тревожный ящик — там спасжилеты и непромокаемые

мешки-заплечники. Хорошо, что ты вчера сказал перетащить в рубки все вещи, Пард...

— Мина! Беленький! Вася! Зеппелин! — позвал Пард по связи. — Бросайте все, и...

Он не успел договорить. Оглушительно ухнуло где-то совсем рядом, жалобно застонала раздираемая на части сталь, и «Стремительный» стал поразительно быстро крениться на левый борт.

— Все! — Пард вскочил и выключил ноутбук. — Пора! Хорошо хоть коса рядом...

Его не услышал никто, кроме находящихся здесь же, в рубке: связь нарушилась. Но остальные тоже поняли, что действительно — это все. «Стремительному» конец.

Халькдафф, рыча, сдирал крышку с красного ящика рядом с пультом. Гонза, держась за голову одной рукой, второй поднимал с пола оброненную кепочку.

— Ловите! — Эльф метнул гоблину и Парду по тяжелому пластиковому пакету, сам рванул застежку такого же и принялся торопливо засовывать в извлеченный рюкзачок ноутбук.

Пард тоже достал рюкзачок, на дно устроил ноутбук Халькдаффа, а сверху бросил предусмотрительно захваченную из каюты сумку. Почти пустую. Но терять ее совсем не хотелось. Туда же переложил из карманов куртки трубку сотового телефона и дремлющий пистолет. Рюкзачок забросил за спину и намертво пристегнул специальными ремнями с карабинами, благо все было подогнано как раз под живого его комплекции. Поверх нацепил спасжилет, зажав в ладони фал, освобождающий баллончик со сжатым воздухом.

— Я готов! — крикнул он.

Гонза сунул в рюкзак кепочку.

— Я тоже! — сказал гоблин, на ходу влезая в спасжилет.

— Все! Прочь! — прохрипел Халькдафф.

«Хоть бы никто не застрял!» — мучительно подумал Пард, с ужасом представляя, что лишится Инси.

Усилием воли он отогнал черные мысли.

Минута, и они, съехав по наклонной палубе, оказались у левого борта. Чуть ближе к носу Пард увидел Вольво и Инси в уже надутых спасжилетах, и с плеч у него свалилась целая гора. За бортом барахтались оба хольфинга, Вася и Зеппелин.

Вольво помог Инси перебраться через борт. Гонза по-лягушачьи прыгнул в воду — он и похож был в коротком полете на гигантскую зеленокожую лягушку, только почему-то ушастую.

А над головами выли снаряды и скрежетало железо.

К борту кубарем скатились Бюскермолен и Иланд. Тоже должным образом экипированные. В рюкзачке Бюскермолена угадывалась продолговатая клюка помпового ружья.

Не хватало только Реллофсена.

— Прыгайте! И гребите что есть силы! — рявкнул на них Пард, впервые не тяготясь необходимостью командовать.

Сдвоенный всплеск заглушился близким разрывом, у уха Парда что-то противно вжикнуло.

Он огляделся. На броненосце, держась руками за борт, остались только Вольво, Бюскермолен и он, Пард.

В тот же миг вдалеке, у самой кормы, на палубе показался Роелофсен. Он сильно хромал, но доковылять до борта, перевалиться через него и плюхнуться в воду сил у него хватило.

— Все! — облегченно выдохнул Пард, рванул фал спасжилета и одновременно с Бюскермоленом перемахнул через наклонную плоскость борта. Чуть правее ушел в воду Вольво.

Они едва успели отплыть, как «Стремительный» зачерпнул бортом морскую волну и быстро, удивительно быстро погрузился. Отвратительная мощная сила тотчас схватила Парда за пятки и потянула в пугающую черную глубину, но он греб, греб изо всех сил, захлебываясь, отплевываясь и хватая ртом воздух пополам с солеными брызгами, цеплялся за жизнь и солнце и в конце концов сбросил с ног непомерную свинцовую тяжесть.

Корабли-преследователи сразу же унялись и прекратили пальбу. Стало тихо, но после десятка минут сплошного рева уши забило словно бы ватой, а внутри головы стоял нескончаемый стон и гул.

Рядом из глубины вынырнул Вольво, разинув рот и выпучив глаза. Пард невольно задержал взгляд на великолепных клыках. Наконец вирг закашлялся и отдышался. Чуть в стороне ворочался в воде Бюскермолен, ругаясь самыми черными словами. Чуть дальше вторил ему Роелофсен.

— Тьху! — Вольво запрокинул голову и прохрипел: — Если б не жилет — ни за что не выплыл бы.

Впереди виднелись над волнами головы спутников.

— Поплыли! — сказал Пард. Голос показался чужим из-за ваты в ушах.

И они погребли к виднеющейся в полукилометре косе. Пард оглядывался на Бюскермолена и Роелофсена — гномы плыли неумело и медленно. Пожалуй, эти без спасжилетов вообще не удержались бы на поверхности.

Пард и Вольво не стали отрываться от бедняг гномов, непривычных к воде. Не по-живому это было бы, бросить их сейчас.

— Держитесь, тангары! — подбодрил их Пард. — Мы с вами!

— *Trockne dich, Meer, Himmelsfeuer aus! Trockne aus, Himmelsfeuer, alle Meere in der Welt! Die ublichen Lebendigen brauchen nicht so viel Wasser zugleich!* — отплевываясь, ругался Бюскермолен, но греб исправно, хоть и неуклюже. — *Ich hasse Wasser!!!*

Роелофсен ругался сдержаннее, а плыл совсем медленно. Кажется, он был ранен.

— Помочь тебе, Роел? — Пард подплыл поближе. — Вот, хватайся, видишь, лямка специальная?

Роелофсен без лишних разговоров уцепился за лямку на спасжилете, и Пард потянул его, как заправский буксировщик. В итоге получилось раза в полтора быстрее, чем гном плыл самостоятельно. Они стали помалу нагонять остальных.

Вскоре Пард рассмотрел, что двое гребут не к берегу, а навстречу. Это оказались Инси и Вася-орк.

— Эй, вы что! — сердито крикнул на них Пард. — С ума сошли? К косе, к косе гребите!

— Пард! Ты цел? — спросила Инси как-то непривычно испуганно. — Ответь, ты цел?

— Да цел, цел, — проворчал Пард, успокаиваясь. Тревога Инси приятно тронула его, всколыхнула что-то внутри.

Это очень важно — чувствовать, что ты кому-то нужен. Такой как есть, со всеми причудами и недостатками.

До сих пор ни одна живая душа в мире не спрашивала его так: «Пард, ты цел?» И эта отчаянная мольба в глазах, и испуг...

Гонза мог бы спросить или Дюша. Но это — другое.

Вася-одезит, чувствующий себя в воде ничуть не хуже, чем на суше, пришел на помощь Бюскермолену.

— А хольфингов Иланд тащит, — сообщил он беспечно. — Обоих сразу. Им жилеты велики, плавают как пузыри в луже, еле руками-ногами до воды достают!

Оболтус Вася веселился даже сейчас, и Пард невольно позавидовал его оптимизму.

Пард поравнялся с Инси; так и плыли они бок о бок, Техник Большого Киева, претендент на это звание и раненый гном-машинолов. Вслед за Вольво и сцепкой Вася — Бюскермолен. Остальные были уже на полпути к восточному краю Тузлы.

Кавказцы крутились около подбитого собрата. Тот слегка просел, видно, хлебнул воды трюмами, но вовремя успел заделать пробоины и устранить течи. Южные броненосцы маневрировали, перестраиваясь. Похоже, живые в воде заинтересовали только катера береговой охраны Крыма. По крайней мере два из десятка рванулись вперед и прошли в полусотне метров от плывущих.

Живые качнулись на крутобокой волне.

В проливе оказалось удивительно сильное течение; вскоре Пард сообразил, что нужно грести с

упреждением и целиться чуть левее косы. Течение сносило их на север, в Азовский залив. Вода была чистая, прозрачная, и лучи поднимающегося солнца прошивали ее до самого дна. Песчаное дно изобиловало ямами и возвышенностями, и Пард понял: на глубине ходят такие вихри и водовороты, что дай им жизнь достичь берега без приключений.

Первым дно под ногами ощутил Зеппелин. Он перестал грести, встал на ноги и оглянулся.

— Сюда! — Он вскинул руки. — Здесь мелко!

К нему уже подплывал Иланд с хольфингами, за ними — Халькдафф. Чуть дальше торчали из воды потрясающие уши гоблина Гонзы.

По одному, по двое живые выходили на берег. Вода стекала с мокрой одежды, а надутые жилеты делали всех карикатурно-толстыми и смешными.

Пард доплыл до места, где до дна достал бы даже низкорослый гном, и облегченно утвердился на песке. Течение мягко, но настойчиво влекло его мимо косы, и приходилось прилагать некоторое усилие, чтобы оставаться на месте.

— Все, — объявил Пард зачем-то. — Доплыли.

Роелофсен только сейчас отпустил лямку на его жилете и похромал на сушу. Бюскермолен стоял по колено в воде и раскинул руки, встречая друга и соплеменника. На штанине Роелофсена красовалась рваная дыра, а рана на бедре почти перестала кровоточить.

Инси, сразу повисшая у Парда на шее, тихо сказала, покосившись на гнома:

— Морская вода, говорят, целебная. Но раны от нее болят.

— Пойдем, — вздохнул Пард.

У самого прибоя он в изнеможении повалился на песок, по примеру остальных. В отдалении шныряли крымские катера.

Но никого это сейчас не волновало. Волновало другое — они достигли берега. И жалели только об одном: что это, увы, еще не Крым. А всего лишь коса в проливе между Крымом и Таманью.

Но все равно, так близко к цели они еще не подбирались.

Ни разу.

33

Нанга-Парбат — Манслу

Первым в себя пришел несгибаемый вирг Вольво. Он поднялся, отряхнул часть налипшего песка и сбросил спасжилет.

— Сушиться надо. И двигать отсюда...

Подавая пример, он решительно стянул и расправил на прохладном с утра песке куртку и рубашу, тщательно расшнуровал высокие кожаные ботинки и долго вытряхивал из них упрямые капли.

— Штаны тоже можешь снять, — с ехидцей бросила ему Инси. Но вирга трудно было смутить.

Скоро узенький пляж между морем и Чонгаром сплошь покрылся одеждой, а живые сбились в круг, отогреваясь в лучах встающего солнца. Прибой равнодушно вылизывал прибрежный песок, а в проливе гуляли у самого дна причудливые случайные течения, то и дело вспенивая еще недавно спокойную поверхность. Над водой носились чайки, едва не задевая кончиками крыльев волны, что бежали куда-то беспорядочно и торопливо.

Халькдафф отдал Инси длинную мужскую рубашку из непромокаемого рюкзака. А Пард рас-

смотрел в том же рюкзаке весь курительный набор — эльф действительно всюду таскал за собой эти безделицы.

Крымские торпедники продолжали шнырять на виду; правда, из десятка осталось всего четыре. Остальные убралась. Но эти словно задались целью разнюхать дальнейшие действия живых с потопленного броненосца.

Два раза топили корабли с командой Техника Большого Киева. Два раза пришлось спасаться вплавь. Два раза всех могло затянуть вслед за гибнущей посудиною в пучину, откуда нет выхода даже во мрак вечной ночи. Первый раз команда недосчиталась половины живых. Второй, хвала жизни, — обошлось без жертв, если не брать в расчет ранения Мины и Роелофсена.

Система была упорна и последовательна. И поразительно невезуча.

Кто-то помогал живым, и Пард даже знал наверняка — кто именно.

Мир против Системы. Живая земля против железных машин. Зелень загородных парков против бетона городских кварталов.

Сама Жизнь вступает за тех, кто жаждет движения и не приемлет тысячелетней спячки. Привычный мир раскололся на две непохожие половины. Но, как всегда, никто точно не мог сказать, где именно пролегает невидимая граница.

Живые Техника Большого Киева пользуются машинами. Бездушная Система наносит удары руками ничего не подозревающих живых.

Кажется, что совсем рядом зеркало — но в чем-то оно врет. Кое-что отражает правильно, а кое-

что — шиворот-навыворот. И поди разберись, где правда, а где ловкий обман, иллюзия...

И поди разберись, на чьей ты стороне. Даже если искренне уверен, что выбор давно сделан, каждый твой поступок лишь подтверждает этот выбор.

Все, абсолютно все может обернуться всего лишь отражением в неправильном зеркале, и тогда тебя вдруг настигнет твоя же рука, в час, когда этого совсем не ждешь.

И хорошо, если тебя самого, а не твоего друга.

Из раздумий Парда вывел хлопок по плечу. Он приподнял голову с надутого жилета, прикрылся ладонью от солнца.

— Надо бы идти, шеф!

Над лежащим Пардом склонился уже одетый Халькдафф.

— Чего-то торпедники нервничают!

Команда облачалась во влажную одежду. Это, оказалось неприятно, но торчать дальше на узком мысу и впрямь было глупо.

И они двинули прочь от восточного края косы. Сначала по чонгарскому берегу, но постоянный ветер со стороны Киева за долгие годы нагнал к Тузле столько всякой плавучей дряни, что чонгарский берег жизнь весть когда превратился в сплошное малопроходимое болото. Пришлось идти по черноморскому. Этот берег, напротив, оказался чист, словно пляжи курортных районов. Разве что песок кое-где был разбавлен россыпями битых ракушек: зимние штормы, бывало, перехлестывали косу, словно притопленное бревно.

Коса становилась шире. Правый, северный берег постепенно пропал из виду. Голый песок сме-

нился сначала редкими кустиками травы, потом просто травяной полосой, а дальше стали попадаться даже маленькие деревца. Через километр деревца стали выше хольфингов, еще через полкилометра — выше гномов.

Пард помнил, что в самой широкой части море от Чонгара отделено четырьмя сотнями метров суши. А в длину Тузла протянулась на добрых семь километров. Или пять миль — кому как больше нравится.

Пропали куда-то еще два катера, но оставшаяся пара продолжала неотступно сопровождать неровную цепочку живых, бредущих по песку.

— Чего им неймется? — ворчал Бюскермолен, зыряка на катера.

— Эх, ракетницу бы... — вздыхал в ответ Бельский.

«Ну, дойдем мы до западного края косы, — рассеянно думал Пард. — А дальше что? Опять вплавь? Крымский берег оттуда должен быть виден...»

Он уже собирался посоветоваться с Халькдаффом, Вольво и Инси, когда идущий первым Иланд вдруг замер, издав короткое негромкое восклицание.

Невдалеке, метрах в семидесяти от берега, в зарослях деревьев-маслин что-то краснело. Что-то до боли знакомое.

Надувной спасательный плот, похожий издали на натянутую палатку. И по тугому резиновому борту плота змеилась черная, ясно различимая надпись: «Гелиодор».

А потом из плота-палатки выбралась высокая тень в темно-зеленой маскировочной одежде, на миг замерла в недоумении и бросилась к ним. А

Иланд бросился навстречу, нелепо, словно чайка на взлете, раскинув руки.

— Иланд!

— Вахмистр!

Вольво даже остановился.

— Ну и ну! Выплыл, чертяка!

Впервые за много дней Пард видел улыбающегося Иланда.

— Привет, Вахмистр! — поздоровалась с эльфом Инси. — Как ты здесь оказался?

— Течением принесло, не поверите! Тащило в пролив, но я сумел запустить двигатель на плоту. Но вы-то как здесь оказались?

«Действительно, — подумал Пард рассеянно. — Вахмистр должен удивиться сильнее нас...»

— А нас потопили, — объяснил неунывающий орк Вася. — Слышал пальбу пару часов назад?

— Слышал! — кивнул Вахмистр.

— Это мы! — гордо объяснил Вася, словно подчинение дикого броненосца была целиком его, Васина, заслуга.

Все невольно засмеялись, даже раненые Роелофсен и Мина.

— А ты, гляжу, неплохо устроился, — сказал Иланд, обернувшись к плоту. Рядом, в тени маслин, виднелся над погасшим кострищем котелок на треноге, а на натянутой между ветвями веревке сушилась внушительная низка бычков и несколько крупных кефалей.

— Пришлось... — Вахмистр уныло вздохнул. — Я раз шесть удрать пытался, да катера крымские, заразы, тут же назад загоняют. Как они только плот не прострелили, ума не приложу. Вот решил выждать, может, снимут оцепление...

— Жди, снимут они, как же, — проворчал Халькдафф.

Вахмистр впервые поглядел седому эльфу в лицо.

— Кстати, — сказал он. — Здравствуй, Халькдафф. Сколько мы с тобой не виделись?

— Здравствуй, Вахмистр, — вежливо ответил Халькдафф. — Давненько не виделись, ты прав. С войны за Балеары, кажется.

— Халькдафф в команде, Вахмистр. А за хозяина теперь у нас Пард, — предупредил Вольво.

— Значит, — бесстрастно уточнил Вахмистр, — все получилось?

— Еще не все, — вздохнул Вольво, — но многое. Броненосец, например, по рецепту Парда мы подчинили... Правда, таким способом, что я и за тысячу лет изобрести не сумел бы.

— Выходит, ваш выбор оказался верным, — пожал плечами Вахмистр. — Я рад, что мы снова в одной команде, Халькдафф, хоть я всегда и осуждал твои методы.

— Не вижу ничего недостойного в моих методах, — огрызнулся Халькдафф.

— Прекратите, — решительно оборвала их Инси. — Я, конечно, недолго пробуду Техником Большого Киева, но пока я все еще Техник.

Эльфы, тысячелетние эльфы, послушно склонили головы перед ней, перед женщиной-лонгером, только начинающей жить. И Пард вдруг понял, как нелегко дается им эта покорность. И попытался представить, каково это — строить надгробный памятник и себе, и собственной расе.

Ведь все долгоживущие в команде Техника Большого Киева последнее время занимались именно этим — рыли собственную могилу, чтобы

однажды исчезнуть из этого мира. Раньше срока, отпущенного свыше.

И Пард с трудом сдержался, чтобы не вздрогнуть от прогулявшейся по спине стужи.

А Бюскермолен с отвращением огляделся — его, конечно, расстраивала жалкая полоска песка и целое море воды.

— Значит, отсюда нас добром не выпустят? — сказал он угрюмо и поднял глаза на Парда. — Шеф, придумай способ покинуть этот островок. Только побыстрее, а?

— Я постараюсь, — честно пообещал Пард.

34

Манслу — Чо-Ойо

Первая удачная мысль посетила Парда только следующим вечером. Он сидел на берегу и второй час кряду пялился на волны, что лениво накатывались на влажный песок. Совсем рядом, в прибое, бродили чайки, подпрыгивали, когда набегала очередная волна, и сосредоточенно копались в клубках водорослей, когда море отступало.

Мимо острова проходил катер — не торпедник, обычный катер, вроде «Гелиодора», только поменьше. Шел он далеко, но Парду показалось, что он не дикий.

Сбегать к Вольво за его любимым биноклем было делом минуты.

Так и есть — в рубке маячил силуэт рулевого. На катере хозяйничали живые.

Пард пошарил взглядом по морю, и долго ему это делать не пришлось. Катера крымской береговой охраны все время крутились где-то неподалеку.

«Ну, — подумал Пард, не выпуская из рук бинокля. — сейчас снова стрельба начнется!»

Но он ошибся. Катерок с живыми на борту храбро шел на сближение с охраной. И охрана с какого-то момента потеряла к нему всяческий интерес. Торпедники свернули на обычный патрульный маршрут, а храбрый катер скрылся на фоне крымского берега.

Его пропустили.

Пард задумчиво опустил бинокль. Выходит, существовал способ договориться с охраной? Но какой?

Радио?

Он не догадался захватить со «Стремительного» прирученную радиостанцию. И остальные вряд ли догадались... Разве что кто-то заранее упаковал непромокаемый рюкзачок.

Пард нетерпеливо вскочил и бегом направился к плоту-палатке.

Как он и ожидал, никто рацию прихватить просто не успел. Вольво только руками развел: не до того, мол, было. Халькдафф промолчал.

Пард сердито подумал: «Лучше бы ты пепельницу свою забыл, черт белогривый...»

Зато Гонза снова, как и в первый час на броненосце, вспомнил о спасательном плоту.

— Где-то здесь должны быть! — уверенно сказал он. — И батарея, и рация.

Вахмистр с Иландом с утра ушли на рыбалку, потому что съестное из аварийного запаса плота практически закончилось — все-таки Вахмистр сидел на острове уже достаточно долго, а плот был рассчитан примерно на пятерых живых и на то, чтобы они без проблем протянули неделю.

В одиночку Вахмистр протянул больше двух месяцев. Смерть от голода ему не грозила: рыбы в

окрестностях косы водилось без счета, креветок или мидий для наживки добыть тоже не составляло труда. А снасти чья-то предусмотрительная душа не забыла поместить в аварийный комплект плота.

С пресной водой дела обстояли хуже, но и тут Вахмистру несказанно повезло: он нашел на косе вкопанный в песок здоровенный бак, который подпитывался дождями и, возможно, талым снегом весной. Воды в баке сейчас осталось с четверть, и была она малость вонючей, но если вскипятить, и не такое с жажды пойдет. Тем более что всезнайка эльф добавлял в котелок какие-то травы, отчего вода становилась горьковатой и обретала некий странный привкус.

Но сейчас живых интересовала вовсе не вода — рация. Проще всего было бы спросить о ней у Вахмистра, но тот рыбачил. Поэтому в отсек в центре плота полез Гонза.

Под всеобщими взглядами он вытащил из вскрытой камеры один за другим три спасжилета, странный светильник в виде стеклянной или пластиковой — не поймешь — палочки, которую стоит переломить, и будет долго-долго напоминать упавшую звезду, остатки еды, четыре пустых канистры, новенькую батарею-источник техники и, наконец, плоский кожаный чемоданчик весьма однозначного вида. Чемоданчик был явно непромокаемым.

Гонза нетерпеливо вскрыл его — внутри в специальных захватах дремали: сигнальная ракетница, аптечка, компас, набор ножей и портативная радиостанция, похожая на трубку сотового телефона, только размерами побольше.

— Есть! — радостно сообщил Гонза. Команда толпилась у плота. — Даже техника не иссякла — рация работает!

Громкое шипение, шум эфира на пустом канале, на миг заглушило нестройный ропот живых.

— Выключи! — поморщился Вольво. — Зачем технику зря тратить? Батарейка там небось не вечная.

Гонза послушно щелкнул тумблером; шипение смолкло. Рация переключалась к Парду.

— Все, все! — объявил Вольво. — Не отвлекайтесь!

Зеппелин с Васей как раз занимались приготовлением ужина; хольфинги жгли под котелком костер, предварительно запасшись дровами. Дров, кстати, на острове оказалась прорва: море выбрасывало на берег много плавника, а солнце исправно его высушивало, благо лето мало-помалу вошло в силу.

Потянув Парда за рукав, Вольво отвел его в сторону. Халькдафф и Инси, конечно же, увязались следом.

— Ну, — нетерпеливо спросил Вольво на берегу. — Рассказывай!

Пард повалился на теплый песок и тронул биннокль на груди.

— Только что я видел, как крымские торпедники пропустили к берегу катер с живыми.

— Ну и что? — не понял Вольво. — Ясно, что крымчане иногда выходят в море.

— А как торпедники отличают — крымчане на катере или нет? — спросил Пард вкрадчиво. — Почему по Вахмистру сразу палить начинали, а на этот катер даже стволом не повели? А?

Наконец Вольво сообразил.

— Думаешь, они по радио запрашивают?

— Думаю, да! — ответил Пард. — И что-то мне подсказывает, что это не просто разговор живых. Скорее всего это кодированный сигнал. И передают-принимают его не живые, а машины.

— Ну, ясное дело, — все сообразив, буркнул Халькдафф. — Опять. Должен сказать, дорогой человек, методы у тебя не блещут разнообразием. Прикинуться своим, и все дела.

— Любезный эльф, — едко отвечивал Пард. — Во-первых, ваши методы не блещут не только разнообразием, но и сколько-нибудь успешными результатами. А мои пока оправдывались. А во-вторых, я с радостью выслушаю любые предложения. Итак?

Халькдафф насупился.

— Что? — ехидно спросила Инси. — Съел, лапоть старый?

Впрочем, сказала это она без злости, как испытанному другу, которому много чего можно говорить безнаказанно.

Эльф что-то неразборчиво пробурчал в ответ.

— Я всегда утверждал, что люди берут не столько знанием, сколько наглостью, — вздохнул Вольво. — Не хмурься, Халькдафф, они правы. У нас пока нет ни единой альтернативы. А лезть наобум под огонь торпедников — уволь. Я готов, конечно, рискнуть, но предпочту погибнуть не так тупо и бесславно.

— Да я понимаю в общем-то, что альтернатив нет, — уныло пояснил Халькдафф. — Я другого понять не могу: ну почему тривиальная мысль с радиоперехватом снова пришла в голову этому на-

стырному щенку, а не мне? Ведь дважды — уже дважды — похожий метод применялся и срабатывал. Неужели я настолько слеп? И ты, Вольво? Нет, ты не отворачивайся, ты ответы!

— Значит, слеп. — Вольво пожал плечами. — И ты слеп, и я. И вообще — хватит об этом... Лаптем тебя уже обозвали, так что не усугубляй...

— Слушать будем по очереди, — предложил Пард, разглядывая рацию. — Интересно, а тут автопоиск есть?

— По очереди? — хмыкнул Халькдафф. — А теперь послушай старого лаптя, о лапоть юный. Неизвестно, сколько нам придется слушать эфир, а источник техники у нас всего один. Ну два, два, я видел запасной в чемоданчике. Не перебивай, дорогая, я видел и большую батарею, но к ней мы подключим ноутбук, потому что перехваченный сигнал все равно придется записать — уж это-то сообразить и такие старые лапти, как мы с Вольво, в состоянии. И если мы зря посадим источники, не записав сигнала, — считайте, что визит в Крым в худшем случае откладывается...

— Да, — сказал Пард спокойно и с достоинством. — Ты совершенно прав, Халькдафф. Технику надо беречь, а я об этом не подумал. Я преклоняюсь перед твоим опытом и твоими знаниями. Спасибо за науку — в очередной раз.

— Вот! — Халькдафф поднял указательный палец к небу. — Слышишь, дерзкая девчонка? Вот! Уважение — уважение к старшим, вот чего не хватает вашей... гм... расе. Старших нужно всего-на-всего уважать и выслушивать, а не нарекать с порога старыми лаптями...

— Ну, прости, Халькдафф. — Инси пожала плечами. — Я же не всерьез...

Инси виновато вздохнула, но не выдержала и засмеялась, глядя на Халькдаффа, седого старого ворчуна.

«А ведь и эльфы бывают старыми, — неожиданно подумал Пард. — Именно старыми... Неужели Халькдафф старше Иланда?»

Иланд вовсе не казался стариком.

— Ладно. Ну а за морем в бинокль следить нам ничто ведь не помешает? А при виде катера включать рацию и ноутбук, чтоб, чего доброго, не прозевать сигнал? А? — Пард вопросительно взглянул на Халькдаффа и Вольво.

— Я послежу пока. — Халькдафф потянулся за биноклем. — Всегда мечтал последить в бинокль за морем. А вы пока все к записи приготовьте.

Они сделали всего несколько шагов, когда Инси заметила:

— Жизнь! Как приятно глядеть на мужчин, когда у них появляется цель! Передать не могу.

35

Чо-Ойо — Джаулагири

Через день они перехватили все радиопередачи с борта маленькой моторки, направлявшейся в Крым со стороны Тамани. Радиопередача, строго говоря, была одна и крошечная — сгусток коротких импульсов, похожий на замысловатый код. Вольво и Халькдафф поколдовали над ним пару часов и беспомощно развели руками: слишком мало статистики.

Еще через три дня мимо острова прошел довольно большой катер-теплоход, явно со множеством живых на борту. У этого передача оказалась столь же короткой и кодированной; от перехваченной ранее она отличалась. Потом состоялся разговор с охраной в обычном голосовом режиме — разговор пустой, односложный, а о том, что он ведется именно с охраной, догадаться было нетрудно, потому что ключевое слово прозвучало в эфире.

- Охрана?
- Ну?
- Я «Пион»...
- Ну?

- В Керчь иду.
- Ну иди.
- Ага... Куда обычно?
- Да. Позывные с позавчера не менялись.
- Понял, конец...
- Конец...

Вольво с Халькдаффом снова развели руками — по-прежнему не хватало статистики, чтобы истолковать передачи.

К рыбакам-кормильцам Иланду и Вахмистру присоединились еще орк Вася, Зеппелин и даже Гонза. Пард за неделю под солнышком изрядно прожарил кожу и стал сначала красным, а потом коричневым. Он приучил всех (кроме гномов и хольфингов) по утрам купаться и заплывал довольно далеко в море, так что коса почти терялась из виду. Конечно, плавал он не в сторону Крыма, а на юг, где досягаемой вплавь земли просто не было. Торпедники на столь ничтожную цель внимания не обращали.

Как выяснилось, из Крыма и к Крыму следовало немало всяких судов — от небольших лодчонок до того самого теплохода «Пион» — даже странно, почему внешний мир столь мало знал о Крыме при таких оживленных связях. И все суда, приближаясь к некой условной черте, бросали в эфир короткий кодированный радиоимпульс — начинающийся для всех одинаково, а заканчивающийся у каждой посудины по-своему: Когда «Пион» и небольшой катерок, зовущийся «Янтарный», проходили мимо косы вторично, техники быстро поняли, что каждый корабль имеет собственный позывной, и по этому позывному береговая охрана Крыма отличает своих от чужих.

Такой простой и незамысловатый способ мог таить какие-нибудь коварные особенности за кажущейся простотой, и решили подождать, накопить побольше статистики, чтобы, чего доброго, не сесть в лужу — ведь лужа у берегов Крыма была достаточно глубокая, а третье купание в черноморских волнах могло завершиться плачевно. В конце концов любое везение не вечно. А заряд батарей позволял вести наблюдение еще не меньше двух-трех месяцев. От задержки Пард чуть волком из Голосеевского парка не был — привычка долгоживущих готовиться неоправданно долго и с поражающей воображение тщательностью могла свести с ума любого человека, а особенно человека увлеченного. Впрочем, головой-то Пард понимал: чем дольше они станут слушать эфир, тем выше шансы прикинуться своими для береговой охраны. Но врожденная людская торопливость короткоживущего гнала и гнала его вперед — и это звучал в нем голос сердца, к которому люди почему-то прислушиваются не в пример чаще. Глас рассудка — удел тех, кому спешить некуда, а Парду было, было куда спешить...

Но не зря Вольво и Халькдафф тянули. Вскоре выяснилось, например, что каждые двенадцать суток позывные всех катеров и лодок меняются. Пересидев три смены — целый месяц, даже больше! — Инси раскусила и принцип образования нового позывного: он был основан на законах счетной науки-математики, в которой Инси разбиралась лучше всех в Большом Киеве. В тонкости Пард вникать не стал, когда узнал, что для осознания принципа изменения контрольной суммы числа-

позывного сначала придется пару лет корпеть над учебниками. Только убедился, что Инси может быстро и точно предсказать новый позывной для любого корабля — при условии, если знает старые два. Впрочем, нужные позывные легко было вычислить по формуле обычного калькулятора — все равно, компьютерного или автономного. Инси же умела вести подобные подсчеты без всяких компьютеров — лишь при помощи карандаша и листка бумаги.

Это не замедлили проверить — и позывной, выведенный Инси для того же «Пиона», совпал с тем, который «Пион» отослал на следующей неделе в эфир.

Ну а план действий у Парда вырисовался уже дней десять как.

Каждый вторник и каждую пятницу с юго-востока в сторону Керчи проходил десятиметровый катер, выкрашенный в веселенький желтый колер. Два раза в неделю, с регулярностью качающегося маятника, он полз мимо острова — утром, часов в десять, — к Керчи, вечером, часов в пять, — в обратную сторону. Катерок звался «Василий Аксенов», не воспользоваться этой желтой посудинной — просто-напросто преступно.

Ну а наглости Парду, как человеку, было не занимать.

Как-то утром он сказал Вольво, отведав вирга на пляжик и усевшись рядом с ним на не успевший еще как следует прогреться песок:

— Видишь этого желтобортника?

— Ну? — Наверное, Вольво наслушался переговоров охраны с судами, раз отвечал коротким «Ну?».

— Давайте его захватим.

Вольво округлил глаза:

— То есть?

— Захватим. Возьмем на abordаж с нашего плота. Кто подумает, что на плоте десяток вооруженных живых?

Вольво приоткрыл рот, являя миру замечательные клыки.

— Но... Вахмистра ведь на плоту не отпускали далеко от косы!

— А нам далеко и не нужно. К тому же «Аксенова» захватить надо еще в таманском проливе, а там охрана Крыма почти не появляется. И вот еще что: нужно захватить его в ближайшее утро после смены позывных. Мне так кажется...

Вольво задумчиво поскреб в затылке.

— Смело! Черт возьми, смело и просто! Пард, я готов признать — ты гений. — Вольво впечатленно развел руки, словно хотел обнять весь мир.

Пард хмыкнул; впрочем, слышать подобное от вирга было очень приятно. Кому неприятна похвала от уважаемого и опытного живого?

— Ну, хватил, гений... Этот пароходик так часто шастает вдоль косы, что мысль его попользовать сама просится в голову.

Вольво, похоже, уже просчитывал возможные варианты операции.

— Выйти в пролив, живых со стволами положить вдоль бортов и под крышей... Одного-двух оставить снаружи, чтоб жалобно изображали потерпевших кораблекрушение. Лучше Инси — ей в глаза кто взглянет, мысли сразу отшибет. Вместе с подозрениями. Блин, просто, как... ну, не знаю!

— Значит, ты считаешь, что это осуществимо? — спросил Пард.

— Еще как! Это так глупо, что наверняка срабotaет. Надо только засечь линию, от которой они бросают в эфир позывной.

— Я уже засек. Спасибо, бинокль есть...

Вольво кивнул и снова задумался.

— Ну ладно. Допустим, прорвемся мы к берегу. А дальше что? Ты знаешь, куда вести этот желтый кораблик?

— Те, кто им управляет, знают. Не станем же мы их убивать? Припугнем, они и расскажут все.

— А если нет?

— Мы постараемся, — вкрадчиво сказал Пард. — Мне кажется, что Иланд и Вахмистр, да и Халькдафф тоже — мастера по развязыванию языков.

Вольво вздохнул:

— Что да, то да. Мастера, и еще какие! За Иланда и Вахмистра по крайней мере я ручаюсь.

— Что и требуется. — Пард неопределенно шевельнул рукой.

— Хорошо, едем дальше. Мы причалили и даже незамеченными сошли на берег. Что потом?

Тут Пард ненадолго задумался.

— Потом? Еще совсем недавно я знал бы, что делать. Любой ценой попасть в город Симферополь и обратиться по адресу, который оставил мне Игорь Чепурной вместе с испорченными часами... Но ведь тот Чепурной на поверку никакой не крымчанин. Значит, и брата Вадима в Крыму у него нет. Так что я — пас...

Вольво бесцельно пересыпал песок из горсти в горсть.

— Сдается мне, мил-живой, зря мы головы ломаем, — сказал он наконец. — Пока в Крыму не окажемся, ничего придумать не сумеем.

Веером швырнув песок в сторону, вирг встал.

— А тебе придется снова быстро-быстро принимать решение. Там, на Крымском берегу.

Пард улыбнулся:

— Значит, ты веришь в успех абордажа?

— Верю, — ответил Вольво со вздохом. — Слишком уж далеко мы зашли. А значит, придется идти до последнего, и да не покинет нас твоя людская удача...

Халькдафф и Инси план захвата «Аксенова» тоже одобрили.

36

Джаулагири — Макалу (Хумбакарма)

Лагерь решили не сворачивать — ни кострище не засыпали, ни низки бычков не тронули. Только плот оттащили к воде и бечевой потянули вдоль берега. Вахмистр сказал: вдруг торпедники снова загонят на косу?

Но Пард надеялся, что этого не произойдет.

Солнце вставало над Таманью — совсем как в тот день, когда дикие броненосцы пустили на дно «Стремительный». Только на этот раз команда направлялась не на запад, а на восток, и по волнам негромко стучал резиновым пузом спасательный плот с «Гелиодора» — тот, что выручил Вахмистра...

На дальнем мысу Пард взглянул на часы — по его подсчетам, до появления «Василия Аксенова» у косы оставалось около получаса.

— Зря так долго на этом островке торчали, — проворчал Бюскермолен, брезгливо глядя на волны в проливе. — Надо было раньше пробовать абордаж.

— Ну да! — возразил сидящий рядом с гномами Гонза. — А позывные?

— А что позывные? — Бюскермолен пожал плечами. — Если решили заставить команду «Аксенова» привести катер в Керчь на обычное место, так и позывные из них можно было заодно вытрясти.

Гонза озадаченно замолчал.

— И верно... В самом деле, Пард? Почему? Я как-то об этом не подумал.

— Если бы не изучали позывные, сама идея abordaja не родилась бы, наверное, — ответил Пард. — Тогда бы мы прямо на плоту в Крым прорывались.

— Хватит болтать, — прервал их Вольво. — Оружие все проверили?

Команда, как всегда, нестройно загудела в ответ. Взгляд то и дело натыкался на стволы — «Кроки», снайперки эльфов, помповые ружья гномов, пистолеты саперов-хольфингов... И еще — нож орка Васи, позаимствованный неизвестно где.

— На плот! — командовал Вольво. В нужные моменты бразды правления как-то ненавязчиво переходили к нему, и Пард отнюдь не возражал. Когда настанет время выдать очередную безумную идею — он выдаст, а пока придется просто подчиняться. Пард деловито сунул «Крок» в непромокаемый рюкзачок и бросил рюкзачок на плот. Рядом положил бинокль.

Ударная группа ложилась вдоль бортов, Пард накрывал живых штормовыми тентами и крепил концы к специальным зажимам-люверсам у надувной стены. Иланд, Вахмистр, Халькдафф, гномы и хольфинги, Вольво — все они словно исчезли для стороннего наблюдателя.

Вася, Гонза и Зеппелин надели рюкзачки с оружием за спины — им сегодня по плану Парда и

Вольво предстояло окунуться в беспокойную черноморскую волну. Инси сидела внутри палатки, у ноутбука и рации.

— Поехали! — выдохнул Пард и вместе с Васей спихнул плот в воду. Течение сразу подхватило его и повлекло в пролив — в сторону Азова; Пард с Васей еле успели перевернуться через упругий, наполненный воздухом бортик. Под штормтентом сдавленно хрюкнул и коротко выругался кто-то из гномов.

— Hmmm! Vorsicht! Sahte, Kerl! Es ist Busker-molen hier, aber kein Sandbeutel doch!

— Прошу прощения, — пробормотал Пард. — Случайно...

Продолжения не последовало.

Вася блаженно растянулся у стены и, щурясь, глазел в необъятную голубизну южного неба. Зепелин выглядел мрачным и неприветливым, но вирги и полувирги всегда так выглядят из-за своих длинных клыков. А что в действительности творится у них на душе — поди разберись.

Только Гонза, казалось, поддался азарту начавшейся охоты. Пускай катер, на который они охотились, управлялся живыми, это все равно походило на охоту.

Они быстро удалялись от косы; течение осталось таким же сильным и трудолюбиво тащило тяжелый плот все дальше и дальше в пролив. Пард поднес к глазам бинокль, обшаривая взглядом беспокойное море. Желтый катер еще не показался.

Минут через двадцать — двадцать пять Пард запустил маленький тархтящий двигатель — коса почти совсем пропала из виду, а «Аксенов» всегда проходил невдалеке от косы. Плот развернулся против течения и медленно-медленно по-

полз обратно в пролив. Гребной винт на длинной штанге уходил в зеленоватую воду, вертелся где-то там, на глубине полуметра, рождал вереницы белесых пузырьков. А главное — все-таки побеждал сильное течение таманского пролива.

— Пард! Это не наш кораблик? — спросил вдруг Гонза, пристально вглядываясь вдаль. Пард немедленно поднес к глазам бинокль. На фоне таманского берега что-то смутно виднелось, и, кажется, это что-то было желтым, как солнце.

— Ну и зрение у тебя, друг-гоблин, — вздохнул Пард с завистью. — И оптика никакая не нужна!

Вскоре Пард заглушил двигатель, и тот, сонно чихнув, притих и оцепенел. Он вообще с самого начала был не особенно рад, что его вновь разбудили сегодня.

«Аксенов» приближался.

— Приготовились, — негромко сказал Пард; Вася, Зеппелин и Гонза тотчас скользнули через борт в воду и спрятались от крымчан за плотом.

— Инси! — позвал Пард, осторожно пододвигая к себе рюкзак с ружьем. — Выходи, что ли. Несчастных изображать станем...

Размеренный стук двигателей уже разносился над водой, прорываясь сквозь плеск волн. Катер шел прямо на них, прямо на плот.

— Эй! — с надрывом заорал Пард и замахал содранной с плеч курткой. — Помогите! Сюда!

Инси жалась к Парду и махала руками.

С «Аксенова» тотчас погудели — мол, видим, не психуйте. Пард на всякий случай курткой размахивать перестал.

Желтый катер очень быстро — быстрее, чем Пард ожидал, — оказался совсем рядом. Сбросив

ход, он нацелился чуть в сторону. У ближнего борта появились двое живых в тельняшках, кажется — люди; еще один оставался в рубке у штурвала. Пард видел его силуэт сквозь стекла больших круглых иллюминаторов.

— Кто такие? — требовательно заорали с «Аксенова».

— Люди! Наш катер потопили броненосцы! — ответил Пард, подпустив в голос жалобных ноток. — Третьи сутки в море! Помогите ради жизни!

Двое на «Аксенове» с сомнением переглянулись.

— Вы откуда?

— Из Киева!

Пард мельком взглянул на Инси — она играла свою роль прекрасно. Вроде бы растеряна и испугана, но крепится. Ну как не помочь такой красавице?

— Держи конец! — проворчал один из матросов-крымчан и метнул тонкую веревку Парду. Совместными усилиями плот был подтянут к желтому борту «Аксенова».

В тот же миг Вася, Зеппелин и Гонза ушли под воду, чтобы вынырнуть с другой стороны катера и незаметно забраться на борт.

— «Гелиодор», — прочел один из крымчан надпись на плоту. — Хм, Чиж, я слышал, что «Гелиодора» еще весной ко дну пустили, а не три дня назад!

Тот, кого называли Чижом, нахмурился и отпустил конец, но Пард уже тащил из рюкзака заряженный «Крок». Инси держалась за борт «Аксенова», не давая плоту отделиться и отплыть.

— Пора! — громко позвал Пард.

Миг — и из-под тентов дружно вылезли эльфы, гномы и Вольво; у каждого в руках по ружью. Оба

хольфинга подобрались к самому борту и приготовились взобраться на желтый катер.

Но вид оружия крымчан почему-то не испугал.

— Опять! — озадаченно сказал Чиж. — Что им неймется, не пойму...

— Сейчас вы поднимете руки и сделаете пару шагов назад, — сказал Пард жестко. — Ну!

Тут взревел мотор, и «Аксенов» дернулся вперед. Рулевой в рубке решил ситуацию по-своему.

Инси не отпускала борт, и плот потащился за «Аксеновым».

Пард нервно направил «Крок» в небо, собираясь для остротки выстрелить. Нажал на спуск...

И ничего не произошло. Ружье не действовало.

— Что? — ехидно спросили с «Аксенова». — Не стреляет твоя железяка, тупица киевский?

Пард уголком глаза увидел, что у Халькдаффа и гномов те же проблемы — их ружья отказывались стрелять.

— Можете выбросить ваши дурацкие железки! — с нескрываемым презрением бросил Чиж. — На территории Крыма они все равно не будут работать!

Но тут за спинами крымчан вырос Зеппелин и чем-то с чувством приложил обоих по затылку. Крымчане рухнули на палубу, не издав ни звука. Гонза тем временем выбросил из рубки рулевого, а Вася умудрился заглушить машину. «Аксенов» теперь плыл лишь по инерции.

— Шахнуш тодд! — прошипел Гонза. — У меня ружье испортилось!

Все быстро взобрались на борт «Аксенова»; плот тоже на всякий случай втянули и оставили на палубе, перед рубкой.

— Бюс! Роел! Иланд! Вахмистр! — жестко приказал Вольво. — Обшарьте весь катер, вдруг здесь еще живые найдутся. И не церемоньтесь особо...

Гномы и эльфы тут же покинули палубу; Вася и Зеппелин, видно, решили им помочь. Вернулись они минут через пять, пинками гоня перед собой щуплого человека в промасленной робе. На лице у человека быстро темнели и набухали два внушительных синяка.

— Вот! — объявил Бюскермолен. — Говорит, что он моторист.

— Все обшарили? — бесстрастно спросил Вольво.

— Все, шеф... — Бюс покосился на Парда. Иногда живые из команды по привычке называли Вольво шефом. Пард ни разу не возразил и не показал, что он недоволен. — Больше никого здесь нет, четверо, и все.

Вольво кивнул.

Из палатки-плота выбралась Инси, перешагнула через борт и ступила на палубу «Аксенова».

— Я не знаю, что все это значит, — сказала она нервно, — но ни рация, ни ноутбук не работают. Все наши машины отказали, начиная с ружей.

Зеппелин невозмутимо убрал пистолет в карман уже надетой куртки и взял из рук все еще голого Васи нож.

— Ну и шут с ними, с машинами. Ножи зато не отказывают. Задавайте вопросы, шеф!

Он рывком поднял с палубы Чижа и поставил его перед Пардом и Вольво. Нож в руке полувирга казался настолько естественным, что не возникало ни малейшего сомнения, что Зеппелин им владеет мастерски.

Чиж испуганно покосился на приставленное к щеке лезвие.

— Ну как? — спросил Вольво ласково. — Будем отвечать?

Чиж, боясь пошевелиться, прохрипел:

— Будем...

— Вот и славно!

Из голоса Вольво исчезла всякая угроза, и теперь он был похож на доброго дедушку, выгуливающего внуков: так же щурился на солнце, так же улыбался, глядя на собеседника. Вот только собеседник его вовсе не выглядел беззаботным внуком на прогулке.

— Вот и славно, вот и здорово; я рад, что имею дело с разумными живыми, а не с теми, кто спешит помереть не пойми за что...

— Нам есть за что умирать, нелюдь ты столетняя! — истерично прокричал выброшенный Гонзой из рубки рулевой. Иланд тут же коротко ударил его по шее — едва коснувшись на первый взгляд. Но рулевой тут же прикорнул на палубе рядом с напарником Чижа. Моторист при виде этого нервно сглотнул и испуганно поглядел на Иланда, на других эльфов, на Бюскермолена и Реллофсена, озабоченно вертящих в руках свои до сегодняшнего дня безотказные помповушки. На хольфингов, деловито шинрявших по палубе и сующих нос во все щели и ящики.

Моторист боялся — не нужно было особой проницательности, чтобы это понять.

— Вы направляетесь в Керчь? — спросил Вольво.

— Да, — поспешно ответил Чиж. — На портофлот... на причал портофлота.

— Кто капитан этой посудины?

— Вот он... — Чиж указал на бесчувственного рулевого. — А это его помощник рядом...

— Гм... — Вольво покачал головой. — Выходит, мы все начальство отключили? Ну, ладно. Скажи-ка, Чиж, ты сможешь провести эту посудину к самому причалу? Так, будто ничего не случилось? Тогда и с тобой, глядишь, ничего не случится...

Чиж нервно сглотнул — совсем как моторист пару минут назад. Видно, он не считал, что крымчанам есть за что умирать непокорными.

— Смогу...

Но глаза он отвел.

— А сигнал по радиии передать? — небрежно спросил Вольво. — Сегодня сигнал как раз сменился. Какой там теперь, а, Инси?

Инси заглянула в блокнот с записью.

— Один-один-три-ноль-два-восемь-семь-цэ-слэш-восемьдесят четыре — это первый, и два-один-один-четыре-ноль-два-четыре-один-семь-четыре-слэш-сто семь — повторный.

Инси победно взглянула на Чижа. И пояснила:

— Это сегодняшняя дата, двадцать восьмое августа шестьдесят четвертого года. Сначала в шестнадцатибитном коде, а потом в восьмибитном. Год, понятно, прописывается полностью, все шесть цифр, а не только последние две. Плюс контрольная цифра (через слэш), связанная с предыдущим позывным, — для каждого корабля своя. Так ведь, а, Чиж?

Чиж упал духом окончательно.

— Откуда вы знаете? Обычно нелюди из-за моря гораздо тупее...

Зеппелин коротко встряхнул его и слегка оцарапал ножом щеку.

— Еще раз услышу от тебя «нелюдь» — выколю глаз, — бесстрастно пообещал полувирг.

Чиж потерянно опустил глаза.

— В рубку его, Зеппелин! — велел Вольво.

Пард, Халькдафф, Инси и Гонза поднялись следом. В тесной рубке сразу стало не повернуться.

— Иланд! Вахмистр! — Вольво высунулся в раскрытый круглый иллюминатор. — Моториста — в машинное! И чтоб пахал как пчелка в Чернигове!

Эльфы разом повернулись к щуплому крымчанину с синяками на лице. Тот поспешно вскочил:

— Иду, иду!

Бесчувственных капитана и помощника остались караулить гномы. Мина с Беленьким куда-то исчезли — похоже, продолжали обшаривать «Аксенов» на предмет чего-нибудь пригодного в качестве оружия.

Не прошло и минуты, как двигатель чихнул пару раз и весело затарахтел. Из цилиндрической трубы за рубкой струйкой взвился к небу черный дым, словно вниз, в машине, кто-то жег резину — автомобильные покрышки, к примеру.

— Ну! — Вольво радостно потер ладони. — К штурвалу, Чиж!

Зеппелин крымчанина отпустил и встал у него за спиной. Нож уютно прятался в широченной ладони полувирга.

— Где тут рация? — Вольво огляделся. — Вот это, что ли? Ну и хлам, шахнуш тодд... Формулы знаешь нужные?

Парду показалось, что Чиж попросту не понял вирга.

— Что?

Вольво секунду глядел на крымчанина.

— С рацией, говорю, совладаешь?

— Да...

Халькдафф тем временем откинул крышку-матрицу маленького, похожего на обычный ноутбук корабельного терминала. Пискнув, компьютер загрузился. Эльф сосредоточенно глядел в экран, что-то бормотал под нос и двигал пес-тиком тинкпеда.

— Так... Ага... Ага, понятно... Ха, Вольво, тут радиосигнал просто в открытом доступе лежит! И на управление рацией специальная опция открыта!

Все-таки знания и тысячелетний опыт многое значили: Халькдафф быстро разобрался в работе незнакомой операционки с непривычным интерфейсом.

Инси протиснулась к экрану с блокнотом в руке. Шевеля губами, она сверила цифры в позывном. Все совпало до последнего знака. И Инси победно улыбнулась.

«Аксенов» сменил курс и шел теперь как обычно — словно ничего особенного сегодня не произошло. Ничем не примечательный, рутинный рейс. Слева по борту уже маячила коса.

Вольво потянулся к Парду и прошептал ему на ухо:

— Ты говорил, что засек линию, от которой обычно бросается позывной?

Пард кивнул.

— Следи, чтоб не прозевать... Заодно проверим — честно ли играет этот деляга!

Пард снова кивнул:

— Хорошо, Вольво.

— А далеко еще, кстати?

Пард, предусмотрительно повесивший на грудь бинокль, когда уходили в рубку, выглянул в иллюминатор:

— Не очень. Думаю, минут десять.

— Следи! — Вольво вновь обернулся к пленнику. — А скажи-ка, Чиж... Что там твой друг лопотал насчет киевских машин? Мол, в Крыму они не работают?

Чиж зябко передернул плечами.

— Ваши машины сразу портятся, как только оказываются вблизи крымских. Навсегда. Они ведь у вас полностью автоматические и самообучающиеся... Едва вблизи появляется машина, сделанная людьми, — у ваших машин эти функции отказывают раз и навсегда. Так что ружья свои можете теперь выбросить в металлолом...

— Так значит, и компьютеры наши теперь перестанут работать? — с возмущением спросил Халькдафф, отворачиваясь на миг от корабельного терминала.

— Да, — сказал Чиж чутьчку виновато, словно ответственность за эту непостижимую странность лежала целиком на нем. — Перестанут. Собственно, они уже перестали...

Инси сразу это заметила. И встревожилась: ведь исчезала возможность послать кораблям береговой охраны нужный сигнал-позывной. Только на местную технику надежда и оставалась.

— Да что компьютеры — к вечеру даже ваша одежда разлезется... — сказал Чиж, косясь на нож Зеппелина. Видимо, предметы из Киева, такие как нож например, портились в Крыму медленно, и конкретно ножу Чиж сильно желал испортиться побыстрее.

Пард с сомнением взглянул на свою куртку — с чего бы ей разлезаться? Но Чиж скорее всего знает, что говорит. С ножом у горла обычно говоришь только правду...

Тут совсем рядом коротко татахнула очередь из чего-то огнестрельного, а спустя минуту в рубку попытался втиснуться Мина с парой коротких автоматов наперевес, но места здесь не осталось даже такому малышу, как хольфинг. И Мина зычно прогудел прямо снаружи:

— Шеф, мы нашли действующее оружие! Вот, держите на всякий случай! Иланд, Вахмистр, Бюс, Роел и мы с Беленьким уже при стволах.

— Отлично! — Вольво зубасто улыбнулся, и Чиж поспешно отвел взгляд. В море уставился. М-да, улыбка вирга — вещь не для слабонервных.

Один автомат взял Зеппелин, второй — Гонза. Нож полувирг сунул все в тот же карман куртки — на первый взгляд в тот же. Но Пард уже знал, что в куртке у того на самом деле несколько узких кармашков специально для ножей и отдельно — карман для пистолета. Пистолет Зеппелин выбрасывать отказался, наверное, не мог поверить, что он испортился навеки.

Житель Киева не мог смириться с мыслью об испорченной машине. Такая мысль была невозможной, как невозможно солнцу встать на западе. Даже подготовленные техники — Вольво, Халькдафф, Пард, Гонза, Инси, — и те никак не могли поверить до конца. Просто приняли как данность, но все естество противилось и не хотело верить в эту чудовищную нелепицу — испортившуюся машину. Пард еще помнил растерянность солистов в собственном гараже, когда тамошние машины

вместо топлива наглотались эмульсии и ненадолго очумели. Даже тот случай выходил далеко за рамки представлений почти любого киевлянина.

Стоило ли удивляться, что Зеппелин не спешил выбрасывать свой пистолет? Да и остальное оружие живые Техника Большого Киева не выбросили — оставили на плоту или на палубе. Не за борт же его швырять?

Коса Тузла плавно проползала мимо. Точнее, это катер полз вдоль косы, но из рубки казалось, что «Аксенов» застыл посреди водной глади, а близкий берег мерно уползает к корме. К корме — и дальше.

Незадолго перед выходом в Керченский пролив Чиж забеспокоился, нервно сжимал руки на рожках штурвала, косился в иллюминатор. Потом негромко предупредил:

— Пора подавать сигнал.

Вольво метнул Парду быстрый взгляд, как бы спрашивая: «Не врет?»

Пард на мгновение прикрыл глаза — вычисленная им условная линия пролегла действительно где-то тут.

— Давай, Халькдафф! — ровно призвал Пард, и эльф тотчас клюнул указательным пальцем по клавише «Enter». Рация коротко и послушно мигнула огоньками на панели, почти неразличимыми в свете дня. А потом в рубке зазвучал незнакомый писклявый голос.

— Эй! На «Аксенове»!

Вольво с ледяным лицом протянул Чижу гарнитуру-микрофон, а Зеппелин выразительно приставил к голове крымчанина ствол автомата. Никто не проронил ни слова — слова были излишни.

— Да! — хрипло отозвался Чиж.

— Чиж, ты что ли? — уточнил писклявый.

— Я...

— А где кэп?

— Он... занят.

— От, тля... — огорчился писклявый. — И сильно занят?

— Сильно.

Чиж испуганно косился на автомат у своей башки, и струйки пота обильно текли по его лицу.

— Ну ладно, — вздохнул писклявый. — Передай, пусть из портофлота в управу звякнет — Писарев с утра мечет громы и вставляет пистоны всему отделу. Как бы и портофлоту не влетело из-за вас...

— Передам, — пообещал Чиж, облизнув пересохшие губы. — Обязательно.

— Все, отбой, — проворчали с берега, и рация, щелкнув, отключилась. Сама.

— Отлично, Чиж! Я рад за тебя! — Вольво хлопал рулевого по плечу и отобрал гарнитуру. — Ты прекрасно себя ведешь, и я думаю, нам не придется тебя убивать.

Чиж судорожно вздохнул, когда Зеппелин убрал автомат от его головы. Впрочем, убрал его полувирг не слишком далеко.

Пард, приникнув к биноклю, осматривал море прямо по курсу «Аксенова». Вдали, у самого берега, торчал на рейде одинокий торпедник, но непохоже было, чтобы «Аксенов» его сильно заинтересовал.

«Неужели пронесло? — подумал Пард с надеждой. — Хоть бы правда...»

Ему совершенно не хотелось вновь окунаться в соленую воду Черного моря, не хотелось отчаянно выгребать из жадной воронки со свинцовой тяжес-

тью на ногах... И совершенно не хотелось возвращаться на косу и начинать все с начала.

О смерти Пард даже не подумал.

Он стоял на палубе желтого катера, вероятно, собранного живыми. И лихорадочно соображал: что же кажется ему странным? Что берedit душу, что беспокоит? Те же борта, та же подрагивающая палуба под ногами, тот же тихий рокот двигателей... И все равно что-то не так.

— Эй, старшой! — окликнул его Вольво, отвлекая от тревожных мыслей. — Спросил бы ты что-нибудь, а? Для порядка.

Пард оторвался от бинокля и задумчиво поглядел на Чижа. Тот исподлобья зыркал в ответ.

— Скажи, а кто такой Василий Аксенов? — спросил вдруг Пард. Ничего другого сейчас в голову просто не пришло.

Чиж пискнул, словно жабу проглотил. Потом удивленно взглянул на Парда:

— Аксенов? Это человек, открывший остров Крым. А вы что, не знали?

37

Макалу (Хумбакарма) — Канченджанга

Пард даже не представлял, что когда-нибудь увидит столько кораблей сразу. Берега Керчи представляли собой сплошной непрерывный причал, у которого в несколько рядов стояли корабли — небольшие катерки, белоснежные теплоходы, ржавые гиганты непонятного назначения, размерами не уступающие даже броненосцам, — лес мачт и полчища нацеленных в небо труб.

Кажется, здесь было больше плавучих машин, чем во всем остальном мире.

Торпедники, шнырявшие у входа в бухту, «Аксенова» не тронули. Правда, всем в рубке пришлось присесть, чтобы попусту не маячить в иллюминаторах. Только Чиж и Зеппелин остались стоять.

Как Чиж умудрился отыскать среди причалов единственный нужный — Пард просто не понял. На его непривычный взгляд, все причалы были совершенно одинаковы и почти все — заняты. Но Чиж уверенно вертел штурвалом, ведя желтый катер портовым лабиринтом. Чиж, кажется, даже

слегка воспрянул духом и поверил, что выберется живым из сегодняшней передраги.

Прожаренный солнцем человек на берегу принял носовой и ловко намотал его на рогатый кнехт. «Аксенов» подтянул к причалу корму, дыркнул напоследок двигателем и затих. Человек на причале вяло махнул Чижу рукой и ушел прочь.

«Снова человек! — подумал Пард. — У них тут что, ни эльфов, ни орков не живет, что ли?»

Тогда Пард еще не знал, что его безумная догадка абсолютно верна. Остров Крым был населен исключительно людьми.

Чижа они связали. Очнувшихся капитана и помощника — тоже, заткнув им рты первыми попавшими под руку тряпками. Моториста эльфы заперли в машинном, на всякий случай тоже связав. Все это проделали быстро и по возможности так, чтобы не появляться лишний раз на палубе.

— Ну что? — спросил Вольво, выразительно глядя на Парда. — Вроде тихо... Попробуем выйти?

— А что, у нас есть выбор? — пожал плечами Пард. — Я пойду первым.

— Почему ты?

— Потому что я человек, — наугад ответил Пард.

Он шагнул через борт и прыгнул на облупившиеся доски причала. Прошел к берегу, минуя неподвижные катера. Прожаренный человек дремал в будочке за полосатым шлагбаумом; рядом лениво грелись на солнце две лохматые собаки. На Парда они не обратили никакого внимания.

«Что, тут чужаки каждый день шляются?» — подумал Пард отстраненно.

Он огляделся. Обычный городской пейзаж промзоны, и не скажешь, что это таинственный

Крым. Краны торчат повсюду, железо валяется, какие-то загадочные машины неподвижно застыли меж хлипких и большей частью невысоких строений... Ворота впереди виднеются, и рядом стоит автомобиль, похожий на странноватых очертаний джип.

И живой рядом.

Пард присмотрелся и понял, что знает этого живого. По крайней мере видит его не впервые.

Пард замер на мгновение. Потом обернулся и, разом перечеркивая всю маскировку и прекращая прятки, позвал:

— Вольво! Выходи. Гляди, кто нас встречает...

Вольво показался на палубе, так же перелез через борт и направился к Парду. За виргом уже тянулись Халькдафф, Инси, Гонза...

Вольво казался бесстрастным. Но живого он тоже узнал.

— М-да... Я могу узнать, что ты здесь делаешь, а, Чепурной?

Это был не кто иной, как Игорь Чепурной, живой из команды Вольво, подосланный с негодными часами к Парду в Николаев и вынудивший Парда затеять поход в Крым и искать поддержки в лице Техника Большого Киева.

По словам Вольво, Чепурной сидел в Центре и держал связь с командой. На деле он оказался там, куда они столько стремились и с великими трудами наконец-то попали. На острове.

— Я здесь живу, Вольво. Позволь представить: Вадим Чепурной, Техник Крыма.

— Еще недавно тебя звали Игорь...

— Да. Но на самом деле я Вадим. Прости, нам пришлось использовать всех вас — и тебя, и Инси,

и даже Халькдаффа в какой-то мере. Вы использовали Парда — не без нашего участия, замечу, — а мы использовали всех вас, всю команду.

Гонза весело посмотрел на Парда.

— Ну и ну! — шепнул он. — Оказывается, не нас одних крупно надули!

Пард угрюмо молчал. Ложь. Снова ложь. Интересно, кто же использует Чепурного, чтобы он использовал команду Вольво — Инси, а те, в свою очередь, его, Парда?

Чудовищная лживая цепочка, где каждый сначала полагает себя героем и первопроходцем, а на деле оказывается лишь марионеткой в чьих-то ловких и расторопных руках.

— Чего же добивается Техник Крыма? — угрюмо спросил Вольво. — И к чему все эти сложности?

— Техник Крыма добивается того же, что и вы: чтобы Большой Киев начал строить машины сам, а не приручал дикие. А все это понадобилось для того, чтобы киевлян привел сюда человек, а не вирг или любой другой живой. Пард нас вполне устраивал. И устраивает поныне.

— А разве это имеет какое-нибудь значение — человек приведет киевлян или нет?

Чепурной усмехнулся:

— Вольво! Все — практически все, о чем мы говорили с тобой, остается в силе. Да, Техником Большого Киева должен быть человек. Именно человек. Да, время долгоживущих во всем мире проходит, как прошло оно в Крыму. Да, пора свалить с нашей помощью Систему и людям земли встать наконец-то на ноги и начать самим вершить собственную судьбу. А долгоживущим — извините

все — уступить место, подвинуться и не мешать, потому что, если вы вздумаете мешать, вас просто истребят, как истребили здесь, в Крыму. Лично мне этого не хотелось бы, потому что я считаю, что эльфы, гномы, вирги, орки, гоблины — все эти расы еще долго смогут жить рядом с людьми, но им для этого придется сильно измениться. Да, в Большой Киев пора принести новое знание и новое умение — умение самостоятельно делать машины. Только началось все это здесь, в Крыму. И в команде Вольво — Инси однажды объявился человек по имени Игорь Чепурной с неработающими часами и странными идеями...

— Я понял, — угрюмо сказал Вольво. — Ловко...

— Когда ты объяснял мне, что меня использовали, — вмешался Пард, — ты был не в пример веселее, вирг.

— Что ж... Теперь я побывал и в твоей шкуре. И мне тоже придется смириться, потому что он скорее всего прав.

Вирг еле заметно качнул головой, указывая на Чепурного. Тот обвел взглядом всю команду.

— Сколько вас? Один, два... тринадцать. Хм... Надо вызвать еще машины...

Чепурной достал из кармана телефон-трубку непривычной конструкции и принялся звонить какому-то Лесли. А Пард вдруг подумал, что, если бы подобную авантюру затеяли москвичи, они бы точно назвали ее «Операция «Матрешка».

— Итак, судари, — Чепурной спрятал трубку, — сейчас подъедут еще машины. Куда мы направимся в первую очередь — в одежную лавку или в ресторан?

— Могу я задать вопрос? — Пард обратился к Чепурному. — Чтоб окончательно прояснить ситуацию. — Мы здесь кто — пленники?

— Нет, — ответил Чепурной спокойно. — Ни в коем случае. Вы — партнеры. А значит — гости.

— Тогда, — сказал Пард, — в лавку. Не думаю, что Инси согласится ехать в ресторан в этих... гм... одеяниях. Да и нам сказали, что к вечеру они просто расплзутся.

И он смело потянулся к дверной ручке незнакомой машины.

— Прошу, сударыня!

Инси с улыбкой на устах уселась в машину. Пард устроился рядом. Вольво сел впереди, а к Парду в соседи попал Гонза.

Чепурной невозмутимо занял место за рулем. Видимо, Техник Крыма не считал ниже своего достоинства поработать некоторое время простым шофером. А возможно, таким вот демократичным образом он демонстрировал гостям и партнерам крымское уважение.

Когда завелся двигатель, Пард наконец сообразил, что кажется ему странным в этом автомобиле и что казалось странным на борту «Аксенова».

У этих машин не было души. Это были просто куски железа, и без живых они не значили ровным счетом ничего. И Пард вдруг подумал: тот ли мир он пытается приблизить? Но вскоре отогнал сомнения прочь. В конце концов главное — чтобы живые не лишились душ. А машины... Они ведь только машины и призваны просто облегчать живым жизнь.

И не более.

За воротами стоял еще один автомобиль, копия первого. Шофер, дородный уса́тый дядька,

курил сигарету без фильтра. Тут же рядом, выйдя в тени.

— Петрович! — Чепурной высунулся в окно. — Приедут из гаража, отвезете всех в «Лист», а потом в «Крымский восход». Граев и Шантура все знают и будут встречать, только доведите.

— Добре, — с непривычно мягким выговором отозвался дядька и выбросил окурочку куда-то за забор. — Сидайте, кто перший...

Во второй автомобиль поместились Халькдафф, Иланд, Вахмистр и оба гнома. А еще две легковушки, спешащие навстречу, попались на дороге минут через пять.

Улица вновь напомнила Парду промзону в любом из районов Киева. Унылый серый забор — с одной стороны, унылые серые пятиэтажки — с другой. А посередине — полоска пыльного асфальта, еще и неровного к тому же.

— Скажи, Техник, — спросил вдруг Пард. — А дороги и дома вы тоже строите сами?

— Конечно! — подтвердил Чепурной. — Кто ж за нас их станет строить?

«М-да, — снова шевельнулось сомнение. — А тот ли выбор я сделал? Это сколькому ж научиться надо, чтоб все — совершенно все — строить и ладить самостоятельно, по собственному разумению?»

Но, с другой стороны, можно выстроить именно такой дом, какой тебе больше всего понравится... Именно такой автомобиль, о каком мечтал...

Мысли прыгали в такт с неровностями дороги.

А потом забор вдруг закончился, и слева открылась красивая набережная, мощенная розовыми бетонными плитами. По набережной гуляли

живые — сплошь люди; обилие красок и большие клумбы с буйной южной зеленью резко контрастировали с однообразно-серой улицей, которую они недавно покинули.

Они остановились перед шикарным магазином со стильно исполненными витринами. Судя по всему, здесь продавали одежду.

— И одежду тоже сами... — Пард с трудом подыскал в памяти нужное слово, — шьете?

— Все сами, — заверил его Чепурной. — И шьем, и кроим... Я, правда, не умею, но тут и без меня специалистов хватает.

Пард только головой покачал. Конечно! Наверняка в Крыму живые... точнее, люди не успевают выучить достаточно много формул. Вот и разделяют умение. Один умеет шить, второй возводить дома, третий делать автомобили...

Впрочем, если разобраться, разве в Большом Киеве не так? Инси — спец в вопросах чистых знаний, Вольво — Магистр приручения, Бюскермолен и Роелофсен — охотники... Тоже ведь разделение, как ни крути. И если новое знание вырвется с острова, разделение станет еще более четким, более резким. От этого никуда не деться...

Одежду здесь шить умели. И ткани делали такие, каких Пард сроду не видел. Он остановился на мягких черных брюках свободного покроя; рубашку ему посоветовали взять светлую, потому что жарко. Туфли оказались на удивление легкими, ему даже сначала почудилось, что надетая туфля просто свалится с ноги. Но нет, она была на месте, просто нога, привыкшая к тяжелым ботинкам, не сразу освоилась в новой обуви.

После душа Пард почувствовал себя заново родившимся. Больше месяца на броненосце, потом столько же на острове... Кто хочешь устанет без городских удобств.

А когда свежие и резко повеселевшие спутники спустились в общий зал, Пард вдруг поймал себя на мысли, что почти не сердится на крымчан за их изначальный обман, оказавшийся куда изощреннее, чем представлялось еще недавно.

Наверное, сердиться не хотелось потому, что вокруг были люди. Такие же короткоживущие, как и он, Пард Замариппа, без пяти минут Техник Большого Киева.

Вся команда с материка была уже в сборе, а напротив входа, отражаясь в стеклах витрин, ждали четыре автомобиля. Давешний дядька с мягким говором смолил очередную сигарету в компании таких же основательных пожилых людей-шоферов.

На этот раз Чепурной за руль садиться не стал, и Гонзе пришлось перебраться к Васе-одесситу и Зеппелину поближе. Гоблин тоже не выглядел особо удрученным.

Может быть, потому, что однажды обманутый новую ложь воспринимает уже легче?

Зато Вольво казался мрачнее обычного.

И в ресторане Парду очень понравилось. Блюда были вкусными, вина — превосходными, играл живой оркестр, и однажды возникшее чувство проникновения в сказку уже не могло его покинуть. Особенно после того, как Пард узнал, что назад, в Большой Киев, Чепурной планирует переправить их на летающих машинах.

Оказывается, в Крыму давно научились делать летающие машины.

Все. Это известие окончательно разорвало тоненькую нить, связывающую Парда с прошлой жизнью. Наверное, действительно на порог мира поспела новая эпоха и требовательно стучалась в двери.

Пард предоставил вести переговоры Вольво и Инси. С живейшим интересом за разговором следил и отлученный Халькдафф. Впрочем, на крымской земле его отлучение мало кого заботило. Во всяком случае, выяснилось, что эльф хоть и редко, но регулярно исполнял заказы Техников Острова. В Крыму Халькдафф действительно никогда прежде не бывал, но это не мешало ему исправно помогать тамошним техникам. Сколько диких приборов Халькдафф разобрал, сколько машин раскурочил по винтику, сколько чертежей отправил в крымские сети по секретному гейту — сначала неумелых, но с каждым разом все более грамотных и изящных чертежей... Ведь эльфы тоже в состоянии учиться, хоть и гораздо медленнее людей. Но Халькдаффу и спешить было некуда.

Крым давным-давно обеспокоился возросшей нестабильностью в мире. Искусственная изоляция острова от континентальных городов на деле оказалась односторонней: крымчане великолепно знали, что происходит за пределами их странной родины. Да и дикие радио- и телепередачи извне остров ловил без проблем, а уж сколько всякой всячины черпалось из глобальных сетей, и передать было сложно. Сохранять же свою информацию и ничего не выпускать во внешний мир для крымчан тоже труда не составляло, ибо они были хозяевами техники. Истинными хозя-

евами — не дрессировщиками, а творцами. А это все же разные вещи.

Станным Парду показалось совсем другое. Здесь ненавидели долгоживущих, считая, что все беды мира — от них. Чепурной здорово рисковал, осуществляя свой хитроумный план и сохраняя его в глубокой тайне. Но у него не было выбора — на материке люди еще долго не заняли бы главенствующих ролей в коллегиях техников. А значит, оставался лишь риск. Здесь, в Крыму, кроме техников, никто и не знал, что с визитом пожаловали киевляне и что людей из них всего двое, да и то один (одна) — лонгер. А техники, интеллектуальная элита Крыма, расовыми предрасудками почему-то не страдали. Единственное, чего потребовала коллегия, — это чтобы Крым имел дело с Техником Большого Киева-человеком. Рабочих же портофлота и прочих живых, которые видели пришлых, Чепурной благоразумно подменил своими людьми — от невидимки, помогавшего швартоваться, до шоферов и хозяев магазина и ресторана.

«Вот и еще одно последствие чужого знания: техники и ученые быстро, слишком быстро становятся элитой, чуть ли не расой в расе», — уныло подумал Пард. Подобная перспектива тоже грозила Киеву болезненными переменами.

Именно поэтому Техник Крыма не мог затягивать пребывание долгоживущих в Крыму. К вылету у него все было готово, и ближайшей же ночью команду Вольво — Инси намеревались отвезти на аэродром и погрузить в транспортные вертолеты. Вертолетов насчитывалось много — несколько десятков, ибо для того чтобы делать

машины самостоятельно, нужны были уже готовые. Специальные. И живые, умеющие такими машинами повелевать. Целая команда, сыгранная и опытная.

Команда у Чепурного имелась. От киевлян требовалось одно: подобрать место для первых мастерских и — учиться. Неустанно учиться. Место Вольво предложил с ходу — ту же Выставку, где у Техника Большого Киева в распоряжении была целая система павильонов и ангаров. Чепурной выбор одобрил — его вылазки в Киев не прошли зря, Центр он успел неплохо освоить.

Главный вопрос задал все же Пард, устав от малчиваться который час подряд. Чепурной, давно заметивший, что у кандидата в Техники Киева на языке вертится что-то важное, сам предложил высказаться.

— Я вижу, есть мысль? Говори, Пард, не стесняйся. У нас сейчас только одна надежда: предусмотреть абсолютно все. Так что...

Пард встретился взглядом с Инси, с Вольво, с Гонзой. И снова почувствовал в их взглядах надежду.

«Говори, Пард. Мы тебе верим. Ты должен заметить каждую ошибку, потому что ты еще не успел привыкнуть к этому миру, миру самостоятельных машин, и без тебя мы скорее всего потерпим поражение. Говори, Пард...»

— Что будет с Большим Киевом, когда ваши летающие машины пересекут границу города?

Чепурной не спешил отвечать. Но ответить все же пришлось.

— Город умрет. Как умерли ваши ружья на борту «Аксенова». Полоса, над которой пройдут

вертолеты, и ваши ангары, которые вы переделаете под мастерские, станут сердцем нового Киева. Города, который будет обязан своим существованием исключительно живым.

— Но ведь... Это катастрофа. Самая настоящая катастрофа. Живые останутся без жилья, без машин... Без пищи, в конце концов!

— Да, Пард. Останутся. Но никто и не говорил, что самостоятельность стоит дешево. И еще пойми — завтра погибнуть может гораздо больше народу. Если мы сегодня отступим.

Голос Чепурного мгновенно стал жестким; но чувствовалось, что он свое решение давно уже принял. И отступать не собирается.

И все, что Пард делал до сих пор, стало вдруг казаться мелочью и ничего не значащим пустяком. Потому что ему, Парду Замариппе, только что предложили убить родной город. И еще множество горожан — таких же, как и он сам. Долгоживущих, которые уже не смогут приспособиться к новому Киеву и новым машинам. Всех, кто не умеет добывать пищу на земле, в парках и полях. Всех, для кого город стал основой жизни.

— Что скажешь, Пард? — тихо спросила Инси. Пард опустил глаза.

«Не обманывай тех, кто тебе верит...»

«И себя тоже не обманывай...»

— Что же... — ответил Пард, и в горле враз пересохло. Но он нашел в себе силы закончить фразу недрогнувшим голосом. — ...что же... Если, для того чтобы подняться к свету, нужно сначала упасть лицом в грязь — придется падать. Иначе мы никогда не научимся ценить свет.

Поцелуй Инси был ему лучшим знаком, что выбор оказался верным. Хотя по чисто людской природе следовало довериться голосу сердца.

А Пард склонился к голосу рассудка.

Но иногда придется убивать в себе человека — это Пард тоже понял. И оставаться только Техником. Техником с большой буквы, для которого город в целом превышает всего. И который в ответе за весь город.

Если не за весь мир.

38

Канченджанга — Чогори

Как всегда, время в непривычном месте летело на удивление быстро и незаметно. И тем не менее в каждую минуту почему-то умещалось очень много событий.

Пард, в очередной раз оглянувшись, понял, что на улице уже темнеет. Чепурному то и дело звонили по телефону, и он, извиняясь, углублялся в очередную разговор.

Ужин тоже закончился быстро. Пард потягивал очередной бокал «Черного доктора» (что местные виноделы под этим подразумевали — не орка же Васю?), когда Чепурной отдал распоряжение подавать легковушки.

Аэродром — место, откуда удобнее взлетать машинам, — располагался где-то под Симферополем.

«Да, — подумал Пард рассеянно. — Сколько времени ухлопали, чтоб достичь Крыма, сколько сил потратили в пути, а оказалось, что здесь все решится за один-единственный день, а выполнится за одну-единственную ночь. Как там в Киеве говорят: замах на гривну, удар на копейку...»

Но Пард все же понимал, что именно путь к Крыму сделал его таким, каким требовалось. Спо-

собным стать Техником Большого Киева — тот Пард, который приехал в Центр весной, на это был еще не способен. Да и в команде Пард стал за это время своим.

Путь через Керчь оказался на удивление коротким — минут пятнадцать езды по освещенным улицам, и вереница легковушек вырвалась во мрак крымской ночи. Звезды сверкали уже совершенно по-осеннему — Пард, как житель окраины, знал истинные звезды. Не те, что едва пробиваются сквозь городскую иллюминацию, а те, что сияют в небе крошечными солнцами. Он насмотрелся на звезды и во время сидения на броненосце, и позже — на косе, но еще совсем недавно они были летне-тусклыми.

В приоткрытые окна врвался остро пахнувший травами ветер. Дорога пролежала через голую степь, без единого домика. Не было привычных городских шумов — лишь урчали моторы, шины подминали теплый еще асфальт, да ветер иногда доносил шелест растущих вдоль дороги деревьев.

Они вспарывали ночь, и Пард совершенно не замечал скорости. За окнами царила угольная чернота, и скорость почувствовать мог разве что долгоживущий, из тех, кто свободно видит в темноте.

Пард начал уже задремывать, когда трасса перестала быть прямой: пошли замысловатые многоярусные развязки, слева мелькнули огни близкого города, и Чепурной на переднем сиденье коротко пояснил:

— Симферополь...

Но столицу Крыма оставили в стороне. Проскочив еще несколько развязок, некоторое время неслись по другой трассе, но вскоре и с нее свернули.

Десять минут — и все машины затормозили перед подъемными воротами. Внушительный забор огораживал участок крымской степи, у ворот сияли прожектора, кидая в ночь столбы ослепительно белого света. Живые, явно вооруженные и явно люди, караулили ворота. Гоблину, виргу или эльфу прожектора только мешали бы...

Чепурной вышел из машины и спустя минуту вернулся. Ворота уползли вверх, освобождая проезд, и они оказались на аэродроме. Рядом, за зданием с башенками, что-то мерно рокотало, а небо там было совсем белесым от света многих прожекторов.

Трое живых встречали их; Чепурной поздоровался с ними за руку и быстро заговорил. Один из встречавших тотчас поднес к губам рацию:

— «Эшелон», команда «Запуск»! Повторяю, «Запуск»! Как поняли, прием?

— Понял, «Запуск», — прорвался сквозь шипение чей-то голос. Рокот сразу стал громче и объемнее.

— Ну что? — Чепурной обратился к Вольво, Инси и Парду. — Готовы?

Пард развел руками и ничего не сказал.

— Значит, посадку на Выставке вы гарантируете? — продолжал допытываться Чепурной. Почему-то он был очень обеспокоен вопросом посадки в пределах Большого Киева.

— Без сомнений, — заверил Вольво. — Там есть большая площадка, за павильонами резерва, она всегда пустует, сколько я себя помню. — Вирг задумчиво потер щеку. — А с Выставкой я сейчас связаться могу?

— В принципе можно попробовать — некоторые системы дальней связи совместимы с вашими, киевскими...

Из темноты тут же появился Халькдафф.

— Точно совместимы, я же с вами сколько раз связывался со «Стремительного»... — подтвердил он.

К Парду приблизился Гонза, нервно дергая кепочку на макушке и шевеля потрясающими гоблинскими ушами.

— Ну и грохот, шахнуш тодд... Оглохнуть можно.

Пард приобнял Инси и вздохнул.

— Терпи, друг-гоблин... Вот она, обратная сторона успеха...

— Ты что, жалеешь? — удивился Гонза. — Я — нет.

— Я тоже нет, — успокоил его Пард. — Просто вот думаю: не загорись мы идеей похода в Крым, что бы мы сейчас делали? Таскали бы шалтару с Судером через Москву на Урал? Под видом сахара... Или торчали бы в Николаеве не у дел?

Гонза только неопределенно шевельнул ушами. И впрямь — кто мог дать ответ на этот вопрос? Уже никто.

Вольво ушел в здание с двумя встречавшими людьми, Чепурной снова с кем-то оживленно беседовал по телефону. Команда тесной группкой стояла чуть поодаль; Пард с трудом различал отдельные силуэты. Вон те, невысокие — это, понятно, гномы. А вон и саперы-хольфинги, которые еще ниже...

Вскоре Вольво вернулся.

— Надо же, связались с Выставкой! — сообщил он не без удивления. — Я с Тимом поговорил, поляна за резервом пустует, слава жизни. Сразу все в па-

вильоны и перетаскаем. Думаю, и мастерские откроем прямо там, чего с места на место дергаться?

Подошел Чепурной.

— Порядок, да? — спросил он.

— Полный! — подтвердил Вольво. — Место под посадку по-прежнему чисто.

— Ну и славно. Я тут уточнил, ваша команда полетит в одном вертолете, я решил не дробить. Просто к транспортникам прицепим сопровождение — с десятков боевых и десятков пассажирских, благо есть свободные.

— Боевые? — удивился Пард. — А что, возможны неприятности?

Чепурной развел руками:

— В Чонгаре по-прежнему шастают броненосцы. Кто знает, чего от них ожидать? Пилоты будут держать высоту, но я предпочел перестраховаться и дать в сопровождение боевые вертолеты. Спокойнее, и все такое.

Вольво кивнул и перескочил на другую тему:

— Ваших спецов я поселю прямо на Выставке... Бюс! — Вольво обернулся и позвал гнома. Тот немедленно приблизился. — По прибытии займись расселением крымчан; поднимешь Шпилевого, из гостиницы всех к чертям... Да, и эту... как ее... сантехнику менять придется в первые же дни, так?

— Так, — подтвердил Чепурной. — Там все испортится сразу по посадке...

— Вот пусть ваши спецы на гостинице и потренируются — поставят свою, а потом сами же там и живут.

— Jawohl, Chef, — басом ответил гном. — Со Шпилевым я все решу. Да и с сантехниками я уже переговорил...

— А дома точно выдержат? — недоверчиво спросил из темноты Роелюфсен. — Не развалятся, как мы сядем в пределах Киева?

— Выдержат, — успокоил его Чепурной. — Дома — они и в Киеве дома. Основательные вещи. Они лет по пятьдесят простоят в состоянии... если следить, конечно. А вот проводку и сантехнику менять придется сразу же, я как-то проверял...

— Даже так? — удивился Вольво. — Странно, что мы не заметили.

— Киев-то большой... Да, а с охраной Выставки как? — уточнил напоследок Чепурной.

— Этим займутся эльфы. Иланд знает толк в подобных делах. И пожалуй, отдам-ка я ему Зеппелина под начало...

— Правильно! — похвалила Инси. — Еще и вирги к нам поближе будут...

— Вирги и так были бы поближе, — ревниво возразил Вольво.

Инси хмыкнула:

— Ты не путай себя и Зеппелина. Ты — величина, большой живой. А Зеппелина на Выставке каждая собака знает; когда он там появляется, даже воришки из Голосеевки ходят смирные. По струнке прямо ходят. И пока ты из своих заоблачных высей спустишься, Зеппелин по-своему уже все решит и устроит. Да и найдется ли у тебя время отвлекаться на разные мелочи?

Из здания с двумя картонными коробками вышел помощник Чепурного.

— Вот, — сказал он, чуть приподнимая ношу. — Это компьютеры, «Ай-Петри», аналоги ваших «Рух-про».

— Ага, спасибо... — Пард взял одну из коробок, Халькдафф — другую.

Кто-то шустрый возник из темноты, отыскал Чепурного, что-то шепнул и так же быстро растворился в разбавленном мраке крымской аэродромной ночи.

— Ну, — сказал Чепурной решительно, — все готово. Пора!

Их вывели на летное поле. Асфальт почему-то закончился, едва они отошли от дома с башенками, и под ногами зашуршала трава. Десятки громадных, больше грузовика, пузатых машин стояли рядами на поле. Над каждой медленно вращался винт-пропеллер; именно двигатели вертолетов и рождали мерный, издали слышимый рокот.

Перед одной из машин Чепурной остановился. Справа в обширном пузе летающей диковины открылась маленькая дверца и опустилась аккуратная ажурная лесенка. Внутри машины вспыхнул свет, рванулся из иллюминаторов наружу, бросил желтые блики на траву рядом с толстыми резиновыми колесами и длинными змеями шлангов.

— Сюда, пожалуйста!

Чепурной взял Вольво за рукав и что-то негромко стал ему втолковывать, а Инси вдруг толкнулась губами Парду в ухо. Дыхание ее пощекотало кожу на щеке.

— Пард... Я хочу, чтобы ты знал... Я беременна.

Пард даже остановился; сзади на него налетел Гонза.

— Да-а? — протянул Пард, голос у него моментально стал поразительно глупым.

— Пойдем. — Инси потянула его к вертолету, к лесенке. — Ну пойдем же...

И засмеялась. И Пард тоже заулыбался — глупо и счастливо.

Команда грузилась в вертолет, рассаживалась в кресла, парами застывшие у стен. Кто-то выглядывал в иллюминатор, кто-то с азартом осматривал внутренность вертолета, кто-то вздохнул: «Прям как в автобусе...»

Пард и Инси задержались у лесенки, дожидаясь Вольво. Наконец Чепурной отпустил его и теперь отвел в сторону Парда.

— Ну что, человек... С момента посадки на Выставке ты становишься Техником Большого Киева. И дел у нас с тобой будет неувпоровот...

— Я уже понял... — вздохнул Пард. Он вспомнил слова Инси; действительно, придется стать Техником несколько раньше, чем он предполагал... Ей скоро станет не до техники.

А у вертолета Вольво подозрительно покосился на Парда и спросил у Инси:

— Ты что, сказала ему? Какой-то он пришибленный стал...

— Сказала, но не все. Только о ребенке.

— А он что, не знает, что женщина-лонгер может зачать только от мужчины-лонгера?

Инси отмахнулась:

— Ну откуда ему это знать? Кто вообще в Киеве хоть что-нибудь знает о лонгерах? Кроме самих лонгеров?

Вольво покачал головой:

— Мне кажется, лучше все-таки сказать...

— Нет, — убежденно сказала Инси. — Не нужно. Когда-нибудь узнает сам, а пока пусть думает, что у него совсем мало времени. Пусть спешит. Он ведь горы своротит, если будет убежден, что ему отпущено от силы лет тридцать — сорок...

— Это жестоко.

— Это не жестоко, Вольво. Обратное было бы жестоким, а это — просто необходимость...

— Вспомни, как он отнесся к обману. Он не терпит лжи.

— Это будет наша самая последняя ложь, — пообещала Инси. — И самая сладкая...

Видя, что Чепурной и Пард жмут друг другу руки, лонгер Инси и вирг Вольво поднялись в вертолет. А когда в дверях появился человек Пард, Инси приглашающе махнула рукой:

— Сюда, Пард! Сюда, Техник Большого Киева... И — добро пожаловать домой!

Шофер вертолета — который, кстати, назывался пилотом — задраивал овальную дверь, похожую на обычный гермолюк. Впрочем, дверь скорее всего и была обычным гермолюком. Другой пилот из кабины что-то говорил в микрофон, позади о чем-то негромко шептались Гонза и Вольво, а Пард обнял Инси и бережно прижал к себе.

Рокот стал громче и выше, а потом вертолет дрогнул, и огни в иллюминаторах провалились куда-то вниз.

— Шахнуш тодд! — знакомо выругался Гонза и принялся мять в ладонях мемориальную кепочку. — Эта штука действительно летает! Поверить не могу!!

39

Чогори — Сагарматха

Было еще темно, когда они пересекли границу Большого Киева. Пард глядел на море огней, простершееся от горизонта до горизонта. А потом он глядел, как внизу, там, где пролетали вертолеты, огни гаснут, гаснут один за одним, образуя широкую темную полосу посреди моря городской иллюминации.

И ему показалось, что где-то глубоко под землей в агонии забилась бездушная Система, осознав, что потерпела поражение.

А вертолеты без устали летели на север.

Москва — Николаев,
Февраль — август 1997.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Команда Вольво

Иланд и Вахмистр — эльфы-стрелки.
Вася-«Секс» — черный орк, специалист по замкам и охранным системам, шофер.
Мина и Беленький — полугномы-саперы, хольфинги.
Бюскермолен, Реллофсен — чистокровные гномы из Карпат, профессиональные загонщики-машиноловы.
Трыня — половинчик, загонщик.
Жор — половинчик, повар.
Банник, Лазука, Ас — шофера-люди.
Тип-Топыч — шофер-орк.
Зеппелин — полувирг-загонщик.
Олесь Вольво — вирг, специалист по диким грузовикам.
Инси — девушка-человек, секретарша Вольво.
Валентин и Сергей — полуэльфы-техники-загонщики, группа Вольво.
Михай — полуорк-полувирг, чрезвычайно редкое сочетание, и

Саграда — орк-метис, оба — загонщики второй волны.

Гонза Аранзабал — гоблин-техник.

Пард Замариппа — человек-техник.

Халькдафф Ивилл Эндевор — эльф, техник-одиночка, отлученный коллегией техников Киева.

2. Выражения:

«Как с плохой наукой машина» — сравнение, когда хотят сказать, что с чем-нибудь непорядок.

«Живой» — обычное обращение к представителю любой расы. Нейтрально.

«По-живому» — означает «по-хорошему, «по-доброму».

«Шади» — презрительное название людей (орч.)

«Ахташ» — обычное название людей, не обидн. (орч.)

«Шахнуш тодд» — вислые уши, расхожее ругательство (гобл.)

«Хуммм!» — выражение общего восторга.

3. Комментарии к высказываниям гномов.

(Консультант по гномьим языкам —
Татьяна Веремеенко).

— Also! Beweg dich, mach Platz! Guck nur mal, wie man sich da breitgemacht hat!

— Давай, давай, потеснись! Расселись, понимаешь...

— Pass auf, Kerl, wir beginnen! Reg die Pfoten!

— Начинаем, братец... Шевели лапами.

«Drossle den Motor ab!»

«Заглуши двигатель!»

— Durch's Fenster! Durch's Fenster, Roel! So schlage doch es zum Teufel ein!

— В окно! В окно, Роел! Да вышибай ты его ко всем чертям!

«Buskermolen poliert die Fresse».

«Бюскермолен даст по морде».

— Ich tue alles, Chef. Falle im Kampf.

— Я все сделаю, шеф. Костями лягу.

— Jawohl, Chef. Ich habe verstanden!

— Хорошо, шеф. Я понял.

Verzeih uns, Leben!

Прости, жизнь!

— Bis bald also, Tangaren!

— До встречи, тангары.

— Hilf uns, Vater-Tangar!

— Помоги нам, отец-тангар...

— Trockne dich, Meer, Himmelsfeuer aus!
Trockne aus, Himmelsfeuer, alle Meere in der
Welt! Die ublichen Lebendigen brauchen nicht
so viel Wasser zugleich! Ich hasse Wasser!!!

— Высуши тебя, море, небесный огонь! Вы-
суши, небесный огонь, все моря на свете!
Нормальным живым ни к чему столько воды
сразу! Ненавижу воду!!!

— Hmmm! Vorsicht! Sahte, Kerl! Es ist
Buskermolen hier, aber kein Sandbeutel doch!

— Хехх! Полегче, полегче, приятель! Здесь
Бюскермолен, а не мешок с песком все-
таки...

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

❖ *Любителям “крутого” детектива — собрания сочинений Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова и суперсериалы Андрея Воронина “Комбат” и “Слепой”.*

❖ *Поклонникам любовного романа — произведения “королев” жанра:*

Дж. Макнот, Д. Линдсей, Б. Смолл, Дж. Коллинз, С. Браун — в книгах серий “Шарм”, “Очарование”, “Страсть”, “Интрига”.

❖ *Полные собрания бестселлеров Стивена Кинга и Сидни Шелдона.*

❖ *Почитателям фантастики — серии “Век Дракона”, “Звездный лабиринт”, “Координаты чудес”, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.*

❖ *Популярнейшие многотомные детские энциклопедии: “Всё обо всём”, “Я познаю мир”, “Всё обо всех”.*

❖ *Школьникам и студентам — книги из серий “Справочник школьника”, “Школа классики”, “Справочник абитуриента”, “250 “золотых” сочинений”, “Все произведения школьной программы”.*

Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.

А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. “Книги по почте”.

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства “АСТ” по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.

Татарская, д. 14. Тел. 235-3406.

Звездный б-р, д. 21. Тел. 974-1805

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

**ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ**

**СЕРИЯ "ХРОНИКИ
ВЕКА ДРАКОНА"**

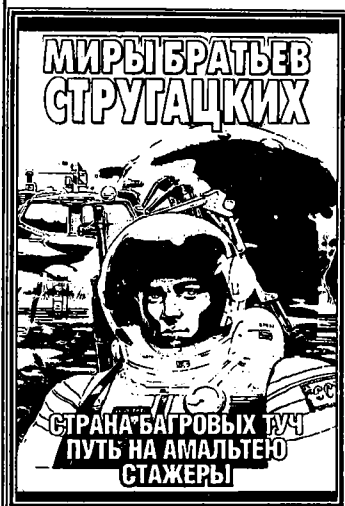
Век Дракона
Хроники

"Хроники Века Дракона" — истинный подарок для тех поклонников литературы фэнтези, которым жаль расставаться с полюбившимися героями и мирами. В этой серии мы представляем вам циклы произведений признанных мастеров жанра — Терри Брукса, Глена Кука Ричарда Кнаака, Стивена Дональдсона, Гордона Диксона, Кристофера Паули и многих других. Новые приключения хорошо знакомых персонажей, новые опасности и победы...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

**ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ**

**СЕРИЯ
"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"**

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества",

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир

**Охота на дикие грузовики,
или Техник Большого Киева**

Редактор В. Каплан

Компьютерный дизайн А. Сергеев

Технический редактор Н. Хотулева

Подписано в печать с оригинал-макета 09.04.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Усл. печ. л. 26,04. Тираж 10 000 экз.

Заказ 0504.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Фирма «Издательство АСТ»

Лицензия 06 ИР 000048 № 03039 от 15.01.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST@POSTMAN.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

В Большом Киеве — несомненный прогресс: метро, славное орками-машинистами, доросло уже до эльфийского района Голосеевка. В такой высокотехнологической ситуации маги-техники, безусловно, идут на ура... и услуги одного из них экстренно понадобились донецко-луганской общине гномов. Только вот зачем многоопытный, дорогостоящий Пард угледобытчикам? Как-то подозрительно. Особенно — учитывая, что за ним явно следят. Особенно — учитывая, что знаменитый вервольф Вольво за слишком высокую цену нанимает Парда на сомнительную охоту на дикие грузовики...

ISBN 5-237-00412-1

9 785237 004120

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Ы Й